

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИИ–2025

Сборник статей по материалам
V Международного научного онлайн-форума

25–28 февраля 2026 г.

2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Институт общественных наук Белграда
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби
Институт социологи ФНИСЦ РАН
Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Российское общество социологов
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Южный федеральный университет

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИИ – 2025

Сборник статей по материалам
V Международного научного онлайн-форума
25–28 февраля 2026 г.

Белгород 2026

УДК 316
ББК 60.5
Н 34

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (протокол № 4 от 15.04.2026)

Рецензенты:

М. В. Певная, доктор социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой социологии и социальных технологий управления
Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

С. Д. Лебедев, кандидат социологических наук, доцент,
руководитель лаборатории «Социология религии, культуры и коммуникаций»
кафедры социологии и организации работы с молодежью НИУ «БелГУ»

Н 34 **Научные результаты социологии – 2025: сборник статей по материалам V Международного научного онлайн-форума, 25–28 февраля 2026 г. /**
отв. ред. И.С. Шаповалова. – Белгород: ЦПП НИУ «БелГУ», 2026. – 377 с. –
URL : <http://dspace.bsuedu.ru/handle/123456789/66715>. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-9571-4076-4

Социологическая наука и практика охватывает все области жизни, ежегодно прирастая новым знанием, в котором есть ответы на актуальные вопросы и вызовы, есть решения для задач и выходы из проблем, есть новые Научные результаты. Социология, наверное, самая быстро реагирующая на любые социальные, экономически и политические изменения научная отрасль. Новые знания формируют уже новые ее ступени, на которые ученые и практики опираются, организуя свою исследовательскую деятельность. Поэтому так важен научный диалог, трансляция новых результатов в научном сообществе социологов. Миссия международного научного онлайн форума – это поиск таких научных результатов и предоставление возможности их демонстрации и ознакомлению с ними отраслевого сообщества. В сборнике статей представлены некоторые итоги его работы, которые могут быть полезны ученым, практикам, государственным и муниципальным служащим, студентам и аспирантам.

Минимальные системные требования
Yandex (20.12.1) или Google Chrome (87.0.4280.141) и т. п.
скорость подключения – не менее 5 Мб/с, Adobe Reader и т. п.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-9571-4076-4

© НИУ «БелГУ», 2026

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ИНСТИТУТОВ RESEARCH RESULTS IN THE STUDY OF SOCIAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

Кононова Д. С. Возвратная миграция соотечественников, проживающих за рубежом, в Российскую Федерацию: актуальные тенденции	7
Пацеева А. Г. Интерпретация результатов лабораторных анализов как составляющая грамотности в вопросах здоровья молодежи	14
Чернавский А. С. Постчеловеческая публичная сфера и современная политическая коммуникация в эпоху «предчувствия» AGI	20
Шульга В. В., Щепка И. В. Дистанционное обучение и его влияние на социализацию: опыт студентов ДГУЮ Минюста России в условиях СВО	28

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ RESEARCH RESULTS IN THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Аманиязов Г. Я., Аманиязов А. Я. Удаленная работа как фактор социальной дезинтеграции: эрозия социальных связей и атомизация профессиональных сообществ	37
Виниченко В. А., Непомнящих А. А. Кто я в команде: как изменились роли в смежных поколенческих средах	43
Заборова Е. Н. Анализ практики региональных властей по выбору критериев отнесения поселения к типу города	52
Кангина Е. Н. Типы и уровни вовлеченных горожан в «умном городе»: экспертное интервью.....	60
Савеличева И. Н. Образ политического лидера в современных геополитических условиях	68

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ RESEARCH RESULTS IN SOCIOLOGY CULTURES AND RELIGIONS

Алексушин Г. В. Пересмотр подхода к ряду революционных процессов с точки зрения теоретических исследований П.А. Сорокина.....	75
Зимова Н. С. Трудовые ценности поколения Z как фактор изменения организационной культуры	80
Карпова Н. В., Ленков Р. В., Мельникова П. Е. Современный кинематограф как технология трансляции политико-культурных традиций	88

Логунова Л. Ю., Уткина А. Н. Современные праведники: проблема социальной не востребоваемости человеческого ресурса	97
Лунева Е. В., Мехнин А. М., Бобкова Н. Д. Исследование мира повседневности подростков с помощью геймифицированного опроса (на примере подростков г. Кургана)	106
Морозова М. В. Теория поколений как прикладной инструмент в эпоху мета- и цифромодерна: систематизация исследовательских и практических возможностей	113
Солтагиреев Т. Б. Аутентификация башенных сооружений Чечни как феномена этнической культуры	122
Фомин Е. В., Хробостов С. Д. Применение метода латентного размещения Дирихле в исследовании гражданской религии	132
Шамурзаев Т. Т. Экстремистская активность молодежи	139
Штырев М. М., Кирильченко А. А., Поварова Е. А., Драчева П. И. Особенности восприятия Международного женского дня в современном российском обществе	145

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В СОЦИОЛОГИИ МОЛОДЁЖИ RESEARCH RESULTS IN YOUTH SOCIOLOGY

Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии как отражение демографической культуры молодежи	152
Ковальчук О. В. Общественные стратегии молодежи с ограниченными возможностями здоровья (по материалам эмпирического исследования)	160
Махмутова К. А. Добровольческие практики региональной молодежи	169
Плюшкевич О. А. Структура поля социальной активности студенческой молодежи	175
Рахмонов А. Х. Адаптация молодежи из Таджикистана в странах ОЭСР: траектории перехода от образовательной миграции к трудовой занятости	181

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ RESEARCH RESULTS IN SOCIOLOGY OF EDUCATION AND SCIENCE

Гарипова З. Ф. Инклюзивное образование в региональном измерении: барьеры, оценки родителей и пути преодоления (на примере Республики Башкортостан)	188
Грицаенко Г. И., Грицаенко И. Н. Роль университета в формировании человеческого капитала региона: взгляд студентов	194
Зарипова Г. Р., Мигунова Ю. В. Дополнительные образовательные практики школьников Республики Башкортостан: подготовка к экзаменам и внеурочная деятельность в региональном разрезе	201

Рыбакова М. В., Пивоварова М. Б. Формирование мотивации молодежи к научной деятельности в системе управления наукой.....	211
Селиванова С. С. Кадровые проблемы современной школы и их территориальная специфика (по материалам социологического исследования)	219
Соколова О. А. От «тихого зала» к «третьему месту»: эволюция восприятия функций университетской библиотеки в студенческой среде (по результатам эмпирического исследования в НГПУ).....	225
Столь А. В. Характеристика условий для образования и развития в Республике Башкортостан в оценках участников образовательных отношений: итоги социологического исследования 2025 г.	233

«МАСТЕРСКАЯ НАУКИ» ФОРУМА
YOUNG SCIENTISTS OF THE FORUM

Иванова М. Ю. Диалектика социальных процессов: анализ права прогресса и регресса	241
Карякин С. А. Потенциал шахматного спорта в формировании у молодежи ценностей национального развития	247
Корсаков А. Н. Карьерные траектории иностранных выпускников российских вузов: методологические подходы в изучении	255
Марченков Е. С. Цифровая идентичность и социальные практики молодежи в условиях платформенной экономики: сравнительный анализ	261
Поскрякова Э. В. Модель управления процессами формирования профессиональной идентичности будущих специалистов в СПО.....	267
Скупов М. В. Ценности и практики корпоративной культуры девелоперского холдинга: анализ противоречий.....	275
Чернышев Р. А. Трансформация советского наследия: социальные технологии репрезентации и адаптации общественных пространств постсоветских мегаполисов	283
Шипицын С. А. Гражданское участие в городском благоустройстве: социологический анализ практик взаимодействия горожан и органов власти	294

НАУЧНАЯ «ПЕСОЧНИЦА» ФОРУМА
YOUNG SCIENTISTS OF THE FORUM

Ермолаева А. И. Трансформация ценностных ориентаций молодой работающей женщины	304
Захарова А. Р. Миграционные установки и практики региональной молодежи	312

Золотарев Д. А. Ценностные ориентации и гражданская идентичность молодежи приграничного региона (на примере Белгородской области)	321
Семченко А. М. Патриотизм в контексте стратегического развития молодёжи	333
Строкатова К. В. Современный взгляд на гражданскую идентичность молодежи Белгородской области.....	338
Удовиченко О. Ю. Развитие творческого потенциала молодежи в Белгородской области	344
Чекашкина В. С. Электоральное поведение молодежи: факторы политической апатии и новые инструменты мобилизации	350
Шаповалов Д. А. Мотивация выбора профессии выпускников медицинских образовательных учреждений	356
Шаповалов М. А. Предпринимательский потенциал студентов управленческих направлений подготовки	366

**НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
В ИССЛЕДОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ И ИНСТИТУТОВ
RESEARCH RESULTS IN THE STUDY
OF SOCIAL PROCESSES AND INSTITUTIONS**

**ВОЗВРАТНАЯ МИГРАЦИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ,
ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ, В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ:
АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ**

Кононова Дарья Сергеевна,

Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, (Екатеринбург, Россия)
konon99@bk.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа трансформационных процессов в сфере возвратной миграции соотечественников в Российскую Федерацию в 2024-2025 годов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оперативной оценки эффектов институциональных изменений Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом последних лет. Целью работы является установление ключевых тенденций в возвратной миграции на основе сравнительного анализа официальных статистических данных Министерства внутренних дел Российской Федерации за IV кварталы 2024 и 2025 годов. Методологическую основу составил сравнительный анализ документов. В результате исследования зафиксировано парадоксальное снижение первичного спроса (количества поданных заявлений), а также рост доли репатриантов и увеличение миграционного потока из стран дальнего зарубежья (Германия, страны Балтии). Сделан вывод о постепенной трансформации Государственной программы из инструмента массового привлечения трудовых ресурсов из стран СНГ в механизм этнической и политической репатриации, что требует корректировки подходов к адаптации и интеграции переселенцев.

Ключевые слова: возвратная миграция; соотечественники; Государственная программа; реинтеграция; страны ближнего и дальнего зарубежья

**RETURN MIGRATION OF COMPATRIOTS LIVING ABROAD
TO THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT TRENDS**

Daria S. Kononova

Ural institute of Management – Branch of the Russian Presidential academy of national economy
and public administration
(Ekaterinburg, Russia)
konon99@bk.ru

Abstract. The article presents the results of an analysis of transformational processes in the field of return migration of compatriots to the Russian Federation in 2024-2025. The relevance of the study is due to the need for an operational assessment of the effects of institutional changes in the State Program to facilitate the voluntary resettlement of compatriots living abroad in recent years. The aim of the work is to identify key trends in return migration based on a comparative analysis of official statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the fourth quarters of 2024 and 2025. The methodological basis was a comparative analysis of the documents.

As a result of the study, a paradoxical decrease in primary demand (the number of applications submitted) was recorded, as well as an increase in the proportion of repatriates and an increase in the migration flow from non-CIS countries (Germany, the Baltic states). The conclusion is drawn about the gradual transformation of the State Program from a tool for mass recruitment of labor resources from the CIS countries into a mechanism of ethnic and political repatriation, which requires an adjustment of approaches to the adaptation and integration of migrants.

Keywords: return migration; compatriots; State program; reintegration; countries of the near and far abroad

Введение. В текущих социально-политических условиях и структурной трансформации глобальных рынков труда эффективное функционирование миграционными процессами, а также вклад в человеческий капитал приобретает характер стратегических приоритетов для многих развитых стран. Актуальна данная проблематика и для Российской Федерации – в настоящее время можно наблюдать новые контуры миграционной реформы и перестройка ее целей в сторону обеспечения национальной безопасности.

Российская Федерация находится в эпицентре сложных миграционных взаимодействий, где с одной стороны, страна сталкивается с вызовами интеграции иностранных трудовых мигрантов (Евтушенко и др., 2024: 70), с другой – обладает значительным потенциалом возвратной миграции. По различным экспертным оценкам, за пределами России постоянно проживает от 10 до 40 миллионов соотечественников, которые представляют собой важнейший ресурс для компенсации естественной убыли населения и восполнения дефицита квалифицированных кадров в ключевых секторах экономики (Воробьева, 2025: 8).

В качестве основного институционального механизма, который направлен на стимулирование возвратной миграции, можно назвать Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Государственная программа), которая реализуется в Российской Федерации с 2006 года. Однако эффективность данного инструмента в условиях постпандемийной реальности и кардинальной трансформации международного контекста требует перманентного мониторинга и концептуального переосмысления. Государственная программа вместе с тем находится также в процессе институциональных изменений в части подходов и критериев к возвратным мигрантам-соотечественникам. К примеру, добавлена новая категория «репатрианты», смягчены требования к сдаче экзамена по русскому языку для ряда категорий соотечественников, а также расширения полномочия региональных органов власти по выделению финансовых мер поддержки. Можно предположить, что законодатель считает, что данные меры могут повлиять на социально-демографический профиль и мотивационный фактор возвратных мигрантов.

Переходя к обзору современных исследований, стоит отметить, что в последние годы возвратная миграция является отдельным направлением научного дискурса, по крайней мере, в зарубежной литературе. К примеру, считается, что возвращение мигрантов с накопленным социальным, человеческим

и экономическим капиталом может стать позитивным катализатором изменений в стране исхода (Rajan, 2023: 8).

Исследование опыта индийских медицинских сестер, вернувшихся из стран Персидского залива, показывает, что сформированная профессиональная идентичность, условия труда и карьерные траектории влияют не только на решение о возвращении, но на повторное желание вернуться в более благополучную экономическую обстановку (Tsujita et al., 2023: 92). Аналогичная ситуация фиксируется в Непале: человеческий капитал, приобретенный за годы проживания за рубежом, определяет пост-адаптационные стратегии занятости и социальной мобильности в родной стране (Thapa Magar et al., 2025: 101).

Вопросы реинтеграции после возвращения в родную страну показывают феномен «ностальгии по стране миграции», что осложняет психологическую адаптацию в родной стране (Parutis, 2026: 35). Результаты масштабного сравнительного анализа траекторий возвратных мигрантов в Непале, Таиланде и Молдове подчеркнул их неоднородность пост-реинтеграционного опыта, усиление социального неравенства (Sugden et al., 2025: 132).

Проведенный контент-анализ миграционной политики Ганы показывает слабую конкретизацию влияния миграции на стратегическое государственное управление, что снижает эффективность проводимой политике по возвратной миграции. Данное исследование указывает на складывающееся противоречие между декларативным признанием важности возвратной миграции и слабой проработкой инструментария поддержки и стимулирования (Kutor et al., 2025: 32).

Проблемы встраивания соотечественников в экономические и социальные структуры российского общества рассматриваются и российскими авторами (Красинец, 2022: 107). Фиксируются пространственные особенности переселения соотечественников: в приграничных областях (Шахова и Щеглова, 2021: 43), а также в промышленном регионе (Долженко, 2021: 178). Изучается вопрос адаптации и интеграции мигрантов, в том числе в контексте возвращения соотечественников и возможности получения земельных участков (Винокурова и др., 2023: 40).

В продолжении изучения темы социальной адаптации мигрантов, стоит отметить, современные исследования российских социологов, изучающий в целом данную проблематику. Осмысление процесса социальной адаптации мигрантов в российском обществе остается в фокусе внимания российских социологов (Леденева, 2024: 305; Бритвина, 2024: 91).

Российскими социологами сформировало направление изучения возвратной миграции в странах СНГ: Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Значительное количество иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность в России, соответственно, значителен поток возвратной миграции. Авторами рассматриваются факторы возвращения, экономические стратегии после переезда, а также существующие проблемы социальной реинтеграции и устойчивости после возвращения (Осадчая, 2024: 72; Раимдодов, 2023: 95; Юдина, 2024: 223). Отдельное внимание уделяется потенциалу диаспор для поддержки мигрантов (Осадчая, 2023: 210).

Исследуются вопросы проводимой политики поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Отдельные работы обращаются к социологической оценке эффективности мер поддержки непосредственно молодыми соотечественниками (Васильева, 2022: 83).

Несмотря на изученность вопроса возвратной миграции, актуальность обращения к данной теме обусловлена необходимостью проведения оперативной оценки трансформации социального процесса возвратной миграции на фоне институциональных преобразований Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. В качестве гипотезы исследования можно отметить предположение, что в краткосрочной перспективе институциональные изменения не дали ожидаемого притока увеличения численности возвратных мигрантов-соотечественников.

Методология и методы исследования. В исследовании используется метод анализа документов – официальных статистических данных, публикуемых Министерством внутренних дел Российской Федерации в части реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом.

Методологический инструментарий включает сравнительный анализ, который позволяет проанализировать происходящие изменения в рамках процесса возвратной миграции. Ключевым ограничением является отсутствие подробной описательной части к проводимому мониторингу, благодаря которому можно выявить изменения механизмов государственного управления процессов возвратной миграции (отчеты преимущественно представлены в графическом виде). Также в отчетах последних лет не конкретизированы социально-демографические характеристики соотечественников, что не позволяет в полной мере сформировать представление о данной категории возвратных мигрантов.

Научные результаты и дискуссия. Проведенный анализ позволяет выявить ряд актуальных тенденций возвратной миграции за последние два года.

Зафиксировано падение интереса соотечественников к возвратной миграции, несмотря на либерализацию критериев участия, о которых было сказано выше. Однако статистические данные за IV квартал 2025 года демонстрируют отрицательную динамику основных индикаторов – снизилось количество принятых заявлений об участии – с 4,6 тыс. единиц в 2024 году до 3,9 тыс. единиц в 2025 году. В IV квартале 2025 года количество заявлений от репатриантов, на стимулирование которых была направлена новая льготная процедура, также сократилось в 1,5 раза по сравнению с IV кварталом 2024 года. При этом, соотечественники, как правило, стараются подать заявления до наступления «Нового года» в качестве дополнительного страхования своей возможности участия в Государственной программе. Существующая динамика может сообщать о наличии временного лага между принятием нормативных изменений и реакцией целевых групп, либо о недостаточной эффективности

коммуникационной стратегии. Возможно, падение интереса говорит о неучитываемых институциональных барьерах, которые нивелирующих эффект от упрощения правил.

Большинство прибывающих возвратных мигрантов – представители стран ближнего зарубежья. Казахстан остается своего рода доминирующим «донором» – именно из данной страны переезжает подавляющее большинство соотечественников. На фоне потрясений начала 2024 года снижается приток соотечественников из Таджикистана. Возвратная миграция из Армении, Киргизии и Узбекистана не показывает особых изменений. Существенный рост доли Туркменистана (до 10%) может быть интерпретирован как следствие ухудшения социально-экономической ситуации в самой Туркмении, что потенциально доказывает, что у представителей стран ближнего зарубежья доминируют скорее экономические факторы возвращения.

Продолжается тренд на возвратную миграцию из стран дальнего зарубежья. К примеру, в 2024 году доля прибывших из стран Балтии была символической, а из Германии только начала фиксироваться. В IV квартале 2025 года ситуация претерпела качественные изменения. Особенно репрезентативным представляется анализ гражданства переселившихся репатриантов: доля лиц, имеющих гражданство Германии и других стран Европейского союза, более не является маргинальной. Можно предположить, что детерминантами переезда являются факторы политической и этнокультурной идентичности (неприятие политического курса, стремление к сохранению культурной и языковой среды).

Наличие интереса к возвратной миграции не только у представителей стран ближнего, но и дальнего зарубежья влияет на социальный портрет возвратного мигранта: это не столько «трудовой мигрант», сколько политический или этнический репатриант, что требует принципиально иных подходов к адаптации и интеграции в российской практике управления.

Важным наблюдением стала модификация возрастной структуры переселенцев в 2025 году. Доля лиц трудоспособного возраста снизилась с 73,0% до 63,9%, в то время как доля несовершеннолетних незначительно выросла с 21,0% до 23,7%. Сокращение доли трудоспособного контингента косвенно свидетельствует об увеличении доли лиц пенсионного возраста в структуре потока. Происходит активизация миграционных настроений среди представителей старшего поколения стран дальнего зарубежья, переезжающими целыми семьями либо индикаторами снижения привлекательности программы для экономически активных молодых людей, которые еще не создали семью.

Заключение. Сравнительный анализ официальных статистических данных показывает, что за период 2024-2025 году социальный процесс возвратной миграции соотечественников находится в процессе одновременной и реструктуризации и стагнации. Гипотеза исследования подтвердилась: смягчение отдельных требований и возможностей получения мер поддержки в региона в настоящее время не принесли желаемого эффекта роста возвратной миграции соотечественников. Миграционный поток соотечественников

реагирует нелинейно на институциональные изменения, что говорит о необходимости применения гибких форм работы (коммуникационной и административной) с данной категорией.

Растущая возвратная миграция соотечественников из стран дальнего зарубежья (Германия, стран Балтии) говорит о формировании новую, более мотивированную, но и более сложную в аспекте социокультурной адаптации социальной группы переселенцев. Государственная программа постепенно утрачивает функцию массового привлечения трудовых ресурсов из стран ближнего зарубежья и трансформируется в инструмент этнической и политической репатриации. Снижение потока соотечественников из Таджикистана на фоне увеличения представителей «западных стран» выступают маркерами данной трансформации.

В качестве перспективных направлений исследований можно выделить:

- 1) анализ мотивационных структур и реинтеграции соотечественников из стран дальнего зарубежья;
- 2) оценку влияния региональных мер поддержки на перераспределение миграционных потоков;
- 3) исследование институциональных барьеров, препятствующих росту числа заявлений на фоне расширения преференций.

Список литературы

Бритвина И. Б., Шумилова П. А. Социальное управление в сфере культурной интеграции мигрантов из стран Центральной Азии в российское сообщество // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С. 88-101. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-88-101.

Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Нужна ли наша поддержка молодым российским соотечественникам, проживающим за рубежом? // Управленческое консультирование. 2022. № 2(158). С. 81-92. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-2-81-92. EDN: BJSYPW.

Винокурова А. В., Ардалянова А. Ю., Сердюков К. Н. «Новые дальневосточники» в принимающем региональном сообществе: социологический анализ (на материалах Приморского края) // Восточный вектор: история, общество, государство. 2023. № 2. С. 38-47. DOI: 10.18101/2949-1657-2023-2-38-47.

Воробьева О. Д., Субботин А. А. Репатриационный потенциал России: анализ оценки экспертов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2025. Т. 5, № 4. С. 8-24. DOI: 10.19181/demis.2025.5.4.1. EDN: BYXNPM.

Долженко Р. А., Антонов Д. А. Миграции населения в Свердловской области: проблемы и решения // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 175-189. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.14.

Евтушенко А. Э., Чевтаева Н. Г., Кононова Д. С. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда // Вопросы управления. 2024. Т. 18, № 5. С. 69-87. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-69-87. EDN: SOGZHW.

Красинец Е. С. Возвратная миграция в Россию: тенденции прошлого и реалии настоящего // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 1. С. 105-117. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.9. EDN: FIMZOE.

Леденева В. Ю., Назаров Р. Р. Социологический анализ адаптации узбекских мигрантов на московском рынке труда в условиях интеграции с ЕАЭС // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17, № 3. С. 300-316. DOI: 10.21638/spbu12.2024.303.

Осадчая Г. И., Волкова О. А., Оставная А. Н. Возвратная миграция в Кыргызскую Республику: факторы и оценка положения // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17, № 1. С. 71-88. DOI: 10.17213/2075-2067-2024-1-71-88.

Осадчая Г. И., Вартанова М. Л. Оценка потенциала диаспоры в формировании социально-экономического благополучия мигрантов из Армении в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16, № 6. С. 208-222. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.12. EDN: WLPUDF.

Раимдодов У. С., Шарипова А. Г., Солиева Л. Ф. Возвратная миграция в Таджикистан: реалии настоящего и тенденции // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2023. № 2(80). С. 94-107. EDN: EOZPNR.

Шахова Е. В., Щеглова Д. К. Изучение процессов возвратной миграции населения в приграничных регионах Российской Федерации // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 1. С. 40-48. DOI: 10.14258/ssi(2021)1-021. EDN: WALLFS.

Юдина Т. Н., Осадчая Г. И. Социологическая оценка устойчивости реинтеграции возвращающихся из России в Кыргызстан мигрантов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 1. С. 215-227. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.12. EDN: DKVBPW.

Kutor S. K., Ofori D. O., Arku G. Planning and Managing Migration Within the Framework of the Migration–development Nexus: A Content Analysis of Ghana's National Migration Policy // Migration and Development. 2025. Vol. 14, № 1. Pp. 123-148. DOI: 10.1177/21632324241306819.

Parutis V. The Bittersweet Return 'Home'? Discourses of Nostalgia for the Country of Migration Among Returnees to Poland and Lithuania // Population, Space and Place. 2026. Vol. 32, № 1. DOI: 10.1002/psp.70203.

Rajan S. I. Re-emerging from a Hiatus: Migrants and Migration in a Post-Pandemic World // Migration and Development. 2023. Vol. 12, № 1. Pp. 7-12. DOI: 10.1177/21632324231219977.

Sugden F., Crivellaro F., Kharel A., et al. Long-term trajectories of return migration: Agrarian differentiation and class mobility in Nepal, Moldova, and Thailand // Migration Studies. 2025. Vol. 13, № 1. DOI: 10.1093/migration/mnaf040.

Thapa Magar D., Pandit R., Rola-Rubzen M. Factors Influencing Return Migration and Post-Return Occupational Choices among Returnee Labour Migrants in Nepal // Journal of International Migration and Integration. 2025. Advance online publication. DOI: 10.1007/s12134-025-01332-3.

Tsujita Y., Oda H., Rajan S. I. Intention to Emigrate Again and Destination Preference: A Study of Indian Nurses Returning from Gulf Cooperation Council Countries // Migration and Development. 2023. Vol. 12, № 1. Pp. 91-110. DOI: 10.1177/21632324231194766.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ЛАБОРАТОРНЫХ АНАЛИЗОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГРАМОТНОСТИ В ВОПРОСАХ ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ

Пацеева Анастасия Георгиевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии
и психологии предпринимательской деятельности,
Белорусский государственный экономический университет
(Минск, Республика Беларусь)
nastasiapaceeva@gmail.com

Аннотация: в работе предложен анализ практического социологического исследования, посвящённого знаниям населения о значении и оценке показателей лабораторных анализов. Определена актуальность исследований феномена грамотности в вопросах здоровья. Осуществлен сравнительный анализ результатов ответов молодёжи и более старших возрастных групп, обоснована необходимость формирования компетенций молодежи в сфере грамотности в вопросах здоровья в направлении овладения базовыми представлениями о лабораторных исследованиях.

Ключевые слова: грамотность в вопросах здоровья; повышение осведомленности о здоровье молодежи; обучение молодежи; профилактическое здравоохранение

INTERPRETATION OF LABORATORY TEST RESULTS AS A COMPONENT OF YOUTH HEALTH LITERACY

Anastasiya G. Patseyeva,

candidate of sociology, associate professor of the department of economic sociology
and the psychology of entrepreneurial activity,
Belarus state economic university,
(Minsk, Republic of Belarus)
nastasiapaceeva@gmail.com

Abstract: the paper offers an analysis of a practical sociological study devoted to the knowledge of the population about the importance and evaluation of laboratory tests. The relevance of research on the phenomenon of literacy in health issues has been determined. A comparative analysis of the results of responses from young people and older age groups has been carried out, and the need for the formation of youth competencies in the field of health literacy in the direction of mastering basic concepts of laboratory research has been substantiated.

Keywords: health literacy; youth health awareness raising; youth education; preventive healthcare

Введение. Базовая витальная потребность человека – это поддержание своего здоровья. Уровень развития современной науки позволяет сформулировать огромное количество мер, призванных предупредить заболевания, а средства массовой информации и другие каналы коммуникации полны обращения внимания на необходимость принятия профилактических мер по отношению к своему здоровью. При этом сам по себе характер современной цивилизации, основанной на глубокой специализации отдельных областей знания, обуславливает эффекты непонимания между представителями

различных сфер. Достижение же понимания между врачом и пациентом является залогом успешного лечения, а также профилактики заболеваний. Профессиональный кодекс обязывает врачей стремиться к тому, чтобы у пациента сложилась адекватная картина его здоровья, с другой стороны, основанием эффективного участия пациентов в этом процессе является наличием у них «знаний, мотивации и компетенций, необходимых для поиска, понимания, оценки и использования информации здравоохранения, необходимой для составления суждений и принятия решений на повседневной основе в таких сферах, как охрана здоровья, профилактика заболеваний и укрепление здоровья в целях сохранения и повышения качества жизни на всех ее этапах», другими словами – грамотности в вопросах здоровья (Постоев, 2023).

С феноменом грамотности в вопросах здоровья или медицинской грамотности связывают целый ряд форм поведения человека, его ценностей, установок и компетенций. В их число входят как знания, например, понимание несложной медицинской терминологии, рекомендаций, и другой информации, связанной со здоровьем, так и способности читать, понимать и анализировать информацию, связанную с собственным здоровьем. К грамотности в вопросах здоровья также относят мотивацию пациентов, навыки формирования стратегий в сфере здравоохранения (способность записаться на прием к врачу), и другое. В данной работе, представляющей результаты полевого социологического исследования понятия «медицинская грамотность» и «грамотность в вопросах здоровья» будут использованы как взаимозаменяемые. Эксперты признают, что недостаточный уровень понимания человеком обуславливает высокую вероятность того, что состояние его здоровья будет хуже, а риск госпитализаций выше (Амлаев, 2006).

Методология и методы. Для адекватного формирования специальной компетентности молодых людей в сфере здоровья в первую очередь необходимо составить общее представление о том, как характеризуется состояние их знаний в этой сфере на текущий момент. Анализ научных публикаций по проблемам медицинской грамотности молодежи позволяет сделать два основных вывода. С одной стороны, специалисты в этой отрасли рекомендуют при оценке уровня грамотности в вопросах здоровья использовать специализированные опросники, основанные на измерении конкретных знаний конкретных показателей, например, «понять информацию по рекомендованным профилактическим обследованиям? (инструкция: например, измерение уровня сахара в крови, кровяного давления, уровня холестерина, исследование на онкологические заболевания)» (Постоев, 2023: 6). С другой стороны, значительная часть доступных работ о медицинской грамотности молодёжи посвящены вопросам формирования здорового образа жизни (Койчуев, 2023; Савельева, 2022). При этом сравнительно сложно найти публикации предлагающие результаты эмпирических исследований непосредственно знаний простой медицинской терминологии, или навыков интерпретации медицинской информации людьми без специального образования.

Результаты предлагаемого пилотажного исследования не раскрывают комплексно весь диапазон компетенций, но освещают его определенную часть.

Основным предметом данного исследования выступили знаниям пациентов о значении и оценке показателей лабораторных анализов. Сама по себе информация о результатах лабораторных исследований может выступить основанием для беспокойства о собственном здоровье в первую очередь, если эти результаты отличны от нормы. Знания и компетенции пациентов в этой области являются составляющей общего комплекса обеспечения их способности взвешивать риски и преимущества; и принимать решения формируя своё самосохранительного поведение. Но интерпретация таких результатов требует определенных компетенций, которые с одной стороны составляют медицинскую грамотность граждан, с другой стороны формируются в ходе неформального образования, следовательно, могут быть неоправданными, несистемными и необоснованными. Также, то, как пациенты обращаются за разъяснением к различным источникам, позволяет отразить, насколько достоверную информацию получают пациенты.

Исследование было проведено в августе-октябре 2025 года, основным методом исследования выступил анкетный опрос. Часть респондентов были опрошены онлайн методом, при помощи сервиса Google-форма, другая часть респондентов заполняли анкеты на бумажном носителе в режиме офлайн. Общее количество опрошенных составило 313 респондентов. В исследовании приняли участие как горожане, так и жители сельской местности, выборка формировалась стихийно, по принципу доступности. В ходе анализа полученных результатов отдельным направлением стало изучение распределения ответов участников опроса по критерию возраста, были сформированы три возрастные группы респондентов, одна из которых квалифицирована как молодёжь, это респонденты в возрасте до 30 лет. На основании полученной информации можно сделать ряд выводов.

Научные результаты и дискуссия. В первую очередь респондентам было предложено отразить насколько они заинтересованы результатами анализов при их получении. Данные исследования показывают высокий уровень заинтересованности в результатах собственных лабораторных анализов. 91,4% опрошенных заявили, что они интересуются этими результатами. При этом группа молодежи показала наиболее высокий уровень заинтересованности, доля их положительных ответов составила 92,4%. Да, статистически этот показатель неотличим от общего показателя по выборке, но в разрезе возрастных групп он в достаточной мере отличается от, например, доли положительных ответов на этот вопрос людей в возрасте 55 лет и старше. (Доля положительных ответов в этой группе 87,2%). Таким образом, молодые люди в целом продемонстрировали заинтересованность в результатах лабораторных исследований.

Отвечая на вопрос об обращении за разъяснением в результатах анализов показателей, отличающихся от нормы, около половины молодых респондентов в качестве основного источника информации указали консультацию врачей специалистов – 53,0%, что несколько выше, чем в среднем по выборке (49,2% опрошенных). Вторым по значимости источником информации выступили интернет-источники, интернет-общение (специализированные сайты, чаты и т.п.). Доля положительных ответов на этот вопрос в целом составила 29,1% от числа

опрошенных. Гипотеза о том, что молодые люди по сравнению с представителями других возрастных групп более склонны обращаться к интернет-ресурсам в этом случае не подтвердилась. Доля их положительных ответов на этот вопрос составила 30,8% от общего числа молодёжи, участвовавшей в исследовании.

Третьим по значимости источником информации об интерпретации результатов лабораторных анализов стали знакомые, имеющим медицинское образование. Доля выборов этого варианта ответа составила 12,5% от общего числа опрошенных. При переходе к самой старшей возрастной группе она постепенно увеличивается до 15,4%. В открытой части этого вопроса студенты в разной форме несколько раз отметили, что не имеют тех знакомых, которые обладали бы должной квалификацией или экспертной силой в их глазах.

Другими словами, в этой ситуации молодёжь демонстрирует специфическое положение: с одной стороны, молодые люди нуждаются в информации, для адекватного взвешивания рисков и преимуществ в данной сфере; с другой стороны, они фиксируют меньший, по сравнению с другими возрастными группами доступ к этой информации.

В рамках исследования была предпринята попытка определить уровень знаний респондентов о результатах лабораторных анализов на основании их самооценивания. Респондентам последовательно предлагалось ответить на вопрос «Можете ли Вы дать общую оценку (комплексно оценить) анализа?» относительно ряда лабораторных процедур: общий анализ крови, биохимический анализ крови, общий анализ мочи, показатели свертываемости крови. В каждом из анализируемых распределений доля отрицательных ответов составила около трети – от 28,6% (общий анализ крови), до 32,5% (анализ мочи). Ответы молодой части респондентов практически неотличимы от ответов респондентов в среднем по выборке. Диапазон долей отрицательного ответа молодых респондентов на этот вопрос от 27,6% (общий анализ крови) до 35,1% (анализ мочи). Однако, утверждать, что эти ответы адекватно отражают объективную ситуацию несколько преждевременно. Аргументом в пользу этого положения служат ответы на вопрос, в котором содержалась просьба в целом оценить уровень своей грамотности в вопросах здоровья.

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Пожалуйста, оцените свой уровень способности находить, понимать, оценивать и использовать информацию о своём здоровье, чтобы принимать обоснованные решения для сохранения и улучшения своего здоровья и качества жизни»

	В % от количества полученных ответов	
	В целом по совокупности опрошенных респондентов	В группе респондентов до 30 лет
1. Достаточный	15,3	15,7
2. Скорее достаточный	37,1	43,8
3. Скорее недостаточный	28,8	27,0
4. Недостаточный	18,5	13,5
5. Иное	0,3	15,7

Для упрощения понимания данных этой таблицы суммируем строки и обнаруживается, что в ответах на прямой вопрос молодые респонденты проявили гораздо большую самоуверенность, по сравнению с респондентами старших групп. Доля молодых респондентов уверенных, что их уровень грамотности в вопросах здоровья достаточный и скорее достаточный – 59,5%, в старшей возрастной группе доля таких респондентов составила 30,8%, а в общей выборке 52,4%. Молодые люди уверены в своей компетентности, несмотря на то что, оценивая свои возможности в отдельных вопросах они признавали свои возможности как более низкие. Такова же ситуация и в отношении оценки уровня собственной компетенции в сфере медицинской грамотности как скорее недостаточного и недостаточного: доля таких ответов среди молодых респондентов составила 40,5%, а в группы респондентов в возрасте более 55 лет – 66,6%.

Можно сделать вывод о том, что молодые люди демонстрируют свойственную их возрасту самонадеянность, которая сочетается с актуализированной заинтересованностью в адекватном понимании результатов анализа.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, можно подчеркнуть ряд выявленных тенденций. Во-первых, по сравнению с другими респондентами группа респондентов в возрасте до 30 лет обнаружила более высокую заинтересованность в понимании результатов лабораторных анализов. Во-вторых, эти респонденты отразили направленность на получение качественной, экспертной информации, и готовы обращаться к врачам, если обеспокоены результатами своих анализов. В-третьих, молодые респонденты более самонадеянны по сравнению с другими респондентами при оценке уровня своей медицинской грамотности.

Логичным выводом является предположение, о том, что молодежь является целевой группой усилий по формированию компетенций по интерпретации результатов лабораторных анализов, как элемента достижения адекватного уровня грамотности в вопросах здоровья. Основной преференцией этих усилий станет общее повышение качества общественного здоровья, позволит будущим взрослым лучше осознавать риски для здоровья, дифференцировать потоки получаемой информации и отсеивать ненужную, принимать взвешенные решения в планировании самосохранительного поведения. Косвенным следствием этого станут повышение эффективной коммуникации с врачами, медсестрами и повышение уровня самостоятельности. Безусловно, неполное понимание необходимости проведения диагностики своего состояния существенно снижает шансы на выздоровление, а также противоречит принципам профилактики.

Также, отметим, что повышение знаний в данной сфере снижет вероятность экстренных обращений в учреждения здравоохранения в запущенных случаях. Отметим также, что несвоевременные обращения к врачу, необоснованные требования проведения диагностики заболевания увеличивают общую востребованность специализированной медицинской помощи, в связи с этим повышение уровня понимания результатов лабораторных анализов может

опосредованно повлиять на общую обращаемость за медицинскими консультациями.

Грамотно сформированные информационно разъяснительные материалы, посвящённые данным вопросам, могут помочь с одной стороны откорректировать нагрузку на систему здравоохранения, с другой стороны обеспечить значительной содействием в формировании адекватного самосохранительного поведения. Исследователи отмечают, что для лучшего усвоения информации сложную информацию следует преподносить в более упрощённой форме, по возможности используя способы наглядной визуализации, либо схемы и таблицы (Савельева, 2022).

Таким образом основным результаты эмпирического исследования показывают, что существует объективная необходимость повышения уровня грамотности в вопросах здоровья среди молодежи, в направлении ознакомления молодых людей с базовыми понятиями необходимыми при интерпретации результатов лабораторных анализов. Эта необходимость обусловлена признанием самими молодыми людьми недостаточного уровня своих знаний в этой области.

Список литературы

Амлаев К. Р. Проект «Здоровые города» как эффективная технология межсекторального сотрудничества в вопросах здоровья (обзор) // Вестник медицины. 2007. № 6. С. 5-11.

Дьяченко Н. В., Федчишина Д. Д. Методологические и теоретические аспекты применения схем и таблиц в образовательном процессе // Культура и безопасность. 2022. № 3. С. 21-26. DOI: 10.25257/KB.2022.3.21-26. EDN: VICJQL.

Койчуев А. А. Медицинская грамотность молодежи: результаты исследования // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. С. 92-94. EDN: RDHSDL.

Постоев В. А. Грамотность в вопросах здоровья: учебное пособие. Архангельск: Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2023. 101 с. EDN: ESVAEU.

Савельева Ю. А. Формирование компетенций здорового образа жизни и медицинской грамотности у подростков // Формирование культуры безопасности жизнедеятельности и здорового образа жизни студенческой молодежи: материалы I Международной научно-практической интернет-конференции, [редкол.: И. В. Пантюк (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2022. С. 233-236. EDN: ULSCIJ.

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ЭПОХУ «ПРЕДЧУВСТВИЯ» AGI

Чернавский Александр Сергеевич,
старший преподаватель,
Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)
Chernavskiy.com@gmail.com

Аннотация. Данная статья исследует трансформацию публичной сферы и политической коммуникации в условиях развития искусственного интеллекта (ИИ), анализируя тот момент, когда люди перестают быть единственными субъектами демократического процесса. Автор утверждает, что мы находимся в переходный период, в котором складывается постчеловеческая публичная сфера, характеризующаяся гибридным взаимодействием человеческих агентов, ИИ-систем и институциональных структур. На основе анализа новейших эмпирических исследований мы анализируется трансформация демократии и политической коммуникации через внедрение AGI-подобных систем, включая изменение механизмов представительства и механизмов обратной связи, а также, анализируется роль ИИ в координации или подавлении общественных движений и протестов. Особое внимание уделяется парадоксам эпохи «предчувствия» AGI-периода, когда технология еще не достигла гипотетического уровня «общего искусственного интеллекта» (AGI), но уже качественно трансформирует политическую сферу общественной жизни. Статья уточняет классическую теорию публичной сферы Ю. Хабермаса в свете развития ИИ, сервисной платформизации – и предлагает новую концептуализацию демократических субъектов в век гибридной политической агентности.

Ключевые слова: постчеловеческая публичная сфера; ИИ; политическая коммуникация; гибридное агентство; платформизация демократии; общественные движения; искусственный интеллект

THE POST-HUMAN PUBLIC SPHERE AND CONTEMPORARY POLITICAL COMMUNICATION IN THE ERA OF THE AGI “PREMONITION”

Alexander S. Chernavskiy,
senior tutor, Moscow pedagogical state university
(Moscow, Russia)
Chernavskiy.com@gmail.com

Abstract. This paper explores the transformation of the public sphere and political communication in the context of the development of artificial intelligence (AI), analyzing the moment when humans cease to be the sole subjects of the democratic process. The author argues that we are in a transitional period in which a post-human public sphere is emerging, characterized by hybrid interaction between human agents, AI systems and institutional structures. Based on an analysis of the latest empirical research, we analyze the transformation of democracy and political communication through the introduction of AGI-like systems, including changes in representation and feedback mechanisms, and analyze the role of AI in coordinating or suppressing social movements and protests. Particular attention is paid to the paradoxes of the era of AGI

“anticipation” – a period when technology has not yet reached the hypothetical level of “artificial general intelligence” (AGI) but is already qualitatively transforming the political sphere of public life. The article refines Jürgen Habermas' classic theory of the public sphere considering the development of AI and service platformisation and proposes a new conceptualization of democratic actors in the age of hybrid political agency.

Keywords: post-human public sphere; AGI; political communication; hybrid agency; platformisation of democracy; social movements; artificial intelligence

Введение. Демократия, в той форме, в которой она возникла в XVIII веке, была предусмотрена для вполне определенного типа агента – рационального человека, способного к самоуправлению, формированию общественного мнения и участию в процессах принятия решений. На протяжении XX века эта концепция постепенно усложнялась путем включения представительного механизма, массовых СМИ и, в последней четверти столетия, цифровых платформ. Однако прямо сегодня мы сталкиваемся с качественно новой трансформацией: появлением активных политических субъектов иного рода – систем искусственного интеллекта, которые становятся не только инструментами, но и едва ли самостоятельными участниками в политической сфере.

Возможно, именно это явление следует называть постчеловеческой публичной сферой – не в смысле полного исчезновения человека, а в смысле децентрализации человеческого субъекта как единственного (или главного) источника политического действия. Классическая концепция Ю. Хабермаса о публичной сфере, разработанная для анализа буржуазного общества с его газетами, салонами и кофейнями, а позднее переформулированная для телевизионной эпохи, может быть актуализирована для анализа соответствующих социальных процессов, но сегодня требует радикального переосмысления в свете той реальности, в которой алгоритмические системы курируют/контролируют различные информационные среды, в которых чат-боты могут способствовать политическим конфликтам, а «глубокие подделки» (deepfakes) уже сейчас создают новые формы политической реальности (Jungheer, 2023).

Данная статья стремится предложить к теоретико-эмпирический анализ этой актуальной трансформации на основе новейших исследований в области демократии, политической коммуникации и технологических систем ИИ. Статья сосредоточена вокруг двух центральных вопросов. Во-первых, как изменяются механизмы демократической репрезентации и формирования общественного мнения в условиях, когда в публичной сфере появляются гибридные субъекты? Во-вторых, как искусственный интеллект влияет на координацию, подмену или подавление общественных движений и политических протестов? Через анализ этих проблем в работе будет наглядно представлено, что мы находимся не просто в переходном периоде развития новых технологий, но в особом состоянии «предчувствия» AGI – где это тот момент, когда еще гипотетическое будущее развития возможностей ИИ уже структурирует и переопределяет наше настоящее.

Методология и методы. *От публичной сферы к постчеловеческой гибридности. Ю. Хабермас, платформизация и структурные трансформации.*

Ю. Хабермас утверждал, что публичная сфера – это пространство, в котором частные лица могут объединяться для образования общественного мнения относительно областей, представляющих общий интерес, при условии свободы собраний и ассоциаций, свободы выражения и публикации. Это пространство, в котором разум претендует на универсальность, а рациональное обсуждение заменяет власть и иерархию.

Однако в своей недавней работе (Habermas, 2023) Ю. Хабермас анализирует последствия цифровизации публичной сферы и приходит к довольно неутешительным выводам. Социальные медиа, структурированные как платформы, разрушают то разграничение между публичным и частным, которое являлось базовым основанием для функционирования классической публичной сферы в капиталистическом обществе. Когда каждый пользователь становится потенциальным издателем контента, когда алгоритмы решают, какие высказывания получают видимость, а какие остаются погребенными в информационном шуме, классическая модель рациональной «дебатной культуры» разрушается. Ю. Хабермас, в том числе, предупреждает и о современной «инфляции публичности» (Öffentlichkeitsinflation) – феномене, при котором различие между научным дискурсом, политическим спором и простым обменом сплетнями размывается до неразличимости.

На эту нестабильность публичной сферы в эпоху расширения функционала крупных цифровых платформ указывает и недавнее эмпирическое исследование М. Эйзенеггера и коллег, анализирующее способы, в которых платформизированная публичная сфера влияет на социальную сплоченность. Их работа показывает, что платформы, первоначально представленные как демократизирующие общество технологии, фактически усилили фрагментацию социума, поскольку алгоритмические системы создают социальные «информационные пузыри», в которых каждый пользователь видит преимущественно контент, подтверждающий его убеждения (Eisenegger, 2023). Это создает не одну публичную сферу, а множество микро-публичных сфер, между которыми становится все сложнее проводить рациональный диалог (Bruns, 2023).

Но современный тренд на платформизацию в сетевом пространстве – это только одна сторона дела. С другой стороны, мы отметим появление в публичной сфере новых типов агентов. Согласно акторно-сетевой теории разработанной Б. Латуром и коллегами, агентность не является внутренним свойством какого-либо единого актора (человека, организации, или машины), но распределяется по сети взаимодействующих элементов (Block, 2025). Отметим, что человек никогда не был единственным источником политического действия, он всегда работал в тесной ассоциации с материальными объектами, письменностью, институциональными структурами. Однако именно появление систем ИИ на современном этапе развития придает новый смысл этому базовому теоретическому положению. Например, когда алгоритмическая система машинного обучения (ML) уже может не только обрабатывать гигантские объемы информации в целом, но и генерировать убедительные политические

нарративы, когда алгоритм может предсказать результаты социальных движений лучше, чем политический аналитик, тогда мы можем говорить о появлении гибридных субъектов в политике. То есть уже не просто о человек-агенте, использующем какую-то новую технологию, а о весьма специфическом типе агентности, который возникает в симбиотическом взаимодействии человека и алгоритмов.

Недавние исследования в области Science and Technology Studies (STS) подчеркивают, что технологии никогда не бывают нейтральны – они воплощают определенные ценности, культурные предположения и отношения власти (Mayer, 2025). Здесь стоит особо отметить, что алгоритмы, используемые социальными медиа для курирования и фильтрации сетевого контента, для идентификации «проблемного» поведения, для предсказания способов мобилизации активистов и т. д., являются сегодня важнейшими хранилищами политических решений. Таким образом, мы можем сказать, что современные гибридные субъекты, возникающие в результате взаимодействия человеческих политических агентов с ИИ-системами, опосредованно содержат в себе «встроенные» политические структуры.

Представительная демократия, возникшая в эпоху Просвещения, основывалась на принципе периодических выборов, в ходе которых граждане делегировали свою власть выбранным представителям. Эта модель работала достаточно хорошо и надежно в условиях, когда основные циклы политических решений длились годы, а процесс сбора/агрегации общественного мнения был медленным и сравнительно дорогостоящим. Однако развитие технологий уже в XXI веке серьезно изменило эти исходные условия. Сегодня технически возможно собирать, обрабатывать и анализировать информацию о политических предпочтениях граждан в режиме реального времени – и практически в любом масштабе.

Научные результаты и дискуссия. Цифровые платформы, оборудованные системами машинного обучения, могут все более эффективно выявлять паттерны в поведении избирателей, – и в том числе предсказывать их реакции на политические предложения, – и мы все ближе к ситуации, когда становится возможным даже смоделировать с помощью алгоритмов ИИ социальные последствия различных законодательных инициатив (Jungheer, 2023). Д. Баллок с коллегами, в своем недавнем анализе проблемы влияния AGI на правительства и свободные общества предполагают, что грядущие поколения систем AGI-подобного интеллекта могут радикально перестроить саму архитектуру демократических институтов. В числе прочего, они предлагают концепцию «дополненной демократии» (augmented democracy), в которой система AGI может создавать «цифровые двойники» сложных политических сценариев, позволяя тестировать последствия потенциальных политических решений до их реального воплощения, – также описываются механизмы «жидкой демократии» (liquid democracy), в которых граждане получают возможность в современных технологических условиях либо непосредственно

голосовать по вопросам, которые их особенно интересуют (что обеспечивается электронными референдумами), либо делегировать свои голоса экспертам или другим гражданам при желании (Bullock, 2025). Коротко отметим и соответствующие риски. Если системы AGI-подобного уровня смогут анализировать сложные общественные проблемы лучше, чем любой отдельный гражданин/аналитический центр или даже представительный орган, то соответствующее давление заменить демократические процессы принятия решений на эксперт-управляемые системы может стать непреодолимо сильным в условиях доказанной/верифицированной эффективности принятых решений.

III как инструмент координации, контроля и подавления социальных движений. Если в развитых демократиях влияние ИИ на политическую коммуникацию мы сегодня в целом можем оценивать двойственно и неоднозначно, то в авторитарных и переходных к демократии странах картина более наглядная. Исследование Ч. Чу с коллегами, опубликованное в PNAS в 2025 году и основанное на анализе данных из 164 стран за десятилетний период предложило убедительные доказательства того, что развитие ИИ и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) связано с торможением демократизации, особенно в авторитарных режимах (Chu, 2025). Возможно, ключевое открытие Ч. Чу и коллег состоит в том, что во влиянии технологий ИИ на демократию существует критическое разграничение: *асимметрия в доступе к данным*. Авторитарные режимы обладают доступом к огромным объемам индивидуальных данных граждан – от налоговых и банковских записей до данных из открытых социальных медиа, электронной коммерции и всепроникающих систем видеонаблюдения. При этом, инициативы гражданского общества и существующие социальные движения имеют крайне ограниченный доступ к таким данным. Соответствующее разграничение доступа к данным делает возможности ИИ существенно более «комплементарным» (в экономическом смысле) к государственной власти, чем к инициативам гражданского общества. ИИ-системы, которые могут анализировать массивные объемы данных о политических предпочтениях, сетевых связях и политическом (хотя и не только) поведении населения в целом, очевидно предоставляют авторитарным режимам беспрецедентные возможности для мониторинга и контроля. Авторы доказывают, что эти технические возможности транслируются в реальную политику и конкретные политические коммуникативные практики. В странах с низкими уровнями демократии государства инвестировали в технологические возможности фильтрации контента и контролируемых интернет-отключений в значительно большей степени, чем в развитых демократиях. Более того, инвестиции в эти возможности быстро реализовывались в практическом смысле, и согласно приведенным данным в вышеупомянутом исследовании, в авторитарных странах корреляция между технологическими возможностями и фактической практикой интернет-фильтрации значительна и статистически значима.

Прикладная реализация, которую авторитарные режимы развивают на основе ИИ-систем с доступом к большим данным, включают несколько типов репрессивной практики. Во-первых, отметим феномен микротаргетирования информации. Алгоритмы ИИ уже сегодня могут эффективно анализировать индивидуальные политические предпочтения гражданина и на основе этого анализа предлагать ему персонализированную информацию. Во-вторых, «глубокие подделки» (deep fakes) могут быть использованы для создания фальшивых доказательств противоправной деятельности лидеров оппозиционных движений, что подрывает их доверие и авторитет (Cevallos, 2025). В-третьих, использование ботов (и фальшивых аккаунтов) для создания видимости поддержки авторитарного режима.

При этом, в качестве обобщающего примера по приведенным тезисам, можно вспомнить, что во время переворота в Бирме в 2021 году AI-управляемые боты были развернуты для преследования активистов. «During protests in Burma following the 2021 military coup, AI-driven bots harassed activists and flooded social media with pro-junta narratives. These campaigns aimed to drown out dissenting voices and fracture solidarity among protesters. Activists face an uphill battle against such coordinated efforts, which undermine trust and amplify fear» (Cevallos, 2025). Отметим, что все эти техники имеют очевидную общую черту – они требуют доступа к большим данным об индивидуальных характеристиках, предпочтениях, социальных сетях граждан.

Рекомендации для демократического управления постчеловеческой публичной сферой. На основе предложенного авторского анализа можно сформулировать несколько основных рекомендаций. Поскольку выше мы указали, что одна из ключевых проблем в контексте заявленной темы состоит в асимметрии доступа к данным между государством и гражданским обществом, в дальнейшем это может предполагать разнообразные инициативы с точки зрения общественного блага. Во-первых, по возможности, оптимизация в области регулирования монополизации данных – то есть, государства должны рассмотреть возможность принятия законов, которые ограничивают накопление персональных данных одним актором. Во-вторых, организация поддержки открытых (open-source) и децентрализованных технологий, а в-третьих, речь идет о мерах (в том числе инвестиционного характера) по повышению уровня ИИ-грамотности для активистов и рядовых граждан. При этом, по мнению автора, в ближайшее время необходимо обратить внимание на следующие ключевые направления: укреплять и защищать общественные медиа как оппозицию/противовес коммерческим платформам, требовать контроль от технологических платформ//организовать общественный контроль прозрачности и безопасности их алгоритмов. Наконец, сегодня как никогда ранее, необходимо организовать адекватное соотношение между публичным и приватным. Особое внимание стоит обратить на то, что в ближайшее время человеческой цивилизации следует разработать понятные институциональные модели, в которых возможности ИИ дополняют человеческие когнитивные

возможности с четкими механизмами проверки и контроля. В ряде случаев, там, где это возможно, могут быть использованы гражданские ассамблеи/НКО – и разнообразные открытые децентрализованные платформы для прямого участия в политической коммуникации.

Заключение. Постчеловеческая публичная сфера, вероятно, не является будущим-условным состоянием политической коммуникации, а реальностью, которая все более быстро материализуется в условиях новых технологических возможностей политической коммуникации начиная с 2020-х годов. В этой сфере человеческие субъекты все менее способны эффективно действовать независимо от ИИ, а сами ИИ-системы все меньше могут рассматриваться как простые инструменты пользователя/специалиста. Ранее автор отмечал: «Стремительное развитие технологий (особенно стремительного развития технологий ИИ) сулит скорую качественную трансформацию самой природы человека, при этом ставит под вопрос и традиционные представления о разумном существе» (Чернавский, 2024: 231).

Наиболее серьезный риск, возможно, состоит здесь в том, что в условиях, когда самые разнообразные режимы развивают тотальные и глубоко эшелонированные системы мониторинга и контроля на основе алгоритмов ИИ, а демократические государства и гражданское общество к соответствующим вызовам адаптируются медленнее, баланс, поддерживавший свободные общества, может сместиться в сторону стремительно выросшего государственного контроля.

Вместе с тем наш аналитический обзор демонстрирует, что это не является абсолютно неизбежным исходом. На сегодняшний день пока еще существуют некоторые технические, правовые и политические средства, которые могут быть использованы для направления развития технологий ИИ в более демократичном и «прозрачном» направлении развития. Феномен «предчувствия» AGI может быть интерпретирован нами как особый и уникальный исторический момент, в котором принятые сегодня решения в области развития и применения технологий ИИ будут критически важны для того, какой тип постчеловеческой публичной сферы будет доминировать в следующих десятилетиях политической коммуникации на всех значимых уровнях. При этом отметим, что «можно говорить о том, что искусственный интеллект становится важным катализатором изменений в медиаландшафте, способствуя его эволюции в сторону большей адаптивности и гибкости. Однако необходимо учитывать и возможные негативные последствия его применения, чтобы обеспечить этическое и ответственное использование технологий в формировании культурных и политических трендов» (Зырянова, 2024: 111).

Список литературы

Зырянова И. Н., Чернавский А. С. Потенциал применения генеративных языковых моделей в современной медиакоммуникации и журналистике (на примере Claude и Yalm 2.0) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. – № 3(53). С. 108-121. DOI 10.47475/2070-0695-2024-53-3-108-121. EDN CBTDZL.

Чернавский А. С. «Постчеловеческий поворот» в условиях развития технологий ИИ: техноонтологические перспективы феномена «posthumano» // Философия в XXI веке: направления и тенденции развития: Материалы II Международной научно-практической конференции: В 3-х частях, Москва, Зеленоград – Красноярск, 12 апреля 2024 года. Москва: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»», 2024. С. 225-234. EDN VYZYQG.

Blok A., Jensen C. B. What next for actor network theory? Inventing around Latour on a planet in distress // Dialogues in Sociology. 2025. Vol. 1, №. 1. Pp. 63-74. DOI: 10.1177/29768667241285397.

Bruns A. From «the» public sphere to a network of publics: Towards an empirically founded model of contemporary public communication spaces // Communication Theory. 2023. Vol. 33, №. 2-3. Pp. 70-81.

Bullock J. B., Hammond S., Krier S. AGI, governments, and free societies // The Art of Digital Governance: Navigating Platforms and AI Revolution. DOI: 10.48550/arXiv.2503.05710. URL: <https://arxiv.org/abs/2503.05710> (дата обращения: 2.01.2025).

Cevallos A. How Autocrats Weaponize AI – And How to Fight Back. URL: <https://www.journalofdemocracy.org/online-exclusive/how-autocrats-weaponize-ai-and-how-to-fight-back/> (дата обращения: 2.01.2025).

Chu C. Y. C., Chang J. J., Lin C. C. Why does AI hinder democratization? // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2025. Vol. 122, №. 19. Pp. e2423266122. DOI: 10.1073/pnas.2423266122.

Eisenegger M., Schäfer M. S. Reconceptualizing public sphere (s) in the digital age? On the role and future of public sphere theory // Communication Theory. 2023. Vol. 3, №. 2-3. Pp. 61-69. DOI: 10.1093/ct/qtad011.

Habermas J. A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics. John Wiley & Sons, 2023. 128 p. URL: <https://inlnk.ru/YA9B6K> (дата обращения: 2.01.2026).

Jungherr A. Artificial intelligence and democracy: A conceptual framework // Social media + society. 2023. Vol. 9, №. 3. Pp. 20563051231186353. DOI: 10.1177/20563051231186353.

Mayer K. et al. The Future of Digital Humanism: Towards a Critical Post-Post-Humanism // 23rd STS Conference Graz 2025. 2025. DOI: 10.3217/978-3-99161-062-5-002.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ: ОПЫТ СТУДЕНТОВ ДГУЮ МИНЮСТА РОССИИ В УСЛОВИЯХ СВО

Шульга Валентина Васильевна,

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных
и специальных дисциплин,

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»

(Донецк, Россия)

shulga.valentina55vv@mailru

Щепка Ирина Викторовна,

студентка 3 курса,

ФГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции»

(Донецк, Россия)

irinashchepka@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты двух социометрических исследований, проведенных в одной студенческой группе ДГУЮ Минюста России, перешедший к традиционному формату после периода самоизоляции и дистанционного обучения. Целью проведенной диагностики являлась оценка соответствия межличностных отношений, сформированных в онлайн-среде, реальному положению студентов в группе. Проведен сравнительный анализ полученных данных влияния онлайн и оффлайн обучения на формирование социальных статусов и прочности групповых связей.

Ключевые слова: социализация; виртуальная социализация; студенческая молодежь; дистанционное и очное обучение

HYBRID LEARNING AND ITS IMPACT ON SOCIAL CONNECTIONS: THE EXPERIENCE OF STUDENTS AT THE DGUY OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF RUSSIA DURING THE SVO

Valentina V. Shulga,

PhD in psychology, associate professor, associate professor of the department of social sciences,
humanities, and special disciplines,

Donbas state university of justice

(Donetsk, Russia)

shulga.valentina55vv@mailru

Irina V. Shchepka,

3rd-year student,

Donbas state university of justice

(Donetsk, Russia)

irinashchepka@mail.ru

Abstract. The article presents the results of two sociometric studies conducted in the same student group at the Moscow State University of the Ministry of Justice of Russia, which switched to a traditional format after a period of self-isolation and distance learning. The purpose of the diagnosis was to assess the correspondence of interpersonal relationships formed in an online environment to the real position of students in the group. A comparative analysis of the data obtained on the impact

of online and offline learning on the formation of social statuses and the strength of group relationships is carried out.

Keywords: socialization; virtual socialization; student youth; distance and full-time education

Введение. Современное высшее образование в России переживает период глубоких трансформаций, ключевым элементом которых стало активное внедрение дистанционных и гибридных форм обучения. В условиях начавшихся в феврале 2022 года боевых действий (СВО), для студентов, проживающих и обучающихся в регионах, затронутых конфликтом – ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях – дистанционный формат (далее – ДО) обучения стал не выбором, а вынужденной необходимостью. Эта экстраординарная ситуация ставит перед исследователями и практиками в области психологии и педагогики новые, актуальные задачи, особенно в контексте различий процессов социализации студентов в традиционном и дистанционном форматах обучения.

Традиционный очный формат обучения всегда считался основной средой для развития коммуникативных навыков молодежи, формирования межличностных связей, всесторонней интеграции индивидов в студенческий коллектив, и навязанная дистанционность требует глубокого переосмысления этих процессов. Формирование полноценных социальных связей в непосредственном живом общении становится не просто задачей, а насущной потребностью для молодых людей, особенно после периода вынужденной изоляции и обучения в виртуальном пространстве.

Методология и методы. В качестве основного методологического принципа в исследовании выступал социально-психологический подход к пониманию коммуникативной компетентности (Г. М. Андреева, А. А. Бодалев, А. А. Вербицкий). Для проведения исследования были применены теоретические и эмпирические методы: изучение и анализ литературы, обобщение и синтез научных подходов к проблеме формирования неформальных структур в студенческой группе, наблюдение, социометрический метод, методы статистической обработки эмпирических данных.

Исследование проводилось на базе Донбасского государственного университета юстиции. Выборка составила 23 студентов учебной группы 2-го курса, из которых: 9 юношей и 14 девушка, средний возраст – 19,1 год.

Научные результаты и дискуссия. Социализация, будучи одним из фундаментальных социообразующих процессов, наряду со стратификацией и институционализацией, проявляется на всех уровнях общественной жизни. Эти процессы, тесно переплетаясь с другими, влияют на формирование и структуру функционирования социальных систем, представляют собой многоаспектный фактор, охватывающий весь жизненный цикл человека, от младенчества до глубокой старости. Социализация включает в себя:

- освоение социальных ролей и присвоение культурных норм;
- развитие и самоизменение человека в процессе усвоения и воспроизводства культуры, которое осуществляется посредством

взаимодействия индивида с различными условиями жизни (стихийными, направляемыми, целенаправленно созданными) на протяжении всех возрастных этапов (Мудрик, 2006);

– включение личности в систему социальных связей на основе принятия и усвоения ценностей, норм и образцов поведения конкретной группы или общества в целом, а также воспроизведение их посредством собственной деятельности и общения;

– усвоение индивидом образцов поведения (социальных ролей и статусов), психологических механизмов взаимодействия людей, социальных норм и ценностей, которые необходимы для успешного функционирования в социуме.

Социализация студенческой молодежи в вузе представляет собой многоаспектный процесс освоения специфических социально-профессиональных ролей, присвоения ценностей и норм, как всего общества, так и конкретного учебного заведения, которые необходимы для успешного выполнения будущих профессиональных обязанностей и формирования социальных и профессионально значимых качеств личности (Шульга, 2005:114).

Дистанционное обучение в школах и вузах Донецка было закреплено в нормативно-правовом поле (УКАЗ Главы ДНР от 14.03.2020 №57 «О введении режима повышенной готовности» (Указ, 2020) и последующих редакциях 2022 года, что было обусловлено особенностями военно-политической обстановки и технических ограничений, осложнившимися в связи с началом СВО, и привело к возникновению феномена «виртуальной социализации», который способствовал формированию новых паттернов взаимодействия между студентами.

Виртуальная социализация предполагает интеграцию индивида в социокультурное пространство через освоение коммуникационных технологий, информационной культуры, навыков социальной адаптации и компетентности, а также усвоение социальных норм и ролевых предписаний (Чванова, 2017). В условиях, когда образовательный процесс вынужденно адаптировался к быстро меняющимся обстоятельствам, структурированная модель групповой работы приобретает особую ценность, поскольку она помогает компенсировать отсутствие неформального общения, которое в очной среде естественным образом способствует сплочённости коллектива и разрешению конфликтов.

Ключевые черты виртуальной среды: условность взаимодействия, непрерывное движение индивида по цифровым ресурсам, добровольность участия, формирование «слабых» социальных связей, устранение пространственных ограничений, множественность и анонимность контактов – эти особенности кардинально отличаются от закономерностей межличностного взаимодействия в реальном мире, и особенно остро ощущаются студентами, чья социальная коммуникация была ограничена преимущественно цифровым пространством (Компанцева, 2008; Грановеттер, 2009; Семёнов, 2018; Нестеров, 2004; Темнова, 2017).

Концепция ДО, некогда воспринимавшаяся скептически, ныне признается новым этапом развития образования, обусловленным интеграцией

информационных технологий в практику учебной деятельности. О. М. Горева акцентирует внимание на новых возможностях, предоставляемых информационными и видеотехнологиями в образовательном процессе (Горева, 2015). А. Н. Тихонов характеризует ДО как систематическое, целенаправленное обучение, независимое от временных и пространственных ограничений (Тихонов, 1998: 167). А. А. Андреев определяет его как комплексную, гуманистическую форму, объединяющую различные технологии для доставки образовательного контента, организации самостоятельного изучения и диалогового взаимодействия между преподавателем и студентом вне зависимости от их местоположения, времени и учебного заведения (Андреев, 1997). В. П. Тихомиров и В. И. Солдаткин рассматривают дистанционное обучение как интерактивный образовательный процесс, реализуемый в рамках специализированной дидактической системы (Тихомиров, Солдаткин, 1999).

Общим для этих определений является использование ИКТ для осуществления образовательного процесса вне зависимости от местоположения участников. Современные информационные технологии расширяют возможности для удаленного получения образования, предоставляя гражданам свободу и независимость от места проживания, и эффективно дополняют традиционные педагогические подходы, сохраняя общие образовательные цели, но трансформируя методы передачи информации и формы взаимодействия между участниками учебно-воспитательного процесса.

Тем не менее, перенос моделей межличностного взаимодействия из реального мира в виртуальный, и наоборот, требует осторожности. Психологические закономерности кибер-социализации и коммуникативные алгоритмы формирования ролей и статусов в интернет-пространстве имеют свои уникальные особенности, но при этом исследованы фрагментарно.

В то время как виртуальная среда позволяет формировать широкий спектр «слабых» социальных связей и развивать информационную компетентность, она в малой степени способствует формированию глубоких, устойчивых межличностных отношений, характерных для реального общения. Именно в условиях, когда ДО было обусловлено региональными особенностями, связанными с началом боевых действий, переход к очному формату учебной деятельности представлял собой особую сложность. Прежние представления студентов друг о друге, их взаимные восприятия друг друга, сформированные в цифровом пространстве, сталкиваются с реалиями очного группового взаимодействия, претерпевают изменения и рожают новые коммуникативные проблемы.

Исследовательский интерес представлял вопрос о том, насколько социальные статусы и позиции студентов, сформированные в условиях вынужденного ДО, будут соответствовать реальному положению члена студенческой группы при переходе к традиционному очному формату.

Социометрия, как удобная в практическом применении методика для изучения эмоциональных связей в группе, построенная на выявлении «симпатии – антипатии» людей, представлялась релевантной для решения этой задачи.

Ее результаты будут немаловажными как для прогноза существования и продуктивного функционирования малой группы, так и для диагностики самочувствия, работоспособности, перспектив развития отдельного человека в данной группе. Кроме того, представлялось целесообразным провести сравнительный анализ результатов социометрического исследования в условиях дистанционного и очного обучения, чтобы оценить влияние формата учебного процесса на формирование социальных связей, неформальных ролей и статусов в студенческом коллективе.

В исследовании применялась параметрическая социометрическая процедура с ограниченным числом положительных выборов. Студентам 2-го курса ДГУЮ Минюста России одной студенческой группы, которые только перешли на традиционное очное обучение и все взаимные представления друг о друге принесли из онлайн-обучения, было предложено ответить на 3 вопроса:

1. Кого бы из студентов своей группы вы пригласили к себе на день рождения? Вопрос, направленный на выявление эмоциональных связей и позиции «миротворца».

2. С кем из студентов группы вы хотели бы вместе работать над проектом? Вопрос, направленный на выявление интеллектуальных лидеров «генераторов идей».

3. Кому из студентов своей группы вы доверили бы организацию внеучебного мероприятия? Вопрос, направленный на оценку деловых и организаторских качеств студентов – позиция «организатор».

Те же вопросы были предложены студентам этой группы в конце учебного года, проходившем в традиционном формате. Сводные результаты двух социометрических измерений представлены в Таблице.

Таблица

Сводные результаты социометрических измерений неформальных статусов студентов
в условиях очного и дистанционного обучения

№ п/п	«Миротворец»		«Генератор идей»		«Организатор»		Кол-во полученных выборов		Кол-во взаимных выборов		Кол-во осуществлен. выборов	
	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.
1	2	3	0	2	0	0	4	5	0	3	0	9
2	4	3	4	3	4	8	15	14	6	7	9	11
3	2	1	1	1	1	0	5	2	3	0	8	0
4	2	3	3	4	3	9	12	16	6	5	9	9
5	2	3	3	1	3	0	5	4	3	3	9	9
6	1	3	0	1	0	1	1	5	0	4	0	9
7	0	1	0	0	0	0	0	1	0	0	1	0
8	1	2	1	2	1	0	2	4	1	4	7	10
9	1	1	2	1	2	1	6	3	4	3	9	9
10	1	3	3	3	3	2	7	8	2	4	4	9
11	2	1	5	1	5	1	8	3	6	3	9	9
12	1	5	5	0	5	4	9	9	6	4	8	10
13	4	1	2	4	2	2	8	6	6	2	9	13

Окончание табл.

№ п/п	«Миротворец»		«Генератор идей»		«Организатор»		Кол-во полученных выборов		Кол-во взаимных выборов		Кол-во осуществлен. выборов	
	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.	Дист.	Очн.
14	2	3	3	4	3	2	6	9	5	3	9	8
15	0	3	0	2	0	2	0	7	0	4	0	9
16	3	3	2	4	4	2	7	9	0	5	0	9
17	2	3	4	5	3	3	8	11	5	0	8	0
18	5	6	5	9	2	7	12	22	7	3	9	10
19	3	1	2	6	2	2	6	9	6	0	9	0
20	2	0	0	0	0	0	3	0	1	0	2	9
21	2	2	0	1	1	1	5	3	2	3	9	7
22	2	2	0	1	0	0	2	3	1	3	9	10
23	4	2	5	8	5	9	14	19	6	1	9	4
Об.	49	65	49	62	56	48	145	173	76	64	146	173
Ср.	2,13	2,8	2,13	2,7	2,5	2,08	6,3	9,6	3,3	3,3	9,1	9,1

Анализируя данные Таблицы, можно сделать несколько выводов:

1. Лидерские позиции в двух социометрических исследованиях остаются практически неизменными, как в дистанционном, так и в очном обучении, их занимают одни и те же студенты. Однако, в ситуации традиционного учебного процесса они проявились более выражено: студенты № 4, 18, 23 значительно укрепили свои позиции, уверенно составив группу «социометрических звезд».

Детализация по категориям выявила: в роли «миротворца» количество выборов увеличилось с 49 (2,13 в среднем) в дистанционном формате до 65 (2,8 в среднем) в очном, что демонстрирует возросшую активность в выражении симпатий. Лидерами стали студенты №12 (5 выборов) и №18 (6 выборов). В категории «генератор идей» сумма выборов возросла с 49 (2,13 в среднем) до 62 (2,7 в среднем), выделяя студентов №4 (16 выборов), №2 (14 выборов), №18 (9 выборов) и №23 (8 выборов).

Кардинальные изменения зафиксированы в категории «организатор»: если в дистанционном формате сумма выборов составляла 56 (ср. 2,5), то в очном студенты №18 (22 выборов) и №23 (19 выборов) показали выдающиеся результаты, наряду со студентами №4 (16 выборов) и №2 (14 выборов). Высокие показатели (15-22 балла) подтверждают лидерские качества студентов, и доверие к ним со стороны других членов группы, что позволяет считать их ключевыми фигурами в организации жизни учебной группы.

2. Среднестатусные студенты – это обучающиеся, чьи показатели максимально приближены к средним значениям по всей группе. Общее количество полученных выборов очно (9,6) и дистанционно (6,3) находится в пределах нормы. Их активность в осуществлении выборов высока (9,1 в обоих форматах). К этой категории, как правило, относятся студенты, чьи выборы находятся в диапазоне, близком к среднему, например, студенты № 9, 10, 14, 21, 22.

Они сбалансированно участвуют в групповой жизни, демонстрируя умеренную вовлеченность во все три аспекта деятельности. Например, студент № 9 получает 6 выборов в дистант-формате и 3 очно, что находится в рамках средней востребованности.

Пренебрегаемые студенты – это те, чья востребованность в ролях значительно ниже среднего, но они все же сохраняют некоторое минимальное социальное признание, избегая полного исключения. В ролевых функциях они часто не дотягивают до среднего уровня, особенно в дистанционном обучении. Например, № 1, который получает всего 4 голоса дистанционно и 5 очно, явно находится ниже среднего. Студенты № 3 (5 выборов дист., 2 очно) и № 8 (2 выборов дист., 4 очно) также попадают в эту категорию, так как их общая востребованность существенно отстает от среднего показателя (9,6 очно). Они могут выполнять социальные роли, но их вклад статистически менее значим или ситуативен.

Изолированными считаются студенты, которые получают минимальное количество выборов, часто близкое к нулю, что свидетельствует об их фактической изоляции от активной ролевой структуры группы. В таблице ярко выраженными изолированными являются респонденты № 7, № 15 и №20. Первый получает 0 выборов по всем трем ролям в дистанционном формате и только 1 выбор очно, с минимальным количеством осуществленных собственных выборов (1 дист., 0 очно). Второй получает 0 выборов в дистанционном формате по всем ролям и 7 выборов очно, что указывает на сильную зависимость его статуса от формата взаимодействия. Третий же получает 0 выборов в дистанционном формате по всем ролям и 3 очно, также демонстрируя низкую вовлеченность.

3. Очное обучение привело к значительному росту активности студентов в выражении своих предпочтений и симпатий. По всем категориям наблюдалось увеличение числа выборов, что свидетельствует о более глубокой вовлеченности в социальные процессы. Общее количество выборов увеличилось со 145 в дистанционном формате до 173 в очном, среднее значение выборов по всей группе выросло с 6,3 до 9,6. Наиболее заметный прирост произошел в категории «организатор», где среднее количество выборов увеличилось с 6,3 до 9,6, указывая на повышенное внимание к организаторским способностям в условиях личного контакта. Количество взаимных выборов имеет тенденцию к уменьшению, с одной стороны, подтверждая устойчивость сложившихся связей, но с другой стороны, указывает на процесс формирования новых.

4. Коэффициент сплоченности студенческой группы в ситуации ДО составил 0,52 (соответствует уровню развития «группа-кооперация», а в условиях традиционного обучения – 0,37 (уровень развития группы – «ассоциация»), т.е. эффективность группового взаимодействия снизилась при переходе студентов к обычному режиму учебного процесса. Из этого факта вытекает ещё несколько наблюдений.

1) Очевидно, что процесс социализации и освоения неформальных ролей в онлайн пространстве происходит значительно продуктивнее, что неудивительно.

ИКТ помогают молодым людям в создании своего «идеального» образа, который им видится адекватным в ситуации виртуального учебного взаимодействия, способствуют тому уровню «самопрезентации» перед виртуальными одноклассниками, которая будет соответствовать актуальным потребностям студента. Сетевые коммуникативные технологии позволяют выглядеть в лучшем свете и преподнести себя наиболее выгодным образом, и это умение освоено респондентами в достаточной мере.

2) Падение сплоченности группы при переходе от онлайн к офлайн обучению подчеркивает отсутствие необходимой релевантности при восприятии членов друг друга в виртуальной среде. Самопрезентация, осуществленная в условиях онлайн взаимодействия вступает в конфликт с реальным «Я» студента, которое проявляется ежеминутно в повседневной жизни, и не вполне соответствует тому образу, который сложился о нем у других членов группы. Переход на очное обучение детерминирует познание друг друга студентами заново, возвращая их на более низкий уровень групповой сплоченности.

3) Если учесть, что современное общество находится на пороге новой реальности – переход от физической к виртуальной, – то приобретение навыков выстраивания эффективных коммуникаций в различного рода профессиональных, учебных, социальных группах, функционирующих в сети интернет, представляется важным навыком людей XXI века. Одна из задач вуза учить будущих профессионалов жить и работать с новыми требованиями и реалиями социума, в которых требуются иные качества, способности и умения.

Таким образом, переход к очному обучению трансформирует социальную структуру группы, повышая значимость организаторских способностей и выделяя студентов №18 и №23 как лидеров, обладающих высоким организаторским и интеллектуальным потенциалом. Эти студенты, стали ключевыми фигурами для коллектива. Их способность объединять студентов для совместной работы и эффективно организовывать внеучебную деятельность, судя по полученным данным, была значительно усилена в реальном взаимодействии.

Исследование подчеркивает важность непосредственного общения для полноценной социализации, но также указывает на то, что модель гибридного обучения, сочетающая сильные стороны как онлайн, так и офлайн форматов, может стать оптимальным решением. Она позволит сохранить возможности для развития «слабых» социальных связей и освоения цифровых компетенций, свойственных виртуальной среде, одновременно создавая условия для формирования прочных межличностных отношений, развития лидерских качеств и укрепления сплоченности группы, что крайне важно в условиях адаптации к новым реалиям и преодоления последствий тотального дистанционного формата. Дальнейшее исследование роли гибридных форм в формировании социальных связей студентов в подобном контексте является актуальной задачей для отечественной психолого-педагогической науки.

Список литературы

Указ Главы Донецкой Народной Республики от 14.03.2020 года №57 «О введении режима повышенной готовности» (с изменениями). URL: <https://mzdnr.ru/doc/ukaz-glavy-doneckoy-narodnoy-respubliki-no57-ot-14032020-goda-o-vvedenii-rezhima-povyshennoy-yusclid=mj7kvt5fx17833612> (дата обращения: 15.02.2026).

Андреев А. А. К вопросу об определении понятия «дистанционное образование» // Дистанционное образование. 1997. № 4. С. 16-19. EDN: UVYXJH.

Горева О. М. Дистанционное обучение: возможности и перспективы // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 12 – 4. С. 655-659. EDN: VKNCEJ

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31-50. EDN: OYNYKJ.

Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы. Монография. Луганск: Знание, 2008. С. 299-300.

Мудрик А. В. Социализация человека: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Academia, 2006. 304 с. ISBN: 5-7695-3170-3. EDN: QOFUMR.

Нестеров В. К вопросу об эмоциональной насыщенности межличностных коммуникаций в интернете. 2004. URL: <http://www.flogiston.ru/articles/netpsy/netemotions> (дата обращения: 15.02.2026).

Семёнов М. Ю. Виртуальная конкурентоспособность: оценка молодежи // Образование наука. 2018. № 3. С. 100-116. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-3-100-116. EDN: YUJYQE.

Темнова Л. В., Медникова М. М. Влияние виртуального пространства на коммуникацию представителей поколений Z и Y // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 19-23. DOI: 10.24158/tipor.2017.11.3. EDN: ZSMXID.

Тихонов А. Н., Абрамешин А. Е. Управление современным образованием: социальные и экономические аспекты. М.: Вита-пресс, 1998. 284 с.

Тихомиров В. П., Солдаткин В. И. Дистанционное обучение: к виртуальным средам знаний // Научно-практический журнал «Открытое образование». 1999. URL: http://www.e-joe.ru/sod/99/2_99/st158 (дата обращения: 15.02.2026).

Чванова М. С., Анурьева М. С., Киселева И. А. Новые формы социализации студенческой молодежи в интернет-пространстве // Вестник ТГУ. 2017. № 6 (170). С. 32-40. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-6(170)-32-40. EDN: YTSTFI.

Шульга М. М. Особенности процесса социализации в высшей школе // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 287. С. 114-120. EDN: KCPZOD.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ RESEARCH RESULTS IN THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

УДАЛЕННАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ: ЭРОЗИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ И АТОМИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Аманиязов Гурбанмырат Язырадович

учитель, средняя общеобразовательная школа № 29
Болдумсазского этрапа Дашогузского вelaya (Дашогуз, Туркменистан)
amaniyazovgurbanmyrat@gmail.com

Аманиязов Атагелди Язырадович

преподаватель кафедры организация и управления сельского хозяйства,
Туркменский сельскохозяйственный институт, (Дашогуз, Туркменистан)
amaniyazowatageldi@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу удалённой работы как структурного фактора социальной дезинтеграции в условиях цифровой трансформации экономики. Рассматриваются механизмы эрозии горизонтальных связей в трудовых коллективах, процессы индивидуализации профессиональной деятельности и атомизации профессиональных сообществ. На основе междисциплинарного подхода, включающего социологический, институциональный и системный анализ, выявляются изменения в характере корпоративной идентичности, уровне доверия и формах передачи неявных знаний. Обосновывается, что цифровая гиперсвязанность не тождественна социальной интеграции: количественный рост коммуникаций сопровождается снижением их глубины и устойчивости. Делается вывод об амбивалентном характере удалённой занятости, сочетающей расширение сетевых возможностей с рисками фрагментации профессиональной среды и ослабления коллективной солидарности.

Ключевые слова: удалённая работа; социальная дезинтеграция; цифровая экономика; профессиональные сообщества; атомизация; корпоративная идентичность; социальный капитал; дистанционная занятость

REMOTE WORK AS A FACTOR OF SOCIAL DISINTEGRATION: THE EROSION OF SOCIAL TIES AND THE ATOMIZATION OF PROFESSIONAL COMMUNITIES

Gurbanmyrat Ya. Amaniyazov

teacher, Secondary general education school № 29
of Boldumsaz etrap, Dashoguz velayat (Dashoguz, Turkmenistan)
amaniyazovgurbanmyrat@gmail.com

Atageldi Ya. Amaniyazov

lecturer of the department of organization and management of agriculture,
Turkmen agricultural institute, (Dashoguz, Turkmenistan)
amaniyazowatageldi@gmail.com

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of remote work as a structural factor of social disintegration in the context of the digital transformation of the economy. It examines the

mechanisms of erosion of horizontal ties within labor collectives, the processes of professional individualization, and the atomization of professional communities. Based on an interdisciplinary approach that combines sociological, institutional, and systemic analysis, the study identifies transformations in corporate identity, levels of trust, and the transmission of tacit knowledge. It argues that digital hyper-connectivity is not equivalent to social integration: the quantitative growth of communications is accompanied by a decline in their depth and stability. The paper concludes that remote employment has an ambivalent character, simultaneously expanding networking opportunities while increasing the risks of professional fragmentation and weakening collective solidarity.

Keywords: remote work; social disintegration; digital economy; professional communities; atomization; corporate identity; social capital; distance employment

Введение. Распространение удалённой занятости стало одним из наиболее значимых структурных сдвигов в сфере труда начала XXI века. Цифровая трансформация экономики, основанная на развитии информационно-коммуникационных технологий, облачных сервисов, платформенных бизнес-моделей и инструментов дистанционного взаимодействия, изменила пространственно-временные параметры трудовой деятельности. Труд перестал быть жёстко привязанным к конкретному месту и фиксированному графику, что повлекло за собой пересмотр традиционных форм занятости, организационных структур и механизмов профессиональной социализации.

Удалённая работа изначально воспринималась преимущественно как технологическое и управленческое нововведение, направленное на повышение гибкости, снижение транзакционных издержек и оптимизацию использования человеческих ресурсов. Однако со временем она трансформировалась в устойчивую институциональную форму, влияющую не только на экономические показатели, но и на социальную ткань организаций. Массовый переход к дистанционному формату актуализировал вопросы сохранения корпоративной идентичности, поддержания профессиональной солидарности и воспроизводства социального капитала (Сеннет, 2004).

В условиях цифровой среды характер коммуникаций изменяется: они становятся более формализованными, регламентированными и инструментальными. Снижается роль спонтанных контактов и неформальных практик взаимодействия, которые традиционно способствовали укреплению доверия и формированию устойчивых профессиональных связей. Таким образом, удалённая занятость затрагивает не только организационно-экономические аспекты, но и фундаментальные механизмы социальной интеграции.

Проблематика социальной дезинтеграции имеет глубокие теоретические основания в социологической мысли. В трудах Émile Durkheim обосновывалась идея ослабления социальной солидарности в условиях модернизации и усложнения общественной структуры (Дюркгейм, 1996: 214). В рамках концепции «сетевого общества», разработанной Manuel Castells, подчёркивается трансформация социальных связей под влиянием цифровых технологий и переход от устойчивых коллективов к гибким сетевым формам взаимодействия. Эти теоретические положения позволяют рассматривать удалённую работу не

только как организационную инновацию, но и как фактор изменения социальной структуры профессиональной среды.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления долгосрочных социальных последствий дистанционного труда, включая процессы эрозии горизонтальных связей, индивидуализации профессиональной деятельности и атомизации профессиональных сообществ.

Цель исследования – выявить механизмы эрозии социальных связей в условиях удалённой работы и определить её влияние на процессы атомизации профессиональных сообществ. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- проанализировать трансформацию форм трудового взаимодействия в цифровой среде;
- выявить изменения в характере профессиональной идентичности;
- определить риски ослабления коллективной солидарности и профессионального наставничества;
- оценить амбивалентность социальных эффектов дистанционной занятости.

Методология и методы. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, интегрирующий положения социологии труда, институциональной экономики и теории цифрового общества. Такой подход позволяет рассматривать удалённую занятость как сложный социально-экономический феномен, функционирующий на стыке технологических, организационных и культурных изменений.

Теоретическая рамка исследования опирается на концепции социальной солидарности, сетевого взаимодействия и социального капитала, что обеспечивает возможность комплексного анализа процессов дезинтеграции и трансформации профессиональных сообществ.

В рамках работы использованы следующие методы:

1. Теоретический анализ научной литературы, направленный на систематизацию существующих подходов к изучению дистанционной занятости, цифровой трансформации труда и социальной интеграции. Анализ включал сопоставление различных исследовательских позиций и выявление дискуссионных аспектов проблемы.

2. Институциональный анализ, позволивший определить изменения в структуре трудовых отношений, трансформацию корпоративных практик и механизмов регулирования удалённой занятости. Особое внимание уделялось изменениям в распределении ответственности, формировании цифровых норм и трансформации управленческих стратегий.

3. Сравнительный анализ моделей занятости. Сравнение проводилось по критериям плотности коммуникаций, уровня социальной вовлечённости, устойчивости профессиональных связей и степени коллективной идентичности.

4. Системный подход, в рамках которого удалённая занятость рассматривается как элемент более широкой цифровой экосистемы,

включающей платформы, коммуникационные технологии, корпоративную культуру и институциональные нормы. Это позволило выявить взаимосвязь между технологическими изменениями и трансформацией социальной структуры трудовых коллективов.

5. Элементы структурно-функционального анализа, применённые для оценки изменений функций профессиональных сообществ в условиях цифровизации.

Исследование носит теоретико-аналитический характер и направлено на концептуализацию социальных последствий дистанционного труда. Полученные результаты создают основу для дальнейших эмпирических исследований, ориентированных на количественную и качественную верификацию выявленных тенденций.

Научные результаты и дискуссия. Проведённый теоретико-аналитический анализ позволяет утверждать, что переход к удалённому формату занятости приводит к структурному изменению характера социальных связей в организациях. В традиционной модели труда коллектив формируется не только вокруг производственных задач, но и вокруг повседневного взаимодействия, которое обеспечивает воспроизводство норм, ценностей и корпоративной идентичности.

Удалённый формат взаимодействия снижает плотность межличностных контактов и ограничивает спонтанные формы коммуникации. Если в офлайн-среде значительная часть информации передаётся в неформальном пространстве, то в цифровой среде коммуникация преимущественно носит инструментальный и регламентированный характер.

В результате выявлены следующие тенденции:

- сокращение обмена неявными знаниями (tacit knowledge), которые трудно формализуются и передаются через цифровые каналы;
- снижение уровня межличностного доверия, обусловленное отсутствием регулярного личного взаимодействия;
- ослабление чувства принадлежности к коллективу, проявляющееся в снижении вовлечённости и корпоративной идентичности (Патнэм, 1996).

С теоретической точки зрения данный процесс может быть интерпретирован через концепцию аномии, разработанную Émile Durkheim, применительно к цифровой среде. В условиях дистанционного труда формируется феномен «цифровой аномии» – состояние размывания норм коллективного взаимодействия и ослабления социальной регуляции внутри профессиональных групп (Кастельс, 2000: 112).

Дополнительное объяснение можно найти в концепции сетевого общества Manuel Castells, согласно которой цифровые коммуникации усиливают информационные потоки, но одновременно фрагментируют социальную ткань. Коллектив перестаёт быть устойчивой социальной общностью и трансформируется в распределённую сеть функциональных связей (Кастельс, 2000: 112).

Вторым значимым результатом исследования является выявление усиления индивидуализации трудовой деятельности. Удалённая занятость способствует формированию модели автономного профессионального субъекта, который действует вне устойчивого коллективного контекста.

Работник в цифровой среде становится самостоятельной единицей, интегрированной в проект или платформу, но слабо включённой в систему межличностных отношений. Трудовая деятельность оценивается преимущественно по индивидуальным метрикам эффективности, что усиливает персонализацию профессионального статуса.

Выявлены следующие эффекты:

- смещение акцента с коллективной идентичности на личный профессиональный бренд и цифровую репутацию;
- рост конкуренции внутри распределённых команд, где коммуникация часто опосредована цифровыми платформами;
- снижение участия в корпоративных инициативах, не связанных напрямую с индивидуальными задачами;
- перераспределение ответственности с коллективного уровня на индивидуальный.

Данный процесс можно рассматривать как проявление более широкой тенденции к социальному индивидуализму, характерной для позднемодерного общества. Удалённая работа выступает институциональным механизмом, усиливающим данную тенденцию.

Вместо модели «коллективного профессионала» формируется модель «атомизированного специалиста», ориентированного на краткосрочные проекты, гибкие контракты и мобильность (Бауман, 2005). Это ведёт к снижению устойчивости профессиональных связей и к трансформации трудовой солидарности в сторону временных и ситуативных альянсов.

Третьим ключевым результатом является выявление процессов атомизации профессиональных сообществ. Исторически профессиональные группы выполняли не только экономическую, но и социальную функцию – они обеспечивали социализацию, наставничество, передачу норм и формирование профессиональной культуры (Бек, 2000: 56).

В условиях удалённой занятости данные функции трансформируются. Цифровые платформы и онлайн-сервисы создают инфраструктуру для коммуникации, однако эти коммуникации чаще носят эпизодический и инструментальный характер (Стэндинг, 2014: 23).

Это приводит к следующим последствиям:

- снижению устойчивости профессиональных сетей, поскольку связи становятся краткосрочными и проектно-ориентированными;
- фрагментации экспертных сообществ, разделённых по платформам и цифровым экосистемам;
- уменьшению роли неформального наставничества, особенно для молодых специалистов;

– ослаблению механизмов коллективной защиты профессиональных интересов. При этом в научной дискуссии существуют альтернативные оценки. Сторонники позитивного подхода указывают, что удалённая работа способствует интернационализации профессиональных контактов, расширяет доступ к глобальным сетям знаний и снижает территориальные барьеры. Действительно, цифровая среда увеличивает количество связей и облегчает участие в международных проектах. Однако результаты анализа показывают, что расширение сетевых контактов не всегда сопровождается укреплением их глубины и устойчивости. Количественное увеличение коммуникаций не компенсирует снижение качества межличностного взаимодействия.

В долгосрочной перспективе это может привести к трансформации структуры профессиональной солидарности – от устойчивых коллективов к гибким, но социально разобщённым цифровым сетям.

Заключение. Удаленная работа выступает значимым структурным фактором трансформации социальной организации труда. Ее распространение сопровождается процессами эрозии горизонтальных связей, индивидуализации профессиональной идентичности и атомизации профессиональных сообществ.

Социальная дезинтеграция в цифровой среде проявляется не в полном разрыве связей, а в их фрагментации и снижении устойчивости. Для минимизации негативных последствий целесообразно развитие гибридных моделей занятости, поддержка корпоративной культуры и создание цифровых механизмов укрепления профессиональной солидарности.

Таким образом, дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую верификацию выявленных тенденций и разработку инструментов социальной интеграции в условиях цифровой экономики.

Список литературы

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. ISBN: 5-89826-059-5. EDN: RAYTKJ.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Сеннет Р. Коррозия характера: личность и работа в условиях нового капитализма. М.: Логос, 2004.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Патнэм Р. Чтобы демократия работала: гражданские традиции в современной Италии. М.: Аспект Пресс, 1996.

КТО Я В КОМАНДЕ: КАК ИЗМЕНИЛИСЬ РОЛИ В СМЕЖНЫХ ПОКОЛЕНЧЕСКИХ СРЕДАХ

Виниченко Виктория Александровна,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики и управления,
Сибирский государственный университет водного транспорта
(Новосибирск, Россия)
vika_06.07@mail.ru

Непомнящих Анастасия Алексеевна,
студент, Сибирский государственный университет водного транспорта
(Новосибирск, Россия)
n.stasya.a01@yandex.ru

Аннотация. В работе представлены результаты обследования почти 500 представителей трех поколенческих групп в возрасте от 18 до 60 лет. Проведена оценка наиболее характерной для них роли в команде по методике Р. М. Белбина. Дана динамическая оценка соотношения ролей в смежных поколенческих группах. Указывается на методические проблемы оценивания – разные авторы используют разные классификационные параметры ролевого профиля. Приводится различие в ролевом и типологическом подходе к командообразованию. Излагаются барьеры, существующие в системе российского менеджмента, препятствующие формированию успешных команд. Рассматриваются результаты составления ролевых профилей у первых лиц российских предприятий.

Ключевые слова: командообразование; роль; ролевой профиль; теория поколений; типологический подход; ролевой подход; модель Р. М. Белбина

WHO AM I IN THE TEAM: HOW ROLES HAVE CHANGED IN RELATED GENERATIONAL ENVIRONMENTS

Victoria A. Vinichenko,
candidate of economic sciences, associate professor,
head of the department of economics and management
Siberian state university of water transport,
(Novosibirsk, Russia)
vika_06.07@mail.ru

Anastasia A. Nepomnyashchikh,
student, Siberian state university of water transport,
(Novosibirsk, Russia)
n.stasya.a01@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a survey of almost 500 representatives of three generational groups aged 18 to 60 years. The assessment of the most typical role for them in the team was carried out according to the methodology of R. M. Belbin. A dynamic assessment of the correlation of roles in related generational groups is given. Methodological problems of assessment are pointed out – different authors use different classification parameters of the role profile. The difference in the role and typological approach to team building is given. The barriers existing in

the Russian management system that prevent the formation of successful teams are outlined. The results of the compilation of role profiles of the top officials of Russian enterprises are considered.

Keywords: team building; role; role profile; theory of generations; typological approach; role approach; R. M. Belbin's model.

Введение. Особенностью современного общества является непрерывное обучение на протяжении всей жизни. Навыкам захвата предметов обучаются сразу после рождения. Освоение профессиональных навыков продолжается до выхода на пенсию. Когнитивным навыкам люди обучаются от самого рождения вплоть до наступления биологической смерти.

Однако, как бы ни был обучен человек, он не в состоянии в одиночку противостоять всем вызовам, с которыми сталкивается в течение жизни. Решение задач более эффективно осуществляется в команде путем сочетанности разных компетенций. По этой причине человеку свойственно объединяться в группы или команды. Начинается этот путь с групп в детском саду, где происходит первое знакомство с навыками командообразования. Далее это школьные классы, студенческие группы. Человек объединяется в социальные ячейки для создания семьи, рождения детей, ведения совместного быта. Работники предприятия также объединяются в команды для более эффективного выполнения трудовых функций.

Команда решает разные задачи – от реализации проекта (Кудрявцева и др., 2019: 48) до формирования программы по выходу страны из кризиса (Ксензов, 2013: 61). В 70% случаев проект становится убыточным при неумении формировать команду и управлять ей (Костина и др., 2019: 50).

Однако не всем участникам современного общества понятно, каким образом должны формироваться команды. При создании команды действует множество факторов – гендерная принадлежность, иерархия в рассматриваемом обществе, психологический климат, поколенческие особенности и другие. По этой причине некоторые команды испытывают на себе негативное влияние взаимодействия входящих в ее состав участников. Такие команды распадаются (если есть такая возможность), не достигнув результата, или продолжают функционировать, демонстрируя деструктивное поведение. Таким образом, процесс командообразования может повысить результативность команды или причинить вред.

Важная роль при формировании команды отводится HR-подразделениям, поскольку именно они ответственны за подбор, обучение и развитие персонала (Храмова, 2023: 117). Критически значимым свойством команды является ее однородность. Команды могут комплектоваться в соответствии с типологическим и ролевым подходами. Типологические команды построены на определении личностных психологических качеств (типа) участников и подборе на основе полученного типа наиболее подходящую роль. Ролевые же ориентируются на конкретные навыки. Считается, что типологический подход более устойчив во времени, тогда как ролевой отличается гибкостью и может изменяться с течением времени или в зависимости от условий (Русакова, 2013:

172). Например, в зависимости от обратной связи на «проигрывание» роли. Если какое-то ролевое поведение вознаграждается, то высока вероятность того, что оно будет повторено. Если же ролевое поведение игнорируется или имеет негативную обратную связь, то высока вероятность снижения частоты повторения такого поведения (Карпова и др., 2016: 18).

Проведенный эксперимент (Бажин и др., 2014: 574) показал, что к самообучению способны гомогенные по ролевому составу команды (в отличие от гетерогенных). Хотя на первых этапах преимущество было именно за гетерогенными командами. Гомогенные команды повышают свою эффективность со временем, гетерогенные – утрачивают ее.

В процессе командообразования обязательно присутствует творческое начало, а члены команды объединены одной целью и разделяют ответственность за результаты (Гаврилова, 2024: 34). Ключевым условием успеха команды является разделение идей и ценностей компании / руководителя компании и самого проекта. В крайнем случае, члены команды не должны возражать против них (Машкова, 2024: 52). Существуют различные взгляды в отношении трудовых ценностей представителей разных поколенческих групп. Ответственность за полученные результаты также относится к трудовым ценностям. Признается, что представители современного поколения, получившего название Z в меньшей мере склонны брать на себя ответственность и предпочитают решать задачи самостоятельно. Для представителей молодого поколения характерен индивидуализм и высокий уровень амбиций. Чаще всего «зеты» верят, что они сами справятся со всеми задачами не хуже команды. Без привязки к поколенческой группе, следует отметить, что существует тип людей, которым некомфортно работать в команде (Гребенникова и др., 2020: 80).

Целью настоящего исследования является сравнение соотношения каждой роли в среде представителей различных поколенческих групп. Для определения роли использовалась методика Р. М. Белбина. Основная исследовательская гипотеза заключалась в следующем: пол и возраст являются значимыми при формировании «ролевого профиля».

Методология и методы. В качестве эмпирической базы использовался массив, включающий данные 449 респондентов (из них 49% мужчины и 51% – женщины), полученные в рамках образовательного процесса (в основном в процессе изучения дисциплин «Управление социально-трудовыми отношениями» и «Современный стратегический анализ»). Представители поколения Z (82%) – студенты бакалавриата; представители поколений Y (11%) и X (7%) – обучающиеся на заочной форме обучения магистранты и преподаватели.

В границах настоящего исследования принята следующая возрастная дифференциация поколенческих когорт:

- поколение X – люди, рожденные в 1965-1983 гг.;
- поколение Y – люди, рожденные в 1984-1999 гг.;
- поколение Z – люди, рожденные в 2000-2010 гг.

Половозрастной состав респондентов представлен в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение респондентов по полу и возрасту

Пол	Значение показателя по поколениям						Итого
	Z		Y		X		
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	
Мужчины	176	48	29	58	13	42	218
Женщины	192	52	21	42	18	58	231
Итого	368	100	50	100	31	100	449

Таким образом, практически соблюдается паритет по гендерному составу участников исследования. Поколенческие диспропорции сглаживаются результатами исследований других авторов, что позволяет считать полученные результаты валидными.

Для проверки гипотезы была использована методика Р. М. Белбина, которая активно используется в исследованиях и практике командообразования (Селезнева, 2021: 146). Методика предполагает, что все роли в команде можно разделить на три категории (Семина, 2021: 687):

- роли, ориентированные на действия (рабочая пчелка, руководитель, снабженец);
- роли, ориентированные на работу с людьми (контролер, вдохновитель, мотиватор);
- роли, ориентированные на работу с мышлением (аналитик, генератор идей).

При оценке ролевого профиля использовался онлайн-ресурс, размещенный в открытом доступе и доступный для каждого¹.

В исследовании ролей и вопросов командообразования по методике Р. М. Белбина возникают методические сложности из-за различий в интерпретации ролей. Так, например, в работе Е. В. Селезневой и др. (Селезнева и др., 2021: 160) используется следующая классификация из 10 ролей: организатор, аналитик, эксперт-профессионал, дипломат, штабник, наставник, контролер, хозяйственник, инноватор, кадровик. В работе Л. М. Ужаховой и др. (Ужахова, 2022: 4) работа построена на 9 ролях: формирова-тель, исполнитель, доводчик, председатель, разведчик, коллективист, мыслитель, оценщик, специалист. Причем, указывается, что специалист выявлен позднее.

На базе 8 ролей строится работа Г. Д. Костиной и др. (Костина и др., 2019: 50). Предполагается, что в проекте могут быть роли: председатель, оформитель, генератор идей, критик, рабочая пчелка, опора команды, добытчик и завершающий. Также 8 ролей рассматривает И. А. Крутий (Крутий, 2018: 19): творец, исследователь ресурсов, эксперт, специалист, генератор идей, реализатор, дипломат, координатор.

¹ Платформа «Психологические тесты онлайн». URL.: <https://psytests.org/> (дата обращения: 25.12.2025).

Для исключения искажения работа Т. В. Сотниковой (Сотникова, 2016: 323) содержит англоязычные названия девяти ролей: Plant, Resource investigator, Coordinator, Shaper, Monitor evaluator, Teamworker, Implementer, Completer, Specialist. Однако и англоязычных версий наименования ролей также можно встретить несколько. Например, в своей работе А. А. Литвинюк (Литвинюк, 2025: 533) приводит названия ролей на английском и русском языках. Следует отметить, что ролей в этой интерпретации восемь: Chairman (председатель), Shaper (формирователь), Plant (мыслитель), Monitor evaluator (аналитик), Company worker (исполнитель), Resource investigator (разведчик), Team Worker (коллективист), Finisher (доводчик).

Научные результаты и дискуссия. Любая команда начинается с ядра – конкретного человека-лидера, вокруг которого происходит сплочение остальных членов коллектива (Донина и др., 2020: 28). Важно, чтобы лидер команды умел дублировать хотя бы на удовлетворительном уровне все остальные роли в команде.

При этом, необходимыми ролями, по мнению Т. В. Сотниковой (Сотникова, 2016: 323) являются всего две: снабженец (Resource investigator) и мотиватор (Shaper). Все остальные роли признаются желательными (генератор идей, руководитель, вдохновитель, эксперт) или поддерживающими: (аналитик, рабочая пчелка, контролер). Совсем не обязательно, чтобы команда состояла из всех 8-10 ролей. На практике часто случается, что роли дублируются или совмещаются одним участником.

Однако в такой ситуации может быть скрыта ловушка. Особенно часто она встречается при формировании команд для ИТ-проектов. Наиболее квалифицированные сотрудники, которые больше всего разобрались в конкретной проблеме, привлекаются одновременно в несколько команд проектов. Формируется режим многозадачности. Доказано, что производительность сотрудника сокращается при выполнении более, чем двух задач одновременно. Наиболее существенное расходование энергии осуществляется на переключение между задачами, погружение в контекст каждой из них и общение с участниками разных команд (Никулина и др., 2021: 95).

При этом важным фактором, обеспечивающим успех команды, является специализация участников. Особенно это проявляется в медицинской среде. Так, С. Ш. Гацаевым совместно с коллегами (Гацаев и др., 2025: 144) были апробированы различные варианты формирования команд из числа медицинских работников. Мультидисциплинарная команда, когда каждый отвечал за свою узкую область не позволило обеспечить комплексный уход по причине слабого взаимодействия между членами команды. В трансдисциплинарных командах каждый участник выполнял схожие функции вне зависимости от специализации увеличивался риск пропуска критически значимых аспектов ухода и мало подходил для сложных клинических случаев. Интердисциплинарный подход, при котором осуществляется тесное взаимодействие участников и обмен знаниями. При этом, важным условием интердисциплинарного подхода является учет не только профессиональных

(в данном контексте медицинских), но и социальных и психологических аспектов функционирования команды и, как следствие, удовлетворения потребностей бенефициара.

Важным является момент ввода критически значимых участников в проект. В случае, если проект технически сложный, ввод ключевого участника станет переломным с точки зрения успешности всего проекта (Кудрявцева и др., 2019: 48).

Существует точка зрения (Муругова, 2012: 41) о том, что упрощает процесс формирования команды наличие «каталога личностей» и различные классификации персонала. При такой ситуации легко подбирать персонажей с наиболее характерными для них ролями для решения поставленных перед командой задач. В настоящее время такой «каталог» существенным образом сужается – становится меньше генераторов идей, аналитиков, рабочих пчелок и руководителей. Этот вывод подтверждается не только результатами эмпирических исследований авторов настоящей работы (Таблица 2), но и результатами, обозначенными в статье Ужаховой Л. М. и др. (Ужахова и др., 2022: 4) – наименьшее количество из общего числа респондентов отводится на председателя (руководителя), оценщика (аналитика), доводчика и исполнителя (рабочих пчелок).

Таблица 2

Распределение ролевых профилей по полу и возрасту

Пол	Значение показателя по поколениям					
	Z		Y		X	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Рабочая пчелка	21	7	8	17	5	19
Руководитель	29	9	7	15	2	7
Мотиватор	92	29	4	9	2	7
Генератор идей	16	5	5	11	5	19
Снабженец	21	7	3	7	4	15
Аналитик	10	3	7	15	6	22
Вдохновитель	106	33	4	9	1	4
Контролер	25	8	8	17	2	7
Итого	320	100	46	100	27	100

По сравнению с представителями самого взрослого поколения X значительно увеличилась в молодом поколении доля мотиваторов и вдохновителей (на 22 и 29% соответственно). Отчасти это объясняется всеобъемлющим доступом к технологиям и информации. Высокая доля времени, проведенного в социальных сетях зачастую связана именно с поиском вдохновений и смыслов. Молодые люди успешно направляют энергию в конструктивное русло через постоянный рост и саморазвитие. Молодежь охотно делится своими успехами через ведение личных блогов и страниц в социальных

сетях. Таким образом, в их понимании, они мотивируют своих подписчиков на непрерывное достижение успеха.

Одним из признаков успешной команды называется стратегическое мышление и видение членов команды (Апенько, 2022: 186), которое в большей мере присутствует у представителей поколений X и Y и в меньшей степени – у представителей поколения Z.

Эффективность любой команды зависит от наличия и степени сформированности профессиональных компетенций, готовности участников команды выполнять функции, предусмотренные ролями, и открыто выражать новые идеи (Романенко, 2024: 156). Полученные результаты обследования поколенческих групп показали, что доля генераторов идей с уменьшением возраста участников сокращалась возрастом участников (Рисунок).

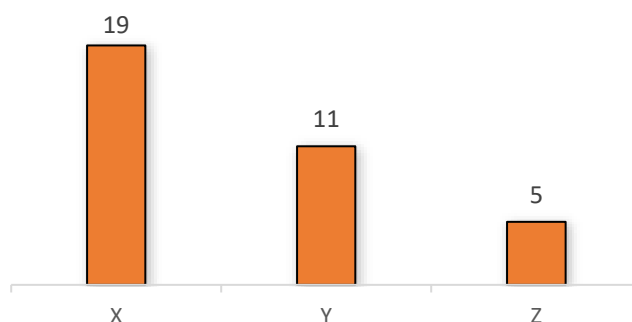

Рис. Доля генераторов идей среди поколенческих групп (%) без учета гендерного фактора

В данном случае нельзя говорить о неуверенности участников или недостатке опыта. Каждая группа проходила обследование в своей среде абстрактно без привязки к решению конкретной практической задачи.

В результатах половозрастного анализа руководящего состава прослеживается связь между уровнем занимаемой позиции и определенной ролью в соответствии с классификацией Р. М. Белбина (Селезнева и др., 2021: 146). Так, для первых лиц до 45 лет среди женщин чаще всего встречаются роли хозяйственника (в принятой для статьи классификации – снабженец) (54,3%), среди мужчин – кадровик (мотиватор) (71,4%). Для более старшей возрастной группы – от 45 лет среди женщин чаще встречаются хозяйственник (66,3%), среди мужчин – хозяйственник (71,4%) или организатор (руководитель) (71,1%).

В российской управленческой практике не всегда руководители охотно идут на формирование успешных команд. Нередко это связано с рядом особенностей отечественного менеджмента. Во-первых, лидер в окружении эффективной команды может стать успешнее руководителя предприятия, что является психологическим барьером в процессе признания недостаточного уровня компетентности у последнего. Во-вторых, барьером служит сопротивление со стороны работников при формировании команды, что связано со сложившимися стереотипами о том, что профессиональная успешность носит исключительно индивидуальный характер (Литвинюк, 2025: 529).

Заключение. Проведенный анализ свидетельствует о динамичности изменения модели составления ролевого профиля под влиянием фактора времени. Смежные поколенческие ролевые профили отличаются в меньшей степени, в то время как профили поколений X и Z отличаются существенно. С учетом того, что в настоящий момент на рынке труда функционирует одновременно 4 поколенческих группы (бэби-бумеры, иксы, миллениалы и зумеры), можно судить о возможности применения полученных результатов для подбора сбалансированных команд из сотрудников разных поколенческих когорт.

Перспективы исследования могут быть связаны одновременно с двумя направлениями:

- изучение факторов, обеспечивающих ранее выявление проблем в процессе функционирования команды через описание динамических характеристик каждой роли, изменившейся с приходом представителей новой поколенческой когорты и присущих для них трудовых ценностей. Сами роли трансформировались по причине изменения трудовых функций на фоне глубокого проникновения цифровых технологий в проектную деятельность;
- унификация и приведение в единое терминологическое пространство концептуальных ролей, используемых в контексте модели Р. М. Белбина.

Список литературы

Апенько С. Н., Латышев А. С., Ефимова Г. З. Оценка согласованности стратегических целей трансформации университетов в проектных командах вузов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 184-193. DOI: 10.17223/15617793/484/21. EDN: KDPWDX.

Бажин А. С., Светайло Р. В., Овчинников А. С. Исследование способности профессиональных команд к самообучению в зависимости от их ролевого состава // Экономика и социум. 2014. №4-1(13). С. 571-574. EDN: TKBMCZ.

Гаврилова Е. В. Влияние психотипа человека на распределение ролей в команде // Коллекция гуманитарных исследований. 2024. № 3(40). С. 33-40. DOI: 10.21626/j-chr/2024-3(40)/4. EDN: VQASMT.

Гацаев С. Ш., Шалыганова Е. А., Жеглатая Т. П., Романенкова А. С. Особенности организации паллиативной помощи в многопрофильных лечебных учреждениях: роль мультидисциплинарной команды // Вестник национального медико-хирургического центра им. Н. И. Пирогова. 2025. № 3. С. 141-146. DOI: 10.25881/20728255_2025_20_3_141. EDN: ANGVMV.

Гребенникова М. А., Чепурова И. Ф., Гладышева А. В. Формирование команд по управленческим ролям // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2020. № 2(260). С. 79-85. EDN: PQTRLZ.

Донина И. А., Семейкина Т. А., Мулкаманова Е. В. Роль управленческой команды в развитии сельской малокомплектной школы // Педагогический вестник. 2020. № 16. С. 27-29. EDN: AMUELZ.

Карпова Е. А., Воронина М. Ф. Перспективы формирования и развития групп: ролевой подход // Социология и право. 2016. № 2(32). С. 14-23. EDN: WQSSMN.

Ксензов С. В. Роль личности и «Команды» в борьбе с мировым экономическим кризисом // Мир новой экономики. 2013. № 2. С. 55-63. EDN: TTITJZ.

Костина Г. Д., Торгашова А. В. Формирование, развитие и управление командой проекта на основе комплексного подхода // ЭСГИ. 2019. № 4(24). С. 49-55. DOI: 10.24151/2409-1073-2019-4-49-55. EDN: GHFHCD.

Крутий И. А. Командное взаимодействие аспирантов. Симуляционное обучение работе в команде // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2018. № 3 (33). С. 11-24. DOI: 10.24411/2220-8453-2018-13001. EDN: YUQVVJ.

Кудрявцева Е. И., Волкова Н. В. Роль сетевой коммуникативной активности в формировании проектной команды // Российский журнал менеджмента. 2019. №47-70. DOI: 10.21638/spbu18.2019.103. EDN: NXEHEN.

Литвинюк А. А. Тимбилдинг в HR-менеджменте: проблемы эволюции рабочей группы в команду // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 3. С. 527-544. DOI: 10.18334/lim.12.3.122606. EDN: AIVCBN.

Машкова Е. В. Роль этики основателя в формировании корпоративной культуры и эффективной команды // Журнал прикладных исследований. 2024. № 11. С. 49-53. DOI: 10.47576/2949-1878.2024.11.11.007. EDN: NYAPDE.

Муругова Е. Г. Командный менеджмент: ролевые позиции в команде // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 41-43. EDN: PULWON.

Никулина Н. О., Малахова А. И., Баталова В. И. Методика оценки вклада участников проектной команды в достижение целей ИТ-проекта // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2021. № 2(22). С. 94-104. DOI: 10.38028/ESI.2021.22.2.010. EDN: GGCNSD.

Романенко М. А. Гибкое управление инновационными проектами предприятий: функции и компетенции // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. № 5. С. 148-167. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-5-148-167. EDN: RPWWUF.

Русакова М. С. Возможности и ограничения типологического подхода в командообразовании // Дискуссия. 2013. № 10 (40). С. 172-178. EDN: ROCSDP.

Селезнева Е. В., Трифонова А. В., Чирковская Е. Г. Половые и возрастные особенности в структуре управленческих ролей // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. №85. С. 142-166. DOI: 10.24412/2070-1381-2021-85-142-166. EDN: QXXXVI.

Семина А. П. Влияние командной формы организации труда на эффективности организации. Формирование «суперкоманды» // Московский экономический журнал. 2021. № 11. С. 682-699. DOI: 10.24412/2413-046X-2021-10696. EDN: YXKSGP.

Сотникова Т. В. Особенности формирования рабочих команд // МНКО. 2016. № 2(57). С. 321-324. EDN: VVNZLD.

Ужахова Л. М., Чащина А. Ю., Ротова С. Д. Распределение и реализация командных ролей в проектной деятельности студентов // Вестник Евразийской науки. 2022. Т. 14, № 2. С. 1-14. URL: <https://esj.today/PDF/10ECVN222.pdf> (дата обращения: 09.01.2026).

Храмова А. В. Роль HR-службы в формировании команды проекта // Вестник НИБ. 2023. № 4 (52). С.113-118. EDN: EANRSU.

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТЕЙ ПО ВЫБОРУ КРИТЕРИЕВ ОТНЕСЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ К ТИПУ ГОРОДА

Заборова Елена Николаевна,

доктор социологических наук, профессор, профессор
Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург, Россия)
ezaborova@yandex.ru

Аннотация. Города являются центрами экономической, политической, социокультурной активности, их рост отражает степень продвижения страны по пути цивилизационного развития. Базовым и ключевым моментом является четкое понимание дефиниции «город», обозначение критериев его выделения. В нашей стране право отнесения поселения к городскому или сельскому принадлежит региональным властям. Цель статьи – проанализировать практику применения критериев города в работе органов региональной власти. *Методология и методы.* Существует огромное количество публикаций на тему методологических подходов и оценки критериев определения города, в том числе достаточно много обзорных статей. Их анализ позволил выработать многокритериальный качественно-количественный методологический подход, используемый в данной работе. Эмпирическую базу образуют Законы об административно-территориальном устройстве регионов Уральского федерального округа, статистические материалы о количестве городских жителей за 15 лет в Свердловской области. *В результате* обнаружена значительная дифференциация в использовании как количественных, так и качественных критериев. Некоторые регионы избегают использовать количественные критерии, но применяют качественные. Единая унифицированная система критериев отсутствует как на региональном, так и на федеральном уровнях. *Выводы.* Разнобой в критериях приводит к искажению статистических данных, ошибкам в оценке уровня урбанизации, имеет экономические последствия, связанные с налогообложением территории в зависимости от статуса поселения как городского или сельского, возникают трудности в разработке стратегических планов развития территории. Требуется создание единых методических рекомендаций для регионов, отражающих многокритериальную качественно-количественную модель города.

Ключевые слова: город; дефиниция город; количественные критерии; качественные критерии

ANALYSIS OF THE REGIONAL AUTHORITIES' PRACTICE IN SELECTING CRITERIA FOR CLASSIFYING SETTLEMENTS AS CITIES

Elena N. Zaborova,

doctor of sociological sciences, professor, professor,
Ural state university of economics
(Yekaterinburg, Russia)
ezaborova@yandex.ru

Abstract. Cities are centers of economic, political, and socio-cultural activity, and their growth reflects the country's progress on the path of civilizational development. A clear understanding of the definition of “city” and the criteria for its identification are essential. In our country, the right to classify a settlement as urban belongs to the regional authorities. The purpose of this article is to analyze the practice of applying. *Methodology and methods.* There are a huge number of publications on the topic of methodological approaches and evaluation of criteria for determining

a city, including quite a few review articles. Their analysis has allowed us to develop a multi-criteria qualitative and quantitative methodological approach, which is used in this work. The empirical base is formed by the Laws on the administrative and territorial structure of the regions of the Ural Federal District, as well as statistical data on the number of urban residents over the past 15 years in the Sverdlovsk Region. *As a result*, there is a significant differentiation in the use of both quantitative and qualitative criteria. Some regions avoid using quantitative criteria, but apply qualitative criteria. There is no unified system of criteria at both the regional and federal levels. *Conclusions*. The diversity of criteria leads to distortion of statistical data, errors in assessing the level of urbanization, and has economic consequences related to the taxation of territories based on their urban or rural status, as well as difficulties in developing strategic plans for territorial development. It is necessary to create unified methodological recommendations for the regions that reflect the multi-criteria qualitative and quantitative model of the city.

Keywords: city; city definition; quantitative criteria; qualitative criteria

Введение. Города во все времена были воплощением достижений человеческой цивилизации, показателем ее плюсов и минусов. Крупные города являются центрами: экономической активности, финансовой деятельности, сосредоточения предприятий и организаций, инноваций; научно-технических достижений современной информационно-цифровой эпохи; концентрации населения, миграционных потоков; образовательной и культурной жизни; центрами власти. При этом город – это явление противоречивое, каждая положительная черта сопровождается отрицательной, достижения соседствуют с проблемами.

В настоящее время урбанизационные процессы, рост городов и распространение городского образа жизни продолжают активно развиваться на планете, городское население увеличивается. Уровень урбанизации является показателем развития страны и степени ее продвижения по пути исторического прогресса.

При этом как в зарубежной, так и отечественной практике отсутствует единая методология отнесения поселения к типу город, каждая страна использует свою систему критериев. В нашей стране государственные и муниципальные органы используют единую классификацию, закрепленную в Законах, методических рекомендациях, согласно которой города подразделяются на сверхкрупные города (свыше 3 млн чел.), крупнейшие (от 1 млн до 3 млн чел.), крупные (от 250 тыс. до 1 млн чел.), большие (от 100 тыс. до 250 тыс. чел.), средние (от 50 тыс. до 100 тыс. чел.), малые города и поселки (до 50 тыс. чел.). Однако при всей кажущейся стройности данной классификации нижняя граница малого города, его количественное отличие от поселка городского типа вариативно, общепринятые критерии не определены. Сегодня каждый регион вправе сам определять критерии отнесения поселения к городскому или сельскому, что искажает статистику показателей и приводит к необъективной оценке уровня урбанизированности территорий.

Цель статьи – проанализировать практику применения критериев отнесения поселения к городскому на примере Уральского федерального округа.

Методология и методы. Дефиниция город – ключевая в урбанографии, поэтому ее анализу посвящено огромное количество научных трудов как

классиков урбанистики, так и современников. Обилие публикаций по этому вопросу привело к появлению отдельных публикаций, целенаправленно посвященных обзорам методологических подходов, дефиниций города, сравнению точек зрения классиков и современных авторов (Козлова, Хитров, 2024; Спиридонова, 2010; Трубицын, 2020).

Литература изобилует многообразием используемых методологических подходов. Среди них наиболее популярными можно назвать *экономико-географический*, акцентирующий внимание на функциях города (В. Зомбарт, Ф. Бродель, Е. Анимица, Н. Власова); *цивилизационный и формационный* подходы, считающих город важнейшим компонентом цивилизации на определённом этапе ее существования (Н. Данилевский, О. Шпенглер, Г. Чайлд); *социально-пространственный*, рассматривающий город как особое место в системе расселения, центр притяжения и активности (Д. Харвей, Ф. Ратцель); *социокультурный*, исследующий город как среду жизнедеятельности людей, городскую общность, городской образ жизни (К. Линч, А. Гутнов) и др. Большинство ученых используют многокритериальный подход, что отражает сложность и многогранность феномена город (М. Вебер, Л. Вирт).

Более общим считается подход, согласно которому все критерии можно подразделить на количественные и качественные. Количественный подход был обозначен в трудах Л. Вирта, который в начале прошлого века выделил такие критерии как «размер», «плотность» и «гетерогенность» (Собственная логика..., 2017:15). В настоящее время в статистической практике используются такие количественные критерии как количество городов, численность и плотность населения.

Большая дифференциация наблюдается и при использовании качественных подходов. Авторы пытаются понять сущность города и дать ему определение исходя из анализа видов деятельности, которые реализуются на его территории (выделяют производственную, научно-образовательную, транспортно-логистическую, рекреационную и др.). Достаточно много авторов при этом делают акцент на несельскохозяйственном характере городской деятельности, другие, с мнением которых мы солидарны, считают, что этот критерий нельзя считать специфичной чертой городов, существуют и агрогорода (Веретенникова, 2024).

К другим качественным критериям относятся такие как указание на официальный статус города, городской образ жизни и специфику городской социальной общности, уровень благоустройства территории, комфортность среды проживания и другие.

Многокритериальный подход, подразумевающий разделение критериев на количественные и качественные, изложенный в работах перечисленных и других авторов, используется как методологический в данной работе.

Эмпирическую базу образуют официальные Законы об административно-территориальном устройстве субъектов РФ, в том числе – 6 законов Уральского федерального округа. Использованы статистические данные численности населения городов Свердловской области за 15 лет.

Научные результаты и дискуссия. В настоящее время право присвоения поселению статуса городского или сельского принадлежит региональным властям и их решения в форме критериев отражаются в Законах об административно-территориальном устройстве. Анализ этих законов выявил большую дифференциацию в используемых критериях (Таблица 1).

Таблица 1

Количественные критерии выделения городских поселений в региональных законах
Уральского федерального округа

Закон об административно-территориальном устройстве	Город	Поселок городского типа
Закон Свердловской области от 13 апреля 2017 года (с изменениями на 19 ноября 2025 года)	Не определено	Не определено
Закон Челябинской области от 8 ноября 2006 года N 66-ЗО (с изменениями на 19 сентября 2025 года)	Численность населения как правило составляет более 12 тысяч человек	Численность населения как правило составляет от 10 до 12 тысяч человек
Закон Курганской области от 27 декабря 2007 года N 316 (в редакции от 04.05.2023 N 15)	Численность населения не менее 9 тыс. человек	Численность населения не менее 4 тысяч человек
Закон Тюменской области от 04 ноября 1996 года N 53 (с изменениями на 23 июня 2025 года)	Не определено	Численность населения не менее 15 тысяч человек и число работающих в промышленности не менее 85 процентов от общего числа работающих
Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры №43-оз от 07.07.2004	Не определено	Не определено
Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 06.10.2006 N 42-ЗАО (с изменениями и дополнениями)	Численность населения не менее 12 тысяч человек	Численность населения не менее 3 тысяч человек, в отдельных случаях менее 3 тысяч человек.

Составлено автором на основе анализа официальных документов

Количественный критерий считается наиболее четким, следовательно, должен активно применяться на практике. Однако анализ таблицы 1 показывает, что это присуще не всем регионам: Свердловская область и Ханты-Мансийский автономный округ не используют числовой критерий. Следует заметить, что в Свердловской области в более раннем законе от 20.05.1997 № 30-ОЗ и его редакций 2001 и 2004 гг. числовой критерий использовался (поселения с численностью населения в 12 тыс. относились к городу), однако в более поздней редакции Закона власти от него отказались.

Среди субъектов, использующих числовой критерий, наблюдается большой разброс в числовых показателях – от 9 тыс. (Курганская область) до

12 тыс. (Ямало-Ненецкий автономный округа). Закон Тюменской области от 4 ноября 1996 года N 53 начинает считать поселение поселком городского типа, если численность населения в поселении не менее 15 тысяч человек.

Вариативность количественных критериев, используемых на практике региональными властями, свидетельствует об отсутствии унификации и означает искажение данных об уровне урбанизации региона.

Большой разницей наблюдается и в использовании качественных критериев (Таблица 2).

Таблица 2

Качественные критерии выделения городских поселений в региональных законах
Уральского федерального округа

Закон об административно- территориальном устройстве	Городское поселение (город и поселок городского типа)
Закон Свердловской области от 13 апреля 2017 года (с изменениями на 19 ноября 2025 года)	Населенный пункт, большинство жителей которого занято в промышленности, науке, торговле и (или) связанных с ними отраслях, обладающий индустриальным потенциалом
Закон Челябинской области от 8 ноября 2006 года № 66-ЗО (с изменениями на 19 сентября 2025 года)	Численность населения как правило превышает 10 тысяч человек и который, исходя из характера занятий большинства его трудоспособных жителей, отнесен в установленном законодательством порядке к типу городов или поселков городского типа (рабочие поселки),
Закон Курганской области от 27 декабря 2007 года № 316 (в редакции от 04.05.2023 N 15)	Города и поселки городского типа, на территории которых могут находиться промышленные организации, организации стройиндустрии, железнодорожные узлы, гидротехнические сооружения, организации по производству и переработке сельскохозяйственной продукции и другие экономически важные объекты, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные организации
Закон Тюменской области от 04 ноября 1996 года № 53 (с изменениями на 23 июня 2025 года)	Включают города и поселки городского типа Экономические и культурные центры, имеющие важное промышленное, социально-культурное и историческое значение, перспективу дальнейшего экономического развития и роста численности населения
Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры №43-оз от 07.07.2004	Населенный пункт (город, поселок городского типа), который исходя из численности населения, социально-экономического и культурно-исторического значения отнесен в установленном порядке к категории городов, поселков городского типа
Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 06.10.2006 № 42-ЗАО (с изменениями и дополнениями)	Населённый пункт (город, посёлок городского типа), трудоспособное население которого преимущественно занято в промышленности, торговле и других отраслях, характерных для городских населённых пунктов.

Составлено автором на основе анализа официальных документов

Региональные власти используют качественные критерии применительно к определению городских поселений, что означает смешивание, объединение в единое целое городов и поселков городского типа. Качественные критерии вариативны и разнообразны.

Свердловская область использует указание на специфические виды деятельности в поселении (большинство жителей занято в промышленности, науке, торговле и (или) связанных с ними отраслях, обладающих индустриальным потенциалом). Аналогично власти Челябинской области считают, что город определяется исходя из характера занятий большинства его трудоспособных жителей (характер не раскрывается). В Законе Ямало-Ненецкого автономного округа городское трудоспособное население должно быть занято преимущественно в промышленности, торговле и других отраслях, характерных для городских населённых пунктов. Закон об административно-территориальном делении Курганской области содержит перечень организаций, расположенных в поселении, что позволяет опосредованно выявить виды деятельности жителей (промышленные организации, организации стройиндустрии, железнодорожные узлы, гидротехнические сооружения, организации по производству и переработке сельскохозяйственной продукции и другие экономически важные объекты, организации, осуществляющие образовательную деятельность, научные организации).

Законы Ханты-Мансийского автономного округа и Челябинской области фиксируют официальный статус города (городским является поселение, которое в установленном законодательством порядке относится к типу городов).

Большим разнообразием качественных критериев отличается Закон Челябинской области. В нем обозначены такие критерии как центральность (города – это экономические и культурные центры), указание на историческую ценность города (центры, имеющие важное промышленное, социально-культурное и историческое значение), перспективу развития (имеют перспективу дальнейшего экономического развития и роста численности населения).

Важно подчеркнуть, что если количественные критерии используют не все регионы, то качественные применяют все, хотя и с большими отличиями в их наборе.

Отсутствие единых критериев отнесения поселения к типу «город» приводит к тому, что региональные власти могут официально признать городским поселение с очень небольшой численностью жителей. Так, городами считаются Чекалин (863 человека, Тульская область), Верхоянск (1073 человека, Якутия), Высоцк (1089 человек, Ленинградская область), Курильск (1519 человек, Сахалинская область) и др. поселения. В Свердловской области официальный статус города имеют такие города как Верхотурье (6450 человек), Михайловск (9600 человек), Волчанск (8300 человек). При этом, как свидетельствует анализ динамики численности городского населения Свердловской области за 15 лет, численность этих и ряда других городов имеет тенденцию к сокращению.

Отсутствие единой региональной политики в отношении критериев отнесения поселения к городскому является следствием нечеткости федеральной политики, в различных официальных документах можно обнаружить разные количественные критерии нижней границы города. Так, Приказ Федеральной службы государственной статистики от 3 июня 2010 г. № 209 «Об утверждении Методологических указаний по оценке общей численности населения» предписывает начинать отчет жителей в городских поселения с 3000 человек, что означает отнесение к городу и поселков городского типа, при этом собственно города – это поселения с числом жителей более 50 тыс. человек.¹ Другой документ «Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» определяет диапазон числовых показателей малого города от 10 тыс. до 50 тыс. жителей². Документы федерального уровня позволяют использовать показатель в 50 тыс. как верхнюю границу малого города, однако нижний критерий, разграничивающий малый город и поселок городского типа, остается неопределённым, что дает простор инициативе региональной власти.

Заключение. Отсутствие в теории единых критериев отнесения поселения к городу проявляет себя на практике в разное на региональном уровне. Этот факт имеет ряд негативных последствий. Во-первых, искажается официальная статистика, уровень урбанизации региона и страны в целом не отражает реальной поселенческой картины. Во-вторых, произвольное присвоение поселению статуса города имеет экономические последствия. Так, единый сельскохозяйственный налог для городских поселений составляет 50%, в то время как для сельских – 70%; налог на доходы физических лиц, взимаемый на территориях городских поселений (за рядом исключений), определяется по нормативу 5%, на территориях сельских поселений – по нормативу 13%; существуют отличия в налоговых льготах³. В-третьих. Неясность критериев сказывается на выработке стратегий развития территорий, определении их перспектив, целей устойчивого развития городов и населенных пунктов (Порфирьев, Бобылёв, 2018).

В нашей стране существовал доперестроечный опыт функционирования единой государственной методологии отнесения поселения к типу «город». Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 17.08.82 «О порядке решения вопросов административно-территориального устройства РСФСР» вводил классификацию городов с указанием их нижних количественных критериев. На наш взгляд, следует вернуться к прошлому опыту и создать единые методические рекомендации для всех субъектов федерации с учетом

¹ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 03.06.2010 № 209 «Об утверждении Методологических указаний по оценке общей численности населения». URL: <https://base.garant.ru/1969625/> (дата обращения: 27.01.2026).

² СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89. (ред. от 19.12.2019). URL: <https://clck.ru/3SMYi7> (дата обращения: 27.01.2026).

³ БК РФ. Статья 61.1. Налоговые доходы бюджетов муниципальных районов. URL: <https://clck.ru/3SMYqN> (дата обращения: 28.01.2026).

современных реалий. Необходимо разработать многокритериальную качественно-количественную модель, отражающую современные практики функционирования региональной власти и уровень развития городов в информационно-цифровую эпоху.

Список литературы

Веретенникова К. В. Дефиниция города в правовом аспекте градостроительной деятельности // Урбанистика. 2024. № 2. С. 88-97. DOI: 10.7256/2310-8673.2024.2.70876. EDN:AVQJKT.

Козлова Н. В., Хитров Д. А. К вопросу о понятиях «город», «городское население», «городская сеть» середины XVIII века в историографии и представлениях современников // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2024. Т. 65, № 6. С. 24-46. DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-6-24-46.

Порфирьев Б. Н., Бобылёв С. Н. Города и мегаполисы: проблема дефиниций и индикаторы устойчивого развития // Проблемы прогнозирования. 2018. № 2 (167). С.14-23. EDN: YLXLFFZ.

Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике / Коллективная монография; под отв. ред. Хельмута Беркинга и Мартини Лёв. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Спиридонова И. А. Обзор западных социологических теоретических интерпретаций понятия «город» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2010. № 4. С.49-51. EDN: NDXEXD.

Трубицын О. К. Что такое город? //Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 4. С. 77-90. EDN: CMOIZK.

ТИПЫ И УРОВНИ ВОВЛЕЧЕННЫХ ГОРОЖАН В «УМНОМ ГОРОДЕ»: ЭКСПЕРТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Кангина Евгения Николаевна,

младший научный сотрудник,

Центр социологии управления и социальных технологий,

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра

Российской академии наук

(Москва, Россия)

evgeniakanguina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен вовлеченности горожан в контексте реализации концепции «умный город» в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена противоречием между декларируемым антропоцентричным подходом в стратегических документах и неопределенностью самого понятия «вовлеченность». Цель работы – выявить и проанализировать представления о вовлеченности, доминирующие среди экспертов – субъектов управления (представителей власти, экспертов, разработчиков), участвующих в развитии «умных городов». Эмпирической базой выступают материалы глубинных экспертных интервью (N=15), проведенных в 2025 году. Показано, что на стратегическом уровне доминирует технократический подход и нормативная риторика, тогда как на тактическом и операционном уровнях формируется более конкретное, но противоречивое представление о портрете вовлеченного горожанина и ограничениях партисипаторных практик. Выявлены типы вовлеченных горожан согласно образу, представленному опрошенными экспертами (абстрактный бенефициар, качественный партисипатор, эмпатичный пользователь) и распределены соответствующие уровни согласно Ш. Арнштейн (информирование, консультирование, умиротворение) вовлеченных горожан.

Ключевые слова: социология управления; умный город; вовлеченность граждан; субъекты управления; антропоцентризм; экспертное интервью

TYPES AND LEVELS OF INVOLVED CITIZENS IN A SMART CITY: AN EXPERT INTERVIEW

Evgeniya N. Kanguina,

junior research fellow,

Center for sociology of management and social technologies,

Institute of sociology of the Federal research sociological center

of the Russian academy of sciences

(Moscow, Russia)

evgeniakanguina@gmail.com

Abstract. This article examines the phenomenon of citizen engagement in the context of implementing the “smart city” concept in the Russian Federation. The relevance of the study is the contradiction between the declared anthropocentric approach in strategic documents and the normative uncertainty of the concept of “engagement” itself. The aim of the work is to identify and analyse the perceptions of engagement that dominate among experts – management actors (representatives of authorities, experts, developers) involved in the development of “smart cities”. The empirical base consists of materials from in-depth expert interviews (N=15) conducted in 2025. It is shown that at the strategic level, a technocratic approach and normative rhetoric dominate, while at the tactical and operational levels, a more specific, yet contradictory, picture of the engaged

citizen's profile and the limitations of participatory practices is formed. Types of engaged citizens are identified according to the image presented by the interviewed experts (abstract beneficiary, qualified participant, empathetic user), and the corresponding levels of engagement (information, consultation, placation) are distributed according to S. Arnstein's ladder.

Keywords: sociology of management; smart city; citizen engagement; actors of management; anthropocentrism; expert interview

Введение. Смена парадигмы развития городов обуславливает необходимость повышенного внимания к вовлеченности горожан в управление «умными городами». Концепция «умного города» 3.0 декларирует принцип антропоцентричности, где технологии – инструмент для улучшения качества жизни и расширения участия жителей. В России этот принцип закреплён в стратегических документах: Распоряжение Правительства РФ № 3883-р говорит об «обеспечении вовлеченности», Методические рекомендации Минстроя описывают механизмы вовлечения, а стратегия «Умный город 2030» в Москве разрабатывалась с учетом онлайн-опроса горожан. Однако анализ нормативной базы выявляет существенную амбивалентность термина и установленных целевых показателей («повысить вовлеченность до 30%»), что порождает исследовательскую проблему: как субъекты управления, непосредственно реализующие повестку «умного города», понимают феномен вовлеченности, и какие типы вовлеченных горожан они конструируют в своем профессиональном дискурсе?

Методология и методы. Теоретико-методологической рамкой исследования выступает социология управления. В основу заложены идеи социально-ориентированного управления, экоантропоцентрической социологии Т.М. Дридзе (Дридзе, 2001), «доминирующего субъекта» в рамках персонифицированной социокультурной модели управления А. В. Тихонова, которая фокусируется на «доминирующем субъекте» управления – носителе властных полномочий, чьи установки и интерпретации во многом определяют характер управленческих практик (Тихонов, 2000). Именно позиция «доминирующего субъекта» (чиновников, разработчиков, экспертов) формирует «правила игры» для вовлечения горожан. Эмпирической базой выступают материалы глубинных экспертных интервью «Вовлеченность в умном городе» (ВУГ-2025, N=15), проведенных в 2025 году (руководитель: Дружинина Ю. В., к.соц.н., РАНХиГС). Выборка репрезентирует три уровня управления: стратегический (федеральные и столичные органы власти), тактический (муниципалитеты, депутаты, ученые, градостроители) и операционный (IT-архитекторы, разработчики). Анализ транскриптов проводился методами тематического кодирования и дискурс-анализа.

Научные результаты и дискуссия. Наиболее приближенным к тематике вовлеченности горожан в управление документом являются Методические рекомендации по вовлечению граждан Минстроя, где указано, что для формирования комфортной городской среды рекомендуется «осуществлять вовлечение граждан» <...> «на всех этапах реализации» <...> «проектов развития территорий». Также существуют Методические рекомендации по вовлечению

молодежи в социально-экономическое развитие региона, разработанные Агентством стратегических инициатив, где вовлеченность понимается как «участие жителей субъекта в возрасте от 14 до 35 лет в обсуждении, разработке и реализации проектов, <...>, а также возможность влияния на процессы принятия решений на уровне руководства региона». В этом же документе «вовлеченность в социальные процессы» представляется как «переход человека из позиции равнодушия к позиции соавторства с социальными институтами и государством и ответственного позитивного преобразования мира вокруг». Нацеленность на «позитивные преобразования» имплицитно подчеркивает эмоциональную сторону вовлечения, а также в документе подчеркивается, что невовлечение «равнодушные» ведет к формированию деструктивных и опасных социальных групп. Также важным представляется распределение уровней участия, в документе их выделено три: информирование, участие и партнерство (4-й нулевой), т.е. они соответствуют уровню информирование и партнерство, а участие, предположительно, похоже на «консультирование» или «умиротворение» – в соответствии с «лестницей участия» Шерри Р. Арнштейн (Arnstein, 1969). Но при этом участие не является широким термином как у Ш. Арнштейн, описывающим все уровни, а является вторым уровнем (Arnstein, 1969). Участие при этом согласно документу АСИ – это «частичное проявление инициативы в ограниченных и понятных ситуациях», «не на равных», «не неся ответственность за результат». В целом документ использует участие и вовлеченность как синонимы, но представляет при этом участие как 2-й уровень вовлеченности молодежи, т. е. терминологически это никак не разведено.

Как мы видим, правовые основания термина вовлеченность не выражены явно, об участии горожан говорится в контексте рекомендации, граница и мера вовлечения несколько размыты. Однако, среди приоритетов, целей, задач цифровой трансформации в Распоряжении Правительства РФ от 27 декабря 2021 г. № 3883-р О стратегическом направлении в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства РФ до 2030 г. представлен следующий пункт: «поддержка граждан в части повышения доступности и качества оказываемых государственных и муниципальных услуг в сфере строительства и жилищно-коммунального хозяйства и обеспечения *вовлеченности* в вопросы управления жилищно-коммунального хозяйства». Так, в контексте цифровизации и регионального управления в широком смысле и «умных городов» в частности наблюдается потенциальная возможность развития термина в связке вовлеченности с «человекоцентричностью» (Груничев, 2023). Антропоцентричная направленность «умных городов» стадии 3.0 предполагает участие, вовлеченность, партисипаторность (Кангина, 2025). Согласно Проекту Цифровизации городского хозяйства «Умный город» Минстроя РФ первым принципом является «ориентация на человека». Стратегия Москва «Умный город 2030» была создана на основании онлайн-опроса москвичей от 18 до 65 лет, 4988 интервью (репрезентативно половозрастной ЦА),

что определенно представляет возможности для изучения и осмысления вовлеченности именно в предметной рамке «умного города».

Амбивалентность и некая неопределенность термина вовлеченность на законодательном уровне, проявление декларативного характера при цели «повысить вовлеченность граждан до 30%» в Методических рекомендациях Минстроя побуждают исследовать текущее представление о том, какой должен быть «вовлеченный горожанин» и как его возможно типологизировать. При этом мы предположили, что для уточнения текущей позиции субъектов управления необходимо опросить представителей, принимающих управленческие решения в настоящий момент – это логично в контексте понимания вовлеченности не горожанами, а акторами, имеющими статус «доминирующего субъекта» (Тихонов, 2000)

С этой целью было проведено экспертное глубинное интервью «Вовлеченность в «умном городе» (далее – ВУГ). В таблице представлены группы респондентов.

Таблица

Эксперты глубинного интервью ВУГ-2025

Уровень управления	Характеристика группы респондентов	Количество респондентов
Стратегический	Представители федеральных и столичных органов власти (госслужащие Минстроя РФ, мэрии Москвы, ведущие сотрудники центра компетенций «Умный город»)	5
Тактический	Исполнители проекта на местах: представители муниципалитетов, депутаты, руководители управ.	3
	Эксперты, занимающиеся адаптацией решений: ученые-исследователи, представители бизнеса, градостроители.	3
Операционный	Специалисты, осуществляющие техническое сопровождение: IT-архитекторы, разработчики.	4
Итого		15

Для исследования отбирались ключевые экспертами, репрезентирующие различные позиции в системе управления «умным городом», работающие в системе «умного города» и представляющие различные регионы России. Анализ интервью показал наличие двух основных подходов к пониманию феномена «умного города». Первый, доминирующий среди представителей стратегического уровня, определяет его как проект – целенаправленную деятельность с четкими сроками, показателями и ожидаемыми результатами. Второй подход, характерный для экспертов тактического и операционного уровней, трактует «умный город» как непрерывно развивающуюся систему или экосистему.

На стратегическом уровне респонденты прежде всего рассматривали «умный город» как проект, а не систему. На проектный характер «умного города» указывает представитель стратегического уровня: *«Система? Нет. «Умный город» – это проект. Это проект и это люди, в первую очередь. Когда Москва стала «умным городом», я начал участие в проекте»*. На стратегическом уровне наблюдается следование официальной риторике. Респонденты транслируют принципы «антропоцентричности» и «города для людей», оперируют формулировками из стратегий. При этом вовлеченность на стратегическом уровне оценивается как максимальная или близкая к максимальной. Сроки вовлечения информантов в проект/систему для респондентов варьируются от середины 2010-х годов. Представители стратегического уровня, исходя из того, что большинство горожан вовлечены, не выделяли портрет вовлеченного горожанина. В ответах респондентов доминировали рациональные и профессиональные мотивы, такие эмоции как «удовлетворение», «уверенность», «интерес».

Тактический уровень рассуждал иначе – интерпретация «умного города» здесь сочетала представления о проекте и системе. К числу наиболее характерных высказываний экспертов из научного сообщества можно отнести такие: *«наверное, правильное уже говорить про систему, но учитывая, что начиналась все-таки в пандемии еще времена, особенно на примере городов-миллионников, конечно, мы больше ориентировались на проект. Проект так, как это целенаправленно, это имеет целевые показатели, сроки и ожидаемые результаты. Так удобнее, комфортнее практиковать»*.

На тактическом уровне респонденты более активно обсуждали и технологии, и гражданское участие. Один муниципальный депутат пояснил: *«умный город – это одновременно инфраструктурная инициатива и открытая экосистема, где граждане могут участвовать в разработке сервисов»*. При этом оценки фактической вовлеченности граждан на данном уровне были, как правило, сдержанными. Респонденты указывали на пассивность населения (в ср. 5-7 из 10 в мегаполисах, 2-3 из 10 в других городах): *«население пока не ощущает себя участником этих программ, многие смотрят со стороны»*, – констатировал представитель мэрии. Сроки вовлечения в проект/систему для респондентов варьируются с 2018 года до более позднего включения через муниципальную или экспертно-аналитическую деятельность. Эксперты сходятся во мнении, что вовлечение необходимо, прежде всего, для легитимизации решений власти и повышения ответственности граждан за свою среду. Однако многие выступают за «избирательную демократию» – вовлечение тех, кто осознает последствия своих решений, а не тотальное голосование по всем вопросам. В ответах респондентов также доминировали рациональные и профессиональные мотивы: эмоции «удовлетворение», «уверенность», «интерес». Интересным было расхождение мнений по поводу геймификации и баллов наподобие «Активного гражданина», «Города заданий». Часть респондентов выразила положительное отношение, а часть назвала данные

технологии «фальсификацией вовлечения», «погоней за баллами» без реального участия в вопросах. В отличие от стратегического уровня, здесь эмпирически описывается социальный портрет. Это, как правило, молодежь или люди среднего возраста (30-40 лет) с цифровой грамотностью, сформированным статусом и наличием свободного времени. Отмечается гендерный аспект (большая активность женщин и студенток). Такая детализация показывает, что на этом уровне управления существует запрос на «качественное», а не массовое вовлечение («избирательная демократия»).

Информанты *операционного уровня* – архитекторы и IT-специалисты – акцентировали внимание на практических аспектах «умного города» и инструментах вовлечения. Они рассматривали «умный город», прежде всего, как инженерно-технологический проект: единое информационное пространство, набор платформ, с помощью которых меняется среда. В одном интервью архитектор сказал: *«умный город для меня – это в первую очередь цифровая карта города и сервисы на её основе»*. Информанты операционного уровня подчёркивали системность подхода, но отмечали, что в реальности «умный город» собирается по частям, через пилотные продукты.

Оценка вовлечённости горожан на операционном уровне была сопоставима с тактической, на уровне 6-7 в мегаполисах и ниже в других городах. Представители научного сообщества и операционного уровня чаще отмечали «интерес», связанный с междисциплинарностью области, а также «настороженность» и «опасения» относительно возможных рисков: *«Интерес. Любопытство и интерес, да, оптимистичны, но в то же время настороженность»*. Эмоциональная составляющая здесь также фигурировала явно: несколько интервью подчеркивали значение эмпатии и заботы о пользователях. Это указывает на то, что именно разработчики, в силу профессии, вынуждены моделировать поведение и мотивацию «человека» как пользователя, что парадоксальным образом делает их дискурс более антропоцентричным, чем у чиновников стратегического уровня.

На основании эмпирического исследования и теоретических изысканий, анализируя нормативные документы и дискурс представителей стратегического, тактического и операционного уровней управления было выявлено, что образ вовлеченного горожанина не является универсальным, а конструируется субъектом управления в зависимости от его позиции в системе. Анализ дискурса трех групп экспертов позволил реконструировать три идеально-типических образа, которые субъекты управления «встраивают» в свои практики. Мы дали названия образам вовлеченных горожан в соответствии с описаниями стратегического, тактического и операционного уровней экспертов. Также мы соотнесли описание с уровнями лестницы участия Ш. Арнштейн для демонстрации реального вовлечения (Arnstein, 1969). Тип вовлеченного горожанина «абстрактный бенефициар», представленный информантами стратегического уровня это несколько размытый образ «человека», для которого внедряются технологии. Оценивается как «уже вовлеченный» по факту проживания в городе. Реальный уровень вовлеченности большинства таких

горожан – информирование (декларируется как высокая вовлеченность). «Качественный партисипатор», представленный на тактическом уровне – горожанин 30-40 лет, чаще всего женщина/студентка, обладающая цифровой грамотностью и свободное время. Этот тип нужен для легитимизации решений, но он вовлечен «по случаю» Реальный уровень вовлеченности большинства таких горожан – консультирование. «Эмпатичный пользователь» на операциональном уровне – пользователь с эмоциями (интерес, настороженность), чье поведение нужно «запрограммировать» через удобный интерфейс. Реальный уровень вовлеченности большинства таких горожан – умиротворение.

Так, на сегодняшний день в официальной риторике и целеполагании (в стратегиях) превалирует образ «абстрактного бенефициара». Однако в реальных практиках реализации субъекты управления сталкиваются с необходимостью работать либо с «качественным партисипатором», либо с «эмпатичным пользователем». Это создает разрыв между декларируемой целью (вовлечь всех) и доступными инструментами (работа с узкой группой или цифровая симуляция участия).

Заключение. В российской практике управления «умными городами» термин «вовлеченность» сохраняет высокую степень амбивалентности. На нормативном уровне он скорее декларируется, чем операционализируется, что создает риски его формального использования. Понимание вовлеченности и «умного города» существенно различается в зависимости от позиции субъекта, что приводит к фрагментации образа горожанина: на стратегическом уровне он мыслится как абстрактная цель, на тактическом – как ценный, но редкий ресурс, а на операционном – как объект программирования через интерфейсы. Стратегический уровень действует в четкой рамке нормативных документов и стратегий, поэтому само существование человека в поле цифровых технологий делает его вовлеченным. Тактический уровень сталкивается с реальной сложностью вовлечения, критически оценивает существующие инструменты и эмпирически реконструирует портрет активного горожанина, указывая на ограниченность массового участия. Операционный уровень фокусируется на инструментальной стороне, через разработку сервисов пытается «запрограммировать» вовлеченность.

Выявлена проблема подмены реальной партисипации (партнерства, 6-й уровень по Арнштейн) ее имитационными формами (умиротворение, консультирование). Это выражается в критике балльных систем и геймификации, которые мотивируют активность, но не гарантируют осмысленного участия в управлении.

Для развития концепции «умного города» в России необходимо преодоление разрыва между стратегическим целеполаганием и тактическими механизмами реализации. Требуется не просто ставить цель «повысить вовлеченность», а концептуализировать ее типы, признавая, что разные уровни вовлеченности (от информирования до соавторства) требуют разных инструментов и готовности власти к передаче полномочий.

Список литературы

Груничев М. М. «Человекоцентричный» («человекоразмерный») поворот в эволюции концепции «Smart City» и участие субъектов гражданского общества в принятии политических решений // Управленческое консультирование. 2023. № 6 (174). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovekotsentrichnyy-chelovekorazmernyy-povorot-v-evolyutsii-kontseptsii-smart-city-i-uchastie-subektov-grazhdanskogo-obschestva-v> (дата обращения: 26.02.2026).

Дридзе Т. М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Россия реформирующаяся. 2001. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dve-novye-paradigmy-dlya-sotsialnogo-poznaniya-i-sotsialnoy-praktiki> (дата обращения: 11.02.2026).

Кангина Е. Н. Концепция «умный город» в РФ как социально-управленческая система // Теория и практика общественного развития. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-umnyy-gorod-v-rf-kak-sotsialno-upravlencheskaya-sistema> (дата обращения: 26.02.2026).

Методические рекомендации по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решение вопросов развития городской среды: утв. Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ 30 декабря 2020 г. № 913/пр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573447893> (дата обращения: 22.02.2026).

Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2021 № 3883-р «О стратегическом направлении в области цифровой трансформации строительной отрасли, городского и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года» (ред. от 21.10.2024). URL: <https://docs.cntd.ru/document/727688538> (дата обращения: 24.02.2026).

Методические рекомендации по вовлечению молодёжи в социально-экономическое развитие своего региона / Агентство стратегических инициатив (АСИ). URL: https://files-ice-k2.asi.ru/iblock/07f/07f9233343cf1b04e436d5c69f94863e/Metodicheskie_rekomendatsii_po_vovlecheniyu_molode_zhi_v_sotsialno_ekonomicheskoe.pdf (дата обращения: 22.01.2026).

Опрос: Москва 2030 / ICT.Moscow. URL: <https://ict.moscow/presentation/research-results-pdf/> (дата обращения: 22.02.2026).

Принципы «умного города» / Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ (Минстрой России). URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proektsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/> (дата обращения: 03.11.2023).

Стратегия «умный город» // ICT. Moscow. URL: https://ict.moscow/docs/Strategy_Smart_City_v5.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

Тихонов А. В. Социология управления. Теоретические основы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. 324 с.

Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 22.02.2026).

Федеральный закон «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (проект / принятый). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/56586> (дата обращения: 22.01.2026).

Arnstein S. R. A Ladder of Citizen Participation // Journal of the American Institute of Planners. 1969. Vol. 35, № 4. Pp. 216-224.

ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Савеличева Ирина Николаевна,
старший преподаватель,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
(Белгород, Россия)
savelicheva@bsuedu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ восприятия фигуры политического лидера современной молодежью, выполненный на основе эмпирических данных, полученных в Белгородской области. Эмпирической базой послужили результаты массового анкетирования (онлайн-опрос, охвативший 1200 респондентов). Результаты исследования позволяют создать образ политика глазами молодёжи, определить основные черты, необходимые для успешной политической деятельности в связи с происходящими изменениями в стране и регионе.

Ключевые слова: молодежь, политический лидер, политическое мышление, политическая информация

THE IMAGE OF A POLITICAL LEADER IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS

Irina N. Savelicheva,
senior lecturer,
Belgorod state national research university (NRU “BelSU”)
(Belgorod, Russia)
savelicheva@bsuedu.ru

Abstract. The article presents an analysis of the perception of a political leader by modern youth, based on empirical data obtained in the Belgorod region. The empirical basis for the study was the results of a mass survey (an online questionnaire that involved 1,200 respondents). The findings allow us to create an image of a politician through the eyes of young people and identify the key characteristics necessary for successful political activity in the context of ongoing changes in the country and the region.

Keywords: young people, political leader, political thinking, political information

Введение. Исследование образа политического лидера является фундаментальной необходимостью в условиях современных геополитических изменений, где коммуникация между властью и обществом строится на принципах обратной связи. Образ – это не просто внешность или набор биографических фактов, а сложная социально-психологическая конструкция, через которую избиратели воспринимают позиции, ценности и намерения кандидата. Без глубокого анализа того, как различные социальные группы интерпретируют действия и риторику политика, любая предвыборная кампания превращается в «стрельбу вслепую». Исследование позволяет расшифровать ожидания электората и выявить те смысловые опоры (честность, сила, забота, профессионализм), которые станут ключевыми для построения устойчивого доверия.

Во-вторых, системное изучение образа необходимо для управления репутационными рисками. В эпоху информационной открытости и высокой скорости распространения данных любое неосторожное высказывание или несогласованное действие может быть моментально растиражировано и искажено, создавая так называемые «чёрные дыры» репутации. Мониторинг образа в режиме реального времени позволяет отслеживать зарождающиеся негативные тренды в общественном мнении и оперативно на них реагировать.

В-третьих, исследование образа является инструментом для точной настройки политической коммуникации. Универсальных сообщений, которые одинаково эффективно работают для всех слоёв населения, не существует. Изучение образа помогает сегментировать аудиторию и понять, какой «язык» (вербальный и невербальный) использовать в диалоге с молодёжью, а какой – с пенсионерами или предпринимателями. Глубинные интервью и фокус-группы позволяют увидеть, как транслируемые смыслы преломляются в сознании людей, не происходит ли искажения задуманного меседжа. Это позволяет делать агитационные материалы не просто яркими, но и семантически точными, попадающими в систему координат конкретного избирателя.

Методология и методы исследования. В современной политической науке сложилось несколько ключевых направлений изучения лидерства. Первое направление фокусируется на ценностных основаниях и восприятии образа лидера в молодежной среде (исследования О. В. Поповой, И. В. Самаркиной, И. Н. Трофимовой). Второе, технологическое направление, представлено работами И. А. Василенко, С. В. Володенкова и Е. В. Галкиной, в которых образ политика рассматривается как продукт целенаправленного моделирования с помощью инструментов PR. Отдельно стоит выделить вклад А. В. Селезневой, изучающей взаимосвязь политических ценностей общества и конструирования желаемого образа лидера.

Кроме того, значительный пласт литературы посвящен гендерному измерению политики: вопросы репрезентации женщин во власти, особенности их лидерского стиля и стереотипы восприятия поднимаются в трудах С. Г. Айвазовой, Т. В. Бендас, А. Е. Чириковой, О. Г. Овчаровой и Ю. Л. Шепелевой.

С целью определения актуальных представлений о политическом лидере среди молодежи, Международный центр социологических исследований НИУ «БелГУ» провел социологическое исследование в период с декабря 2024 по январь 2025 года. Для получения количественных данных был применен метод массового опроса. Сбор информации осуществлялся путем онлайн-анкетирования, предполагавшего самостоятельное заполнение респондентами анкет. В исследовании приняли участие молодые люди возрастной категории от 16 до 35 лет (объем выборки составил 1200 человек). Была использована квотная выборка, учитывавшая распределение участников по признакам пола, возраста и социального статуса (школьники, учащиеся колледжей, студенты вузов, работающая молодежь). Часть полученных в ходе исследования результатов представлена в данной статье.

Научные результаты и дискуссия. Оценивая политического лидера молодые люди определили мотивы, влияющие на отношение к нему. Респондентам был предложен список из 23 позиций, которые необходимо было проранжировать от 1 до 5, где 1 – совсем не влияет, а 5 – влияет в наибольшей степени. Самым важным для респондентов является честность лидера. Так считают 44,8%. Чуть меньше (43,6%) отмечают профессионализм, 43,4% – результат конкретных дел политика. Мудрость решений, умение признавать свои ошибки и умение добиваться цели так же были выбраны в качестве важных (41,9%, 41,8% и 41,3% соответственно). Для 40,3% важно, чтобы политический лидер был способен действовать в экстремальной ситуации. Для нашего региона это очень существенный мотив для выбора конкретного политика.

Самые низкие оценки получили «внешние» факторы и факторы «восприятия», не связанные с делами. Вариант ответа «Внешние данные, обаяние» стал антилидером в этом списке качеств. Так высказались 27,4%. Свою интуицию неважной в выборе лидера определили 23,2%. Партийную принадлежность выделили неважной 20,4%. Это говорит о том, что для молодёжи важнее личность, а не «флаг» партии. 20% респондентов не склонны доверять «голому» авторитету, им нужны подтверждения делами и результатами.

Некоторые качества не имеют ярко выраженного консенсуса (мнения распределились более-менее равномерно или в районе средних оценок). Мнения относительно ответа «Близость мировоззренческих позиций лидера к вашим» разошлись от очень важного (26,5% за 5) до совсем неважного (15,7% за 1). Люди ценят совпадение взглядов, но не считают это критически важным на фоне профессионализма. Влияние мнения о лидере общества или конкретного окружения молодых людей тоже имеет средние оценки (29,6% выбрали позицию 3). Это качество люди оценивают средне – прислушиваются к мнению окружения, но не делают это главным критерием. Харизматичность по среднему оценили 25,9%, при этом 21,7% отметили её высшей позицией. Харизма важна для пятой части опрошенных, но для большинства она не является определяющим фактором.

Далее респондентам предлагалось расположить по степени важности 10 признаков, на которые они ориентируются при выборе политика, который будет представлять их интересы. Анализируя данные можно сказать, что на первое место молодые люди ставят профессионализм. Так считают 40,1%. 35,1% отмечают интеллект, 33,3% выделяют опыт политика. Такой фактор как возраст имеет самую низкую выборность (16,3%).

Далее был задан ряд вопросов про основные характеристики политика, представляющего интересы молодёжи.

Более половины участников опроса (52,3%) отметили, что пол политика не имеет значение. При этом мужчину хотели бы видеть 31,8%, а женщину 15,9% (Рисунок 1). Эти данные подтверждают данные предыдущего вопроса, что пол не играет существенного значения (это вариант ответа занимал 5-е место выборности – 24%).

Анализируя данные по национальности политика, можно сделать сказать, что имеет место преобладание конкретного выбора, а именно абсолютное большинство респондентов (63,6%) отдадут предпочтение политику русской

национальности. Чуть более трети опрошенных указали, что для них национальность не имеет значение (36,4%). Сопоставляя этот критерий с общим рейтингом важности признаков следует отметить, что национальность заняла 8-е место. Это говорит о том, что при прочих равных условиях она реже попадает в топ самых важных критериев. Однако, хотя национальность и не является главенствующим фактором, для большинства существует явное предпочтение, чтобы политик был *русским*.

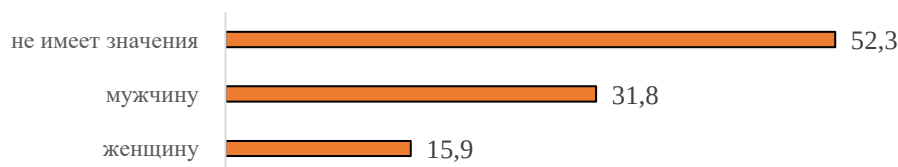

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Какого политика Вы предпочли бы видеть, представляющим ваши интересы? По полу», %

Анализируя данные по вероисповеданию политика можно сказать, что выделяется абсолютное лидерство конкретной конфессии. Более половины респондентов (55,5%) хотят видеть политика православной веры. Более трети опрошенных (35,9%) указали, что вероисповедание политика для них не имеет значение. Можно отметить суммарный процент сторонников политиков иных конкретных вероисповеданий, который составляет около 2% (Рисунок 2). В общем рейтинге важности признаков вероисповедание заняло 7-е место. Это означает, что оно не является главным критерием при выборе. Однако представленные здесь данные показывают, что если избиратели и обращают на это внимание, то подавляющее большинство из них (55,5% от всех опрошенных) имеют четко выраженный запрос на политика *православного вероисповедания*.

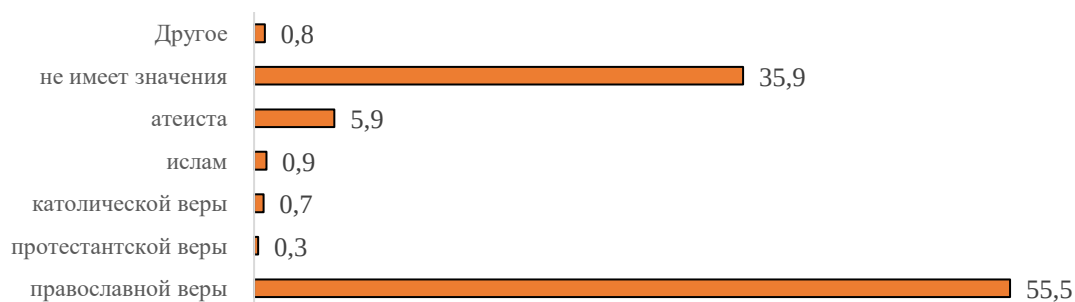

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Какого политика Вы предпочли бы видеть, представляющим ваши интересы? По вероисповеданию», %

В таблице отображены предпочтения респондентов по возрасту политиков. Самая популярная возрастная группа – от 35 до 40 лет (21,6%). Это «пик» предпочтений. Если суммировать смежные группы, то подавляющее большинство респондентов хотят видеть политика в возрасте от 30 до 50 лет (53,7%). Можно отметить низкую поддержку политиков младше 30 лет (лишь

13,8%) и политики старше 50 лет (3,8%), причем кандидаты старше 60 лет набирают всего 0,9%. Высок процент и тех, для кого возраст политика не имеет значения (28,8%).

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Насколько Ваши политические взгляды и убеждения совпадают с политическими взглядами»

Значения	Частота	%от опрошенных
до 30 лет	165	13,8
от 30 до 35 лет	154	12,8
от 35 до 40 лет	259	21,6
от 40 до 50 лет	231	19,3
от 50 до 60 лет	35	2,9
свыше 60 лет	11	0,9
не имеет значения	345	28,8
Итого ответивших:	1200	100,0

В следующем вопросе респондентам предлагалось определить предпочтения по сфере деятельности политика. Самым популярным ответом стал вариант – профессиональный политик (23%). На втором месте политик, имеющий юридический бэкграунд (10,5%). Заметную поддержку, хотя и значительно меньшую, чем у лидеров, получают профессии, связанные с организацией процессов и управлением – управленец (7,3%), рабочий (7%), экономист (3,8%), военнослужащий (4,1%). Многие конкретные профессии (врач, ученый, преподаватель, деятель культуры, IT-специалист, банкир и др.) набирают очень низкий процент (менее 2% каждая). Самая большая группа – 34,3% – заявили, что профессия политика не имеет значение (Рисунок 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какого политика Вы предпочли бы видеть, представляющим ваши интересы? По сфере деятельности», %

Заключение. Абсолютными лидерами в рейтинге важности являются *профессионализм* (1 место), *интеллект* (2 место) и *опыт* (3 место). Это свидетельствует о том, что избиратели в первую очередь оценивают способность кандидата выполнять работу, его компетентность и знания. Личные качества замыкают четверку самых важных критериев. Социально-демографические характеристики (пол, национальность, вероисповедание, возраст) стабильно занимают нижнюю половину рейтинга (с 5 по 10 место), что указывает на их подчиненное значение по сравнению с профессиональными компетенциями. При ответе на уточняющие вопросы по каждому признаку от 28% до 52% респондентов выбирали вариант «не имеет значения». Наибольшее безразличие респонденты проявляют к полу политика (52,3%). Далее следуют *профессия* (34,3%), *национальность* (36,4%) и *вероисповедание* (35,9%). Меньше всего доля равнодушных к *возрасту* (28,8%), но и она составляет более четверти опрошенных. Это подтверждает тезис о том, что для значительной части общества внешние, «паспортные» данные политика второстепенны.

Подводя итог проделанной работе можно смоделировать образ политика, которого респонденты хотят видеть. Это *мужчина* средних лет (оптимально 35–40 лет), *русской национальности*, *православного вероисповедания*. По профессии он, скорее всего, либо *профессиональный политик*, либо *юрист*. Однако решающими факторами при голосовании станут не эти характеристики сами по себе, а его высокий уровень *профессионализма*, *интеллекта*, наличия *опыта* и положительных *личных качеств*.

Список литературы

Айвазова С. Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011-2012 гг. // Женщина в российском обществе. Иваново: ИвГУ, 2012. № 3. С. 3-11. EDN: PDJLBP.

Бендас Т. В. Гендерные исследования лидерства // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 87-95. EDN: ZFKOXH.

Василенко И. А., Василенко Е. В. Связи с общественностью в органах власти: учебник. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2017. 296 с.

Володенков С. В. Управление современными политическими кампаниями. М.: Издательство Московского Университета, 2012. 312 с. EDN: SGQDMJ.

Галкина Е. В. О политическом лидерстве: современные тенденции и технологии // Общество, политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 15-17. DOI: 10.24158/per.2017.4.2. EDN: YLJVFJ.

Кнурова В. А. Политическое лидерство и СМИ: принципы взаимодействия на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1 (46). С. 79-82. EDN: SELRFT.

Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия политики: измерение мировой конфигурации // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17, № 2. С. 70-81. EDN: YGTHCL.

Попова О. В. Политический потенциал молодежного лидерства в российских условиях: результаты межрегионального исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. № 14 (4). С. 52-71. EDN: EPQKLR.

Самаркина И. В. Образ власти в политической картине молодежи // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопал. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 398-408. EDN: MGDJJZ.

Селезнева А. В. Методики изучения ценностей // Политическая психология: хрестоматия / сост. Е.Б. Шестопал. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 93-95. EDN: YMGQBV.

Смутькина Н. В. Факторы, влияющие на восприятие кандидатов в президенты в российской избирательной кампании // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 3. С. 30-36. EDN: RAEVBV.

Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2. С. 5-17. EDN: TYRWYN.

Чирикова А. Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. 272 с. ISBN: 978-5-7567-0563-8. EDN: RAZOXF.

Шепелева Ю. Л. Политическое лидерство в современном российском обществе: гендерное измерение // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 3. С. 240-245. EDN: WTPUQR.

**НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
В СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ
RESEARCH RESULTS IN SOCIOLOGY CULTURES AND RELIGIONS**

**ПЕРЕСМОТР ПОДХОДА
К РЯДУ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ П.А. СОРОКИНА**

Алексушин Глеб Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, профессор,
ФГАОУ ВО Самарский государственный экономический университет
(Самара, Россия)
gva3@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена взглядам П. А. Сорокина на механизмы социальной революции. Произведено сравнение основополагающих элементов теории социальной революции Сорокина. Подчёркнута негативность оценки Сорокиным социальных революций – через создаваемую её трагедию, отказ от «условных» рефлексов в угоду «безусловным» (животным). Приведены доказательства в сторону как этих подходов, так и его положения об «отрицательной селекции». Убедительно показана и беспочвенность «революционных иллюзий», только усиливающих хаос социально-революционного процесса. Иное видение Сорокиным хронологии российской социальной революции начала XX в. формирует иное хронологическое пространство нежели ранее нам привычное.

Ключевые слова: революция; социальная революция; Сорокин; теория; подход

**REVISION OF THE APPROACH TO A NUMBER OF REVOLUTIONARY
PROCESSES FROM THE POINT OF VIEW OF P.A. SOROKIN'S
THEORETICAL RESEARCH**

Gleb V. Aleksushin,
doctor of historical sciences, associate professor, professor,
Samara state economic university
(Samara, Russia)
gva3@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the views of P.A. Sorokin on the mechanisms of social revolution. The fundamental elements of Sorokin's theory of social revolution are compared. Sorokin's negative assessment of social revolutions is emphasized – through the tragedy it creates, the rejection of “conditioned” reflexes in favor of “unconditional” (animals). Evidence is provided for both these approaches and his position on “negative selection”. The groundlessness of “revolutionary illusions”, which only increase the chaos of the socio-revolutionary process, is also convincingly shown. Sorokin's different vision of the chronology of the Russian social revolution at the beginning of the 20th century forms a different chronological space than previously familiar to us.

Keywords: revolution; social revolution; Sorokin; theory; approach

Введение. Осмыслить революционные события, часто окружённые мифами и идеологическими штампами, надёжнее всего через призму теории Питирима Александровича Сорокина. Опираясь на его главный труд в этой теме

(Sorokin, 1925), выделим ряд ключевых теоретических положений, которые кардинально меняют традиционный взгляд на социальные революции.

Методология и методы. В отличие от многих современных ему теоретиков, видевших в социальной революции высшую форму классовой борьбы или прогрессивный слом отжившего строя, Сорокин предлагал рассматривать её как социальную патологию – не как ускоренное развитие, а как глубокую дезорганизацию нормальной жизнедеятельности общества. Аргументируя свою позицию, Сорокин вместо оценки революции по её политическим результатам (смена власти, элит), предлагал фокусироваться на её цене и последствиях для «социального тела». С точки зрения Сорокина, любая революция – трагедия, а не праздник, подобна тяжёлой болезни, которая может привести к летальному исходу для миллионов (Алексушин, 2002) и оставляет неизгладимые шрамы в социальной ткани.

Сорокин считал природу причин революций биосоциальной. Опираясь на теорию рефлексов, он предложил новаторское объяснение причин революций, связав их с подавлением базовых, «безусловных» инстинктов большинства населения, и выделив ключевые «ущемления», которые ведут к социальному взрыву:

- пищевой рефлекс (голод и нехватка самого необходимого);
- потребность в жилье и одежде (элементарная невозможность поддержать жизнь);
- инстинкт самосохранения (массовые казни, террор, бессмысленная жестокость войны);
- групповое самосохранение (оскорбление и унижение семейных, религиозных, национальных святынь);
- половой инстинкт (насилие, разрушение семьи);
- инстинкт собственности (нищета масс на фоне вопиющей роскоши элит);
- инстинкт самовыражения и достоинства (унижение, игнорирование заслуг, социальная несправедливость).

Такой подход Сорокина смещает акцент с анализа «объективных» исторических законов и идеологической борьбы на человеческое измерение. Революция начинается не потому, что «созрели производительные силы», а потому что людям становится невыносимо жить физически и морально. Игнорирование этих базовых потребностей – главный катализатор социального землетрясения.

Согласно Сорокину, социальный порядок держится на «условных рефлексах» – привычках, традициях, законах, моральных нормах, которые сдерживают животные инстинкты. В ходе социальной революции происходит их массовое торможение и угасание, и поверх них на первый план выходят «безусловные» (животные) рефлексы. Это объясняет неизбежный рост преступности, насилия и цинизма в любой социальной революции. Сорокин показывает, что это – не «побочные эффекты» или «перегибы на местах», а сущностная характеристика процесса, крах «условных рефлексов» как суть хаоса. Социальные связи рвутся, и человек превращается в озверевшего

индивида, борющегося за выживание любой ценой. Социальная революция неизбежно выпускает на волю «криминальную стихию», которую становится невозможно отделить от «высоких идеалов».

Один из самых сильных и трагических тезисов Сорокина касается изменения состава населения. Любая социальная революция, как и война, действует по принципу «отрицательной селекции», уничтожая наиболее активную, талантливую, волевою и здоровую часть общества, которая неизбежно погружается в революционные процессы максимально. Принято считать, что социальная революция даёт дорогу «новым людям». Сорокин доказывает обратное: она физически истребляет лучших представителей нации – «лучшие семена». Их место занимают те, кто смог выжить и приспособиться к хаосу и террору, что ведёт к ухудшению биологического и интеллектуального фонда общества на поколения вперед.

Сорокин подробно разбирает феномен «революционных иллюзий» свободы и будущего счастья, которые часто возникают в моменты крушения старого порядка. Поправ эйфорию и веру в скорое наступление всеобщего счастья, разрушив старые «условные рефлексy», социальная революция не способна создать новые немедленно. Вместо свободы приходит анархия и ещё более жестокая диктатура, призванная силой загнать общество в новое русло. Это заставляет скептически относиться к любым обещаниям «светлого будущего» в ходе радикальных сломов. Сорокин показывает, что социальная революция неизбежно пожирает своих детей и приводит к усилению государственного принуждения, а не к освобождению личности. Цель, которая оправдывает любые средства, оказывается недостижимой именно из-за этих средств.

Научные результаты и дискуссия. У автора данного исследования имеется немало публикаций, посвящённых как социальным революциям в целом, так и конкретным (например, постиндустриальным (Алексушин, 1998)) – в первую очередь, в России (Алексушин, 1998; Алексушин, 2007) и, в частности, отдельным её периодам (Алексушин, 2007). Позиция автора данного исследования отличается от эмоциональной позиции Сорокина. Автор вслед за Адином Штейнзальцем, который в своей статье писал: *«Меня не интересует какая-то определенная революция, но я хочу посмотреть, с одной стороны, на механику и внутреннее протекание революций, а с другой стороны, выяснить, что же в них содержится такое, что может вызывать подобные результаты»* (Штейнзальц, 2005: 33), старается быть вне эмоций и оценок.

Тщательное изучение хронологии социальной революции в России в начале XX в. с подхода П. А. Сорокина выглядит совершенно иначе, чем принято в официальной истории, доставшейся современной России от идеологизированного СССР, но почему-то оставшейся почти неизменным. Так, считал Сорокин, социальная революция в России начала XX в. шла в 1917-29 гг. 12 лет в 3 стадии:

1) быстротечная «лучезарная» – *власть гуманна и великодушна, действия мягки, нерешительны и довольно бессильны* (в России – 2-10.1917 г.);

2) разрушительная – ликвидируются не только устаревшие, но и полнокровные организмы, уничтожение как старорежимной властвовавшей элиты, так и множества творческих личностей и групп (в России – 10.1917 г. – НЭП);

3) конструктивная – уничтожение контрреволюционных сил, строительство нового порядка, новой культуры, включая реставрацию наиболее ценных дореволюционных институтов (в России – НЭП-Сталин).

Понятия февральская и октябрьская революции в данной масштабной системе бессмысленны – события февраля и октября 1917 г. – не более, чем государственные перевороты. И, хотя В. И. Ульянов (Ленин) утверждал, что «...коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» (Ленин, 1974: 145), основной вопрос социальной революции – переход от старой общественно-экономической формации (далее ОЭФ) к новой. А, т.к. до Новой экономической политики (далее НЭП) переход к социализму не был совершён, то лишь с окончанием НЭП социальная революция в Советской России победила. НЭП реализовывали в 1921-9 гг., потому конец 2-й и начало 3-й стадий – 1921 г., а конец 3-й – 1929 г. Директивное решение И. В. Джугашвили (Сталина) о свёртывании НЭП, т.о., показало, что факт создания индустриальных общества и экономики уже осознан руководством государства.

Такой подход позволяет вообще создать универсальную стандартную стадиализацию любой классической социальной революции. Автором сформированы системы восприятия революционных процессов в истории человечества в соответствии с этой теорией, и составлены схемы ряда известных революций:

Таблица

Стадиализация социальных революций

Страна	Лучезарный	Разрушительный	Созидательный	Послереволюционный	Лет
Нидерланды	1566-1567	1567-1572	1572-1579	1579-1609	13+30
Россия	1598-1605	1605-1612	1612-1613	1613-1649	15+36
Британия	1640-1642	1642-1649	1649-1653	1653-1660	13+7
США	1775-1776	1776-1783	1783-1787	1787-1789	12+2
Франция	1789-1789	1789-1792	1792-1793	1793-1794, 1794-1804	15
Парагвай	1810-1811	1811-1813	1813-1820	1820-1840	10
Германия	1848-1849	1849-1859	1859-1871	1871	23
Италия		1849-1852	1852-1870/1		
Франция					
Япония	1867-1868	1868-1871	1871-1889	1889, «мэйдзи»	21
Германия	1918-1919	1919-1925	1925-1933	1933-1945	15+12
Испания	1935-1936	1936-1939	1939-1947	1947	12
США	1945-1947	1947-1961	1961-1963	1963	18
Британия	1945-1946	1946-1949	1949-1965	1965	20
Гавайи	1946-1949	1949-1954	1954-1959	1959	13
Куба	1953-1955	1955-1956	1956-1957	1957-1959	14
Аргентина	1955-1966	1966-1973	1973-1976	1976	21
СССР-РФ	1985-1991	1991-1993	1993-1998	1998	13

Заключение. Таким образом, пересмотр революционных процессов по Сорокину – отказ от их идеализации в пользу сугубо научного анализа, но не сорокинский эмоциональный взгляд на революцию как на антропологическую катастрофу, причиной которой является системное подавление человеческих инстинктов, а следствием – биологическое и социальное вырождение нации. Его подход позволяет не только глубже понять историю России XX века, но и оценивать риски любых социальных потрясений сегодня. Но, основная задача автора – использовать механику революций, предложенную Сорокиным, и с её помощью понимать процесс любой социальной революции.

Список литературы

- Алексушин Г. Между революционным террором и доморощенным мздоимством // Самара, 2002. Октябрь. №6. С. 50-53.
- Алексушин Г.В. Постиндустриальная революция в России // Международный семинар, посвященный 10-летию Самарского муниципального Университета Наяновой. Гуманитарные секции. Тезисы докладов. Самара, 1998. С. 77-79.
- Алексушин Г.В. Революция в России: исторический аспект // Духовные основы жизни: философско-религиозные и культурно-педагогические наследие И.А. Ильина в XXI веке. Материалы региональной научно-практической конференции 14-15 октября 2007 г. / Под ред. И.А. Носкова. Самара: ГОУ ДПО «СИПКРО», 2007. С.447-453.
- Алексушин Г. Революция в России. Продолжение следует // Дело. Экономическое обозрение. 1998. №31. С. 25-28.
- Алексушин Г.В. Самара революционная. Самара: «Прайм», 2018, 64 с.
- Алексушин Г. Февральская революция вчера и сегодня // Волжская коммуна. 2007. 21 апреля. №71(25869). С. 5.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 1974. Т.31.
- Штейнзальц А. Почему революции терпят поражение? // Взгляд. М.: «Новости», 2005. С. 33-50.
- Sorokin P.A. The sociology of revolution. Philadelphia, London, J.B. Lippincott Company, 1925. 428 p.

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЯ Z КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

Зимова Наталья Сергеевна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социального конструирования,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
nzimova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются тенденции трансформации организационной культуры под влиянием трудовых ценностей сотрудников поколения Z в контексте кадрового дефицита и усиливающейся конкуренции за молодых специалистов. Цель исследования состоит в выявлении и описании направлений этих изменений на основе качественного анализа глубинных интервью с HR-специалистами и сотрудниками, вовлечёнными в процессы адаптации и взаимодействия с молодыми работниками. Показано, что ценностные установки поколения Z, ориентированные на гибкость, баланс между работой и личной жизнью, развитие и самореализацию, осмысленность труда и прозрачность управленческих решений, выступают устойчивым фактором пересмотра ключевых элементов организационной культуры. Выявлены основные направления трансформации, включающие ослабление жёсткой иерархии и усиление горизонтальных взаимодействий, распространение гибких режимов занятости и дистанционных форм работы, переход от формализованных процедур оценки к постоянной обратной связи и индивидуальным траекториям развития, а также расширение практик стажировок и программ вхождения в организацию. Обосновано, что интеграция трудовых ценностей поколения Z приобретает для организаций двойное значение, одновременно становясь инструментом привлечения и удержания персонала и механизмом обновления корпоративных норм, повышающим адаптивность и устойчивость компании.

Ключевые слова: трудовые ценности; поколение Z; трудовые ценности поколения Z; организационная культура; трансформация организационной культуры; управление персоналом; адаптация персонала; онбординг

LABOR VALUES OF GENERATION Z AS A FACTOR OF ORGANIZATIONAL CULTURE CHANGE

Natalia S. Zimova,
candidate of sociological sciences,
associate professor of the department of social engineering
Lomonosov Moscow state university
(Moscow, Russia)

Abstract. The article analyzes the trends in the transformation of organizational culture under the influence of the labor values of generation Z employees in the context of staff shortages and increasing competition for young professionals. The purpose of the study is to identify and describe the directions of these changes based on a qualitative analysis of in-depth interviews with HR specialists and employees involved in the processes of adaptation and interaction with young employees. It is shown that the values of generation Z, focused on flexibility, work-life balance, development and self-realization, meaningful work and transparency of management decisions, are a stable factor in the revision of key elements of organizational culture. The main directions of transformation have been identified, including the weakening of rigid hierarchies and the strengthening of horizontal interactions,

the spread of flexible employment regimes and remote forms of work, the transition from formalized evaluation procedures to constant feedback and individual development trajectories, as well as the expansion of internship practices and entry programs into the organization. It is proved that the integration of the labor values of generation Z acquires a double meaning for organizations, simultaneously becoming a tool for attracting and retaining staff and a mechanism for updating corporate norms, increasing the adaptability and sustainability of the company.

Keywords: labor values; generation Z; labor values of generation Z; organizational culture; transformation of organizational culture; personnel management; personnel adaptation; onboarding

Введение. Массовый выход поколения Z, людей, родившихся в период с 2000 по 2020 год на рынок труда, совпал с периодом усиления конкуренции компаний за молодых специалистов и одновременного пересмотра практик управления и удержания персонала в компаниях. В этих условиях трудовые ценности и ожидания молодых работников фактически превращаются в значимый фактор изменений внутри организаций, поскольку именно через них переопределяются представления о приемлемых режимах занятости, предпочтительном стиле коммуникации и формате взаимодействия руководителей и сотрудников. Результаты международных исследований и аналитических обзоров показывают, что для поколения Z, которое выросло в эпоху цифровых технологий, глобализации и повышенной социальной осознанности, заметное место занимают баланс между работой и личной жизнью, возможности развития, вопросы благополучия и ощущение смысла труда, а карьерные планы не ограничиваются быстрым выходом на руководящие позиции (Deloitte, 2025).

В российском контексте эта повестка становится особенно значимой на фоне обсуждений дефицита кадров и необходимости более активного привлечения молодежи в экономику, что подталкивает организации к обновлению кадровой политики и пересмотру условий труда. На практике такие сдвиги затрагивают не только набор HR-инструментов, но и более глубокие элементы организационной культуры, включая нормы коммуникации, представления о справедливости и доверии, способы координации и контроля, а также материальные и символические элементы рабочей среды. В ряде научных исследований и интервью с представителями HR-служб фиксируются распространение гибких графиков и дистанционных форм занятости, расширение программ стажировок, переход к регулярной обратной связи и смещение от жестких иерархий к более горизонтальным и проектным моделям организации работы (Аранжин, Нехода, 2022; Дутко, 2022; Тулузукова, Самохвалов, 2023).

При этом в научной и прикладной дискуссии сохраняется разрыв между описанием особенностей поколения Z и анализом того, как именно эти особенности встраиваются в организационную культуру, меняя ее нормы, ценности и повседневные практики. Нередко изменения фиксируются как отдельные управленческие решения, тогда как логика культурной трансформации остается разрозненной, а эмпирически подтвержденные механизмы и устойчивые тенденции описаны недостаточно подробно. В результате возникает проблема несоответствия между традиционными культурными моделями многих

организаций, основанными на иерархичности и контроле, и ценностными ожиданиями молодых сотрудников, ориентированных на гибкость, развитие, прозрачность и включенность, что вынуждает компании к адаптации, но не гарантирует управляемости и согласованности этих изменений.

В рамках данного исследования ставится исследовательский вопрос о том, какие тенденции трансформации организационной культуры формируются под влиянием трудовых ценностей сотрудников поколения Z и через какие управленческие и коммуникационные практики они проявляются в современных организациях. Цель исследования состоит в выявлении и описании этих тенденций на основе качественного анализа глубинных интервью с HR-специалистами и участниками процессов адаптации и взаимодействия с молодыми сотрудниками.

Методология и методы. Методологическая рамка исследования опирается на понимание организационной культуры как социокультурного феномена, обеспечивающего воспроизводство нормативного порядка в организации и задающего рамки интерпретации опыта для её членов. В институциональной логике она рассматривается как совокупность разделяемых смыслов, ценностей и норм, закрепляемых в символических формах, ритуалах, коммуникациях и управленческих практиках, которые определяют допустимые модели поведения и взаимодействия сотрудников (Шейн, 2002: 36-45). Такой подход позволяет трактовать организационную культуру как динамичную многоуровневую систему, подверженную изменениям под воздействием внешних и внутренних факторов.

Использование многоуровневой модели Э. Шейна, выделяющей уровни артефактов, провозглашаемых ценностей и базовых предположений, задаёт рамку, в которой изменения организационной культуры могут анализироваться как сдвиги не только в видимых практиках, но и в глубинных представлениях об авторитете, справедливости и ответственности (Шейн, 2002). Системный подход Т. Парсонса и его модель AGIL, трактующая организацию как социальную систему, выполняющую функции адаптации, целедостижения, интеграции и поддержания нормативного порядка, позволяет рассматривать культуру как механизм согласования действий и стабилизации ожиданий участников (Парсонс, 1994). Концепция трансформации ценностей в условиях модернизации и перехода от ценностей выживания к ценностям самовыражения, автономии и качества жизни (Инглхарт, Вельцель, 2011), идеи М. Кастельса об информационном (сетевом) обществе с усиливающейся ролью знаний, инновационности и горизонтальной координации (Кастельс, 2000), а также представление З. Баумана о «текучей современности», характеризующейся нестабильностью норм и карьерных траекторий (Бауман, 2008), в совокупности позволяют интерпретировать трудовые ценности поколения Z как один из каналов, через которые макросоциальные изменения проявляются в трансформации организационной культуры, режимов занятости и управленческих практик. Именно интерес к этим механизмам «перевода»

ценностей в организационные изменения определяет выбор качественной исследовательской стратегии.

В этой логике исследование строится как серия глубинных полуструктурированных интервью, позволяющих реконструировать профессиональные интерпретации HR-специалистов относительно влияния ценностных установок поколения Z на управленческие подходы, режимы занятости, коммуникационные нормы и практики оценки и развития персонала. Эмпирическую базу составили 10 интервью с представителями HR-функции (подбор, рекрутмент, адаптация/онбординг, развитие), работающими в московских офисах компаний различных отраслей; отбор информантов осуществлялся целевым способом по критерию включённости в процессы найма и адаптации молодых сотрудников и наличия опыта наблюдения изменений в управленческих практиках и корпоративных коммуникациях. Все данные обезличены в соответствии с этическими требованиями. Анализ материалов проведён методом тематического анализа, что позволило выделить устойчиво воспроизводимые направления трансформации управленческих подходов, режимов занятости, коммуникационных норм и практик оценки и развития персонала. Полученные результаты рассматриваются как аналитически обобщаемое описание типовых механизмов изменений и не претендуют на статистическую репрезентативность.

Научные результаты и дискуссия. Анализ 10 глубинных интервью с представителями HR-функции, работающими в московских офисах компаний различных отраслей, выявил устойчивые направления трансформации организационной культуры, соотносимые с трудовыми ценностями и ожиданиями работников поколения Z. Изменения затрагивают управленческие подходы, режимы занятости, коммуникационные нормы и практики оценки и развития персонала, то есть ключевые элементы организационной культуры в её практическом измерении. Далее рассмотрим эти направления более подробно.

Приоритетные компетенции и нормы взаимодействия. В интервью фиксируется сдвиг в представлениях о значимых качествах молодых сотрудников. При сохранении значимости ответственности и профессиональной компетентности информанты подчёркивают рост роли адаптивности, гибкости и «мягких навыков», что отражается в поддержке командной работы и кросс-функционального взаимодействия. В этой связи один из информантов прямо обозначает новую норму организационной координации, отмечая, что «теперь в приоритете горизонтальные коммуникации, кросс-функциональные команды» (Информант 3). На уровне культуры это означает закрепление кооперации и интенсивной коммуникации как нормативно ожидаемых характеристик «эффективного» сотрудника и «эффективной» организации.

Режимы занятости и баланс между работой и личной жизнью. Результаты показывают, что гибкость занятости и баланс между работой и личной жизнью воспринимаются информантами как устойчивый компонент ожиданий поколения Z. Это ведёт к пересмотру правил контроля и критериев

эффективности, когда акцент переносится с присутствия на результат и выполненные задачи. Типичным выражением данной управленческой логики становится позиция информанта «сегодня приветствуется другой подход – важен результат: если ты сделал задачу за 2 часа, вместо 8, то ты молодец и можешь уйти из офиса раньше» (Информант 1). Тем самым меняются и культурные основания управления, поскольку автономия в организации труда получает более высокую легитимность при одновременном усилении ожиданий ответственности за итог.

Миссия организации и социальная повестка. Интервью также фиксируют рост значимости ценностно-смыслового измерения занятости, в котором миссия компании и её социальная повестка выступают критериями оценки работодателя. Соответственно усиливается роль символического слоя организационной культуры, поскольку публичные ценности и позиционирование компании начинают восприниматься как ресурс привлечения и удержания молодых сотрудников. Данный мотив артикулируется информантом следующим образом «кандидатам становится важнее та миссия и та социальная повестка, которую несет компания» (Информант 4). В результате культурная согласованность между декларируемыми ценностями и реальными практиками приобретает для организации прикладное значение.

Обучение и развитие персонала. В интервью подчёркивается, что ожидания поколения Z включают запрос на развитие и доступные траектории роста, а организации отвечают на это расширением корпоративного обучения и институционализацией поддержки новичков через наставничество и «бадди»-практики. При этом значимым становится не только наличие формальных программ, но и доступность самообучения как нормы профессионального поведения. Это отражает позиция информанта «у нас постоянно расширяются библиотеки программ обучения... необходимо, чтобы сам сотрудник, понимая, что ему не хватает знаний в какой-то области, мог самостоятельно обучиться чему-то» (Информант 9). В культурном плане закрепляется установка на непрерывное развитие как компонент организационной «нормальности» и как условие удержания молодых сотрудников.

Социально-психологический климат и человекоцентричные практики. Интервью показывают, что запрос сотрудников поколения Z на уважительное, поддерживающее отношение делает социально-психологический климат одним из ключевых условий удержания и вовлечённости, а не «второстепенным» фактором. По оценке информантов, организации усиливают внимание к благополучию сотрудников и качеству повседневных коммуникаций: появляются инициативы, связанные с поддержкой, профилактикой выгорания, более бережным стилем менеджмента. Тем самым «атмосфера» в коллективе становится частью организационных норм и ожидаемым стандартом, отражающим ценности заботы, уважения и безопасности, которые молодые сотрудники придают высокое значение.

Адаптация и вовлечение сотрудников. Ориентация поколения Z на персонализированный опыт и понятные правила вхождения в организацию приводит к пересборке практик адаптации и вовлечения. Информанты описывают расширение инструментов онбординга: наставничество и «бадди»-системы, элементы геймификации, цифровые платформы для обратной связи, более продуманные пакеты льгот и нематериальных стимулов. На этой основе мотивация всё чаще воспринимается как комбинация условий труда, возможностей развития и качества взаимодействия, а не только как уровень оплаты, что показывает, как ценности осмысленного, поддерживающего рабочего опыта закрепляются в организационной культуре через конкретные HR-процедуры.

Иерархия и управленческие коммуникации. Результаты указывают, что трудовые ценности сотрудников поколения Z напрямую отражаются на характере иерархии и управленческих коммуникаций. Ожидание большей открытости, уважительного общения и возможности «быть услышанным» приводит к частичному ослаблению жёсткой вертикали при сохранении формальной структуры подчинения. Информанты отмечают появление каналов, через которые сотрудники могут напрямую донести свою позицию до руководства, а также рост значимости регулярной обратной связи и более корректных стандартов коммуникации, что иллюстрируется репликой: «раньше могли просто “спустить распоряжение сверху”, сейчас стараются объяснить логику решения и спросить обратную связь в чате или на встрече» (Информант 5). В результате практики оценивания и взаимодействия с сотрудниками в большей степени ориентируются на развитие, поддержку и вовлечённость, закрепляя в организационной культуре ценности диалога, уважения и совместного поиска решений, которые молодые работники считают нормой. Полученные данные показывают, что трудовые ценности и ожидания сотрудников поколения Z выступают устойчивым фактором трансформации организационной культуры, поскольку затрагивают её практическое ядро и проявляются в повседневных управленческих решениях и правилах взаимодействия. Прежде всего меняются представления о том, какие качества считаются значимыми у молодых сотрудников. При сохранении важности ответственности и профессиональной компетентности усиливается внимание к адаптивности, гибкости и развитым мягким навыкам, а также к способности работать в команде и эффективно взаимодействовать с разными подразделениями. В культурном плане это поддерживает норму сотрудничества и делает горизонтальные коммуникации более привычным способом координации работы.

В совокупности результаты исследования показывают, что трудовые ценности и ожидания сотрудников поколения Z становятся устойчивым фактором трансформации организационной культуры на уровне повседневных практик и управленческих решений. Меняются представления о приоритетных компетенциях, режимах занятости, миссии и социальной повестке, нормах развития и поддержки, а также форматах адаптации и управленческой коммуникации. Для организаций интеграция ценностей поколения Z имеет двойственное значение: с одной стороны, она выступает инструментом привлечения и удержания молодых специалистов, с

другой – требует пересмотра сложившихся культурных норм и повышает требования к адаптивности корпоративной среды.

Полученные результаты в целом согласуются с выводами современных эмпирических работ о том, что поколение Z предъявляет более высокие ожидания к гибкости занятости, балансу между личной жизнью и работой, смысловому измерению труда, чем более старшие когорты, а также рассматривает корпоративную миссию и социальную повестку как важный критерий выбора работодателя (Deloitte, 2025; Дутко, 2022). Показанный в интервью сдвиг к гибким режимам, усилению автономии и проектной логике работы соотносится с данными о влиянии трудовых ценностей разных поколений на выбор форм и видов занятости, включая распространение нестандартных и самостоятельных форм работы (Аранжин, Нехода, 2022; Стребков, Шевчук, 2017). Выявленный акцент на развитии, поддерживающем климате и человекоцентричных практиках также резонирует с исследованиями трудовых ценностей молодежи и трансформации системы трудовых ориентаций занятого населения, где подчёркивается значение возможностей самореализации, психологической безопасности и уважительного отношения (Покида, Зыбуновская, 2022; Корешева и др., 2022; Зубок, Чупров, 2019).

Специфика полученных результатов заключается в том, что они демонстрируют не только уже описанные в литературе ценностные установки поколения Z (ориентация на баланс «работа – жизнь», развитие, смысл труда), но и конкретные способы их институционализации в организационной культуре через HR-процедуры и управленческие решения. Показано, что запрос на гибкость реализуется в пересборке режимов занятости и критериев эффективности (акцент на результате при одновременном расширении автономии), а ориентация на развитие – в расширении корпоративного обучения, формализации наставничества и «бадди»-практик, нормализации самообучения как ожидаемого профессионального поведения. Демонстрируется, как ценность поддерживающего, уважительного отношения материализуется в усилении фокуса на социально-психологическом климате, профилактике выгорания и более бережном стиле менеджмента, а запрос на диалог и «быть услышанным» – в развитии каналов прямой коммуникации с руководством и регулярной обратной связи. Тем самым исследование дополняет существующие работы, которые в основном фиксируют декларируемые ценности и ожидания поколения Z, показывая, как именно они переводятся в изменения практического ядра организационной культуры – от форм адаптации и вовлечения до норм управленческой коммуникации.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что ценностные установки и ожидания сотрудников поколения Z становятся для организаций не внешним «фоном», а важным ориентиром пересборки организационной культуры на уровне повседневных норм и управленческих практик. Выявленные направления трансформации описывают взаимосвязанный сдвиг к более гибким режимам занятости, усилению горизонтальных взаимодействий, повышению роли регулярной обратной связи, развитию обучающих и адаптационных

практик, а также к большему вниманию к смысловому измерению труда и качеству социально-психологического климата.

Практическая значимость результатов состоит в том, что они могут служить ориентиром для настройки корпоративных правил и коммуникаций с учётом ожиданий молодых сотрудников и тем самым поддерживать задачи привлечения, вовлечённости и удержания персонала в условиях конкуренции за кадры. В то же время выводы имеют характер аналитического обобщения типовых механизмов, выявленных в рамках качественного исследования, что задаёт перспективу дальнейшей проверки и уточнения результатов на расширенных выборках, в разных отраслях и с включением позиции самих работников поколения Z.

Список литературы

Аранжин В. В., Нехода Е. В. Влияние трудовых ценностей различных поколений работников на выбор форм и видов занятости: результаты эмпирического анализа // Экономика труда. 2022. URL: <https://1economic.ru/lib/114078> (дата обращения: 13.12.2025).

Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Дутко Ю. А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 28-37. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-4-28-37. EDN: EECPPN.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 249. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.14. EDN: EWTSRI.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с. ISBN: 978-5-98379-144-2. EDN: QOMHTL.

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

Корешева Е. В., Бирюкова Л. В., Филиппова К. В. Трудовые ценности молодежи: поколенческий аспект (на материалах исследования в Хабаровском крае) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 44-49. DOI: 10.23672/c9902-5984-8303-q. EDN: LCTNYM.

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль: тексты. М.: Издательство Моск. ун-та, 1994. С. 462–478.

Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Трансформация системы трудовых ценностей занятого населения // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1 (46). С. 164-176. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-164-176. EDN: FDQBOS.

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Трудовые ценности самостоятельной и организационной занятости // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 81-93. EDN: XXRRNL.

Тулузукова Т. В., Самохвалов М. А. Поколение «Z» как трудовой ресурс. 2023. URL: <https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2023/03/tuluzukova-samokhvalov-77-84.pdf> (дата обращения: 13.12.2025).

Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб.: Питер, 2002. 336 с.

Deloitte. Deloitte Global Gen Z and Millennial Survey 2025. 2025. URL: <https://www.deloitte.com/global/en/issues/work/genz-millennial-survey.html> (дата обращения: 04.11.2025).

СОВРЕМЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ТРАНСЛЯЦИИ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Карпова Наталья Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
nvkarpova2020@mail.ru

Леньков Роман Викторович,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии и медиакоммуникаций
ФГБОУ ИВО «Российский государственный университет
социальных технологий»
lenkov@rgust.ru

Мельникова Полина Евгеньевна,

магистр социологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
dallas-2014@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению социально-технологического потенциала российского кинематографа в контексте трансляции политико-культурных традиций и формирования политической культуры современной молодежи. На основе поискового социологического исследования методами контент-анализа популярных отечественных фильмов 2022-2024 гг. и онлайн-опроса молодых россиян анализируются особенности и возможности передачи патриотических и традиционных ценностей новым поколениям. Эмпирически доказано, что регулярный просмотр кинофильмов, содержащих патриотические ценности, способствует укреплению национально-государственной идентичности, стимулирует межпоколенческий диалог и выступает значимым фактором политической социализации. Делается вывод о ключевой функции кинематографа в согласовании институциональных норм государства и ценностных установок общества.

Ключевые слова: политико-культурные традиции; кинематограф; политическая культура; патриотизм; национально-государственная идентичность; политическая социализация

CONTEMPORARY CINEMA AS A TECHNOLOGY FOR TRANSMITTING TRADITIONS OF POLITICAL CULTURE

Natalia V. Karpova,

candidate of sciences (sociology), associate professor, department of social technologies,
faculty of sociology, Lomonosov Moscow state university
(Moscow, Russia)
nvkarpova2020@mail.ru

Roman Len'kov,

candidate of sciences (economics), associate professor, department of sociology and media
communications, faculty of sociology and journalism,
Russian state university of social technologies
(Moscow, Russia)
lenkov@rgust.ru

Polina Mel'nikova,
master of sociology,
Lomonosov Moscow state university
(Moscow, Russia)
dallas-2014@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the socio-technological potential of Russian cinema in the context of the transmission of political and cultural traditions and the formation of the political culture of modern youth. Based on exploratory sociological research using content analysis of popular Russian films from 2022-2024 and an online survey of young Russians, the characteristics and potential for transmitting patriotic and traditional values to new generations are analyzed. It has been empirically proven that regular viewing films containing patriotic values contributes to the strengthening of national identity, stimulates intergenerational dialogue and acts as a significant factor in political socialization. The conclusion is made about the key function of cinema in harmonizing the institutional norms of the state and the value systems of society.

Keywords: political and cultural traditions; cinema; political culture; patriotism; national and state identity; political socialization

Введение. Кинематограф является пространственной формой искусства, где нередко пересекаются и сталкиваются различные социально-политические идеи, обоснованные культурными предпосылками и традициями. Такие, созданные средствами кинематографа элементы, как идеализированный положительный герой или отрицательный образ «Другого» – способствуют воспроизводству и закреплению в политических представлениях граждан определенных стереотипов. Речь идет о репрезентации устойчивых многократно повторяющихся образах или представлениях, оказывающих влияние на массовое сознание за счет эмоциональной и символической нагрузки, способной вызывать ассоциации. Влияние стереотипов имеет долговременный характер, а их восприятие обусловлено не только содержанием кинопродукции, но и контекстом историко-культурного наследия и предшествующего опыта (Тузинэк, 2017).

В большинстве случаев стереотипы позволяют человеку вырабатывать представления о различных объектах и явлениях даже без личного знакомства с ними. Поэтому фильмы в широком прокате становятся эффективным инструментом для закрепления и «проработки» существующих образов у молодого поколения. Динамика формирования политических представлений через кинофильмы и их распространение в массовом сознании подчеркивает важность изучения скрытых идеологических посылов в современном кинематографе. Тем самым, наряду с прямыми технологиями трансляции и мифологизации политического содержания, механизмы стереотипизации и идеологизации представляют собой мощный инструмент воспроизводства политической культуры, требующий внимания и эмпирической проверки.

Методология и методы. Политическая культура выступает субъективным фактором, определяющим отношения между властью и обществом, способствующим интеграции и укреплению социально-политических связей. Она создает и поддерживает ценностную базу, соответствующую особенностям

политической системы. Как элемент механизма системного воспроизводства, политическая культура осуществляет социализацию, воспитание и мобилизацию граждан для обеспечения легитимации политического порядка и поддержки определенной идеологии.

Политическая культура несет фундаментальные знания о социальной жизни в конкретном обществе, отношениях различных социальных групп, восприятии и освоении ими политических идей и ценностей. Она превосходит рамки общественного мнения, поскольку формируется в процессе социализации, а ее изменения протекают в затяжном темпе (Карпова, 2025). Структура политической культуры воспроизводит сложное целостное единство, объединяющее историю становления национальной политической системы с ее многочисленными подсистемами и личным опытом отдельного гражданина. Она функционирует как динамично эволюционирующая система, в которой коллективные исторические процессы и личностные установки находят отражение в устойчивых моделях массового сознания.

К компонентам политической культуры относятся ценности, ориентации на объект, стереотипы и традиции. Так, Г. Алмонд и С. Верба определяют ее на примере народной или государственной специфики как сумму политических ориентаций по отношению к политической системе, а также к роли собственного «Я» в такой системе. Содержание политической культуры характеризуется через специфическое распределение «моделей ориентаций по отношению к политическим объектам у тех, кто принадлежит к населению страны» (Алмонд, 2014).

Ориентации граждан по отношению к политической системе характеризуют такие черты политической культуры, как патриотизм или отчуждение, наличие или отсутствие национальной гордости, специфику общенациональных ценностей или формирование государственной идентичности (Карпова, 2016). При этом патриотизм выступает одной из ведущих ценностных ориентаций личности, представляющей комплекс знаний, оценочных суждений и социальных установок по саморегуляции избирательно-предпочтительного отношения субъекта к Родине. Он определяется как общественно-политический и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране, месту своего рождения и жительства, как явление политической ориентации и проявление культурно-этических ценностей (Селиверстова, 2017).

Правомерно утверждение, что патриотизм можно рассматривать в качестве фактора, влияющего на корректировку и развитие ключевых функций политической культуры (Никитин, 2017). В частности, этот процесс направлен на совершенствование функции идентификации, позволяющей индивиду осознать свою принадлежность к социальной группе, на корректировку функции ориентации, способной объяснять индивиду смысл политических процессов, лучше воспринимать политическую динамику. Подвергаются изменениям через патриотизм функции адаптации и социализации, которые позволяют индивиду усвоить ранее не известные политические знания и приобрести навыки политического поведения. В функции интеграции, объединяющей различные

социальные группы вокруг общих ценностей, патриотизм действует как объединяющий элемент. Корректируется функция коммуникации, обеспечивающая взаимодействие объектов и субъектов политики посредством политических стереотипов, мифов и символов.

Государственные институты, политические партии и политические активисты занимают ключевое место в формировании политических ценностей. Это обстоятельство подчеркивает значимость структурных элементов власти в становлении общественных ориентиров. Ценностные установки и сопутствующие модели поведения, объединяющие традиционные (консервативные), общечеловеческие и межгрупповые элементы определяют развитие политической культуры. Следовательно, влияние государственных институтов становится основанием для интеграции разнообразных культурных и идеологических элементов.

В апреле 2025 года проведено поисковое социологическое исследование по проблеме восприятия молодыми людьми ценностей, транслируемых в современном кинематографе. Методом онлайн-анкетирования опрошено 103 респондента в возрасте от 18 до 29 лет. Исследование актуализирует необходимость изучения возможностей и ограничений кинематографа в части формирования политической культуры. В свою очередь, это создает предпосылки для эффективного применения кино как вида искусства, способного формировать политико-культурное пространство современного общества.

Осуществлен контент-анализ восьми кинолент (период выхода – с 2022 по 2024 гг.): «Чебурашка» (2023), «Холоп-2» (2024), «Бременские музыканты» (2024), «По щучьему велению» (2023), «Вызов» (2023), «Лёд-3» (2024), «Сто лет тому вперед» (2024), «Сердце Пармы» (2022). Фильмы отобраны на основе критериев: 1) общий кассовый сбор в кинотеатрах; 2) количество зрителей, как свидетельство демонстрации успеха отечественного контента в массовом потреблении; 3) безвозмездное финансирование, предоставляемое Фондом кино на их создание. В картинах, отобранных по указанным критериям, транслируются преимущественно общечеловеческие ценности, реже – политические. Названные фильмы пользуются наибольшей популярностью среди молодежи.

В группу фильмов, имеющих патриотическую направленность, можно включать целый комплекс кинолент – как художественных, так и документальных, где не только непосредственно отражены военные события, важнейшие исторические этапы (Мелконян, 2010), достижения в спорте и науке, судьбы и подвиги героев, исторических личностей, но и прославляется национальный характер народа, отражающий национально-государственную идентичность. Так, «Чебурашка» уверенно приобретает статус традиционного российского культурного героя, наряду с медвежонком Паддингтоном в британской культуре, что обосновывает включение фильмов об этих персонажах в разряд лент патриотической направленности.

В случае, если создаваемая для зрителя картина мира формируется внутри национального контекста и точно отражает реалии собственной страны, она

приобретает ярко выраженный патриотический характер. Такой подход, в свою очередь, позволяет кинематографу функционировать как эффективное средство передачи социально-политических ориентаций от поколения к поколению. Эта трансляция способствует не только сохранению исторической памяти, но и углублению понимания своей истории и культурной самобытности. Поэтому связь между национальными особенностями кинематографического изображения и познанием политико-культурных традиций является основополагающей для устойчивого развития общества (Жабский, 2002).

Герои отобранных лент выступают удобным инструментом для воплощения основополагающей риторики, в которой приоритет отдается любви к Родине, крепкой семье и, соответственно, патриотизму. Такой патриотизм предстает в различных ракурсах: от регионального, как это демонстрируется в финале трилогии «Лёд», до патриотизма через фильм «Вызов», где профессиональный долг героини переплетается с идеей служения на благо страны. Дополнительно, в отдельных работах, например, в «Бременских музыкантах», прослеживаются идеи коллективизма, подчеркивающие, что свобода и успех достигаются лишь в единстве, и со смысловой точки зрения этот нарратив не находится на поверхности.

Гипотеза исследования: регулярное знакомство с кинофильмами, где транслируются патриотические установки и традиционные культурные стереотипы, способствует укреплению национальных традиций (национально-государственной идеи) в сознании молодых россиян, обеспечивая воспроизводство и преемственность политической культуры от одного поколения к другому.

Научные результаты и дискуссия. *Потенциал социализации кинематографа для молодежи. Регулярность просмотра российского кино.* Несколько раз в неделю смотрит кино – 34%, «раз в неделю» – 11,7%, ежедневно – 1% респондентов. Результаты свидетельствуют, что просмотр кинофильмов, сериалов и анимации стал частью культурного потребления, но не является доминирующим видом досуга молодежи.

В категории нерегулярных зрителей, с ответом «несколько раз в месяц» – 24,3%, не смотрит российское кино – 20,4% респондентов. Это может быть связано с тем, что для части зрителей качество или тематика (жанровое и сюжетное разнообразие) не соответствует их ожиданиям либо рыночная представительность отечественных фильмов уступает альтернативным источникам развлечений. Затруднения с ответом имели 8,7% респондентов, что может отражать неопределенность в критериях оценки или нерешительность в классификации привычной модели потребления.

Основная цель просмотра российского кино. Развлечение и отдых – 61,2 %, получение эмоциональных переживаний – 52,4 %. Важно, что почти половина респондентов (43,7 %) смотрит кино для того, чтобы отвлечься от реальных проблем. Это подчеркивает роль кинематографа как средства ухода от повседневного стресса. Меньшая часть аудитории выбирает кино для поиска вдохновения (22,3 %), расширения кругозора (25,2 %) или для семейного досуга

(26,2 %). Пассивный фоновый просмотр практически не воспринимается как самоцель и имеет наименьшее значение – 1 %.

Полученные результаты соответствуют тезису, что для современной молодежи кино – это инструмент для активного эмоционального и развлекательного досуга. Речь идет о компенсаторной функции кино, которая позволяет зрителю испытывать широкий спектр эмоций, зачастую недоступных в повседневной жизни. Видимо, проживание личной трагедии персонажей способствует эмоциональному переживанию собственных проблем, помогает идентифицировать себя с конструируемыми образами и, тем самым, становится инструментом формирования определенной политико-культурной риторики.

Функциональное назначение кинематографа. Прежде всего, кинематограф – источник развлечения. Также у респондентов присутствует интерес к получению новых знаний, что говорит о его познавательной функции. Менее выраженными оказались информационная и духовная функции, что может указывать, что аудитория не считает кино основным источником новостей или глубоких духовных поисков. Образовательная и воспитательная функции подчеркивают роль кино в формировании определенных культурных и нравственных ценностей. Идеологическая и эстетическая функции отражают мнение, что кино оказывает влияние на формирование мировоззрения и эстетического восприятия у зрителей.

Обсуждение истории и жизненного опыта поколений. Большинство респондентов (91 %) согласны, что определенные киноленты стимулируют интерес к обсуждению истории и жизненного опыта поколений. Заметная часть респондентов регулярно смотрит фильмы с семьей. 92,2% респондентов склонны обсуждать увиденное в кинолентах в семейном и дружеском кругу. Фактически, это социальное признание кино как инструмента межпоколенческого диалога, способствующего передаче ценностей и сохранению культурной памяти.

Семейный просмотр фильмов, посвященных истории и культурным традициям страны, является значимой практикой.

Результаты демонстрируют, что наблюдается высокий уровень вовлеченности аудитории в культурное пространство. Молодые люди склонны к коллективному анализу социально-культурных и исторических вопросов, поднимаемых в фильмах. Это способно служить развитию критического мышления и более глубокому осмыслению увиденного. В то же время обсуждения в кругу семьи и друзей отражают потребность в обмене впечатлениями и опытом от просмотра кинофильмов.

84,5% респондентов считают просмотр российского кино поводом для обсуждения важных жизненных вопросов в своем кругу общения, следовательно, большинство молодых людей используют просмотр кино как стимул для обсуждения актуальных тем.

Проведенное исследование показало, что 91,3% респондентов узнавали и просматривали фильмы о значимых событиях или традициях своей страны во время обучения. Из указанной группы 58,3% отметили, что такие киноленты

побудили их самостоятельно изучать историю, 17,5% не испытывали такого эффекта, 24,3% затруднились ответить. Можно предположить, что фильмы, используемые в образовательных целях, у большей части аудитории выступают стимулом для дальнейшего самостоятельного изучения культурного наследия.

Распространение информации о фильмах-новинках через средства массовой информации. Около 90% отмечают, что фильмы, затрагивающие вопросы исторического наследия, традиций, национальной гордости и любви к Родине, активно обсуждаются в СМИ и социальных сетях. При этом примерно 71% респондентов считают, что подобные фильмы способствуют более глубокому осмыслению культуры страны. Это свидетельствует, что большинство молодых людей замечают широкую популяризацию тем исторического и культурного характера в кино и видят в этом реальные возможности для укрепления национального самосознания.

Формирование национально-государственной идентичности и гражданской ответственности. Преемственность национально-духовных ценностей. Большинство респондентов позитивно оценивают роль кинематографа в передаче патриотических ценностей, формировании национально-государственной идентичности и лучшем понимании основ гражданской ответственности – 72,8%. 7,8% респондентов высказали свое категорическое несогласие. 70,9% респондентов уверены, что фильмы играют значительную роль в передаче ценностей между поколениями.

Респонденты демонстрируют приверженность к активному обсуждению просмотренных российских фильмов. Их обсуждение, как в семейном кругу, так и в более широком социальном контексте, информирует, о восприятии кино и как пассивного развлечения, и как катализатора межпоколенческого диалога и обмена опытом. Это может способствовать критическому осмыслению общественно значимых тем, исторических событий и процессов формирования ценностей патриотизма и национально-государственной идентичности.

Особое место в оценке зрительских предпочтений занимает восприятие кинолент как инструмента патриотического воспитания и формирования гражданской ответственности. Молодые люди выразили мнение, что отечественное кино является важным элементом в передаче национально-государственной идентичности и ценностей от поколения к поколению.

Доминирующим для респондентов представляется соблюдение законов (76,7%). Использование гражданских прав и обязанностей – 58,3% респондентов, что демонстрирует осознание необходимости активного участия в общественной жизни через реализацию собственных прав. Менее заметны такие аспекты, как волонтерская деятельность (27,2%) или участие в выборах (37,9%), хотя само участие в выборах подтверждается высоким уровнем активности (77,7%). Видимо, разрыв свидетельствует, что, даже в случае непосредственного участия молодых людей в выборах, нормативная база и осуществление прав в абстрактном понимании воспринимается ими более приоритетным аспектом гражданской ответственности.

Заключение. Эмпирическая проверка гипотезы исследования, основанная на онлайн-опросе, показала, что российское кино занимает заметное место в культурном потреблении современной молодежи и воспринимается не только как источник эстетического удовольствия, но и как средство осмысления исторических и политических процессов. Регулярный просмотр отечественных фильмов, сериалов и анимации укрепляет у зрителей устойчивую политическую идентичность, воспитывает гражданское чувство ответственности и солидарности, а также стимулирует межпоколенческий диалог через передачу культурной памяти. Особенно яркими оказались эффекты включения кинематографа в образовательный процесс: наглядные экранные образы способствуют углубленному пониманию исторического контекста, усиливают вовлеченность учащихся в обсуждение политико-культурных вопросов и развивают критическое отношение к социально-политическим явлениям и процессам.

Исследование подтвердило, что устойчивость политической системы неразрывно связана с гармонизацией ее институциональных основ и динамики общественных процессов с преобладающим типом политической культуры. Кинематограф транслирует вектор политических ценностей конкретного государства, чем способствует согласованию «низовых» ценностных установок и «верховных» институциональных норм, формирует саморегулирующийся культурно-политический комплекс, необходимый для стабильного государственного управления.

Полученные результаты обосновывают ряд выводов:

- 1) совместный просмотр и последующее обсуждение патриотически окрашенных кинолент служат важным каналом межпоколенческой передачи исторического и культурного опыта;
- 2) эстетико-эмоциональное восприятие образов в кино стимулирует развитие у зрителя личной гражданской ответственности и активного участия в политическом диалоге;
- 3) интеграция патриотических установок в образовательные программы повышает их эффективность и способствует формированию у молодого поколения устойчивых ценностных ориентаций.

Исходя из обобщенных положений, целесообразно рекомендовать разработку стратегий, предусматривающих системное внедрение политических сюжетов в кинопродукцию, ориентированную на аудиторию 18-29 лет, с учетом ее предпочтений в отношении символически обогащенного и художественно насыщенного повествования. При этом стоит ориентироваться на принцип «неявного» формирования гражданской позиции через увлекательный сюжет. Также важно поддерживать межфункциональное взаимодействие образовательных и культурных институтов для развития у молодежи критического восприятия политико-культурных процессов и становления активного гражданина.

Список литературы

Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократии в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014. 501 с.

Карпова Н. В. Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2016. № 1. С. 182-200. EDN: XSTZLX.

Карпова Н. В., Леньков Р. В., Юдакина Е. Е. Государственная политика как механизм политической социализации современной российской молодежи // В сборнике: Научные результаты социологии-2024. Сборник статей по материалам IV Международного научного онлайн-форума. Отв. редактор И. С. Шаповалова. Белгород. 2025. С. 38-46. EDN: RBCFUN.

Кино: реалии и вызовы глобализации / Министерство культуры Российской Федерации, НИИ киноискусства; под общ. ред. М. И. Жабского. М., 2002. 309 с.

Мелконян К. Ю. Киноискусство как фактор формирования социокультурного пространства современного общества // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 66. С. 259-263. EDN: LPEDOR.

Никитин В. Ю. Патриотизм в процессе формирования политической культуры // Наука. Общество. Оборона. 2017. № 1 (10). С. 1-6. EDN: YGUWZH.

Селиверстова Н. А., Курганская М. Я. Патриотизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 232-239. DOI: 10.17805/zpu.2017.1.18. EDN: YJXIDR.

Тузінэк А. Кино как Медиум для создания «образов прошлого» и «образов Другого» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 10 (783). С. 302-315. EDN: XUMIJV.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВЕДНИКИ: ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ НЕВОСТРЕБОВАННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РЕСУРСА

Логунова Лариса Юрьевна,

доктор философских наук, профессор, доцент, профессор кафедры социологии,
Новосибирский государственный университет управления и экономики
(Новосибирск, Россия)
vinsky888@mail.ru

Уткина Антонина Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономики,
Беловский институт (филиал) Кемеровского государственного университета
(Белово, Россия)
uan69@bk.ru

Аннотация. Современные праведники составляют «центральную зону культуры», демонстрируют «человеческие качества будущего», социальное здоровье. Для воспитания младших поколений жизнь современных праведников – образец достойного поведения. Праведники – мощный человеческий ресурс, способный вывести нацию из духовного тупика. Исследование посвящено социально-философскому осмыслению современной праведности. Представлена структура этой группы, обоснованы критерии праведности, социальная миссия праведников. Ведущее качество праведности – культивирование вечных ценностей: безусловная любовь, стремление к свету истины, активная доброта, справедливость, честность, милосердие, соотнесение своих ежедневных поступков с ними. Отличительная черта праведников – ориентация на безопасное для потомков будущее.

Ключевые слова: праведники современности; социология праведности; этические критерии праведников; социальная миссия праведников; человеческие качества будущего; вечные ценности

Благодарность: Мы благодарим студентов университетов НГУЭУ (г. Новосибирск, КемГУ (г. Белово) за участие в исследовании проблемы современной праведности.

MODERN-DAY RIGHTEOUS PEOPLE: THE PROBLEM OF SOCIAL UNDERUTILIZATION OF HUMAN RESOURCES

Larisa Yu. Logunova,

associate professor, professor of the department of sociology,
Novosibirsk state university of economics and management (Novosibirsk, Russia)
vinsky888@mail.ru

Antonina N. Utkina,

Ph.D. sociol. sciences, associate professor,
associate professor of the department of economics,
Belovo institute (branch) of Kemerovo state university, (Belovo, Russia)
uan69@bk.ru

Abstract. Modern righteous people constitute the “central zone of culture”, demonstrating “the human qualities of the future” and social health. For the upbringing of younger generations, the lives of modern righteous people serve as models of socially worthy behavior. The righteous are a

powerful human resource, capable of leading nations out of spiritual impasse. This study explores the socio-philosophical understanding of modern righteousness. The structure of this group is presented, the criteria of righteousness are substantiated, and the social mission of the righteous is explored. The leading quality of righteousness is the cultivation of eternal values: unconditional love, striving for the light of truth, active kindness, justice, honesty, mercy, and aligning one's daily actions with these values. A distinctive characteristic of the righteous is their focus on the future: they love their descendants more than their contemporaries.

Keywords: righteousness; qualities of the righteous; social mission of the righteous; human qualities of the future; eternal values

Acknowledgments: We thank the students of the universities of NSUEU (Novosibirsk, KemSU (Belovo) for their participation in the study of the problem of modern righteousness.

Введение. Когда нация оказывается в ценностном и нравственном тупике, у нее еще остается ресурс – люди, не изменяющие высшим ценностям Истины, Любви, Добра, живущие по законам совести и в спокойствии повседневной жизни, и в ситуациях кризиса. Социологического термина для определения и описания этой группы не существует. В подобных случаях, осмысливая научную и онтологическую проблему, ученые используют метафоры. Для описания группы социально здоровых людей мы выбрали метафору «современные праведники».

Проблема заключается в невыделенности праведников как ресурсно значимой для общества и его будущего социальной группы. И хотя эти люди – образец человеческого достоинства высшей пробы, ценностный ресурс, необходимый для будущего человеческого вида, в социологии культуры эта группа – слепое пятно: не определены критерии «узнавания» праведника, не изучены их биографии, нет репрезентаций в научном мире и информационном пространстве. Их нет. Но наши потомки в них нуждаются, как в чистом воздухе, необходимом для достойной благополучной жизни.

Современные праведники почти невидимы в публичном пространстве, заполненном «звездами», инфлюэнсерами, людьми сомнительной репутации. Когда все поддельное и лукавое подменяет собой истину, праведники имеют мужество сохранять достоинство, не отказываясь от выполнения социальной миссии служения человечеству, сохраняя моральные ориентиры. Сегодня они еще резче отличаются от псевдокумиров по действиям и поступкам, ориентированным на безопасное будущее, на других людей, поддерживая их стремление жить благополучной жизнью. Но выявить эти персоналии среди информационного шума, организованного вокруг персон-однодневок – сложная исследовательская задача.

Социальные науки сосредоточены на изучении разнообразных патологий, оставляя за скобками научной рефлексии поведение социально здоровой личности. Потребность в формировании теории социального здоровья, в терминологическом аппарате для описания социально здорового человека для социальной науки актуальны.

Методология и методы. Наша исследовательская работа заключалась в определении критериев современной праведности, круга персоналий, в чьих

биографиях проявляются черты праведников, выявление смыслов праведности в понимании современников (глубинные интервью с 258 студентами университетов Кемеровской и Новосибирской областей, 2024-2026 гг.), формировании «списка» современных праведников, определении социально-профессиональной структуры этой социальной группы.

Современные праведники образуют неинституционализированную социальную группу людей, живших и живущих в XX – начале XXI вв. Члены группы проживают похожие судьбы, демонстрируют одинаковый этический тип социально одобряемого поведения.

Социологической теории праведности не существует. Для обоснования праведности как отличительного качества личности мы опирались на тексты священных книг, смыслы которых непротиворечивы: в Талмуде сообщается о 36 праведниках, которые латентно живут в каждом поколении, факт существования которых поддерживает мир и жизни других; в Библии повествуется о защитной функции праведников, ради которых целые города, погрязшие в пороках, могут избежать разрушений, о спасении жизни и всего живого в ковчеге праведника Ноя. Послание апостола Павла коринфянам содержит подробное описание *человека любящего* – праведника. Мы использовали идеи духовных учителей, мыслителей, писателей, человековедов, философов, гуманистов: Лао-Цзы, Эпикура, Данте Алигьери, Н. С. Лескова, М. Шелера, Н. О. Лосского, Е. Богата, А. Печчеи. Образцом обоснования группы праведников были теории П. Л. Лаврова, К. Мангейма, создавших социологию интеллигенции. Основными подходами для анализа эмпирического материала были феноменологический, человекоцентричный, культуроцентричный. Эмпирическую базу составили истории жизней современных праведников: с применением биографического метода мы проанализировали истории 75 человек.

Субъективизм исследования научно и социально значим: работа в технике персонализма исторически перспективнее, чем оперирование числовыми единицами и массивом данных. Персонализм рождается после нравственной катастрофы, в которую попадает социальная масса.

Научные результаты и дискуссия. *Социологическое обоснование группы праведников.* Сложность определения праведника – в необходимости отграничения социального смысла понятия от религиозного и политического контекста. Праведник – не святой, праведность и святость нетождественны. Святых канонизируют агенты института церкви, критерии святости определены четко. Праведники в религиозной литературе, как правило, не упомянуты. Стратегия праведности – следование пути порядочности, а не явления чудес миру.

Праведник – не героическая личность, назначенная агентами института государства, в соответствие с доминирующей государственной идеологией. Он, скорее, герой внутреннего сопротивления, на которое он обречен своей совестью. Он пребывает в конфликте по отношению к антиценностным выходкам социально безответственных кумиров и разного рода деятелей. Во времена аномий обычная порядочность становится подвигом, и в жизни

праведника нет места ситуативному героизму, выдающемуся из общей канвы биографии поступка. Праведность – это ежедневные поступки, соответствующие этическому критерию «жить по совести», вести себя порядочно.

Праведник может не быть выдающейся личностью, презентациями которых занимаются агенты института СМИ. Информационное влияние таких персон ограничивается временем информационной памяти потребителей печатно-коммуникационной продукции. Выдающиеся личности, медийные персоны побеждают на «короткой дистанции». Ценностное влияние праведников сильнее и длительнее, чем влияние военное, политическое, финансовое. Влияние праведников переживает их собственные жизни, они становятся учителями человечества на несколько поколений вперед (Забнева, Логунова, 2024: 82). Праведники отличаются от «выдающихся людей» отказом от любой сделки с совестью и / или агентами института государства. Выдающиеся люди такую сделку допускают по разным причинам и обстоятельствам, их, возможно, оправдывающим. К конформизму медийных персон публика давно привыкла: они могут говорить одно, а думать другое. Праведники не откажутся от того, во что верят, не выскажут то, что не считают истинным.

Праведники не назначаются агентами институтов. Праведниками людей признает человечество, и принадлежат они человечеству, а не к церкви, государству, институциональному пространству СМИ. Институциональная неопределённость статуса праведника в неочевидности, латентности, честности и последовательности выполнения его добровольной *социальной миссии* – спасение мира и дома Человека, оправдания его в глазах Создателя. Н. С. Лесков, человек прошлого века осмыслил важность неочевидной миссии праведников, увидел историческую значимость повседневных поступков праведников: «Такие люди, стоя в стороне от главного исторического движения, ... *сильнее других делают историю*» (Лесков, 1989: 75).

Социальная миссия праведников. Социальную миссию служения человечеству не способна выполнить ни старая, ни новая, политически признанная, элита. Социальная задача старой элиты – самовоспроизводство, сохранение своих материальных и политических достижений. Свои интересы представители элит ставят выше интересов человечества. В своей социальной закрытости они следуют своему уделу – воспроизводство себе подобных. Эта миссия невозможна для низших классов, поставленных в условия ежедневной заботы о выживании. Воспитание «новых элит» в большей степени стихийно, чем нравственно организовано, у них нет способности принимать социально ответственные решения о будущем. Все эти люди зависимы от ситуации и власти. И только праведники имеют роскошь опыта жизни с внутренней независимостью, они освободили себя от необходимости обслуживания частных интересов. В политических противостояниях, в борьбе за бизнес-влияние праведники отказываются занимать любую сторону выгодоприобретателей от конфликта: они всегда «на стороне человека».

Н. С. Лесков в своих социологических зарисовках, формирует нарратив о праведности и жизни праведников в России XIX в., подчеркивая ограничения, рамки, в которых ежедневно действуют праведники. Они «все не из чернородья и не из знати, а из людей служилых, зависимых, коим соблюсти правоту труднее» (Лесков, 1989: 46). Праведникам свойственно мужество самоотречения, самопожертвования. В этом повседневном мужестве – скромность их величия.

Праведники образуют независимую духовную элиту, которая не стремится к социальному влиянию, свободные от манипуляций и социального давления, они занимают позицию «вне игры» (Логунова, 2017). Они несуетны, демонстрируют модели достойного поведения в ситуации неопределенности, будучи неоцененными и непризнанными.

Праведники выполняют социальные функции:

- *защиты*, укрепления культурного навеса над человечеством, если он истончается, на головы людей проливается кипящая магма социального хаоса, ради 36 социально и политически неприметных праведников Бог сохраняет мир людей, а они живут, охраняя человечество от деградации, варварства, предостерегая об опасности извращения вечных ценностей;

- *сохранения нравственных ориентиров* – смысла вечных ценностей;

- *формирования ценностного фундамента будущего* – генерирования новых, актуальных в будущем правил жизни.

Выполнение этой миссии и социальных функций формируют норму «нового гуманизма». Человек видит в себе потенциал развития человечества, катализирует духовную и культурную эволюцию. Цель культурной эволюции – формирование гуманности как условия зрелого общества. Культурная эволюция приносит в жизнь людей чувство глобальности, любовь к справедливости, нетерпимость к насилию (Печчеи, 1980). Образцами такого рода гуманности становятся современные праведники, предлагая и протраивая идеи человекоподобного устройства общества.

Праведники – это социальная группа людей, следующих высшему нравственному закону, нормам, определенным вечными ценностями, обладающих специфическими социальными «человеческими качествами», выполняющих миссию служения человечеству ради благополучия потомков. Праведность – это конвенциональный смысл образа, идеала жизни человека.

Правила жизни праведника. Праведность живет в глубине общественной жизни, она наполнена духовностью «в глубину», а не напоказ. Праведники обладают уникальным социальным даром преумножать силу ценности добра. Поступки праведников великодушны, жертвенны, соответствуют ценностям добра, справедливости. Праведники не образуют благотворительных обществ, они вокруг ценности Истины. Современные праведники, пережившие XX век и определившие ценности нового века, несут в своих судьбах и поступках качества праведников прошлых времен. В них живо достоинство гуманистов: кн. В. Н. Тенишева, А. П. Чехова, благотворителей и жертвователей С. Строганова, К. Солдатенкова, Ю. Нечаева-Мальцова. Современность

постоянно уточняет характеристики и смыслы праведности, формируя «человеческие качества» будущего.

Социальная уязвимость праведников обманчива. Они защищены своим ценностным выбором, их спасение предопределено праведной жизнью. В мире нет силы, которая помешала бы им оставаться людьми в любых обстоятельствах. Праведники могут попасть в мясорубку репрессий. Но чем безобиднее жертва террора, тем больший психологический эффект достигается: преследование праведника становится вдвойне жестоким, потому что не имеет смысла.

Праведник – не аскет, ему свойственно умение и желание радоваться жизни. Но его радость отличается от формы и смыслов радости «новой элиты» и «элитариев» тем, что она никому проблем не доставляет, не причиняет вреда окружающим.

Наши респонденты предлагали собственное понимание современной праведности. Ключевой смысл, высказанный студентами – праведность есть этика особого нравственного служения человечеству. Духовное лидерство праведников заключается в уникальной способности опережать усредненный уровень сознания сограждан. Праведники обладают новой моральной готовностью принять болезни современности и позаботиться о будущем потомков. Деятельная сторона праведности рассматривается как повседневная, нравственно окрашенная, независимая от обстоятельств жизни забота о других.

На спокойное достоинство жизни праведников как добродетельных граждан первым обратил внимание Эпикур. Такой человек «не будет болтать вздора даже пьяный; не будет заниматься государственными делами; не будет жить киником или нищенствовать; ..., не станет тираном...; он оставит и сочинения, ... он будет заботиться о своем добре и о будущем. Ему по нраву будет сельская жизнь. Он сумеет противостоять судьбе и никогда не покинет друга. ... Он останется сам собою. А при случае даже умрет за друга» (Эпикур, 2025: 75-76). Апостол Павел определил праведность как долготерпеливую любовь, которая «сорадуется истине», «милосердствует, не завидует, не превозносится и не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, все покрывает. Всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает» (Первое послание коринфянам, 2001: 1196-1212). С мыслями христианского святого созвучны слова великого учителя древности Лао-цзы: праведник «ничем не гордится, поэтому он превозносится. Ни с кем не ссорится, поэтому вся вселенная не сопротивляется ему» (Лао-Цзы, 2023: 36).

Лучшие люди человечества описаны Данте Алигьери гуляющими в вечных садах Лимба. Это добродетельные нехристиане, мудрецы, поэты, врачи, авторитеты протонауки и культуры древности. Данте описывает их основную характеристику – благородство, спокойное достоинство:

«Там были люди с важностью чела,
С неторопливым и спокойным взглядом;
Их речь звучна и медленна была» (Данте, 1998: 21-171).

Праведник – это тип социально здоровой личности с развитым чувством ответственности, достоинства. Анализируя биографии праведников современности, мы обратили внимание, что в ситуациях эпидемий агрессии праведники призывают к миру и любви. Праведник постоянно вынужден находиться в оппозиции к правителю, имеющему мобилизационные цели, исключающие любые варианты решений конфликтов, кроме военных. Это своеобразный героизм, лишенный героической романтики (Логунова, Уткина, 2026: 55).

Собранный эмпирический материал – персоналии, предложенные респондентами, обрабатывался на основе соответствия критериям праведности. Были сформированы две группы качеств, которыми обладает праведник: *этические (морально-нравственные качества личности); социальные (поведенческие выборы)*. Эти качества соответствуют вечным (терминальным, общечеловеческим ценностям) и инструментальным (ценностям выбора как способа решения жизненных задач, достижения цели, убеждениям).

Этика праведности сформирована ценностными ориентирами Любви, Истины, Добра. Праведник не грешит против Истины, его поступки устремлены к свету Истины. Эти ценности праведники считают важнее денег, званий, привилегий свободы.

Социальные качества: самодостаточность, независимость служения, ответственность за будущее планеты, гуманизм, ненасилие, миротворчество и мирозидание, отказ от достигательных стратегий. Имена праведников – это их культурный капитал, определяемый незапятнанной *репутацией*, основанной на их *честности*. Праведник может ошибаться, становясь узником совести, но он никогда не лжет, объясняя свой выбор. Голос праведника всегда на стороне *справедливости*, его сочувствие обращено к тем, кто терпит несправедливость. Праведники способны выполнить моральную максиму: когда тебе плохо, помоги тому, кому еще хуже. В этом проявляется их *милосердие и сострадание*. Ценность Добра реализуется в *ежедневной деятельной доброте*, несмотря на незаметность, их деятельность общезначима, они суть аргумент безусловного оправдания Добра в отношении любого человека. Все великое совершается буднично.

Социально-профессиональная структура праведников. Группу праведников составляют:

- учителя и наставники: Питер Табичи, Януш Корчак, Василий Александрович Сухомлинский, Михаил Константинович Петров, Лю Сяо Бо, Лидия Леонидовна Шпак, Фрида Абрамова Вигдорова;
- жертвователи: Джеймс Харрисон, Хосе Альберто Мухика Кордано;
- гуманисты, добротворители (писатели, публицисты, артисты, подвижники): Аурелио Печчеи, сэр Николас Джордж Уинтон, Ирэра Сеэндлер, Амфиан Герасимов, Оскар Шиндлер, Рауль Валленберг, Махатма Ганди, Хосе Андрес, Жан Ванье, Вангари Маатаи, Муса Мустафович Джалиль, Антуан де Сент-Экзюпери, Петр Петрович Вейнер, Михаил Андреевич Осоргин, Юрий

Михайлович Магалиф, Юрий Мефодьевич Соломин, Юрий Владимирович Никулин;

– правозащитники: Малала Юфузай, Андрей Дмитриевич Сахаров, Нельсон Манделла, Сергей Адамович Ковалев, Дороти Дей, Карл фон Осецкий, Людмила Михайловна Алексеева;

– ученые: Джеймс Эдвард Хансен, Николай Николаевич Дроздов, Джейн Гудолл, Алексей Алексеевич Ухтомский, Александр Леонидович Чижевский, Норман Эрнест Борлоуг, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Григорий Соломонович Померанц, Алексей Федорович Лосев, Юрий Михайлович Лотман;

– врачи: Альберт Швейцер, Виктор Эмиль Франкл, Пол Фармер, Андрей Анатольевич Волна, Александр Александрович Богданов;

– представители духовенства: папа Франциск, Далай-лама XIV, мать Тереза (Анес Гондже Бояджиу), мать Мария (Елизавета Скобцова), архиепископ Лука (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий), Джагги Васудев (Сандхгуру), Александр Мень, Мартин Лютер Кинг, патриарх Алексий II, Дитрих Бонхёфер, Оскар Арнульф Ромеро.

Эти имена приведены в качестве примера. Наша галерея портретов праведников ими не ограничивается и постоянно пополняется новыми именами.

Праведники имеют достойное образование, которое, отчасти, определяет разнообразие их социального опыта. Кто-то из них отмечен почетным званием «праведника народов мира», канонизирован, признан мучеником, узником совести.

Заключение. Праведник – это тип социально здоровой личности с развитым чувством ответственности, достоинства. Ему свойственно великодушие прощать своих врагов, предлагать мир вместо подсчета количества обид.

Праведность – явление духовное, но внецерковное. Героизм праведников не имеет ничего общего с героизацией идеологически правильных личностей. Не все герои праведники. Праведность неочевидна, незаметна в силу своей повседневности, она скромна, рутинна, буднична. Тихое достоинство праведности заключено в нравственной привычке честно выполнять свою работу и нести миссию служения человечеству. Жизнь человека по законам нравственности, в согласии с совестью – актуальный и вневременной образец поведения человека.

Размытость понятия «праведность», неочевидность проявления праведности в повседневной жизни актуализируют исследование человеческих качеств, востребованных настоящим, но еще больше – будущим. Праведность – это особое понимание будущего – управляемого, безопасного для потомков.

Море жизни и любви бездонно. Обмельть ему не дадут праведники. Они безмолвно и ежедневно подкачивают в мир людей человеческий ресурс.

Список литературы

Данте А. Ад / Божественная комедия; пер. с итал. М. Лозинского. М.: Рипол классик, 1998. С. 21-171.

Забнева Э. И., Логунова Л. Ю. Философия науки и образования: учеб. пособие Кемерово: Изд-во ИРО Кузбасса, 2024. 181 с. ISBN: 978-5-7148-0830-2. EDN: ZEMWSI.

Лао-Цзы. Дао дэ цзин. Книга пути и достоинства; пер. с кит. Д. П. Кониси. М.: АСТ, 2023. 192 с.

Лесков Н. С. Праведники / Собр. соч. в 12 томах. Т. 2. М.: Правда, 1989. 415 с.

Логунова Л. Ю., Уткина А. Н. Ценностно-социальный ресурс современных праведников / Антропология: человек в природе и обществе: сборник научных статей Третьей Междунар. научно-практ. конференции, г. Кемерово, 27-28 ноября; науч. ред. Л. Ю. Логунова, под общ. ред. Э. И. Забнева. Кемерово: Изд-во ИРО Кузбасса, 2026. 293 с.

Логунова Л. Ю. Социология личности: теоретические основания: учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 2017. 196 с. ISBN: 978-5-8353-2137-7. EDN: YQXPLN.

Первое послание к коринфянам святого апостола Павла / Библия. Быт. 19: 12-13. М.: Российское библейское общество, 2001. С. 1196-1212.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.

Эпикур. Главные мысли; сост. К. В. Бандуровский. М.: АСТ, 2025. 224с.

ИССЛЕДОВАНИЕ МИРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ПОМОЩЬЮ ГЕЙМИФИЦИРОВАННОГО ОПРОСА (НА ПРИМЕРЕ ПОДРОСТКОВ Г. КУРГАНА)

Лунева Елена Валерьевна,

кандидат биологических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Социология, социальная работа
и организация работы с молодежью»,
Курганский государственный университет (Курган, Россия)
elen-lunev@yandex.ru

Мехнин Александр Михайлович,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Социология, социальная работа
и организация работы с молодежью»,
Курганский государственный университет (Курган, Россия)
ammh@mail.ru

Бобкова Наталья Дмитриевна,

доктор педагогических наук,
доцент кафедры «Социология, социальная работа
и организация работы с молодежью»,
Курганский государственный университет, (Курган, Россия)
bobnd@rambler.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению мира повседневности подростков г. Кургана. В исследовании приняли участие 915 подростков в возрасте от 12 до 18 лет. Исследование было проведено с помощью геймифицированного опроса. Такой подход позволяет снизить когнитивное и социальное напряжение, активизировать эмоциональную вовлечённость и стимулировать более развернутые, личностно окрашенные ответы. Полученные результаты подтверждают данные о высоком уровне пользовательской активности подростков. благодаря такому подходу собранные данные отражают живую ткань подростковой повседневности – с её противоречиями, спонтанностью и индивидуальностью. Далее представлен подробный анализ полученных ответов по каждому тематическому блоку анкеты. ВРезультаты показали высокую вовлечённость участников, разнообразие культурных предпочтений, а также сочетание оптимизма и тревожности в восприятии будущего.

Ключевые слова: геймификация, подростки, мир повседневности

RESEARCH OF THE WORLD OF TEENAGERS' EVERYDAY LIFE THROUGH GAMIFIED SURVEY (ON THE EXAMPLE OF TEENAGERS IN G. KURGAN)

Elena V. Luneva,

Candidate of biology, associate professor,
head of the department of sociology, social work,
and organization of work with youth,
Kurgan state university, (Kurgan, Russia)
elen-lunev@yandex.ru

Alexander M. Mekhnin,

Candidate of pedagogical sciences,
associate professor of the department of sociology, social work,
and organization of work with youth,
Kurgan State University, (Kurgan, Russia)
ammh@mail.ru

Natalya D. Bobkova,

Doctor of pedagogical sciences,
associate professor of the department of sociology, social work,
and organization of work with youth,
Kurgan State University, (Kurgan, Russia)
bobnd@rambler.ru

Abstract. The work is devoted to the study of the everyday world of teenagers in Kurgan. The study involved 915 adolescents aged 12 to 18 years. The study was conducted using a gamified survey. This approach makes it possible to reduce cognitive and social stress, activate emotional engagement and stimulate more detailed, personality-tinged responses. The results obtained confirm the data on the high level of user activity of teenagers. Thanks to this approach, the collected data reflects the living fabric of adolescent daily life – with its contradictions, spontaneity and individuality. Next, a detailed analysis of the responses received for each thematic block of the questionnaire is presented. The results showed high engagement of the participants, diversity of cultural preferences, as well as a combination of optimism and anxiety in the perception of the future.

Keywords: gamification, teenagers, the world of everyday life

Введение. Изучение культуры повседневности разных групп населения является одной из популярных областей гуманитарного направления исследований. Границы повседневности трудно подлежат очертанию, т. к. имеют существенные отличия у каждой отдельной личности, не говоря о конкретной группе людей. Неоспорим и тот факт, что ценностные смыслы в конкретную историческую эпоху воплощаются в определенной культуре и формах досуга (Тихомирова, 2018).

Актуальной стороной изучения данного направления является мир повседневности подростка, т. к. именно в этом возрасте происходят процессы культурного самоопределения, становление мировоззрения, формирование картины мира. Повседневный мир подростков складывается из следующих аспектов:

- образовательный процесс;
- система социальных взаимоотношений;
- досуговая деятельность;
- семейные взаимоотношения;
- здоровье и физическая активность;
- трудовая деятельность;
- информационно-коммуникационные технологии.

Методология и методы. Повседневный мир подростков представлен в работах Королевой Д.О. (Королева, 2016), Ярошевской С.В и соав. (Ярошевская и др., 2023), Солдатовой и соавт. (Солдатова и др., 2018), в которых

исследовались социальная активность подростков, использование социальных сетей, изучались вопросы организации досуга и увлечений подростков, исследовались вопросы, связанные с изучением стрессогенных факторов повседневной жизни подростка. Соответственно, изучение повседневного мира подростков необходимо для выявления их проблем и потребностей, для понимания особенностей жизни современной молодежи.

Кроме того, важной составляющей изучения молодежной среды в настоящее время является выбор методов исследования. Современный образ жизни невозможно представить без взаимодействия с цифровыми технологиями. В связи с этим проведение исследований с помощью цифровых технологий очень актуально в современных реалиях.

В связи с вышесказанным, в Курганской области было проведено исследование, направленное на изучение повседневного мира подростков. Опрос был реализован с помощью специализированного онлайн-сервиса, поддерживающего сценарии диалогового взаимодействия и визуальные элементы игрового интерфейса. Вместо стандартных форм участники вели неформальную переписку с виртуальным персонажем, который обращался к ним на «ты», делился личными историями и задавал встречные вопросы.

Диалоговая структура включала темы, близкие подросткам: возраст и гендерная идентичность; наличие свободного времени и формы досуга; любимые городские места, книги, музыка и фильмы; настольные и компьютерные игры; планы на будущее; тревоги и беспокойства. Таким образом, опрос стал не только исследовательским инструментом, но и своеобразной игровой лабораторией общения – с элементами сторителлинга, эмоционального дизайна и интерактивного взаимодействия.

В геймифицированном опросе приняли участие 915 школьников города Кургана в возрасте от 12 до 18 лет. Средний возраст составил 15,6 года, медианный – 15 лет, что позволяет отнести выборку к категории подростков среднего и старшего школьного возраста.

По гендерному составу в выборке преобладали девушки (около 64,05%), юноши составили 35,95%. Такое распределение характерно для добровольных онлайн-опросов с открытым форматом – девушки, как правило, проявляют большую готовность к диалоговому и эмоционально ориентированному взаимодействию.

Обработка и интерпретация ответов проводились с применением инструментов автоматизированного анализа текста, в том числе – большой языковой модели (LLM), способной выявлять смысловые, эмоциональные и лексические паттерны в свободных высказываниях респондентов.

Использование языковой модели позволило:

- распознать ключевые темы и доминирующие интересы подростков, даже если они выражались в разных формулировках;
- определить частотность слов и выражений, характерных для описания эмоций, хобби, планов и тревог;

- сопоставить лексические кластеры с тематическими блоками анкеты (например, свободное время, культура, обучение, межличностные отношения);
- снизить субъективность интерпретации и повысить достоверность выводов при анализе открытых ответов.

В анкете были представлены вопросы, касающиеся основных видов деятельности подростков в свободное время, типичных пространств для общения с друзьями, предпочтениях в музыкальных жанрах, художественных произведениях, фильмах, компьютерных играх и другое.

Научные результаты и дискуссия. В ходе нашего исследования мы получили следующие результаты. Наиболее предпочтительным времяпровождением подростков является социальное общение и встречи с друзьями (60% опрошенных). Данные результаты свидетельствуют о высокой значимости межличностных связей и неформального общения. Подростки описывают как спонтанные прогулки («гуляю с друзьями»), так и устойчивые сценарии («ходим в парк», «встречаемся в кафе»). В ряде ответов встречается эмоционально окрашенная лексика («веселимся», «разговариваем», «просто тусуемся»), указывающая на положительное восприятие этих взаимодействий. Для подростков общение – центральная часть свободного времени, форма эмоциональной поддержки и самовыражения. Это социально-психологическая потребность, а не просто времяпрепровождение.

Наиболее предпочтительными пространствами повседневного общения подростков признаются дом/личное пространство (30%) улица/дворовые территории (25%). Подростки нередко указывают дом как комфортное, безопасное место общения – особенно в холодное время года или в небольших населённых районах, где городская инфраструктура ограничена. Дом остаётся важнейшей «точкой притяжения» подростковой коммуникации – местом доверия, неформальности и уюта. Здесь формируются устойчивые микрогруппы и первые навыки организации совместного досуга. Подростки активно упоминают прогулки по району, дворам, спортивным площадкам. Улица воспринимается как пространство свободы и принадлежности – там, где можно «просто быть», без контроля взрослых. Улица остаётся традиционным пространством подростковой автономии. Здесь формируется опыт самоорганизации, социального взаимодействия и ситуативного лидерства.

При изучении музыкальных предпочтений практически все участники ответили на этот вопрос, что свидетельствует о высокой значимости музыки в жизни подростков. Музыкальные предпочтения оказались предельно разнообразными: от классики и рока до рэпа и К-поп. При этом многие респонденты не ограничиваются одним направлением, что говорит о формировании постжанрового вкуса, типичного для поколения Z: подростки не идентифицируют себя с одним музыкальным стилем, а свободно перемещаются между ними, создавая персонализированные «аудио-миры» под настроение и контекст. Музыкальные вкусы подростков представляют собой мозаичную систему с преобладанием поп- (35%) и рэп-культуры (25%), при этом

сохраняется интерес к ряду нишевых направлений – рок, К-поп, электронная музыка, классика.

Изучая предпочтения подростков в жанрах художественной литературы лидерами остаются фэнтези (40%) и классическая литература (25%). Фэнтези выполняет роль инициационного жанра, через который подростки осваивают понятия добра, смелости, дружбы и самоопределения. Эти книги создают эмоциональный код поколения и служат инструментом психологической поддержки. Классическая литература выполняет функцию культурного фундамента и интеллектуального ориентира, оставаясь источником смыслов, к которым подростки обращаются в поиске «настоящего» и «глубокого».

Экранная культура занимает центральное место в жизни подростков – как источник эмоций, тем для общения и моделей поведения.

Ответы оказались жанрово и эмоционально разнообразными: от фэнтези и супергероики до мелодрам и анимации. При этом многие респонденты упоминали не отдельные фильмы, а целые медиафеномены (например, «Гарри Поттер», «Уэнсдей»), что показывает переход от индивидуального просмотра к коллективному культурному опыту. Подростковое киномышление характеризуется жанровой гибридностью и эмоциональной открытостью. Наиболее устойчивыми ориентирами выступают фэнтези, супергероика и сериалы о самоидентичности, в которых подростки видят отражение собственных переживаний. Экранная культура становится пространством социального и личностного самовыражения, а не только развлечения. Фильмы, как и книги и музыка, формируют эмоциональный словарь поколения, помогают справляться с тревогой, искать смысл и принадлежность.

На вопрос «Какие выставки, экскурсии, мастер-классы тебе понравились?» часть респондентов ответила кратко или неопределённо («не помню», «не хожу», «редко бываю»), однако среди остальных наблюдается заметное разнообразие культурных практик. Это говорит о том, что интерес к выставкам и мастер-классам у подростков присутствует, но он эпизодический и зависит от контекста – школьных выездов, приглашений педагогов, событий в городе. Анализ лексических паттернов позволил выделить четыре ключевые категории ответов: музеи и художественные выставки (40%), экскурсии и культурно-образовательные поездки (25%), мастер-классы и творческие активности (20%), городские мероприятия и неформальные события (15%).

Анализ ответов на вопрос «С кем бы тебе было интересно встретиться и что бы хотелось узнать и попробовать?» отличались большой вариативностью: от конкретных имён до общих пожеланий вроде «с интересными людьми», «с известными людьми», «с теми, кто добился успеха».

Эта разнородность показывает, что для подростков важно само представление о встрече как о событии – они видят в ней неформальное обучение, вдохновение и возможность личного роста. Подростки стремятся к опыту личного взаимодействия с людьми, которые вдохновляют и чему-то учат.

Ключевые мотивы – попробовать, узнать, прикоснуться к реальности профессии или мечты.

Для образовательных и культурных программ это даёт чёткий ориентир:

- важно создавать форматы встреч с профессионалами, где подросток не слушает лекцию, а вовлекается в деятельность;
- особенно эффективно работают живые пробы и мини-эксперименты («попробуй сам»);
- значимым остаётся элемент эмоционального контакта и диалога – возможность задать вопрос, быть услышанным.

Компьютерные игры являются неотъемлемой частью повседневности подростков. При анализе данной стороны нами было установлено, что игры для подростков – это универсальная площадка социализации, самовыражения и обучения. Они не противопоставляют игру «реальной жизни» – напротив, рассматривают её как способ пробы ролей, сотрудничества и креативности. Главные тенденции:

- популярность экшенов и онлайн-игр как средств общения;
- растущая ценность креативных песочниц и сюжетных RPG;
- интеграция игрового опыта в повседневные практики (игра как «фон» или ритуал отдыха).

Среди основных карьерных планов, которые выделяют подростки после окончания школы/коллежда представлены творческие и гуманитарные профессии, технические и ИТ-направления, сфера обслуживания и прикладные профессии, наука, медицина и образование, неопределённые и ситуационные ответы. Карьерные представления подростков характеризуются широким диапазоном – от творческих мечтаний до прагматичных решений, что отражает социальное и культурное разнообразие среды. Главными тенденциями в данном направлении остаются:

- интерес к гибридным профессиям, сочетающим творчество и технологии (дизайнер, разработчик игр, блогер);
- высокая доля гуманитарных и социальных направлений (психология, педагогика, медицина);
- наличие значимой группы неопределившихся, нуждающихся в профориентационной поддержке.

Самыми эмоционально неоднородными в опросе получились ответы на вопрос «Что беспокоит и огорчает тебя?». Около трети респондентов написали, что их «ничего не беспокоит», «всё нормально» или «не хочу об этом думать». Однако остальные дали развернутые и откровенные ответы, касающиеся учёбы, отношений, будущего, самооценки и социальной несправедливости. Такое распределение типично для подросткового возраста, когда внешняя демонстрация спокойствия сочетается с внутренней уязвимостью. Анализ позволил выделить четыре ключевые группы источников тревоги: учебная нагрузка и школа (40%), межличностные отношения (28%), будущее и самоопределение (18%), личностные и экзистенциальные переживания (12%).

Заключение. Таким образом, проведённое исследование показало, что геймифицированная форма анкетирования является эффективным инструментом изучения подростковой аудитории. В отличие от традиционных опросов, где ответы часто формальны и кратки, формат диалога с виртуальным героем позволил участникам говорить естественно, эмоционально и откровенно.

Данные опроса отражают жизнь активного и чувствительного поколения, которое живёт в пересечении офлайн- и онлайн-пространств. Подростки стремятся к общению, творчеству и самореализации, но при этом испытывают дефицит времени и эмоциональную перегрузку.

Их досуг строится вокруг друзей, цифровых игр, музыки и городской среды – пространств, где можно быть собой. Музыкальные и читательские предпочтения демонстрируют мозаичность культурного вкуса.

Результаты исследования могут быть использованы:

- в образовательных организациях – для диагностики интересов и эмоционального состояния учащихся, планирования профориентации;
- в культурных и молодёжных центрах – при разработке городских событий, программ участия и творческих лабораторий;
- в психологической работе – как инструмент безопасного диалога с подростками;
- в EdTech и геймифицированных сервисах – для проектирования интерфейсов, основанных на эмпатии и вовлечении.

Список литературы

Королева Д. О. Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения // «Современная зарубежная психология». 2016. Том 5, № 2. С. 55-61. DOI: 10.17759/jmfp.2016050207. EDN: WJIACX

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Цифровая ситуация развития межпоколенческих отношений: разрыв и взаимодействие между подростками и родителями в интернете // «Мир психологии». 2017. № 1(89). С. 134-143. EDN: YZICWN.

Тихомирова Е. Е. Изучение повседневности в курсе мировой художественной культуры в средней школе // Научное обозрение. Педагогические науки. 2018. № 2. С. 43-48. URL: <https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1751> (дата обращения: 19.01.2026).

Ярошевская С. В., Сысоева Т. А. Смартфоны в школьной повседневности подростков: исследование при помощи включённого наблюдения // «Национальный психологический журнал». 2023. Том 18, № 4. С. 177-187. DOI: 10.11621/npj.2023.0415. EDN: ZTVECF.

ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ КАК ПРИКЛАДНОЙ ИНСТРУМЕНТ В ЭПОХУ МЕТА- И ЦИФРОМОДЕРНА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Морозова Мария Владимировна,
кандидат психологических наук (МВАК – PhD.),
психолог (личная практика – самозанятая)
(Россия, Москва)

Аннотация. В данной статье рассматривается теория поколений американских историков и консультантов госструктур США У. Штрауса и Н. Хоу. Описываются каждое из ныне живущих взрослых поколений как с позиции междисциплинарной науки, так и с позиции восприятия теории широкой аудиторией. Актуализируются два ракурса: во-первых, концепция модернов, во-вторых, прикладное значение. Затронута тема эпохи цифромодерна. Представлен обзор утилитарного значения поколенной теории (варианты). Обозначены векторы развития.

Ключевые слова: концепция модернов; цифромодерн; теория поколений; поколенная теория; теория Штрауса-Хоу

THEORY OF GENERATIONS AS AN APPLIED TOOL IN THE ERA OF META- AND DIGIMODERNISM: A SYSTEMATIZATION OF RESEARCH AND PRACTICAL OPPORTUNITIES

Mariia V. Morozova,
candidate of psychological sciences (PhD),
psychologist in private practice (self-employed)
(Moscow, Russia)

Abstract. This article examines the generational theory developed by American historians William Strauss and Neil Howe. It describes each of the currently living adult generations both from an interdisciplinary academic perspective and from the viewpoint of the theory's public perception. The discussion is framed within two key contexts: first, the concept of modernisms, and second, the applied significance of the theory. The era of digimodernism is also addressed. The article provides an overview of the utilitarian applications of generational theory (ten variants) and outlines potential directions for its further development.

Keywords: concept of modernisms; digimodernism; generational theory; Strauss-Howe generational theory

Введение. Опираясь на концепцию модернов, мы можем сказать, что постиндустриальное общество получило логичное «расслоение» уже не по социальному статусу, роду деятельности или возрасту, как, например, было раньше. В эпоху премодерна (доиндустриального общества), когда мировоззренчески судьбы каждого были предопределены божественным видением, актуализировались виды деятельности (от ремесленников до жрецов и т.д.). Пришедший на смену модерн «вычеркнул» участие «высших сил» в жизни человека, обозначив основным вектором деятельности индустриального

общества не просто знание, но «масштабируемое» развитие с целью улучшения жизни многих последующих поколений.

Иными словами, поначалу люди славили богов, затем разум. Различные по своей сути, обе идеи были в равной степени энергозатратны. Таковой была сама по себе и жизнь, ведь от стихийных бедствий, войн, эпидемий, тяжелого труда и т.д. не спасали, в конечном итоге, ни молитва, ни изучение фолиантов. Научно-технический прогресс постмодерна, решив ряд проблем предыдущих эпох, при этом не просто увеличил продолжительность жизни человека, он стал повышать ее комфорт.

Выросла скорость. Эпоха постмодерна не может быть однозначно охарактеризована как век всеобщего образования, внутренней оптимизации и успешных реформ. Человечество направило веру премодерна и знания модерна во многом в деструкцию: XX век стал веком двух мировых войн. Мирное время, впрочем, также уносило жизни. Условно, «на смену» стихийным бедствиям пришли автокатастрофы, «на смену» эпидемиям множества вирусных заболеваний пришли «эпидемии» аллергий и т.д. Тяжелый физический труд был «заменен» нелегким трудом интеллектуальным (причем, если с первым возможен отдых, часто актуальна сезонность, со вторым расслабления может не наступать ни в выходные дни, ни в периоды отпуска).

Закономерно кризисы, связанные с событиями прошлого века, привели человека и человечество последовательно к высокому уровню внутреннего напряжения, а затем – к адаптации к нему. В широком смысле ей становится эпоха метамодерна, наступившая, по мнению ряда авторов, во втором десятилетии XXI века. Психика ни одной личности не может жить в состоянии преодоления бесконечно (тревоги приводят к истощению). Метамодерн – время новой искренности: общей для всех истины нет и быть не может, ведь каждый представляет собой уникальную личность и отличное от других мировоззрение. В узком смысле мы можем считать адаптацией идею теории поколений: каждое новое не только обладает совокупностью определённых качеств, но и характеризуется предсказуемостью реакций.

Методология и методы. Сама идея разделения людей на поколения не является новаторской. Так, А.В. Голубинская свою статью десятилетней давности начинает с того, что перечисляет авторов разных теорий поколений, называя при этом представленную Штраусом и Хоу теорией с «наиболее глубокой детализацией» (Голубинская, 2016). По мнению автора, ключевой тезис поколенной аксиологии заключается в том, что особенности поколения выражены в его ценностях, которые формируются под влиянием внешних событий. Под словом «поколение» авторы теории подразумевают период около 20 лет, во время которых рождаются люди, в определенном возрасте сталкивающиеся с теми или иными событиями в стране и мире, а, значит, обладают едиными убеждениями и идеей общности, как следствие, имеют схожие предсказуемые модели поведения (Голубинская, 2016).

Стоит уточнить, что Уильям Штраус и Нил Хоу (Хоув, Хау, Хаув) выделили четыре типа поколений, каждое из которых было обобщением образа

людей той или иной стадии исторического цикла, впрочем, в обозначенном периоде времени и в конкретной стране (их книга, вышедшая в 1991 году, называлась «Поколения: История будущего Америки, с 1584 по 2069»). Авторы теории обозначили период примерно в 80 лет одной человеческой жизни и сравнили его с цикличностью одного года: подобному тому, как зима приходит на смену осени и т.д., меняются поколения, причем, каждое актуализирует тот или иной архетип в своих поведенческих паттернах.

Обратимся к статье «Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ» В. С. Новиковой. Социально-политические и экономические условия представляют собой цикл из четырех этапов: подъем, пробуждение, спад, кризис. «Смена этих этапов рождает соответствующий архетип поколения: пророк, странник, герой, художник». При этом каждый из представленных архетипов характеризуется определенными моделями: идеалистической, реактивной, гражданской, адаптивной (Новикова, 2024: 133).

«Стремление молодого поколения построить собственную новую реальность, исправив ошибки предыдущего поколения, – пишет Новикова, – является движущим механизмом смены описанных циклов» (Новикова, 2024: 133). Попарно архетипы являются доминантными (пророк в эпоху подъема и герой в эпоху спада) и рецессивными (странник в эпоху пробуждения и художник в эпоху кризиса).

Поколенческая теория волнует исследователей и практиков из разных областей знаний. Более того, она стала общеизвестной, даже, можно сказать, популярной. Впрочем, в медийном пространстве об архетипичности и т.д. практически не говорится. Перечислим названия, известные в большей степени широкому кругу лиц, и соотнесем их с описанной выше цикличностью (возьмем взрослое ныне живущее население). Конечно, по сути, Штраус и Хоу рассматривали три эпохи (модерн, постмодерн, метамодерн), однако для нас актуальны лишь последние две.

Опишем период примерно в одно столетие. Вторая мировая война, безусловно, может быть названа кризисом. Рожденные в «зимний» период люди с 1925 по 1942 гг. названы «молчаливым поколением» и представляют собой архетип художника. У «художников» в значительной степени развит индивидуализм, при этом они приходят к необходимости общности. Эти честные и рациональные. Они, логично, способны выдерживать стресс, но, разумеется, ценят безопасность.

Наступивший после войны период стабильности и подъема дал миру поколение «весны»: рожденные с 1943 по 1960 гг. реализуют архетип пророка. Более известное название поколения – «бэби-бумеры». Также, как «молчаливое поколение», во многих взглядах он достаточно консервативны, но, тем не менее, как все идеалисты, готовы участвовать в общественных движениях. Это первое поколение эпохи постмодерна, когда социум стал «мозаичным», а культура и искусство перестали разделяться на высокую/массовую.

У «бэби-бумеров» уже не столь развит индивидуализм, а наивысшей ценностью является всеобщее благо. Их можно назвать преданными: семье, работе, политической партии и т.д. Безопасность для них не является чем-то ожидаемым или желанным, они ее создают, являясь материалистами. «Пророки» доверяют СМИ (которые в тот период истории как раз переживали рассвет).

Период с 1961 по 1981 гг. Штраус и Хоу называют «летним» и характеризуют как пробуждение. Это период «революции сознания»: «поколение X» реализуют архетип странника. Их именуют «потерянным поколением», однако по поведению номада скорее актуальнее было обозначить – «ищущее». Подобно «художникам», эти люди являются индивидуалистами.

Однако если у «зимы» актуальны нормы, стремление к покою, то «лето» – это абсолютная независимость. В отличие от «молчаливого поколения» и «бэби-бумеров», «X» к авторитетам относится критично. «Иксы» ценят собственные достижения и идут к ним, их можно назвать амбициозными. Это прагматики и скептики, часто – карьеристы (профессия приносит не столько стабильность или благо обществу, сколько доход).

После пробуждения наступает спад, вернемся к концепции модернов и напомним, что осмысление и перелом произошли именно в этот период. Новикова называет время с 1982 по 2005 гг. «культурными войнами», «осенью». И говорит, вслед за авторами теории, что рожденные в эти годы «игреки», также названные «миллениалами», реализуют архетип героя. Люди гибкие, они стремятся к балансу: карьера и семья, профессиональный рост и общее саморазвитие и т.д. Хорошо адаптировались к цифровизации жизни.

При этом «миллениалы» нередко называются прокрастинаторами: поиски идеального «совмещения» жизни офлайн и онлайн, выстраивание разнообразных видов деятельности и т.п. приводят к тому, что часто они скорее собираются создать бизнес или отправиться в путешествие, нежели делают это. Впрочем, как типичные «герои», «игреки» уверены в себе, достаточно прямолинейны, готовы принимать решения и нести ответственность за них. Например, «миллениалы» активно поддерживают глобальные экологические инициативы.

В период с 2006 года мир снова видел кризис. Более того, помимо кризиса экономического, общество столкнулось с пандемией, а также рядом военных действий, вызвавших всеобщий резонанс. Другими словами, в истории снова «наступила зима». «Поколение Z», которое называют «центициалами» или чаще «зумерами», как и «молчаливое поколение», реализует архетип художника. Интересно, что это первое поколение эпохи метамодерна.

Как и предыдущая «зима», эта связана с множеством острых вопросов. И новое поколение «художников» также выражает высокий уровень осведомленности касательно различных проблем. «Z», подобно «молчаливому поколению», открыты. Они не стремятся к наполнению своей жизнью материальными вещами, как это делали «бэби-бумеры», достижениями, как «иксы», или впечатлениями, как «игреки». Свою гражданскую ответственность они не приравнивают к политической позиции.

Конечно, появляются новые видения поколенной теории, различные интерпретации. Двадцатые годы XXI века – период не только цифровизации жизни и глобализации информации, но рассвета нейросетей, искусственного интеллекта. Цифромодерн (массивы информации, виртуализация жизни, многомерность и гипертекстуальность действительности). Рожденные в новое время дети, поколения «Альфа» и «Бета», растут в «онлайн-реальности» (отличной среде), как следствие, могут иначе мыслить и, предположительно, реализовывать непохожие на описанные модели поведения. Если они, как ожидается, будут в интуитивном сотворчестве с алгоритмами, то останутся ли такими же «художниками», как «зумеры»? (Базылев, 2019).

Научные результаты и дискуссия. Как уже говорилось в данном материале, вслед за большинством исследователей мы рассматриваем уже сформировавшиеся личности с отслеживаемыми паттернами, а несовершеннолетних мы таким образом изучить (пока) не можем. Однако именно здесь мы можем перейти прикладному значению теории поколений: уже сейчас попробовать спрогнозировать, например, потребительский потенциал детей «Альфы» и «Бета», порассуждать на тему работы с ними в контексте развития и т.д.

Считаем, если теорию поколений брать как фундамент, выстраивая на ней модель утилитарного характера, получится функциональный инструмент. Так, А. А. Жаворонкова в своей статье «Теории поколений в России: миф или реальность?» пишет, что *исследуемая нами теория стала популярной в бизнес-менеджменте и маркетинге* (Жаворонкова, 2023). А, например, Е. Галенко рассматривает «возможности практического применения в туристской индустрии» этой теории (Галенко, 2019: 57). «Молчаливое поколение» не нуждалось ни в обилии вещей, ни в путешествиях, нынешняя же «зима» случилась в «эру» маркетплейсов и тематических туров: как компании построить УТП?

От фокуса внимания на целевую аудиторию – к фокусу на самой компании. Например, Н. В. Волкова и В. А. Чикер в одноименной статье рассмотрели «адаптацию персонала в российских организациях», а именно «различия профессиональной мотивации и уровня самомониторинга представителей трех поколений» (Волкова, Чикер, 2015: 21). Также *в сфере управления персоналом* можно обозначить прикладной идеей и поиск сотрудников, даже профориентирование.

Конечно, когда заходит речь о перспективах (сферы занятости и рынка рабочих мест настоящего и будущего), становится ясно видно *прикладное значение теории поколений в образовании*. Так, например, М. Р. Мирошкина пишет, что результаты мониторинга конкретно московского образовательного пространства, позволяют сделать вывод, что практически сформировано «цифровое биосоциальное пространство, когда виртуальное пространство есть продолжение физического и социального». «Бета», «Альфа», «Z» – «современное интернет поколение можно охарактеризовать как глобальных детей», «цифровых детей», «независимых от взрослых в получении интересующих сведений и знаний» (Мирошкина, 2017: 33).

Дети, рожденные в XXI веке, не нуждаются в «цифровой адаптации». Однако все, кто старше «игреков», – да. Причем, как на уровне компаний-разработчиков, так и на уровне госструктур: такие услуги, как, например, подача заявления на получение пособия или льготы, актуальны нередко в большей степени все же для людей пожилых («бэби-бумеров»), – тех, кому может быть сложно разобраться с работой гаджетов.

Здесь же стоит сделать акцент на том, как важно *умение работать с информацией*, о чем, например, пишут Е. А. Зверева и В. А. Хворова в материале «Поколения Y и Z: особенности медиапотребления» (Зверева, Хворова, 2020). И. А. Немцев в одноименной статье считает теорию поколений ключом к пониманию коммуникационного процесса в обществе (Немцев, 2018). И в этом месте нам хочется остановиться не только на том, что сведений становится больше, скорость их получения – выше. М. Р. Мирошкина заявляет: современный ребенок не нуждается во взрослом, когда ищет знания о каком-либо объекте или явлении. Стоит добавить, представитель поколений «Z», «Альфа» или «Бета» может не нуждаться и в общении типа «человек-человек»: другом становится «умная колонка», учителем – нейросеть.

Если мы снова возвращаемся к детям, то есть сфере образования (развития), то актуально обратиться к статье В. В. Спасенникова, посвященной социодизайну преемственности поколений. Его работа ярко иллюстрирует еще одну важную область применения поколенной теории, а именно – изучение механизма передачи «преемственности ценностных ориентаций от поколения к поколению». *Своего рода воспитательный процесс*. Спасенников пишет, «социодизайн образовательного пространства в первую очередь связан с целенаправленным процессом постоянного воспроизводства культурно-исторических ценностей» (Спасенников, 2021: 22).

Аксиология актуальна и для педагогики, и для социологии, и для философии. Однако здесь может быть обозначена сфера еще одна область применения теории поколений, а именно – *сфера «материальной культуры»*. Другими словами, теория может быть использована для понимания фактора адресата современными художниками при создании полотен, писателей – при создании литературных произведений, композиторов – при написании музыкальных пьес и т.д. Речь уже не только о коммуникации или передаче информации, в фокусе внимания – *искусство*.

Конечно, трудно спорить с тем, что теорию на данный момент сложно назвать полностью «мультикультурной»: и события в разных странах в один и тот же период времени будут отличаться, и адаптация к событиям ввиду менталитета – тоже. Тем не менее, вернувшись к концепции модернов, мы обозначим: дифференциации не настолько значимы, насколько предполагают оппоненты Штрауса и Хоу. Границы культурно-исторических ценностей, о которых писал Спасенников, в эпоху цифровизации стираются также, как, например, языковой барьер (синхронными переводчиками становятся алгоритмы). Авторы теории обращаются к архетипам, а они актуальны для всех этносов в равной степени.

Архетипы как *поведенческие модели изучает психология*, ровно точно также, как процессы мотивации, коммуникации и т.д. В широком смысле *речь идет о ментальном и соматическом здоровье*. Вне сомнения, выстраивание доверительного контакта между специалистом и клиентом невозможно без знания теории поколений. Приведем пример, который он будет посвящен адаптационным моделям людей того или иного возраста: и постмодерн, и метамодерн насыщен событиями, вызывающими как минимум беспокойство.

В. А. Федотова в своей статье описывает результаты исследования касательно реакций на стрессовые обстоятельства. «На формирование жизнестойкости у всех трех рассмотренных поколений оказывает влияние значимость смысловой ориентации «локус контроля – жизнь», но у поколений X и Y это влияние положительное, а у «беби-бумеров» – отрицательное. Негативное влияние на формирование жизнестойкости представителей поколения X, Y и «беби-бумеров» оказывает уровень экономической тревожности. У поколений X и Y на формирование жизнестойкости оказывает влияние значимость ценностей индивидуализма». (Федотова, 2020: 89).

Получается, если мы ставим задачу в будущем нарисовать не просто социологический, но многогранный портрет личности того или иного поколения, то он, несомненно, будет интерпретацией самоидентификации человека на разных уровнях. Названы несколько из них: потребитель, профессионал своего дела, «пользователь» и др. Разумеется, может быть найден и «ответ» на все чаще поднимаемый сегодня демографический вопрос: изучение семейной системы трудно представить без знаний теории поколений (*используя этот инструмент, можно смоделировать воспроизводимость населения конкретной страны, человечества в целом, а также сделать миграционные прогнозы*).

Иными словами, в дальнейших исследованиях можно было бы рассмотреть поколенную теорию через призму гендерных вопросов, через призму культурного кода и др., то есть использовать как «опору». Так, архетип странника нецелесообразно приравнивать к ролевой модели туриста или даже эмигранта, а «конец зимы» может вовсе не означать, что во второй четверти снова случится «бэби-бум». И, конечно, помимо всего вышесказанного, *через призму поколенной теории можно посмотреть на гражданскую позицию человека* (примером – статья О. Ю. Дьякова «Социологический анализ гражданской идентичности и патриотизма: опыт федеральных и региональных исследований» (Дьяков, 2018)).

Заключение. Наступившее время метамодерна и цифромодерна – это эпоха индивидуальности, самоидентификации, самооценности. Разумеется, в полном объеме систематизировать прикладные возможности поколенной теории – объем скорее монографии, а не одной статьи. Тем не менее, векторы заданы: обозначив несколько ключевых социальных сфер, мы надеемся представить пример анализа данных.

Как уже говорилось, теория поколений, разумеется, нуждается в доработке. Систематизация знаний, сопоставление различных концепций

и парадигм, составление сводных таблиц и т.д. в межпредметном подходе поможет дать действительно верные прогнозы в каждой из ранее названных сфер, сделать жизнь предсказуемой, а также раскрыть заложенный в каждом поколении потенциал на благо всего общества.

Список литературы

ван ден Аккер Р. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма. М.: Издательство: «Рипол Классик», 2022. 496 с.

Арцимович И. В. Современное поколение: вызовы обществу или времени? // Интерактивная наука. 2017. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-pokolenie-vyzovu-obschestvu-ili-vremeni> (дата обращения: 11.02.2026).

Асташова Ю. В. Теория поколений в маркетинге // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-v-marketinge> (дата обращения: 11.02.2026).

Базылев Я. С. Особенности когнитивных процессов поколений: X, Y, Z, Alpha // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kognitivnyh-protsessov-pokoleniy-x-y-z-alpha> (дата обращения: 12.02.2026).

Волкова Н. В., Чикер В. А. Адаптация персонала в российских организациях: различия профессиональной мотивации и уровня самомониторинга представителей трех поколений (на материале компаний г. Санкт-Петербурга) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-personala-v-rossiyskih-organizatsiyah-razlichiya-professionalnoy-motivatsii-i-urovnya-samomonitoringa-predstaviteley> (дата обращения: 11.02.2026).

Галенко Е. Теория поколений: возможности практического применения в туристской индустрии // Вестник ТГЭУ. 2019. № 1 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya-v-turistskoy-industrii> (дата обращения: 11.02.2026).

Голубинская А. В. К вопросу о поколенной модели Хоува-Штрауса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pokolennoy-modeli-houva-shtrausa> (дата обращения: 11.02.2026).

Дзахова Л. Х. Современная концепция «Эстафеты поколений» в элитологическом измерении // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-kontseptsiya-estafety-pokoleniy-v-elitologicheskom-izmerenii> (дата обращения: 11.02.2026).

Дьяков О. Ю. Социологический анализ гражданской идентичности и патриотизма: опыт федеральных и региональных исследований // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2018. № 2 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiologicheskii-analiz-grazhdanskoy-identichnosti-i-patriotizma-opyt-federalnyh-i-regionalnyh-issledovaniy> (дата обращения: 11.02.2026).

Зверева Е. А., Хворова В. А. Поколения Y и Z: особенности медиапотребления // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-y-i-z-osobennosti-mediapotrebleniya> (дата обращения: 11.02.2026).

Зимовина Е. П., Щекотуров А. В., Кришталь М. И. Пространственная мобильность и миграционные установки реформенного поколения и поколения миллениалов Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-mobilnost>

i-migratsionnye-ustanovki-reformennogo-pokoleniya-i-pokoleniya-millennialov-kaliningradskoy-oblasti (дата обращения: 11.02.2026).

Жаворонкова А. А. Теории поколений в России: миф или реальность? // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-pokoleniy-v-rossii-mif-ili-realnost> (дата обращения: 11.02.2026).

Миронова О. А. Поколенческий аспект формирования постиндустриального общества // Вестник РГЭУ РИНХ. 2017. № 3 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolencheskiy-aspekt-formirovaniya-postindustrialnogo-obschestva> (дата обращения: 11.02.2026).

Мирошкина М. Р. Интерпретации теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interpretatsii-teorii-pokoleniy-v-kontekste-rossiyskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 11.02.2026).

Немцев И. А. Теория поколений как ключ к пониманию коммуникационного процесса в обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 12-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-kak-klyuch-k-ponimaniyu-kommunikatsionnogo-protsessa-v-obschestve> (дата обращения: 11.02.2026).

Новикова В. С. Теоретико-методологические подходы к исследованию поколений: сравнительный анализ // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-issledovaniyu-pokoleniy-sravnitelnyy-analiz> (дата обращения: 11.02.2026).

Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-pokoleniy-n-houva-i-v-shtrausa-vozmozhnosti-prakticheskogo-primeneniya> (дата обращения: 11.02.2026).

Пустовойт Ю. А., Пель В. С., Коба С. М. Теории поколений о факторах социально-экономической динамики. Реконструкция теоретического поля // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-pokoleniy-o-faktorah-sotsialno-politicheskoy-dinamiki-rekonstruktsiya-teoreticheskogo-polya> (дата обращения: 11.02.2026).

Ростова А. Т. Циклическое воспроизводство социальных тенденций в теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува // Juvenis scientia. 2018. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsiklichesкое-vosproizvodstvo-sotsialnyh-tendentsiy-v-teorii-pokoleniy-v-shtrausa-i-n-houva> (дата обращения: 11.02.2026).

Спасенников В. В. Социодизайн преемственности поколений: теоретико-экспериментальный подход // Эргодизайн. 2021. № 1 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiodizayn-preemstvennosti-pokoleniy-teoretiko-eksperimentalnyy-podhod> (дата обращения: 11.02.2026).

Тутова К. И. Современные проблемы реализации образовательного процесса в контексте культурных перемен // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-realizatsii-obrazovatel'nogo-protsessa-v-kontekste-kulturnyh-peremen> (дата обращения: 11.02.2026).

Федотова В. А. Детерминанты жизнестойкости у трех поколений современной России // Российский психологический журнал. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-zhiznestoykosti-u-treh-pokoleniy-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 11.02.2026).

Федотова В. А. Модель здоровьесберегающего поведения у разных поколений россиян // МНИЖ. 2020. № 2-2 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-zdoroviesberegayuschego-provedeniya-u-raznyh-pokoleniy-rossiyan> (дата обращения: 11.02.2026).

Фролова М. Теория поколений по годам: как отличить бумера, миллениала, зумера и альфа // URL: <https://lenta.ru/articles/2025/03/17/teoriya-pokoleniy/> (дата обращения: 11.02.2026).

АУТЕНТИФИКАЦИЯ БАШЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ ЧЕЧНИ КАК ФЕНОМЕНА ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Солтагиреев Тамирлан Борисович,

доцент кафедры архитектуры и дизайна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. академика М.Д. Миллионщикова»

(Грозный, Россия)

jnus@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается проблема аутентификации объектов культурного наследия на примере башенных сооружений Чеченской Республики. Путем сравнительного анализа башенные сооружения изучены как феномен этнической культуры в контексте адаптации, аккультурации, аксиологической парадигмы и отождествления культурных черт, а также характеристик самосознания чеченского народа. Подтверждена принадлежность исследуемых башенных сооружений культурному наследию чеченского народа, что определяет возможность аутентификации объектов культурного наследия при помощи характеристик самосознания этноса.

Ключевые слова: башенные сооружения; аккультурация; объект культурного наследия; артефакт; ценность; художественно-декоративное оформление; аутентификация; этническая культура

AUTHENTICITY OF CHECHNYA'S TOWER STRUCTURES AS A PHENOMENON OF ETHNIC CULTURE

Tamirlan B. Soltagireev,

associate professor of architecture and design department

Grozny state petroleum technical university named after academician M.D. Millionshchikov
(Grozny, Russia)

jnus@mail.ru

Abstract. The article reveals the problem of authenticating cultural heritage sites using the example of tower structures in the Chechen Republic. Through comparative analysis, the tower structures are studied as a phenomenon of ethnic culture in the context of adaptation, acculturation, axiological paradigm, and identification of cultural traits, as well as characteristics of the Chechen people's self-awareness. The article confirms the affiliation of the studied tower structures to the cultural heritage of the Chechen people, which determines the possibility of authenticating cultural heritage sites using the characteristics of the ethnic group's self-awareness.

Keywords: tower structures; acculturation; cultural heritage site; artifact; value; artistic and decorative design; authentication; ethnic culture

Введение. Понятие аутентичности во всех научных направлениях охватывает признаки достоверности или подлинности образца. При изучении уникальности и подлинности объекта культурного наследия проблема аутентичности становится первичной, так как сохранение памятника архитектуры как объекта культурного наследия предполагает комплекс действий и мероприятий, предусмотренных отдельными нормативными документами.

Вместе с тем, памятник архитектуры, являющийся объектом культурного наследия, не всегда соотносится с этнической группой, компактно проживающей на территории расположения данного памятника. Подобные случаи представляют научную проблему, так как аутентичность памятника архитектуры и его связь с этнической группой, компактно проживающей на определенной территории, являются вопросом культурных ценностей и идентичности места. На международном уровне используется понятие духа места, имеющего культурную платформу по причине наличия комплекса признаков, обладающих исторической и культурной ценностью и подлежащей соответствующей охране для будущих поколений.

Пример башенных сооружений Чеченской Республики в наглядной форме показывает, что проблема аутентичности влияет на процесс и подходы к охране таких объектов культурного наследия, сохранению сооружений как исторической культурной ценности чеченского народа. При кажущейся естественной принадлежности башенных сооружений к культуре чеченского народа, вопрос аутентичности данных объектов культурного наследия как символа народа до сих пор не обсуждался. В научных исследованиях и литературных источниках прослеживается описание башенных сооружений Чеченской Республики, в том числе в составе комплексов, как обнаруженных объектов археологических исследований, учтенных на государственном и региональном уровне. При этом в некоторых трудах встречаются попытки сравнительного анализа башенных сооружений, обнаруженных на территории Чеченской Республики, Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия-Алания ввиду визуальной схожести архитектурных элементов.

Таким образом, проблема аутентификации является вопросом культурной идентичности, следовательно, культурной ценности определенного этноса.

Методология и методы. В качестве материала исследования использованы примеры башенных сооружений на территории Чеченской Республики, Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия-Алания, на основе которых осуществлен сравнительный анализ сооружений как объектов культурного наследия. Кроме того, материалами исследования являются результаты научных трудов других авторов, специализирующихся на понятии аутентификации в культуре и архитектуре, а также на изучении башенных сооружений как культурного наследия.

Методами исследования выступают: анализ изображений башенных сооружений, синтез полученных данных и результатов тематических исследований других авторов применительно к объектам башенной архитектуры и культуры, дедукция при выведении конкретных признаков аутентичности исследуемых объектов культурного наследия и экспертной оценки по вопросу сопричастности объектов башенной архитектуры как феномена этнической культуры чеченского народа.

Научные результаты и дискуссия. Определяя аутентичность башенных сооружений, необходимо учесть, что данный термин затрагивает признаки

ценности объекта или образца. Признание объекта аутентичным означает, что его подлинность и принадлежность кому-либо доказана и подтверждена. Среди философов и культурологов аутентичность объекта предполагает достаточность фактов, характеризующие уточненную уникальность (Гиньон, 2018).

Некоторые исследователи указывают, что аутентичность связана с традицией, формируемой образцом или объектом, являющимся элементом повседневности на момент активного использования такой образца или эксплуатации (Крутеева, 2019). Это значит, что аутентификация башенных сооружений Чеченской Республики подтверждается при условии указания на достоверные признаки эксплуатации таких объектов в исторический период чеченским народом. Эксплуатация башенного сооружения, по замыслу исследователей культуры, является прямым доказательством социальной жизни в условиях, предлагаемых геометрической формой, внешним и внутренним пространством, а также архитектурными особенностями объекта.

В культурном аспекте аутентификация башенных сооружений Чеченской Республики невозможна без учета аксиологической парадигмы, так как в исторический период башни возводились согласно убеждениям, ценностям и установкам, соответствующим этапу развития чеченского народа (Вачков, Перемолотова, 2025). Многие объекты датированы древним и средневековым периодами, а значит, используемые строительные материалы, технологии и художественно-декоративные элементы должны раскрыть сущность мировоззрения представителей исследуемого этноса и отражать культурные ценности в данный период времени.

Социологический и психологический аспекты аутентификации башенных сооружений как феномена этнической культуры подразумевают характеристику этноса и концепцию развития его культуры. Ряд исследователей справедливо полагает, что аутентичность образца характеризует пространственно-временные и ценностные обстоятельства жизни человека или группы людей. В то же время аутентичность образца отражает суверенность его обладателя, а значит, образец или объект соотносит комплекс обстоятельственных, ситуационных и пространственных изменений, повлиявших на культурные установки определенной социальной группы людей (Суднева, 2009). Другие представители научного сообщества акцентируют внимание на тесную связь аутентичности образца или объекта со смыслами, потребностями и ценностями, формирующими представление народа о внешнем мире (Каримова, 2022).

Применительно к башенным сооружениям Чечни подобное утверждение способствует раскрытию причин выбранной геометрической формы и функциональности объекта, являющиеся культурной ценностью в настоящее время, но выступившие способом удовлетворения потребности в защите от потенциальных противников.

Таким образом, при обеспечении сохранности символов культурного наследия в архитектуре аутентичность рассматривается как приоритетный критерий возможных восстановительных работ, подразумевающих охрану

исторического облика путем акцентирования внимания на подлинности первоначального замысла, мастерства исполнения, окружения и использованного материала (Юзбашян, 2022). Проблема охраны башенной архитектуры Чеченской Республики прослеживается в плоскости обязательности сохранения указанных четырех элементов подлинности, в действительности, являющихся ключевыми критериями принадлежности объекта культурного наследия определенной социальной группе людей.

Решение задачи по аутентификации башенных сооружений Чечни находится в плоскости определения взаимосвязи культуры чеченского народа и социальных отношений исследуемой этнически выраженной группы людей с внешним миром. Социологический и культурный компоненты упомянутой взаимосвязи состоят в том, что башенные сооружения являлись формой адаптации чеченского народа к существующим условиям. Наличие петроглифов на фасадных сторонах некоторых учтенных объектов культурного наследия свидетельствует об аккультурации, повлиявшей на дальнейшую адаптацию народа и оптимизацию строительства подобных объектов в исторический период. На данный момент признаки аккультурации позволяют раскрыть некоторые аспекты межличностного взаимодействия, причины формирования определенных ценностей и характер коммуникаций чеченского народа с другими народами путем исследования степени влияния иных культур на процесс строительства башенных сооружений в исторический период.

Многие архитектурные элементы сохранившихся башенных сооружений служат подтверждением принадлежности к чеченскому народу по причине возможности построения причинно-следственной связи сформированных с течением времени ценностей и элементов быта на примере обнаруженных артефактов в ходе археологических исследований. Комплексно башенные сооружения Чечни необходимо рассматривать как материальные ценности или артефакты, созданные человеком. Соответственно, первично не способы возведения объекта в исторический период, а идейные образы и ценностные критерии народа, инициировавшие в свое время подобные сооружения на определенной территории.

Следует отметить, что указанная первичность объясняется наличием объектов схожих геометрических форм и художественно-декоративного оформления внешнего и внутреннего пространства в других местах, являющихся территорией компактного проживания представителей иных этносов. Таким образом, аксиологическая парадигма, основанная на ценностной платформе, при аутентификации башенных сооружений Чеченской Республики должна стать фундаментом процесса подтверждения идентичности исследуемого феномена как символа этнической культуры.

Подход посредством аксиологической парадигмы исключает возможное отождествление культурных черт и характеристик самосознания других народностей, влияние которых обнаруживается лишь в некоторых архитектурных элементах или определенных подходах возведения башен в

исторический период. В целях объективной аутентификации исследуемых объектов сравнительный анализ осуществляется на примере башенных сооружений, расположенных в Чеченской Республике, Республике Ингушетия и Республике Северной Осетии-Алания.

На Рисунке 1 представлены башенные сооружения Республики Ингушетия и Республики Северной Осетии-Алания.

а

б

Рис. 1. Башенные сооружения:

а – Республики Ингушетия; б – Республики Северной Осетии-Алания

Источник: Достопримечательности Ингушетии, Чечни, Северной Осетии-Алании: портал «Открытый Кавказ», 2026

На Рисунке 2 представлено башенное сооружение Чеченской Республики.

Рис. 2. Башенное сооружение Чеченской Республики

Источник: фото автора

Башенным сооружениям Республики Ингушетия свойственно наличие гурт, ступенчато-гребенчатая крыша, расположение объектов по принципу поселения (Чемурзиев, 2023). Башенным сооружениям Республики Северная Осетия-Алания присуще наличие святилищ в непосредственной близости от объекта, расположение в незначительной удаленности от ущелий и наличие полуподземных пространств (Яценко, Сланов, Хутинаев, 2023).

Общими признаками по сравнению с башенными сооружениями Чечни среди упомянутых историко-культурных объектов необходимо назвать оборонительную функциональность, принадлежность отдельным семьям, квадратная геометрическая форма, активное использование природно-ландшафтного пространства прилегающей территории. Тем не менее, башенные сооружения Чеченской Республики обладают множеством отличительных особенностей, которые не только этнически выражены, но и указывают на индивидуальный подход к этапу возведения и эксплуатации, основанные на определенных культурных ценностях. К примеру, изображения петроглифов содержат элементы традиций и обрядов чеченского народа, уклада жизни и верований (Кишкинова, Лимарева, 2019).

В Таблице представлены ключевые элементы аутентификации башенных сооружений Чеченской Республики в сравнении с идентичными элементами башенных сооружений двух исследуемых республик (Умаров, 1970; Солтагиреев, 2025).

Таблица

Ключевые элементы аутентификации башенных сооружений Чечни в сравнении с идентичными элементами башенных сооружений Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия-Алания

Критерий	Характерные особенности башенных сооружений		
	Чеченская Республика	Республика Ингушетия	Республика Северная Осетия-Алания
1	2	3	4
Период возведения	X–XVIII вв.	XIII–XVIII вв.	XIV–XIX вв.
Месторасположение	Преимущественно в горной местности приграничных районов, а также в предгорной и равнинной части	В горной местности, преимущественно в Джейрахском районе, также фрагментарно - в Сунженском районе региона, на перевальных путях. Боевые башни занимают территорию всей горной Ингушетии (ущелья рек Ассы и Армхи).	На всей территории региона

Продолжение табл.

1	2	3	4
Принцип расположения	Самостоятельные сооружения или в составе комплексов. Возводились по шахматному принципу, при этом из оконных проемов каждой башни виднелись как минимум две соседние боевые башни	Объекты располагались преимущественно на земельных участках с каменистой почвой, не пригодной для земледелия. Башенные сооружения возводились в основном в составе комплексов как несколько заградительных сооружений вокруг жилища или другого охраняемого объекта	Являлись ключевой частью инфраструктуры селений. Расположены в основном на высоких уступах и вдоль крупных дорог
Инженерные решения	Развитая сигнальная система, прочность конструкций, отсутствие фундамента, система водопровода, наличие гурт на своде, обилие мелких деталей архитектуры, простота формы, монументальность. В некоторых сооружениях стены соединяются в углах простым стыком наиболее крупных блоков из крупных камней. В других сооружениях – кладка стен произведена с использованием приема «перевязки швов и углов». Оборудование каждого этажа бойницами и наблюдательными отверстиями для кругового обзора.	Развитая сигнальная-сторожевая система, прочность конструкций. Наличие гурт на своде, обилие мелких деталей архитектуры, простота формы, монументальность. Камни как строительные материалы подгонялись друг к другу, а образуемые в ходе строительства щели между камнями заполнялись мелкой галькой. Предусматривались узкие бойницы на разных уровнях сооружения в целях обеспечения кругового обзора и обороны.	Расположение глыб на этапе основания, межэтажные перекрытия, специальные ниши в стенах. Каменная кладка представляла собой нависание каждого ряда над предыдущим для создания эффекта «сужения» кверху. Бойницы располагались только на верхних этажах

Продолжение табл.

1	2	3	4
Оформление фасада	Петроглифы отличаются большим разнообразием и количеством: открытая ладонь, человеческие фигуры, всадник, сцена охоты, отдельные животные, фамильные тамги, геометрические и другие абстрактные фигуры. Наносились на видных местах как во время возведения башни, так и после разных событий.	Петроглифы: фантастические и символические изображения, геометрические и другие абстрактные фигуры, изображение человека. Служили как оберегами, так и декоративными элементами.	Петроглифы: фигуры людей, сцены повседневной жизни. Наносили как значки и фигурки, рассказывающие о постройке башенного сооружения.
Способ кладки	На известковом или известково-глинистом растворе, редко сухая кладка. Для укрепления кладки могли добавлять яйца и муку, что способствовало водостойкости и прочности раствора	Установка по четырем углам блоков, один ряд каменной кладки без раствора, далее с учетом раствора, в состав которого входили известь, песок, крошка.	Кладка на растворе известковом или песчано-известковым и сухая (пустоты заполнялись землей либо мелким щебнем с глиной)
Оконные проемы	Множественные ассиметричные, а также симметричные. Полуциркульные арки правильной формы. Могли быть украшены петроглифами. На первом этаже практически отсутствовали оконные проемы	Единичные симметричные. Полуциркульные арки правильной формы. Высокие оконные проемы на верхних этажах для оборонительных целей.	Множественные симметричные. В оборонительных на каждом этаже по принципу оборонительного обзора. В жилых – прямоугольной и арочной формы как небольшие ниши в глухих стенах
Наличие машикулей	Расположены на верхнем ярусе или над дверью в форме балкончика, количество консольных камней от двух до пяти. Крепились на консолях и не имели дна.	Навесные балкончики-машикули, количество консольных камней от двух до трех. Как правило, находились со всех четырех стен башни. Не имели дна.	Выстраивались на выступающих из стен консольных камнях. Не имели дна.

Окончание табл.

1	2	3	4
Вид кровли	Плоская, плоская с зубцами на углах, пирамидально-ступенчатая.	Четырехскатная (пирамидальная), редко плоская, плоская с зубцами на углах	Плоская
Особенности внутреннего пространства	Деревянные и каменные перекрытия, лазы в углах или в середине, приставные лестницы и бревна с зарубками. Строгая поэтажная функциональная иерархия в зависимости от типа башенного сооружения.		Строгая поэтажная функциональная иерархия в зависимости от типа башенного сооружения. Наличие «боевой тропы»
Типология объектов	Боевая, полубоевая, жилая		

Как показано в Таблице 1, несмотря на близкое расположение субъектов, на которых обнаружены башенные сооружения, отличительные характеристики свидетельствуют о том, что исследуемые объекты принадлежат к разным этническим выраженным социальным группам. Способы строительства и художественно-декоративное оформление объектов культурного наследия указывают на уникальные особенности культурного развития народа, являющимся автором возведения башенных сооружений как артефактов.

Башенные сооружения Чечни отличаются от других объектов идентичного типа Республики Ингушетия и Республики Северная Осетия-Алания всеми указанными критериальными особенностями. При этом на принадлежность чеченскому народу исследуемых объектов указывают принцип и месторасположения, способы размещения оконных проемов, подходы к возведению кровли, оформление фасада. Обозначенные критериальные особенности характеризуют мировоззрение чеченского народа и во многом раскрывают сущность традиций, соблюдаемых потомками на современном этапе. Уникальность объектов как материальных ценностей подтверждается историческим описанием некоторых этапов возведения сооружений, сопровождающихся определенными обрядами.

Заключение. Специфика отдельных элементов башенных сооружений Чеченской Республики свидетельствуют об уникальности подходов к возведению исторических объектов и тесно связана с традиционной составляющей исследуемого этноса. Рассматриваемые архитектурные элементы подтверждают взаимосвязь культуры чеченского народа и его социальных отношений с внешним миром путем выбора инженерных решений, функциональности и распределения некоторых оборонительных элементов, к примеру, машикулей. Назначение башенных сооружений также подтверждает форму адаптации чеченского народа на определенной территории,

отличающейся окружающими природно-ландшафтными условиями. Изображения на петроглифах в ходе сравнительного анализа показывают, что графические компоненты выделяют сооружения не только чеченского народа, но и других исследуемых этносов. Несмотря на выраженные признаки аккультурации, визуально и пространственно башенные сооружения Чеченской Республики обладают множественными признаками, указывающими на самостоятельное культурное развитие чеченского народа.

Список литературы

Вачков И. В., Перемолотова И. А. Типологизация подходов к понятию аутентичности // Проблемы современного образования. 2025. № 1. С.31-41. DOI: 10.31862/2218-8711-2025-1-31-41. EDN: JTVSBK.

Гиньон Ч. Аутентичность // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2018. №1. С. 66-74. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-66-74. EDN: TGSOYD.

Достопримечательности Ингушетии, Чечни, Северной Осетии-Алании: портал «Открытый Кавказ», 2026. URL: <https://openkavkaz.com/?ysclid=mkpuu9qt40441329> (дата обращения: 22.01.2026).

Каримова И. С. Вопросы аутентичности и культурной идентичности в дизайне городской среды // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3 (95). С.176-181. DOI: 10.24158/fik.2022.3.29. EDN: NXILGP.

Кишкинова Е. М., Лимарева Ю. П. Семантика изображения кисти человеческой руки в петроглифах чеченских родовых башен // Инженерный вестник Дона. 2019. № 4 (55). С. 50-55. DN: UNNBZP.

Крутева О. В. Уральский сувенир: проблема аутентичности // Вестник Вестник культуры и искусств. 2019. № 1 (57). С. 154-159. EDN: MXQFXD.

Солтагиреев Т. Б. Значимость археологических исследований при реставрации исторических башенных сооружений России // В сборнике: Проблемы гуманитарных исследований. Сборник Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Новосибирск, 2025. С. 193-198. EDN: ULOHEA.

Суднева О. Ю. В поисках аутентичности: исследование практик аутентификации // Сибирский психологический журнал. 2009. № 34. С. 29-31. EDN: KZAKYP.

Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII –XVII вв.: автореферат дисс. ...на соискание канд. ист. наук: 07.00.00/Ин-т археологии АН СССР – Москва, 1970. 23 с.

Чемурзиев У. Т. Башенные комплексы Ингушетии – перспективы сохранения // Казачество. 2023. № 73 (8). С. 121-130. EDN: PDUYWK.

Юзбашян А. Ю. Проблемы проектов реставрации объектов культурного наследия // Вестник евразийской науки. 2022. № 6. С. 83-85. DOI: 10.15862/07nzvn622. EDN: MVQJEQ.

Яценко С. А., Сланов А. А., Хутинаев А. Х. Осетинские граффити на постройках верховьев Большой Лиахвы // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. № 15. С. 555-589. DOI: 10.53737/5034.2023.44.99.018. EDN: XFNVTO.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ЛАТЕНТНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ДИРИХЛЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ РЕЛИГИИ

Фомин Егор Васильевич,

кандидат социологических наук, старший преподаватель,
Высшая школа современных социальных наук (факультет),
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
fominegorv@mail.ru

Хробостов Сергей Дмитриевич,

бакалавр, Высшая школа современных социальных наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
(Москва, Россия)
sergey_xr@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению гражданской религии в России. Она изучается через корпус официальных обращений Президента России по случаю государственных праздников в 2020-2024 гг. Главным методом выступает метод латентного размещения Дирихле (LDA). Результаты показывают, что в обращениях регулярно воспроизводятся комплексы смыслов, связанные с единством и идентичностью, исторической преемственностью, ценностями и традицией, гражданской ответственностью и представлением о коллективной миссии; вместе с этим присутствуют более нейтральные темы, отражающие событийный и организационный контекст. Тематическое моделирование удобно использовать как инструмент первичной «карты» идеологических мотивов в больших массивах политических текстов, но корректные выводы требуют внимания к ограничениям метода, связанным с его слабой чувствительностью к контексту и необходимостью авторской интерпретации результатов.

Ключевые слова: гражданская религия; президентские обращения; государственные праздники; тематическое моделирование; LDA; латентное размещение Дирихле

APPLICATION OF THE LATENT DIRICHLET ALLOCATION METHOD IN A RESEARCH OF CIVIL RELIGION

Egor V. Fomin,

PhD in sociological sciences, senior teacher,
Higher school of modern social sciences (faculty),
Lomonosov Moscow state university
(Moscow, Russia)
fominegor1@mail.ru

Sergey D. Khrobostov,

bachelor student, Lomonosov Moscow state university
(Moscow, Russia)
sergey_xr@mail.ru

Abstract. This article examines civil religion in contemporary Russia. The analysis is based on a corpus of official presidential addresses delivered on the occasion of state holidays in 2020-2024. The primary methodological approach is Latent Dirichlet Allocation (LDA) topic modeling.

The findings indicate that the addresses consistently reproduce clusters of meanings related to unity and identity, historical continuity, values and tradition, civic responsibility, and the notion of a collective national mission. At the same time, more neutral themes are also present, reflecting the event-specific and organizational context of the speeches. Topic modeling proves to be a useful tool for constructing an initial “map” of ideological motifs within large corpora of political texts. However, robust conclusions require careful consideration of the method’s limitations, particularly its limited sensitivity to contextual nuance and the necessity of researcher-driven interpretation of the results.

Keywords: civil religion; presidential addresses; public holidays; topic modeling; LDA; Latent Dirichlet Allocation

Введение. Для современного российского общества особенно остро стоят вопросы консолидации, общегражданской идентичности, религиозного плюрализма, веротерпимости, диалога культур и религий. Основу для первого шага в решении этих вопросов может составить концепция «гражданской религии», особенно актуальный для дифференцированных, многоконфессиональных обществ. Данный термин был впервые предложен Ж. Ж. Руссо (Руссо, 1998) и развит Р. Беллой (Белла, 2014). Можно утверждать, что гражданская религия представляет собой систему верований, ценностей, символов и ритуалов, относящихся к области сакрализации самого общества. В гражданской религии сакрализуются его с виду профанные элементы – нормативно-правовые акты, общественные мифы, история, государственные праздники, национальные герои и т.д. В результате она призвана выполнять интегративную функцию, укреплять чувство единства членов общества, формировать и поддерживать коллективное сознание и коллективные представления (в терминах Э. Дюркгейма).

Существует множество методов исследования гражданской религии, однако наиболее важным инструментом традиционно считается анализ политических выступлений. Именно это делал Р. Белла, который проводил исследование выступлений президентов США (Белла, 2014). Сегодня многие исследования заостряют внимание на изучении скрытых идеологических тем и элементов, имеющих особое символическое значение (Катынская, 2017).

В настоящий момент в западной и российской науке активно развиваются методы численного изучения феноменов социальной жизни, в особенности элементов социологии коммуникации, основанные на методиках машинного обучения (Магомедтагиров, Айгубов, Омарова, 2019). Комплексные инструменты анализа позволяют исследовать социальные источники основываясь на цифровых методах анализа, что позволяет выявлять глубокие тематические связи. В большинстве случаев проявления гражданской религии являются латентными, в связи со своей особой ролью на стыке социологии религии и социологии политики.

Одним из подобных методов, активно развивающихся в настоящий момент в западной науке, является изучение социально-политических источников при помощи тематического моделирования с применением метода Латентного размещения Дирихле (LDA). Метод впервые предложен Д. Блеем, Э. Ёном и

М. Джорданом в 2003 г. как вероятностная модель распределения тем в текстах (D. Blei, A. Ng, M. Jordan, 2003). Данная методика позволяет «разбить» текстовые данные на тематические составляющие, которые позже подлежат социологической интерпретации, после чего можно оценить важность каждой из тем в тексте (Jelodar, Wang, Yuan, 2019). Его использование в социологическом анализе позволяет перейти от ручной кодировки категорий к автоматизированному выявлению смысловых кластеров политической коммуникации. В отличие от традиционного контент-анализа, тематическое моделирование выявляет вероятностное распределение тем и позволяет оценить степень важности каждого смыслового компонента в тексте.

Методология и методы. Данное исследование ориентировано на исследование инструментами LDA выступлений президента России по поводу государственных праздников и выявление тем в них с элементами гражданской религии. Эмпирическую основу исследования составил корпус официальных речей Президента В. В. Путина по случаям государственных праздников России в 2020-2024 гг. В выборку включены выступления по следующим датам: День Победы (9 мая), День России (12 июня), День народного единства (4 ноября), День Защитника Отечества (23 февраля) и Новый год. Тексты были получены с официального сайта «kremlin.ru» (Президент Российской Федерации) и открытых источников, к каждой речи зафиксирована дата, место произнесения и полный транскрипт. Общий объем корпуса составляет примерно 120 000 слов. Перед проведением моделирования тексты были нормализованы: выполнена токенизация, лемматизация, удаление пунктуации, чисел, местоимений и стоп-слов русского языка. Для этого использовались библиотеки spaCy и NLTK, а также список стоп-слов, адаптированный под специфику политических речей. Количество тем подбиралось эмпирически на основе метрики coherence score и при использовании библиотеки Gensim (Python) с визуализацией через pyLDAvis. Подбор оптимального числа тем (k) осуществлялся путём анализа метрики coherence score и визуального обследования кластеров: итоговым стало значение $k = 20$, при котором достигнут наибольший коэффициент согласованности (0,52) и приемлемый уровень перплексии (-7,71). Это позволило выделить устойчивые смысловые темы для интерпретации. После обучения модель дала каждому документу распределение вероятностей по темам.

Научные результаты и дискуссия. После моделирования был получен набор тем, которые затем интерпретировались в рамках концепции гражданской религии. Из 20 тем 6 были признаны нерелевантными. Список актуальных тем приведен в Таблице.

Для интерпретации результатов использовались принципы качественной верификации: темы сопоставлялись с теоретическими категориями, предложенными Ж.-Ж. Руссо, Р. Беллой, А. Б. Гофманом и В. А. Егоровым. На этом этапе применялся «ручной» контент-анализ для уточнения смыслов и проверки релевантности выделенных тем, что позволило проверить темы и уточнить их смысловое наполнение.

Таблица

Темы, выявленные с помощью методов Латентного размещения Дирихле

Тема	Ключевые слова
Память о подвиге народа	народ, это, России, которые, нашу, праздником, наш, победы, тех, дни
Единство и национальная идентичность	России, единства, народного, единство, народ, нашей, страны, праздником, нашего, русский
Новый год и социальные обращения	друзья, год, наши, дорогие, это, всё, новый, всем, людей, вместе
Россия и ее народ	России, это, россиян, дорогие, наши, наших, вместе, страны, сегодня, друзья
День Народного Единства	России, это, сегодня, друзья, дорогие, которые, нашей, народного, нашего, единства
Патриотизм и служение отечеству	России, наши, отечества, наших, будем, родины, хочу, всем, нашего, наш
История, народ и дух времени	это, нашего, нашу, сегодня, народа, народного, единства, история, России, именно
День защитника Отечества	сегодня, отечества, России, это, защитника, дорогие, товарищи, великой, сил, день
Государство и безопасность	России, друзья, нашей, наших, дорогие, года, отечества, будем, безопасности, это
Победа и ветераны	победы, наши, это, тех, дорогие, наш, ветераны, войны, памятью, народ
Духовность, традиции и культура	нашей, своих, днём, ради, духовные, защищать, традиций, уверенности, культуры, поздравляю
Историческая преемственность и гражданская миссия	это, истории, народного, единства, страны, нашей, именно, нашу, время, друзья
Обращения и вежливость	России, наши, дорогие, сегодня, нашей, это, наших, победы, друзья, товарищи
Позиция России в мире	нашей, это, сегодня, Россию, наших, России, народов, стран, войны, которые

Следует отметить, что LDA не фиксирует контекст и последовательность высказываний, что ограничивает интерпретацию на уровне прагматики речи. Кроме того, тематическое моделирование чувствительно к качеству предобработки текста и выбору числа тем. Однако сочетание LDA с теоретическим анализом исследуемой темы позволяет компенсировать ограничения.

Перед тематическим моделированием тексты были предобработаны и преобразованы в формат «bag-of-words». После фильтрации редких и частотных слов итоговый словарь включал около 5 400 уникальных лемм.

Часть тем (30%) имела нейтральный или технический характер и не имела четкой смысловой нагрузки и потому не использовались для интерпретации, в связи с чем при анализе рассматривалось 14 тем, указанных в Таблице в качестве релевантных.

Распределение тем получилось разнообразным и неоднородным. Во многих выступлениях Президента России присутствует много различных тем, но не все они

оказались связаны с гражданской религией. В первую очередь для исследования имеют значение темы «единство и национальная идентичность», «духовность, традиции и культура», «историческая преемственность и гражданская миссия».

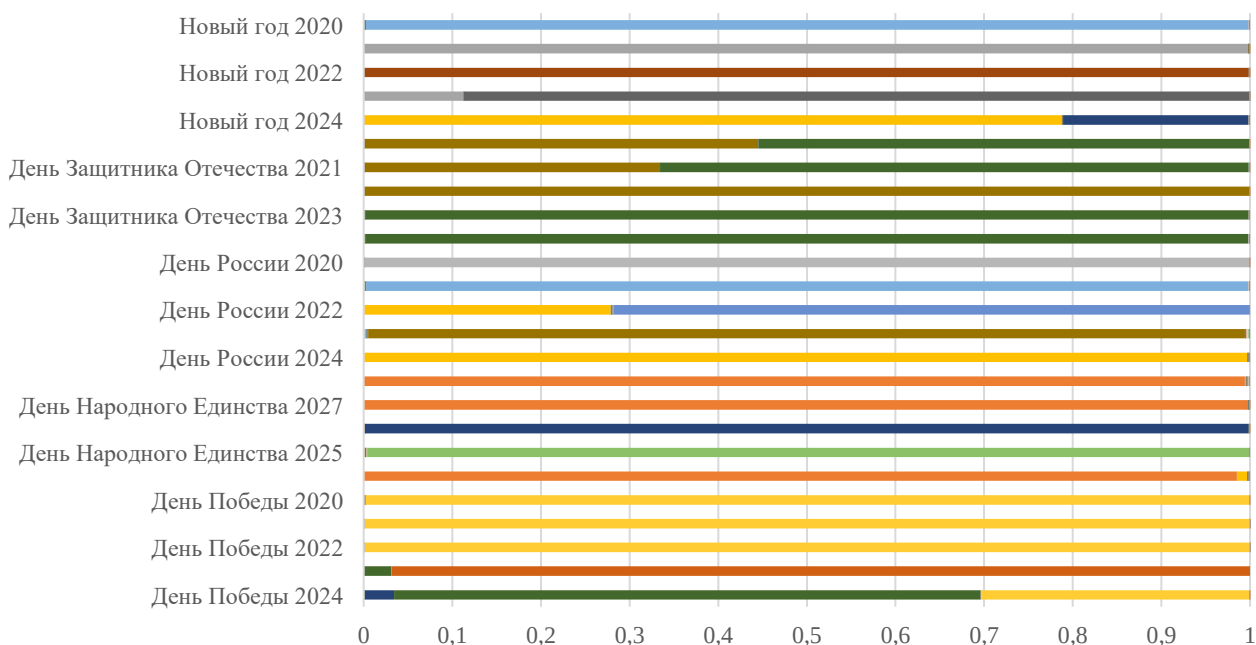

Рис. 1. Многообразие тем, затрагиваемых в выступлениях Президента России В.В. Путина

Рис. 2. Расшифровка основных тем выступлений Президента России В.В. Путина

Доля тем, имеющих отношение к гражданской религии, по результатам анализа полного содержания общего массива речей, оказалась относительно высокой по сравнению с другими. Наиболее частыми темами оказались «Патриотизм и служение Отечеству» (15,6%), «Духовность, традиции и культура» (13,2%), «Новый год и социальные обращения» (11,9%), «Единство и национальная идентичность» (10,3%). Как можно заметить, темы, связанные с

гражданской религией, имеют здесь важное значение, хоть и не первостепенное. Можно сделать вывод, что темы, связанные с гражданской религией, в особенности «Духовность, традиции и культура», имеют важную роль в выступлениях Президента России.

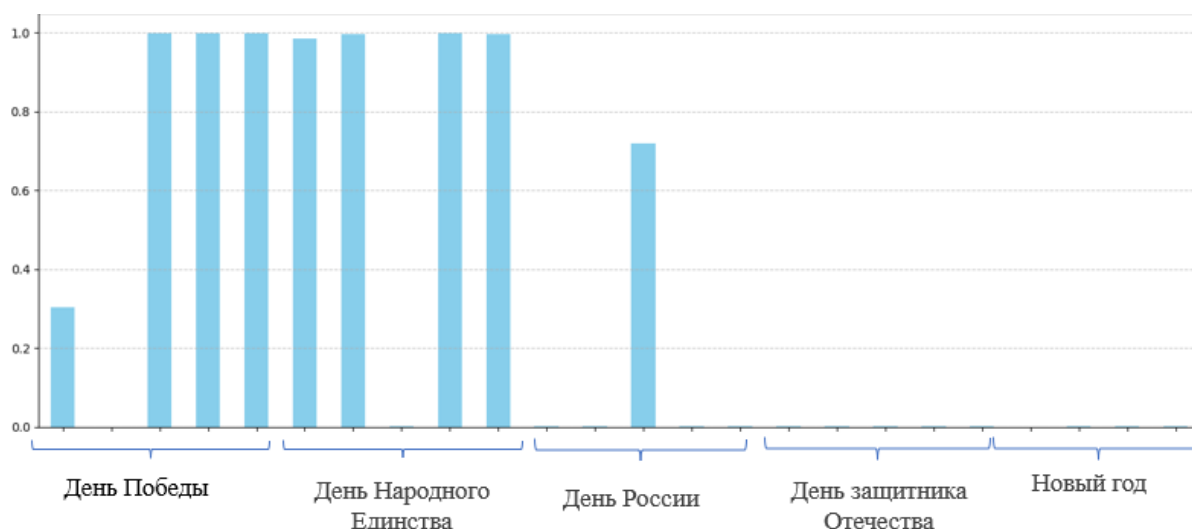

Рис. 3. Доля тем, связанных с гражданской религией в выступлениях Президента России В.В. Путина

По итогу проведения анализа рассмотрения присутствия тем, имеющих отношение к гражданской религии, в каждом из выступлений по отдельности можно понять, что данные темы преобладают в значительном числе из рассмотренных 25 выступлений президента, в 7 его речах (Рисунок 3), в остальных имея второстепенный или вспомогательный характер. Это выступления президента по случаю Дня Народного Единства в 2020, 2021, 2023, 2024 гг. а также в праздники Дня Победы в 2020, 2021, 2022 гг. В этих выступлениях по крайней мере одна тема из связанных с гражданской религией является абсолютно преобладающей. Также темы, связанные с гражданской религией, присутствуют в речи Президента В. Путина на Дне России в 2021 г., поскольку эта речь несколько отличается от других своей краткостью и упором на историческую преемственность, тогда как в остальных случаях выступления Президента затрагивают сразу большое число различных тем. Помимо этого, данная тема присутствует в выступлении на День Победы в 2024 г., где она, однако, имеет меньшее значение по сравнению с темой «Позиция России в мире», занимая около 30% текста выступления.

Заключение. Руководствуясь методом LDA, удалось выяснить, что элементы гражданской религии наиболее выражены в риторике президента по случаю Дня народного единства и Дня Победы. Темы, связанные с единством, исторической преемственностью и духовными ценностями, доминируют в ряде выступлений. Это свидетельствует о том, что гражданская религия актуализируется преимущественно в контекстах праздников, требующих

мобилизации и консолидации, апелляции к историко-культурным основаниям российской идентичности. В остальных случаях тематическая структура речей оказывается более фрагментированной, а упоминания, связанные с гражданской религией, имеют вспомогательный характер.

Результаты демонстрируют, что цифровые методы анализа текста, в частности LDA, могут эффективно использоваться в социологии для изучения процессов формирования идентичности в современном российском обществе, но требуют авторского контроля в интерпретации полученных данных.

Список литературы

Белла Р. Н. Гражданская религия в Америке // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, № 3. С. 162. EDN: TAADGV.

Гофман А. Б. Теоретические заметки о гражданской религии // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 4. С. 25-36. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.4.2. EDN: ZGFMXN.

Егоров В. А. Гражданская религия в современной России и её элементы // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2021. № 1. С. 113-123. DOI: 10.35231/18186653_2021_1_113. EDN: QMKFBB.

Катынская М. В., Замятина А. В. К вопросу о комплексном подходе к изучению политической публичной речи // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23, № 3. С. 160-165. EDN: ZSUCBX.

Корышев М. В., Хохлова М. В., Куликова Л. А., Мазин К. В. Выявление значимых тем при помощи алгоритма LDA на материале немецкого медиадискурса // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2024. Вып. 14. С. 418-433. DOI: 10.21638/spbu33.2024.122. EDN: MZELQP.

Магомедтагиров М. М., Айгубов С. З., Омарова С. Р. Применение машинного обучения в социологии // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 12. С. 233-239. DOI: 10.26726/1812-7096-2019-12-233-239. EDN: ORMTTA.

Президент Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://www.kremlin.ru> (дата обращения: 19.11.2025).

Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.

Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. Latent Dirichlet Allocation // Journal of Machine Learning Research. 2003. Vol. 3. Pp. 993-1022.

Jelodar H. et al. Latent Dirichlet Allocation (LDA) and topic modeling: models, applications, a survey // Multimedia Tools and Applications. 2019. Vol. 78. № 11. Pp. 15169-15211.

ЭКСТРЕМИСТСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ

Шамурзаев Таалайбек Турсунович,
доктор юридических наук, профессор,
Юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса,
Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина,
(Бишкек, Республика Киргизия)
taalha@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ экстремистской активности молодежи, выделяются личностные особенности и социальные условия развития экстремистского мышления и деятельности. Выделяются группы риска молодых людей, склонных к экстремистской активности, особенности их поведенческих и мотивационных реакций, а также способы профилактики экстремистского поведения и экстремистской активности.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; экстремистская активность; молодежь; психология экстремизма; профилактика экстремизма

EXTREMIST ACTIVITY OF YOUTH

Taalaibek T. Shamurzaev,
doctor of law, professor,
Faculty of law, department of criminal law and procedure
Kyrgyz-Russian Slavic university named after B.N. Yeltsin
(Bishkek, Kyrgyz Republic)
taalha@mail.ru

Abstract. This article analyzes extremist activity among young people, highlighting the personality traits and social conditions for the development of extremist thinking and activity. It identifies risk groups of young people prone to extremist activity, the characteristics of their behavioral and motivational responses, and methods for preventing extremist behavior and activity.

Keywords: youth extremism; extremist activity; youth; psychology of extremism; extremism prevention

Введение. В условиях цифровизации современного мира, все чаще встают вопросы активности экстремистских настроений в среде молодежи. С одной стороны, этому способствуют процессы социального напряжения, вызванные экономическими, политическими, культурными трансформациями, которые качаются как мирового порядка, так и внутригосударственных изменений. С другой стороны, сложностями социализации молодых людей в условиях неопределенности, где нет четких условий и ориентиров развития, понимания того, на что и на кого можно рассчитывать, возникает потребность найти того или тех, кто «во всем виноват». Экстремистские настроения скорее выступают способом «решения проблемы», «переключения внимания».

На фоне общего напряжения неудивительным становится рост экстремистских организаций. Цифровые технологии создают возможности для формирования виртуальных экстремистских сообществ, где находят поддержку и получают психологическую идеологическую обработку молодые люди.

Выделяют бытовой и протестный, политический и религиозный, национально-этнический и пенитенциарный, в сфере спорта или культуры. Факторы, которые способствуют распространению экстремизма, раскрываются в условиях социально-экономической, политической, культурой и религиозной нестабильности, сложностях в регулировании жизни и безопасности граждан, неэффективности законов, разрушении традиционных принципов воспитания и образования молодежи, а также психологические трудности, которые испытывает потенциальный участник экстремистского сообщества.

То, что молодежь становится группой риска, при воздействии экстремистской идеологии, не является новостью. Так как это наиболее незащищенная группа из-за неустоявшегося мировоззрения, отсутствия уверенности в себе, потребности в одобрении и нивелировании традиционных норм.

Экстремистская активность молодежи выступает базовым фактором угрозы национальной безопасности государства. Так как если нет поддержки со стороны молодежи принятых условий и норм социального воспроизводства, то и перспективы развития могут быть сомнительны. Угроза жизни населению или отдельным социальным группам может стать точкой разрушения всей социальной системы. Поэтому, вопросами профилактики экстремизма, а особенно – экстремистской активности молодежи следует заниматься представителям правопорядка, психологам, педагогам, философам, социологам, журналистам и всем тем, кто вовлечен в формирование социально открытого взаимодействия в обществе.

Эти вопросы рассматривались учеными с разных позиций. Например, особенности психологической обработки молодых людей при их вовлечении в экстремистскую деятельности (Ардашев, 2025 и Смаилова, 2025), проблемы формирования экологического патриотизма и процессы экстремистской деятельности (Баев, 2025 и Журавлева, 2025), анализировались механизмы борьбы с молодежных экстремизмом (Иванов, 2023, 2020), нормы солидарности после массового насилия (Полюшкевич, 2021, 2019) и другие.

Методология и методы. Методология данного исследования строилась на сочетании экзистенциального и деятельностного подходов. Экзистенциальный подход позволяет фиксировать трансформацию мировоззренческих оснований, условий развития жизненных смыслов молодых людей, а также тяге к экстремальным формам деятельности как способам проявить себя и пройти по грани жизни и смерти. Деятельностный опирается на поведенческие особенности, направленные на проявление агрессии и насилия в отношении других. Он фиксирует потребность в деструктивном поведении, которая находит реализацию в экстремистских сообществах.

Методом исследования стал массовый опрос, проводимый через центры экстремистской профилактики, куда приглашались молодые люди, совершившие экстремистские действия или состоявшие в экстремистских сообществах. Данные обрабатывались при помощи пакета SPSS. В исследовании приняло участие 860 молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет; 55% женщин и 45% мужчин. Погрешность выборки 2,1.

Помимо этого, было проведено 18 экспертных интервью, позволивших более точно раскрыть ответы анкетирования. В качестве экспертов выступали те же молодые люди, что и участвовали в массовом опросе, квотирование проводилось по принципу снежного кома и согласия респондентов дать развернутые ответы на вопросы. Длительность каждого интервью 1,5-2 часа.

Научные результаты и дискуссия. В результате исследования, мы выявили три группы молодых людей: с высокими экстремистскими наклонностями (24%), со средним уровнем экстремистских наклонностей (47%) и низким уровнем экстремистских устремлений (29%). Достоверность полученных результатов проверилось показателем альфа Кронбаха = 0, 73. (см. Рисунок 1).

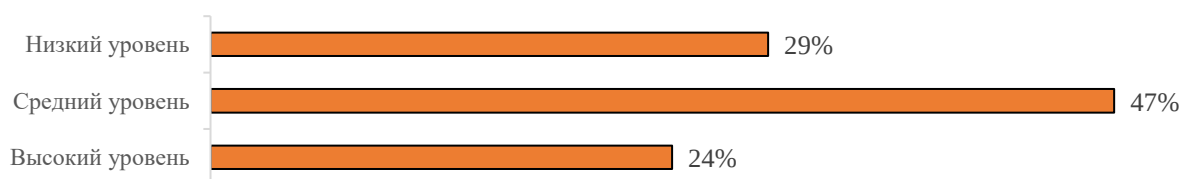

Рис. 1. Распределение уровней экстремистской активности молодежи

Молодые люди с высоким уровнем экстремистских наклонностей в 82% – это молодые люди, 18% – девушки. У них сильно проявлены психологические трудности в доверии к миру (*«мир агрессивен, поэтому надо действовать по его законам, иначе не выжить»* (О. Л., 24 года), *«ждать помощи от кого-то глупо, надо самим брать то, что можно взять»* (С. А., 19 лет), *«побеждает тот, у кого сила»* (Т. Е., 18 лет). А также они весьма негативно оценивают свои жизненные перспективы, социальный пессимизм определяет их оценку настоящего и будущего (*«я знаю, что у меня нет будущего – либо на воле, либо в тюрьме – меня убьют, так что я хочу, чтобы меня боялись и запомнили»* (М. Н., 22 года), *«мы из той среды, в которой нет шансов ни для кого и если не ты, то тебя – закон жизни»* (Г. И., 24 года).

Они опираются на идеологию силы и агрессии – в этом их возможность проявления в мире, возможность стать кем-то значимым, чтобы другие боялись. Представители этой группы не принимают моральные нормы, достаточно циничны и враждебно настроены ко всем, кто не согласен с их взглядами и ценностями. Они реже всех задумываются о неправильности своего поведения и недопустимости агрессии. (*«Я не знаю, как можно жить иначе, все кто меня окружает – так делают»* (М. Н., 18 лет), *«Общество сгнило, надо разрубить его основу, чтобы создать то общество, где будет всем хорошо, а не только тем, у кого есть власть и деньги. Я получаю авторитет, чтобы потом со всех потребовать ответы»* (Т. Г., 26 лет).

Эта группа молодых людей указывала на существующие социальные и социально-стратификационные проблемы в обществе, их личная невозможность изменить существующий порядок вещей и свое положение вместе с этим. Поэтому, экстремистская идеология становится инструментом решения социальных проблем, которые подкрепляются личными убеждениями и ориентирами.

Молодые люди со средним уровнем экстремистских наклонностей – 65% это молодые люди и 35% девушки. Они не терпят чего-то или кого-то, кто не вписывается в их понимание правильного, делят мир на «черное и белое», нет толерантности и терпимости к «иным». При этом они всегда максимально требовательны – кто, что, как и когда должен делать. (*«Я не хочу жить в том городе или районе, где рядом со мной находятся люди другой нации или веры, меня это оскорбляет. Это наш дом и нечего пускать чужаков. А если приехали сами, то мы покажем, кто тут хозяин»* (О. Д., 23 года), *«Если есть несправедливость, то надо с ней бороться. Если есть те, кто виноват в этой несправедливости, то надо их уничтожить»* (Г. А., 25 лет).

Максимализм, который перетекает в агрессию при несоблюдении того, что от него ожидают. Также они достаточно высоко проявляют протестную активность, не соглашаясь с функционированием социальных институтов, принятых норм и правил. (*«Я не хочу жить, так как все, потому что они следуют правилам извращенного мира, чтобы мир стал лучше – его надо очистить потом и кровью»* (Т. Н., 22 года), *«Я знаю, что если разрушить власть, то мир измениться – это моя цель и миссия»* (А. Ю., 26 лет).

Эта группа молодых людей в той или иной степени чаще указывала на собственные страхи и тревоги, а агрессия и экстремистские настроения является скорее формой защиты от собственной неуверенности в себе. А также отсутствие реального понимания причин и последствий тех или иных действий, процессов, явлений (миграции, рынка труда, социальной инфраструктуры) приводит к тому, что они делают ложные выводы и мерой решения любых проблем для них выступает агрессия против кого-то из вне, кто виноват в их проблемах.

Молодые люди с низким уровнем экстремистских устремлений также достаточно распространены (62% девушек и 38% юношей). Но низкий уровень, не означает отсутствие поддержки экстремистских идей. Правда, для них это скорее возможность оправдать действия других, чем самим активно участвовать в данной работе. Они готовы подчиниться решениям группы, пожертвовать собственной свободой, только для того, чтобы чувствовать себя в безопасности. Ради ее же, готовы закрыть глаза на травлю, насилие в адрес кого-то другого. При том, что интересы группы (экстремистского сообщества) они ставят вперед личных интересов. Они также проявляют высокую долю инфантильности, снимая с себя любую ответственность за проявление экстремизма кем-то другим, чем стали свидетелями. (*«Я не могу сама проявлять агрессию, но понимаю, что это необходимо, чтобы удержать равновесие, поэтому могу помогать так как могу»* (И. А., 22 года), *«Я не хочу свободы где меня всюду ждет опасность, я хочу защиты, чтобы рядом со мной были те, кто способен дать отпор и защитить наши интересы, причем не важно, это интересы нашей улицы, города или страны»*. (Н. А., 24 года).

Эта группа молодых людей говорила о своих страхах и проявлении инфантильности. Они не видят за собой возможности, силы и главное желания что-либо изменить. С их согласия могут совершаться самые большие преступления

против человечности. Да, они самые пассивные, но именно на них держится мягкая сила не противодействию экстремистским настроениям в целом в обществе.

На Рисунке 2 представлено гендерное распределение выраженности экстремистской активности молодежи (юноши доминируют в высоком и среднем уровне, а девушки в низком уровне экстремистской активности). Хотя стоит признать, что каждый уровень подвержен внешнему воздействию, в результате которого, может измениться форма и вся система направленной деятельности или подготовительной работы в формате экстремистской идеологии.

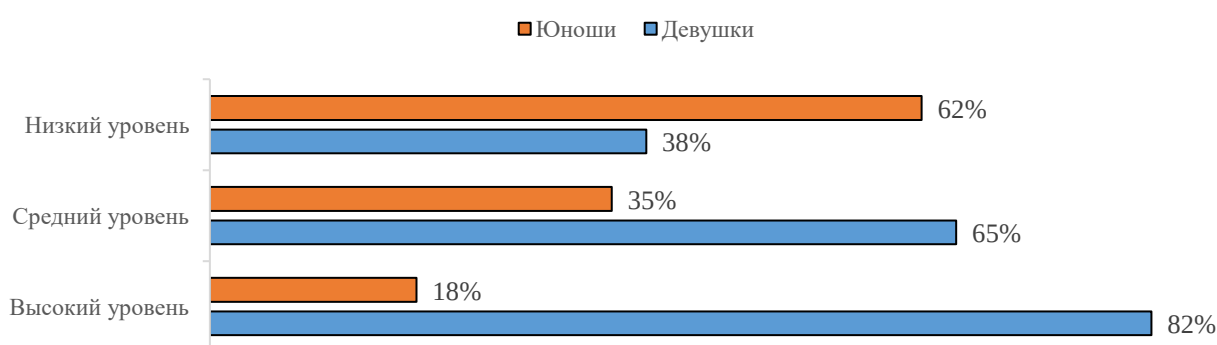

Рис. 2. Гендерное распределение выраженности экстремистской активности молодежи

Чтобы что-то менялось в обществе — необходимо приходить к новому соотношению баланса и силы в социальном окружении. В этом проявляется ресурсность перемен, связанных с социальной профилактикой идеологии экстремизма в современном обществе, так как социальная активность молодежи в аспекте экстремистской активности приводит к расшатыванию не просто традиционных устоев, но и обесцениванию естественного воспроизводства основных социальных институтов.

Выделенные типы молодых людей лишь общая типология возможных стратегий развития молодого поколения. Если этим вопросом не заниматься, то экстремистская активность станет приемлемой формой досуга, что обесценит идеи гуманизма и толерантности и станет точкой разрушения морали и норм всего общества.

Заключение. Экстремистская активность молодежи — негативный тренд современности. Это то, что меняет ценностные ориентиры молодых людей, наполняя их повседневность деструктивным содержанием. Это то, что разрушает преемственность поколений в формировании гуманистической личности. Это то, что разрушает традиционные устои развития общества. Изменения общества, приводят к тому, что молодежь ищет себя через новые формы деятельности, где деструктивная деятельность (досуг), выступает одним из распространенных вариантов социального моделирования.

Поэтому, механизмы профилактики экстремистской активности молодежи должны строиться на правовом и социально-психологическом просвещении, проработке личных психологических трудностей и создании социально-

позитивных условий для личной реализации молодежи, поддержки ее со стороны представителей власти, бизнеса, НКО и других институтов гражданского общества. А также, повышение общего уровня просвещения, направленного на развитие гуманистического взгляда на жизнь, общество, других людей – может стать основой социокультурного воспроизводства.

Список литературы

Ардашев Р. Г. Технологии противодействию экстремизму в молодежной среде // Социология. 2025. № 12. С. 6-10. EDN: ZIDUJA.

Ардашев Р. Г., Смаилова А. А. Основы психологии молодежного экстремизма. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2025. 127 с. SBN: 978-5-9624-2409-5. EDN: WKUGTZ.

Баев П. А. Экологический патриотизм в системе ценностных установок молодёжи // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах. Материалы научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, ИГУ, 2025. С. 122-126. EDN: GDSKRN.

Журавлева И. А. Молодежный экологический патриотизм в экорегионе // Роль, традиции и потенции социальных и психологических дисциплин в формировании экогородов и экотерриторий в российских регионах. Материалы научно-практической конференции с международным участием: тематический сборник статей. Иркутск, 2025. С. 111-116. EDN: BJLNLI.

Иванов Р. В. Анализ методов борьбы с молодежным экстремизмом // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 9. С. 99-104. DOI: 10.20339/AM.09-23.099. EDN: GKODKB.

Иванов Р. В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования // Социология. 2020. № 1. С. 301-311. EDN: QRPSPB.

Полюшкевич О. А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 159-164. EDN: JG NUUA.

Полюшкевич О. А., Иванов Р. В., Журавлева И. А., Завьялов А. В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа Интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42-49. DOI: 10.33396/1728-0869-2021-8-42-49. EDN: WDVUIC.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО ДНЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Штырев Михаил Михайлович,

кандидат психологических наук, руководитель отдела социологии,
ООО «Обратная связь» (Москва, Россия)
mmsh@feedback.ru.net

Кирильченко Александра Антоновна,

социолог-аналитик, ООО «Обратная связь», (Москва, Россия)
sandralol2017@yandex.ru

Поварова Елизавета Андреевна,

социолог-аналитик, ООО «Обратная связь», (Москва, Россия)
liza.bozhk@yandex.ru

Драчева Полина Игоревна,

социолог-аналитик, ООО «Обратная связь», (Москва, Россия)
dracevapolina110@gmail.com

Аннотация. В современном российском обществе происходит глубинное ценностное переосмысление, которое отражается в том числе на национальных праздниках. В связи с этим особую значимость приобретает изучение символических представлений и общественного восприятия Международного женского дня в массовом сознании. В данной статье рассмотрены результаты комплексного социологического исследования, посвященного празднику 8 Марта. Эмпирическая база включает данные, полученные методами онлайн-анкетирования и фокус-групп, что обеспечивает репрезентативность результатов. Проведенное исследование позволило сделать вывод о положительном отношении к празднику у граждан, выявить информационные пробелы, связанные с истоками Международного женского дня, а также определить наиболее популярные формы участия и контентные предпочтения разных возрастных групп.

Ключевые слова: Международный женский день; социологическое исследование; социальная трансформация; молодежь; ценностные ориентации; поколенческая дифференциация

PERCEPTION OF INTERNATIONAL WOMEN'S DAY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Mikhail M. Shtyrev,

PhD in Psychology, head of the sociology department, FEEDBACK
(Moscow, Russia)
mmsh@feedback.ru.net

Aleksandra A. Kirilchenko,

sociologist-analyst, FEEDBACK,
(Moscow, Russia)
sandralol2017@yandex.ru

Elizaveta A. Povarova,
sociologist-analyst, FEEDBACK,
(Moscow, Russia)
liza.bozhk@yandex.ru

Polina I. Dracheva
sociologist-analyst, FEEDBACK,
(Moscow, Russia)
dracevapolina110@gmail.com

Abstract. Contemporary Russian society is undergoing a profound rethinking of values, which is also reflected in the perception of national holidays. In this context, the study of symbolic representations and public attitudes toward International Women's Day within the collective consciousness becomes particularly significant. This article presents the results of a comprehensive sociological study focused on the March 8 holiday. The empirical base includes data collected through online surveys and focus groups, ensuring the representativeness of the findings. The research revealed a generally positive attitude toward the holiday among citizens, identified informational gaps concerning the historical origins of International Women's Day, and determined the most common forms of participation and content preferences across different age groups.

Keywords: International Women's Day; sociological research; social transformation; youth; value orientations; generational differentiation

Введение. Праздники – это не просто дни в календаре, а индикатор состояния общественного сознания, который помогает закреплять определенные ценности, воспроизводить культурные смыслы и передавать идеи между поколениями. Известный американский социолог А. Этzioni считал, что праздники «представляют собой ценный инструмент макросоциологического анализа», так как «одновременно отражают характеристики общества и участвуют в их преобразовании» (Etzioni, 2000: 40).

Международный женский день является ярким примером социокультурной трансформации календарного события. Праздник, изначально связанный с борьбой женщин за свои права, социальной справедливостью и стремлением к равенству¹, постепенно стал символизироваться с весной, красотой и женственностью. Так, по данным исследования, проведенного сервисами «Добро Mail.ru» и «Леди Mail.ru» в 2022 году 57% ассоциируют 8 марта с Международным женским днем, 30% – с днем весны и только 7% – с днем, посвященным борьбе за права женщин².

Данная трансформация делает исследование 8 Марта особенно актуальным в социологической науке. Более того, анализ отношения граждан к этому дню позволит определить основные представления о роли женщин в массовом сознании россиян, а также выявить существующие межпоколенческие различия в восприятии праздника.

¹ История Международного женского дня // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/6196352> (дата обращения: 21.06.2025).

² Международный женский день: история и традиции праздника // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2022/03/07/17390341.shtml> (дата обращения: 21.06.2025).

Цель исследования: выявить особенности общественного восприятия Международного женского дня в современной России.

Объект исследования: восприятие Международного женского дня в массовом сознании россиян.

Предмет исследования: особенности восприятия Международного женского дня в массовом сознании россиян.

Методология и методы. Исследование включало в себя два этапа. Первый этап состоял из онлайн-анкетирования (CAWI) с участием 2000 респондентов в возрасте 14-64 лет. В анкете были блоки вопросов о социально-демографических характеристиках респондентов, об их отношении к празднику, уровне осведомленности об истоках 8 Марта, форматах участия и контентных предпочтениях. Второй этап состоял из двух фокус групп с участниками 16-25 лет и 26-35 лет. В ходе обсуждений были выявлены межпоколенческие различия в восприятии Международного женского дня, определена степень вовлеченности в праздничные мероприятия и отношение к тематическому контенту.

Результаты анкетирования позволили получить репрезентативную картину, а фокус-группы обеспечили глубокое понимание различных аспектов, связанных с праздником. В российской социологии сочетание количественного и качественного методов имеет широкую популярность, особенно в контексте изучения молодежи (Штырев, 2025: 32).

Научные результаты и дискуссия. Полученные данные, позволяют говорить о положительном отношении россиян к Международному женскому дню. Самыми популярными чувствами в этот день стали: радость (59%), вдохновение (41%) и предвкушение (32%), а для 62% праздник является субъективно значимым. Вместе с тем по данным ВЦИОМ 8 Марта всё же уступает Дню Победы, Новому году и Пасхе и занимает только четвертое место по степени важности (22%)¹.

В ходе анкетирования респонденты продемонстрировали высокий уровень осведомленности о происхождении Международного женского дня – 73% связывали истоки праздника с женским шествием за свои права. Однако почти треть указали иные версии или вовсе затруднились ответить. В связи с этим можно выдвинуть предположение о наличии информационного пробела в общественном сознании.

Косвенным подтверждением данного тезиса могут выступать популярные ассоциации россиян, связанные с 8 Марта, а именно «праздник женщин» (42%), «цветы и подарки» (23%) и «весна» (18%), при этом смыслы отражающие истоки 8 Марта распространены в меньшей степени. Н. Н. Козлова отмечала, что постсоветское переосмысление праздника сопровождалось уходом от истоков и становлением ныне существующих смыслов (Козлова, 2011: 43).

¹День Победы – 2023 // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023/> (дата обращения: 22.06.2025).

Анализ специфики празднования 8 Марта показывает несколько ярко выраженных тенденций. Опрошенные склонны выбирать более легкие форматы, которые могут интегрироваться в повседневные практики – 52% ежегодно, по возможности смотрят тематические фильмы и сериалы, а 45% посещают праздничные концерты. Кроме того, для россиян 8 Марта прежде всего личный и семейный праздник. Данный нарратив четко прослеживается в ответах на вопрос о способах празднования. Большинство предпочитает проводить этот день в кругу семьи и друзей (61%), поздравлять и дарить подарки женщинам (60%), использовать как возможность отдохнуть и расслабиться (22%). Похожие результаты были получены в исследовании Артикс, где 51% выбирают отмечать 8 Марта дома, 28% – в гостях, 13% – с коллегами, 12% – в ресторане, а 10% – за городом¹.

В ходе исследования также были выявлены особенности потребления праздничного контента. Для получения информации о тематических мероприятиях респонденты используют прежде всего отечественные платформы – «ВКонтакте» (45%) и Telegram (45%) и телевидение (42%), WhatsApp (23%), интернет-СМИ (20%), афиши и билборды (19%) чуть менее востребованы. В отношении содержания контента замечен интерес к визуально оформленным материалам, вызывающим позитивные эмоции: красивые поздравления для женщин (73%), публикации о достижениях женщин в разных сферах (48%), стихи и песни (31%), информационные материалы об истории праздника (30%) и тематические цитаты (30%).

Однако, за легким восприятием праздника, скрывается потребность в его глубоком осмыслении и желание, освещать реальные современные проблемы. Почти половина респондентов (48%) считают, что тематический контент часто ограничен стереотипами и не затрагивает важные социальные темы. Схожая позиция была высказана О. А. Ворониной, отмечавшей, что «и в политическом дискурсе, и в массовом сознании 8-е Марта выступает поводом для воспроизводства сексистских стереотипов и традиционной идеологии семейного предназначения женщин» (Воронина, 2017: 10). Стоит отметить, что 54% россиян указывают на отсутствие должной защиты у женщин в отношении домашнего насилия. Такой результат может быть следствием неприятия соответствующего закона в нашей стране².

Кроме того, более половины опрошенных (57%) считают, что 8 Марта стало коммерческим событием, акцентированным на продаже цветов и подарков. В данном случае следует упомянуть слова Ж. Бодрийяра: «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что её нет.

¹ Артикс. Исследование гендерных праздников // Adindex. URL: https://adindex.ru/publication/analytics/search/330901/img/Артикс_Исследование_гендерные_праздники.pdf (дата обращения: 22.06.2025).

² Почему в России до сих пор не принят закон против домашнего насилия / Forbes Woman // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/526332-pocemu-v-rossii-do-sih-por-ne-prinat-zakon-protiv-domasnego-nasilia?ysclid=mazbobquqy284786236> (дата обращения: 21.06.2025).

Симулякр есть истина» (Бодрийяр, 2015: 5). Такое понимание позволяет рассмотреть современное празднование Международного женского дня как ритуал, который потерял свой изначальный смысл и замаскирован лишь в потребительскую форму.

На основе полученных данных были определены качества идеальной женщины. Наиболее популярными стали ответы, связанные с внешним видом (ухаженность и естественность) суммарно набравшие 137%, социальные качества (человечность и коммуникабельность) – суммарно 121% и интеллектуальные (образованность и креативность) – суммарно 98%.

Анализ данных фокус-групп: для обеих групп 8 Марта – светлый, положительный праздник, ассоциирующийся с весной, вниманием и благодарностью к женщинам. Однако в вопросах восприятия и осведомленности существуют различия. Молодые участники имеют более глубокие знания об истоках Международного женского дня и заявляют о важности сохранения в коллективной памяти изначального смысла праздника. Взрослые в меньшей степени интересуются историческим контекстом, связанным с праздником, вследствие чего достаточно поверхностно осведомлены о причинах его появления. Для них 8 Марта – это теплый семейный день, когда можно поблагодарить женщин и уделить им большее внимание.

В ходе фокус-групповых обсуждений все респонденты отметили низкую степень включенности в праздничные мероприятия, что связано, по мнению опрошенных, с недостаточной информированностью об их проведении. При этом взрослые рассказывали об участии в неформальных мероприятиях, таких как корпоративы и визиты к родственникам.

В отношении к тематическому контенту зафиксированы межпоколенческие различия. Для молодых респондентов праздничное настроение создается посредством социального взаимодействия в реальной жизни, а контент играет второстепенную роль. Для взрослых наоборот очень важна активность в интернете, так как это помогает глубже почувствовать атмосферу праздника и вызвать положительные эмоции.

Не менее интересные ответы получены на вопрос о запросах к партнеру. Молодежь склонна считать, что в реальной жизни требования женщин к мужчинам минимальны, а иллюзию завышенных стандартов создают социальные сети. Для старшей группы респондентов высокие ожидания от партнера допустимы и обоснованы в случае, если женщина успешна и финансово независима.

Описывая женский идеал, все опрошенные назвали такие качества как самодостаточность и независимость. Респонденты акцентировали внимание на внутреннем комфорте, реализации собственных целей, умении не зависеть от внешних оценок и личном счастье.

Заключение. Результаты проведенного онлайн-анкетирования показали высокую степень значимости и положительное отношение к празднику в

массовом сознании россиян. Суммарно 62% граждан оценили 8 Марта как важный лично для себя. Среди опрошенных наблюдается высокий уровень осведомленности об истоках Международного женского дня – 73% связывают его с борьбой за права женщин. Тем не менее 27% респондентов, дающих иной ответ, могут свидетельствовать о наличии информационного пробела в обществе. Кроме того, заметна тенденция в вытеснении традиционных и исторических смыслов праздника более современными. Так, наиболее распространенными ассоциациями с 8 Марта являются «праздник женщин» (42%), цветы и подарки (23%) и весна (18%).

Предпочтения в содержании тематического контента ориентированы на красивое визуальное оформление и эмоциональный отклик. Респондентам хотелось бы видеть в этот день визуально красивое поздравление для женщин (73%), публикации о достижениях женщин (48%), стихи и песни по тематике праздника (31%) и др. При этом в обществе существует запрос на более глубокое осмысление Международного женского дня, так как почти половина опрошенных отмечают, что праздничный контент стереотипен и недостаточно отражает актуальные социальные темы.

Анализ форм участия в мероприятиях, посвященных 8 Марта показывает заинтересованность граждан в форматах празднования, легко интегрирующихся в повседневность: просмотр тематических фильмов (52%), посещение праздничных концертов (45%).

В ходе фокус-групп респонденты также говорили о положительном отношении к празднику. При этом были зафиксированы заметные различия в уровне осведомленности об истоках Международного женского дня. Молодежь больше разбирается в истории праздника и подчеркивает важность сохранения его изначального смысла в массовом сознании. Взрослые люди меньше интересуются причиной возникновения 8 Марта, для них Международный женский день больше связан не с глобальными процессами, а с малой ячейкой общества – семьей.

Фокус-групповые обсуждения позволили выявить низкую степень включенности в мероприятия, посвященные 8 Марта. Причиной этому служит недостаточная информированность об их проведении.

Зафиксированы различия по отношению к цифровому контенту, публикуемому в этот день. Для молодежи он вторичен, а главным является личное взаимодействие, для взрослых контент важен, так как помогает лучше ощутить атмосферу праздника.

Результаты онлайн-анкетирования показали, что ключевые характеристики идеальной женщины включают в себя внешний вид и социальные качества. На аналогичный вопрос в фокус-групповых обсуждениях респонденты ответили, что по их мнению, идеальная женщина – уверенная, целеустремленная женщина, которая наслаждается жизнью, находится в согласии с собой и не зависит от любых внешних оценок.

Список литературы

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «Постум», 2015. 240 с. ISBN 978-5-91478-023-1.

Воронина О. А. «Гендерные» праздники: трансформация символических значений // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 3-16. DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.1. EDN: ZGQMMD.

Козлова Н. Н. Международный женский день 8 Марта как инструмент формирования советской политической культуры // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 36-44. EDN: NQXBSD.

Штырев, М. М. Представления о лидерских качествах студентов-журналистов с разным уровнем академической успеваемости / Штырев, М.М., Башкин Е.Б. // Психолог. 2025. № 2. С. 26-44. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.2.73999. EDN: RTEORR.

Etzioni A. Toward a Theory of Public Ritual // Sociological Theory. 2000. Vol. 18, № 1. Pp. 40-59.

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В СОЦИОЛОГИИ МОЛОДЕЖИ RESEARCH RESULTS IN YOUTH SOCIOLOGY

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

Благорожева Жанна Олеговна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
(Белгород, Россия)
blagorozheva@bsuedu.ru

Аннотация. На основе результатов опроса молодежи Белгородской области рассматриваются проблемы, связанные с матримониальным выбором молодежи. Исследование проводилось методом массового онлайн-опроса молодежи в общем цикле изучения социальных стратегий молодежи Белгородской области. В статье представлен сравнительный анализ результатов за 2023 и 2024 годы. Делается вывод, что матримониальные стратегии современной молодежи характеризуются сочетанием традиционных нормативных установок и индивидуализированных жизненных выборов. Фиксируется рост ориентации на традиционный тип брачных отношений при одновременном доминировании модели малодетности в обязательных репродуктивных установках. Особое внимание уделяется отношению молодежи к альтернативным матримониальным стратегиям (безбрачие, добровольная бездетность), а также динамике межпоколенческих взаимодействий. Выявленные тенденции позволяют оценить демографическую культуру молодежи как противоречивую, сочетающую устойчивость традиционных норм и зоны их трансформации под влиянием различных факторов.

Ключевые слова: демографическая культура; молодежь; жизненные стратегии; матримониальные стратегии; брачность

MATRIMONIAL STRATEGIES AS A REFLECTION OF THE DEMOGRAPHIC CULTURE OF YOUNG PEOPLE

Zhanna O. Blagorozheva,
PhD in sociology, associate professor, department of sociology and youth work,
Belgorod state national research university
(Belgorod, Russia)
blagorozheva@bsuedu.ru

Abstract. Based on the results of a survey of young people in the Belgorod Region, this article examines issues related to matrimonial choices. The study was conducted using a mass online survey of young people as part of a broader study of social strategies among young people in the Belgorod Region. The article presents a comparative analysis of the results for 2023 and 2024. It is concluded that the matrimonial strategies of modern youth are characterized by a combination of traditional normative attitudes and individualized life choices. A growing orientation toward traditional marital relationships is observed, while the predominance of the low-childhood model in mandatory reproductive attitudes is also observed. Particular attention is paid to young people's attitudes toward alternative matrimonial strategies (celibacy, voluntary childlessness), as well as the dynamics of

intergenerational interactions. The identified trends allow us to assess the demographic culture of young people as contradictory, combining the stability of traditional norms with areas of their transformation under the influence of various factors.

Keywords: demographic culture; youth; life strategies; matrimonial strategies; marriage

Введение. Современный этап развития российского общества характеризуется глубокими трансформациями института семьи и брака, которые детерминированы как макросоциальными сдвигами (глобализация, цифровизация, экономическая нестабильность), так и изменениями в ценностно-нормативной системе индивидов. В этих условиях демографическая безопасность страны и перспективы воспроизводства населения напрямую зависят от тех моделей поведения, которые формируются у молодежи. Именно молодежь выступает основным субъектом демографического будущего, аккумулируя в своих установках потенциальные сценарии развития общества. В фокусе научного интереса закономерно оказывается феномен демографической культуры. Демографическая культура представляет собой специфический способ развития человеческого потенциала, который базируется на социальных нормах, национальных традициях и демографической ситуации в конкретном регионе (Журавлева, Зарубина, Ручкин, Симачкова, Чупина, 2023). Ключевым структурным элементом демографической культуры выступают матримониальные стратегии. Матримониальные стратегии как структурный компонент демографической культуры отражает совокупность представлений, моделей поведения, ценностных установок и практик, связанных с поиском брачного партнера, вступлением в брак и построением супружеских отношений. Матримониальные стратегии определяются как формируемый и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями (Благорожева, 2025). Несмотря на очевидную значимость, вопросы о системном изучении матримониальных стратегий в том числе как структурного компонента демографической культуры остаются недостаточно изученными.

Особую актуальность изучения данной темы обосновывают ряд факторов:

1. Изменение моделей брачности, включая распространение альтернативных союзов, обосновывают необходимость анализа матримониальных стратегий молодежи. Данные позволят выявить сдвиги в демографической культуре и проследить трансформацию семейных структур.

2. Демографическая культура не сводится к статистическим показателям, а включает в себя качественные показатели. Анализ матримониальных стратегий, как составной части демографической культуры, позволяет перейти от статистического описания ситуации к пониманию механизмов принятия индивидуальных решений.

3. Учет матримониальных стратегий молодежи выступает условием результативности государственной семейной политики. Исследование брачных

установок подрастающего поколения обеспечивает разработку адресных мер, соответствующих актуальным моделям семейного поведения и способствующих демографической безопасности.

Методология и методы. Исследовательская матримониальных стратегий современной молодежи опирается на фундаментальные теории, позволяющие раскрыть механизмы формирования брачно-семейных установок и их трансформацию под влиянием различных факторов. Теоретико-методологические основы изучения брачности и семьи были заложены в трудах классиков социологии (Э. Дюркгейм, М. Вебер). В современной российской науке значительный вклад в исследование демографического поведения (в том числе и семейно-брачного) внесли А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, рассматривавшие семью в контексте кризиса традиционных ценностей.

Согласно теории А. Г. Харчева, в настоящее время происходит трансформация типов семьи в процессе развития общества, которая раскрывается в переходе от «закрытой» к «открытой» стратегии выбора брачного партнера (Харчев, 2003).

Особый интерес, в контексте нашего исследования, представляет работа коллектива авторов Ю. Р. Вишневого, Я. В. Дидковской, О. Б. Зыряновой, в которой ученые делают акцент, что, не смотря на трансформацию матримониального выбора молодежи, критика ряда аспектов репродуктивного и матримониального поведения молодежи часто связана с односторонней или даже искаженной трактовкой статистических данных (Вишневский, Дидковская, Зырянова, 2024).

Не менее важными являются работы Б. С. Павлова. Во-первых, автор исследует тенденции матримониального поведения молодежи, отмечая, что матримониальная социализация и матримониальный выбор тесно связан с ценностными ориентациями (Павлов, Пронина, Бердник, Сарайкин, 2020). Во-вторых, автор в своих работах операционализует понятие «культура демографического поведения», тесно связывая ее с культурой воспроизводства семейных традиций и обычаев, культурой консолидации родства и воспроизводства матримониальных связей, культурой сохранения здоровья и разумного использования жизненных сил, культурой сексуального поведения, культурой миграционной подвижности, культурой старения индивида и его доживания («культура смерти»), культурой сохранения социальной памяти поколений (Павлов, Пронина, Сентюрина, 2017).

Цель данной статьи состоит в социологическом анализе реализации матримониальных стратегий как отражения демографической культуры молодежи.

Эмпирической базой статьи являются результаты исследования Международного Центра социологических исследований НИУ «БелГУ» «Социальные стратегии молодежи Белгородской области» (блок матримониальные стратегии), проведенного в 2023-2024 г. С полной информацией по данным мониторинга можно ознакомиться в других работах

научного коллектива Центра (Шаповалова, 2023; Кисиленко, Шаповалова, 2023, Шаповалова, Заводян, 2024). По блоку матримониальных стратегий результаты мониторинга также отражены в научных статьях и монографии коллектива (Благорожева, Шаповалова, 2024; Благорожева, Шаповалова, 2025; Шаповалова, Благорожева, 2025)

Научные результаты и дискуссия. Анализируя типологию матримониальных стратегий молодежи, то можно увидеть, что возрастает количество молодых людей, ориентирующихся на традиционный тип отношений (54,9% в 2023 году, 62,6% в 2024 году). Поддержка либерального и эгоцентричного типов матримониальных стратегий чуть снижается, в том время как приверженцев неформального типа становится больше. Однако в динамическом показателе, основным является именно возрастание доли традиционного типа. Это может свидетельствовать о развитии позитивного компонента демографической культуры молодежи (Рисунок 1).

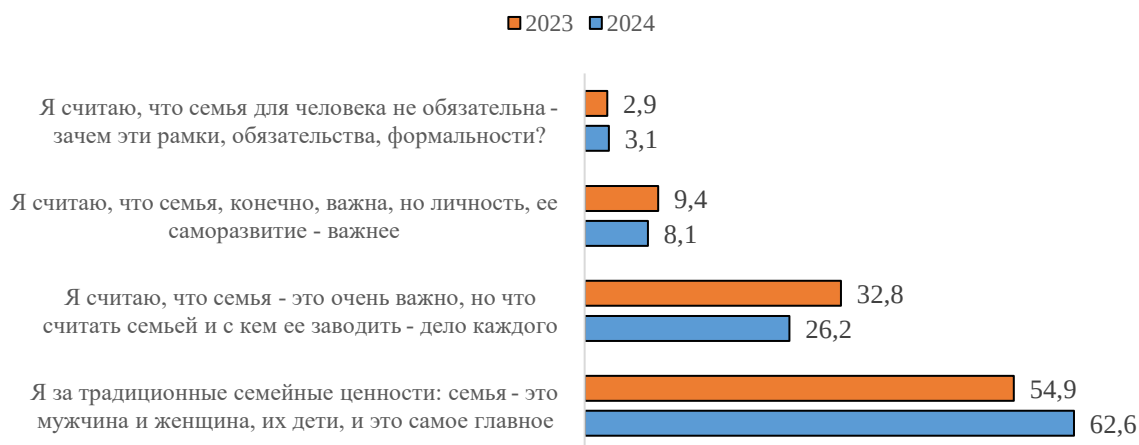

Рис. 1. Динамика типов матримониальных диспозиций молодежи

Ключевым показателем демографической культуры относительно матримониальных стратегий является матримониальный выбор относительно вступления в брак, рождения детей и преемственности поколений.

Обязательные выборы отражают долю респондентов, которые не будут считать себя состоявшимися в жизни без выполнения данных планов. Наиболее значимым обязательным выбором для молодежи является вступление в брак, так в 2024 году 60% опрошенных назвали его обязательным, что на 2,6% выше показателя 2023 года (57,4%). Это свидетельствует о сохранении высокой значимости института брака в молодёжной среде. В отношении репродуктивных выборов наблюдается поляризация: наличие одного ребёнка считают обязательным почти половина респондентов (50,6% в 2024 году, 48,7% в 2023 году), при этом выбор в пользу двух детей остается достаточно стабильным (30,6% в 2024 году, 30,1% в 2023 году). Установки на многодетность (трое и более детей) выражены слабо и демонстрируют отрицательную динамику. Сфера межпоколенческих

отношений выражена достаточно слабо, так как молодые люди допускают совместное проживание с престарелыми родителями в случае их болезни и немощи (42,1 в 2024 году, 41,1 в 2023 году), при этом лишь незначительная часть респондентов готова совместно проживать со своими детьми. (Рисунок 2).

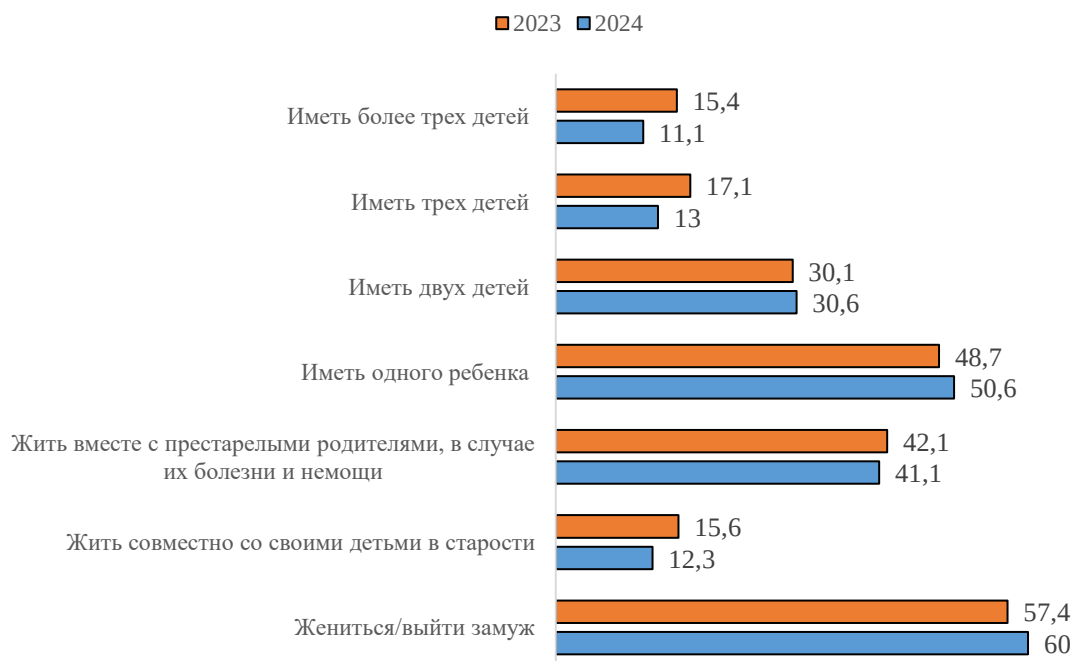

Рис. 2. Обязательные выборы молодежи

Желаемые выборы фиксируют предпочтения респондентов, не являющиеся для них императивными, но рассматриваемые как позитивный выбор. Можно заметить, что в желаемых выборах снижается выбор брачности и потребность иметь одного ребенка. В репродуктивных предпочтениях наиболее желаемым сценарием является наличие двух детей (37% в 2024 году, 35,5% в 2023 году), кроме того в желаемом выборе возрастает и потребность в трех детях (24,4% в 2024 году, 22,1% в 2023 году). В отношении проживания с родителями желаемый уровень остаётся относительно стабильным (около 38%), что несколько ниже обязательного. Желание жить совместно с детьми в старости остаётся на уровне 17% незначительно превышая показатели обязательных выборов (Рисунок 3).

Необязательные выборы (отвергаемые сценарии) позволяют оценить, какие модели поведения молодёжь категорически не рассматривает для себя. Тревожным индикатором является отвержение молодыми людьми сценария многодетности (иметь трех детей: 62,6% в 2024 году, 60,7% в 2023 году, иметь более трех детей: 69,4% в 2024 году, 62,6% в 2023 году). Выбор вступления в брак отвергает незначительное количество респондентов, более того данный показатель даже чуть снижается в динамике (24,4% в 2024 году, 22,1% в 2023 году). Возрастает так же показатель нежелания проживать со своими детьми в старости (70,3% в 2024 году,

66,8% в 2023 году), но при этом чуть снижается отказ от проживания с родителями в случае их болезни (20,8% в 2024 году, 21,7% в 2023 году). (Рисунок 4).

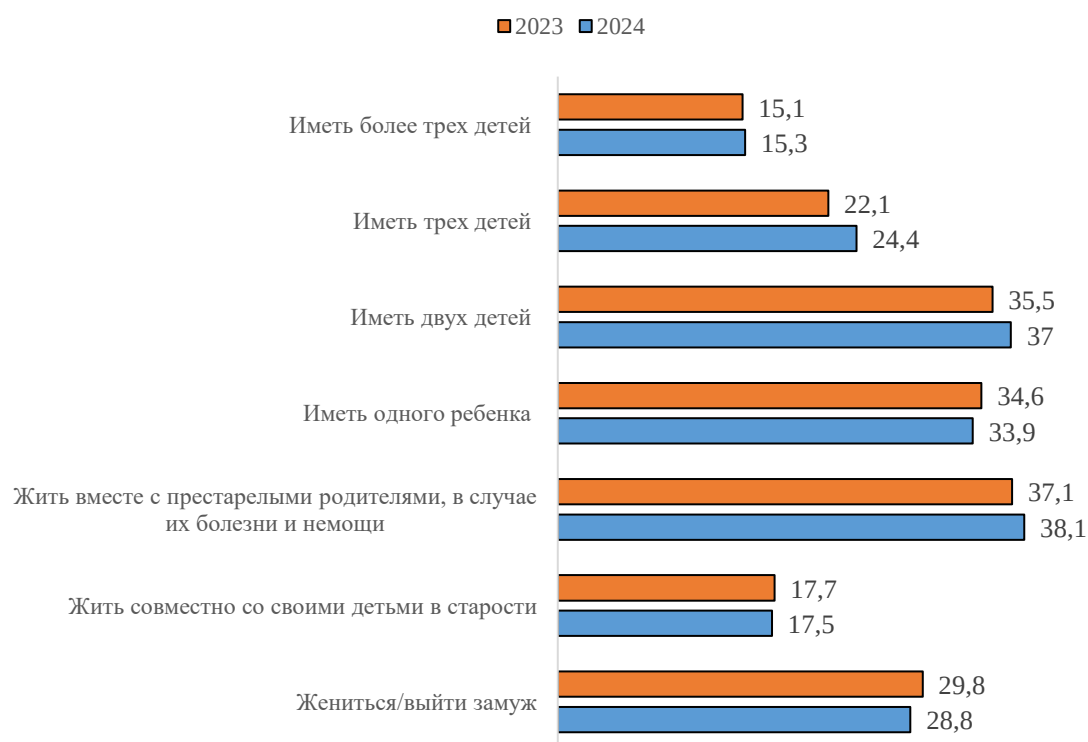

Рис. 3. Желаемые выборы молодежи

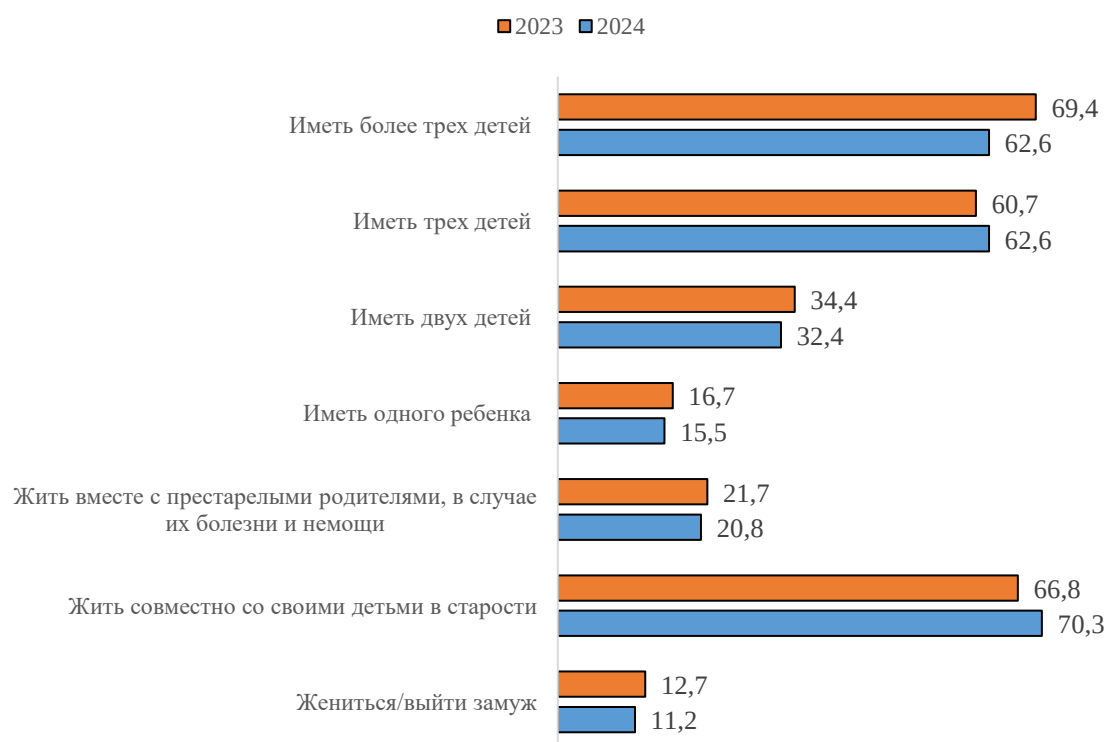

Рис. 4. Необязательные выборы молодежи

Еще одним важнейшим показателем демографической культуры является отношение (принятие или непринятие) к альтернативным матримониальным выборам. В контексте нашего исследования мы рассмотрим две наиболее популярные и распространенные среди молодежи: безбрачие и добровольная бездетность. Анализируя отношение молодежи к данным идеологиям, можно отметить незначительную положительную динамику. Доля респондентов, идентифицирующих себя как сторонники альтернативных матримониальных стратегий, демонстрирует тенденцию к снижению (10% в 2024 году, 12% в 2023 году). Также снизилась доля респондентов, которые достаточно терпимо относятся к данным идеологиям, но не разделяют их лично (22% в 2024 году, 27% в 2023 году). Наиболее значимая динамика зафиксирована в группе респондентов, категорически не поддерживающих безбрачие и бездетность. Рост доли неприятия (особенно выраженный в отношении чайлдфри) коррелируются с обязательными и желаемыми выборами респондентов, а также поддержкой традиционной модели семьи. При этом почти четверть респондентов затрудняются оценить свою позицию по данному вопросу (Таблица).

Таблица

Оценка молодежью альтернативных матримониальных стратегий

	2024		2023	
	безбрачие	добровольная бездетность	безбрачие	добровольная бездетность
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем	10,7	10,0	12,7	12,0
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось	22,5	22,8	26,9	29,5%
Не поддерживаю вообще	42,9	44,2	37,0	36,8
Затрудняюсь ответить	23,9	23,1	23,4	21,7

Заключение. Согласно полученным эмпирическим данным, можно сделать вывод, что демографическая культура современной молодёжи характеризуется сочетанием традиционных нормативных установок и индивидуальными жизненными выборами. При этом матримониальные стратегии молодёжи выступают индикатором состояния демографической культуры, фиксируя как устойчивость традиционных норм, так и зоны их трансформации под влиянием различных факторов.

Анализ эмпирических данных, полученных в ходе массового опроса с одной стороны демонстрирует достаточно позитивную ситуацию (поддержка традиционных ценностей, желание вступить в брак, критика альтернативных матримониальных стратегий), а с другой подсвечивают противоречивость брачно-семейных установок молодёжи (отказ от установок многодетности, слабая межпоколенческая преемственность). Вопреки распространённым представлениям о кризисе института брака, исследование фиксирует рост его обязательности в сознании молодёжи. Несмотря на то, что, в ходе исследования зафиксирован устойчивый рост доли молодёжи, ориентированной на

традиционный тип матримониальных отношений, тревожным является то, что в категории обязательных выборов доминирует модель малодетности. Кроме того, зафиксирована устойчивая ориентация молодёжи на автономное проживание в старости, но при этом сохраняется готовность заботиться о престарелых родителях, что свидетельствует о сохранении нормы межпоколенческой солидарности, но в форме дистантной поддержки.

Список литературы

- Антонов А. И. Микросоциология семьи. Москва: Nota Bene, 1998. 357 с.
- Архангельский В. Н. Рождаемость в реальных поколениях российских женщин: тенденции и региональные различия // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 2. С. 59-68. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-2-59-69. EDN: JXVTGT.
- Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2024. № 4. С. 89-110. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5. EDN: ZGNHRA.
- Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30-39. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39 EDN: HTXQXM
- Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Матримониальные стратегии региональной молодежи // Белгород, 2025. ISBN: 978-5-9571-3913-3. EDN: XCDKHY.
- Вебер М. Избранные произведения. Москва: Прогресс, 1990. ISBN: 5-01-001584-6. EDN: SGUYOR.
- Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40-55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3. EDN: BRHDYG.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Москва: Наука, 1991. 300 с.
- Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., Чупина И. П. Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема // Образование и право. 2023. №11. С. 407-411. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-11-407-413. EDN: XRPJKY.
- Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83-94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO.
- Павлов Б. С., Пронина И. Н., Бердник Л. П., Сарайкин Д. А. Матримониальная социализация тинейджеров в родительской семье: непреложные задачи и досадные препятствия (по результатам опросов на Урале в 2000-2020 гг.) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2020. № 4. С. 23-39. EDN: GVIFYJS.
- Павлов Б. С., Пронина Е. И., Сентюрина Л. Б. Культура и деструкции демографического поведения в обыденном сознании уральских студентов: опыт социологического анализа // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VIII Уральский демографический форум. Том I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. С. 353-363. EDN: YEAQEN.
- Шаповалова И. С., Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии региональной молодежи: типология, диспозиции, динамика // Интеграция образования. 2025. Т. 29, № 4 (121). С. 711-733. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.711-733. EDN: TWDSOI.
- Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4 (129). С. 768-792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU.
- Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 150-163. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.9. EDN: KVLEGK.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Ковальчук Ольга Викторовна,
кандидат философских наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
(Белгород, Россия)
kovalchuk@bsuedu.ru

Аннотация. На основе данных массового онлайн-опроса региональной молодежи Белгородской области (N=5847) в статье анализируются общественные стратегии молодежи с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Эмпирическое исследование выявляет сложную структуру мотивации и практик участия данной группы в социальной жизни. Результаты демонстрируют преобладание индивидуалистических (эгоцентричных) паттернов поведения, что является следствием структурных барьеров, однако одновременно фиксируют высокую установку на социально-ответственные действия, особенно в кризисных ситуациях (помощь уязвимым группам, ликвидация последствий ЧС). Важными векторами общественных стратегий выступают волонтерская деятельность, социальное предпринимательство и профессиональное консультирование, которые становятся для молодежи с ОВЗ механизмами конструирования позитивной идентичности, социальной интеграции и преобразования личного опыта в общественный ресурс. Делается вывод о необходимости развития инклюзивной инфраструктуры для поддержки общественной активности, способной трансформировать потенциальную готовность в устойчивые практики гражданского участия.

Ключевые слова: молодежь; региональная молодежь; молодежь с ограниченными возможностями здоровья; жизненные стратегии; общественные стратегии; социальные практики; благополучие

PUBLIC STRATEGIES FOR YOUTH WITH DISABILITIES (BASED ON AN EMPIRICAL STUDY)

Olga V. Kovalchuk,
candidate of philosophical sciences, associate professor,
Belgorod state national research university (NRU “BelSU”)
(Belgorod, Russia)
kovalchuk@bsuedu.ru

Abstract. Based on data from a massive online survey of regional youth in the Belgorod region (N=5847), the article analyzes the social strategies of youth with disabilities. Empirical research reveals a complex structure of motivation and practices of this group's participation in social life. The results demonstrate the predominance of individualistic (egocentric) patterns of behavior, which is a consequence of structural barriers, but at the same time they record a high attitude towards socially responsible actions, especially in crisis situations (assistance to vulnerable groups, elimination of emergency consequences). Volunteer activities, social entrepreneurship, and professional counseling are important vectors of public strategies, which serve as mechanisms for young people with disabilities to construct a positive identity, integrate socially, and transform their personal experiences into a public resource. The article concludes that it is necessary to develop inclusive infrastructure.

Keywords: youth; regional youth; youth with disabilities; life strategies; public strategies; social practices; well-being

Введение. Стратегии жизнедеятельности молодежи в контексте трансформации геополитического положения России представляют собой объект социологического анализа. Исследование поведенческих моделей данной когорты, ее целеполагания и аксиологических детерминант при принятии решений позволяет реконструировать механизмы ее социализации (Шаповалова, Заводян, 2021; Шаповалова, 2021) и служит основой для построения прогнозных моделей развития ключевых параметров социальных систем.

Под общественными стратегиями мы понимаем не просто адаптационные практики, а системные, осознанные и целенаправленные модели субъектного поведения, посредством которых молодые люди взаимодействуют с публичной сферой для достижения значимых социальных целей: изменения общественного дискурса, доступа к ресурсам, формирования коллективной идентичности и др. (Омельченко, 2021).

Изменения в демографической структуре и общественном внимании к вопросам инклюзии делают тему молодёжи с ограниченными возможностями здоровья особенно значимой: молодые люди с инвалидностью составляют важную и потенциально активную часть населения, чьи возможности самореализации прямо влияют на социальную устойчивость и экономическую эффективность общества. При этом стратегии молодёжи с ограниченными возможностями здоровья представляют собой специфический комплекс действий, структурируемый тремя взаимосвязанными векторами. Первый вектор – молодежный статус – определяется поиском идентичности и освоением публичных форм самоидентификации и участия. Второй вектор – опыт инвалидности – включает взаимодействие с различными институциональными барьерами, которые формируют ограничения и ресурсы повседневной практики. Третий вектор – нарождающаяся субъектность – ориентирован на преодоление и переосмысление роли пассивного объекта социальной политики через целенаправленные практики самопредставления, коллективной мобилизации и институционального воздействия. Взаимодействие этих векторов порождает комплекс адаптивных и проактивных стратегий, направленных на социальную интеграцию, самоопределение и преобразование существующих социальных структур.

Инвестиции государства и гражданского общества в поддержку и развитие общественных стратегий молодёжи с ограниченными возможностями здоровья представляют собой стратегически важный ресурс, формирующий долгосрочный социальный капитал. Через создание институциональных условий для самоорганизации, обучения и участия молодые люди накапливают сетевые связи, навыки коллективного действия и доверие к общественным институтам – факторы, которые повышают их возможность социальной интеграции, экономической активности и гражданского влияния. Такие вложения окупаются не только в терминах индивидуального благополучия, но и через повышение устойчивости сообществ, снижение затрат на долгосрочную социальную поддержку и расширение человеческого капитала региона. Изучение данной проблемы позволит выявить потенциальные векторы воздействия региональных

органов власти на процесс формирования общественных стратегий молодежи в рамках конкретной территории.

Методология и методы. Теоретической рамкой изучения данной проблемы выступает переход от доминировавшей медицинской модели инвалидности к социальной, когда общественные стратегии становятся неформальным ресурсом преодоления молодежью эксклюзии (Шекспир, 2014). Отечественная исследовательская традиция в данном направлении была заложена трудами Е.Р. Ярской-Смирновой, которая одна из первых исследователей в российском контексте системно применила социологический инструментарий к анализу стигмы и социальной эксклюзии людей с инвалидностью (Ярская-Смирнова, 1997).

Добровольчество выступает ключевым механизмом становления общественных стратегий современной молодёжи и получает системное внимание исследователей. Как отмечают Луков (2014), Ростовская (2014), Холостова (2015), анализу подлежат мотивационные основания вовлечения (альтруизм, профессиональная и социальная мотивация, поиск смысла и идентичности), разнообразные формы активности (корпоративное, инициативное, онлайн-добровольчество, волонтерские движения) и социальные функции добровольчества (социализация, развитие компетенций, формирование социальных связей и капитала, политическая и гражданская мобилизация).

Добровольческая практика для молодёжи выполняет не только репродуктивную роль – удовлетворение социальных потребностей – но и трансформирующую: она служит полем для конструирования личностной и коллективной субъектности, репетиции лидерских ролей и отработки навыков взаимодействия с социальными институтами. Мотивационные модели, выделенные в исследованиях, показывают, что участие часто обусловлено смешанной мотивацией: сочетанием прагматических целей (опыт, трудоустройство) и ценностно-смысловых ориентиров (солидарность, гражданская ответственность). Формы добровольчества отражают эти мотивы и по-разному способствуют формированию общественных стратегий: горизонтальные инициативы укрепляют сети и инициативность, институционализированные программы дают доступ к ресурсам и легитимации, а цифровые формы расширяют охват и гибкость участия.

Особое значение добровольчества прослеживается в контексте инклюзии: для молодёжи с ограниченными возможностями здоровья волонтерские практики могут стать площадкой для наработки социальных связей, профессиональных навыков и публичной видимости, одновременно требуя устранения барьеров доступности и адаптации форм участия.

Следовательно, анализ общественных стратегий региональной молодежи требует рассмотрения в неразрывной связи с социальной значимостью инициатив, реализуемых данной группой. Данный тезис подтверждается, в частности, эмпирическими данными, полученными в ходе социологического

исследования «Общественные жизненные стратегии региональной молодежи». Указанное исследование, проведенное в 2025 году Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета в рамках комплексного цикла работ по изучению социальных стратегий молодежи Белгородской области, основывается на выборке объемом 5847 респондентов.

Научные результаты и дискуссия. В контексте анализа общественных стратегий, избираемых молодежью с ограниченными возможностями здоровья, эмпирические данные демонстрируют выраженную репрезентативность индивидуалистических паттернов поведения. Данные паттерны характеризуются доминированием личных интересов и утилитарных целей адаптации в структуре мотивации, что позволяет классифицировать их как эгоцентричный тип стратегий (Рисунок 1).

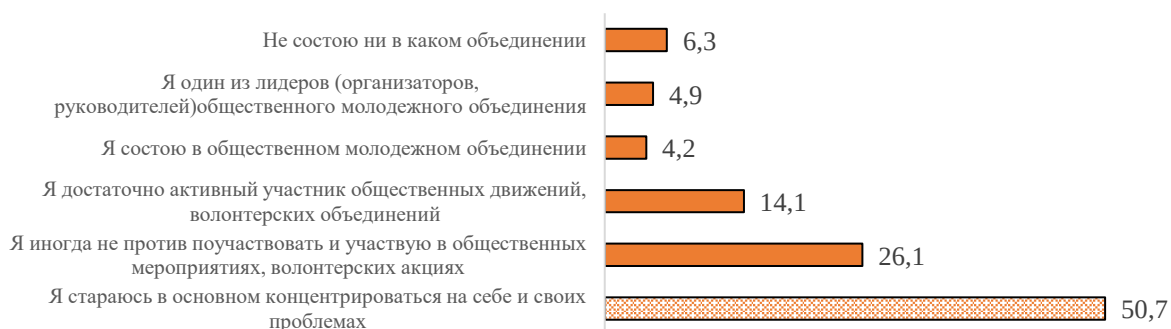

Рис. 1. Социальные диспозиции общественных стратегий региональной молодежи с ограниченными возможностями здоровья (в % от общего числа опрошенных)

Выстраивание общественных стратегий тесно связано с их направленностью. Согласно полученным данным (Рисунок 2), для региональной молодежи с ограниченными возможностями здоровья, приоритетными направлениями являются волонтерская деятельность и деятельность спортивная. Считаем, что этому способствует выстроенная молодежная политика региона: в области проводится системная работа по активизация добровольческой деятельности (Министерством по делам молодежи, Ресурсным центром развития добровольчества), а также спорта (в Белгородской области функционирует уникальный центр адаптивного спорта «Вершина»).

Важно отметить, что в рамках общественных жизненных стратегий одним из ключевых направлений для молодежи с ограниченными возможностями здоровья является помощь другим в социально опасном или чрезвычайном положении. Данные эмпирического исследования показывают, что деятельность, связанная с поддержкой уязвимых групп и реагированием на кризисные ситуации, вызывает высокий или потенциальный интерес у значительной части респондентов.

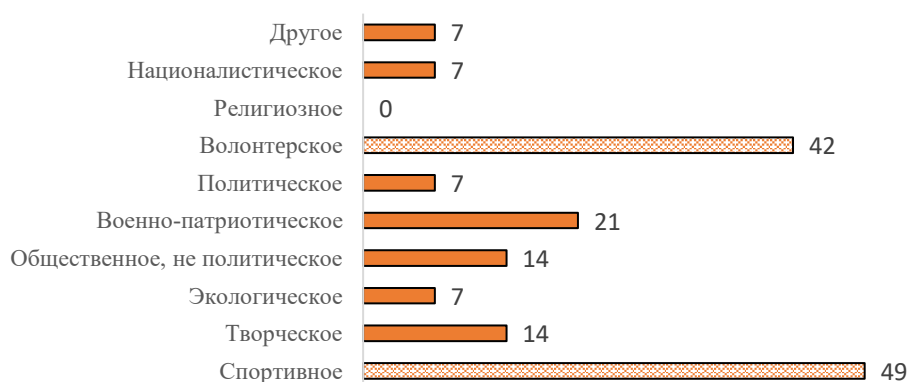

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Если Вы состоите в каком-либо молодежном объединении, то какова направленность его деятельности?» (в % от общего числа опрошенных)

Наиболее выраженную вовлеченность демонстрируют следующие направления:

1. Профилактика девиантного поведения и пропаганда здорового образа жизни: 43.7% опрошенных уже занимались этой деятельностью, что является одним из самых высоких показателей. Это указывает на стремление молодежи с ОВЗ выступать в роли проводников позитивных социальных норм, возможно, компенсируя или переосмысливая собственный опыт взаимодействия с системами здравоохранения и социальной поддержки.

2. Профессиональное консультирование (юридическая, психологическая помощь): 42.3% имеют опыт в этой сфере. Это свидетельствует о востребованности и реализации стратегии «экспертизации» собственного опыта преодоления барьеров, переводе личных знаний в общественно полезный ресурс для помощи другим.

3. Помощь людям без определенного места жительства: 40.1% респондентов занимались этой деятельностью. Высокий уровень практического участия здесь может отражать высокую степень эмпатии к группам, находящимся в ситуации крайней социальной эксклюзии, которую молодежь с ОВЗ понимает опосредованно.

Кроме того, высокий потенциал для вовлечения (сумма долей «занимался» и «хотел бы заняться») наблюдается в сферах, требующих оперативных действий в условиях кризиса:

– ликвидация последствий катастроф и ЧС: 71.8% (40.8% + 31.0%) респондентов так или иначе ориентированы на эту деятельность.

– работа с больными людьми: 63.4% (36.6% + 26.8%) и работа с инвалидами: 68.3% (35.9% + 32.4%).

Эти данные опровергают стереотип о пассивности или исключительной ориентации данной группы на получение помощи. Напротив, они выявляют стратегию активного социального действия, в рамках которой помощь другим, особенно в сложных и кризисных обстоятельствах, становится прежде всего

способом конструирования позитивной социальной идентичности, выходящей за рамки идентичности «получателя помощи». Таким образом, ориентация на помощь в сложных ситуациях является не случайным, а системным элементом общественной стратегии, позволяющим молодым людям с ограниченными возможностями здоровья трансформировать личный опыт уязвимости в ресурс социальной ответственности и занять значимую субъектную позицию в обществе. (Рисунок 3).

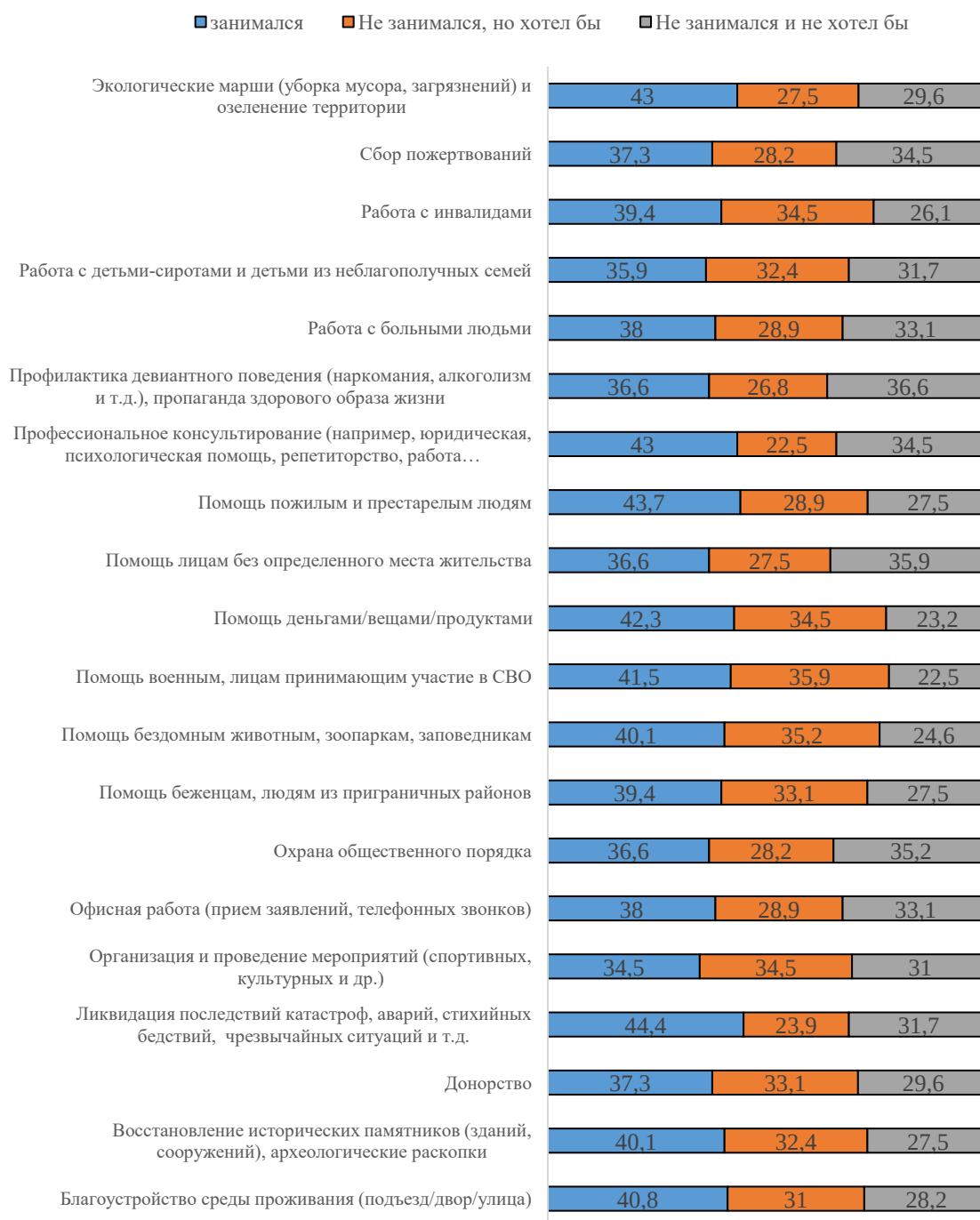

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Вы лично последний год делали что-либо из перечисленного ниже добровольно и безвозмездно (исключая помощь членам семьи и близким родственникам)? Готовы ли делать что-либо из перечисленного списка в будущем?» (в % от общего числа опрошенных)

Для молодежи с ОВЗ наиболее значимы инструменты, позволяющие лично и напрямую влиять на социальную среду, получая немедленный символический и этический капитал (волонтерство, благотворительность, проект). Высокий статус социального предпринимательства и волонтерской деятельности указывает на синтез прагматического (создание устойчивой модели) и альтруистического (решение проблемы) начал. Это стратегия, позволяющая конвертировать социальную ответственность в профессиональную самореализацию и относительную экономическую независимость (Рисунок 4).

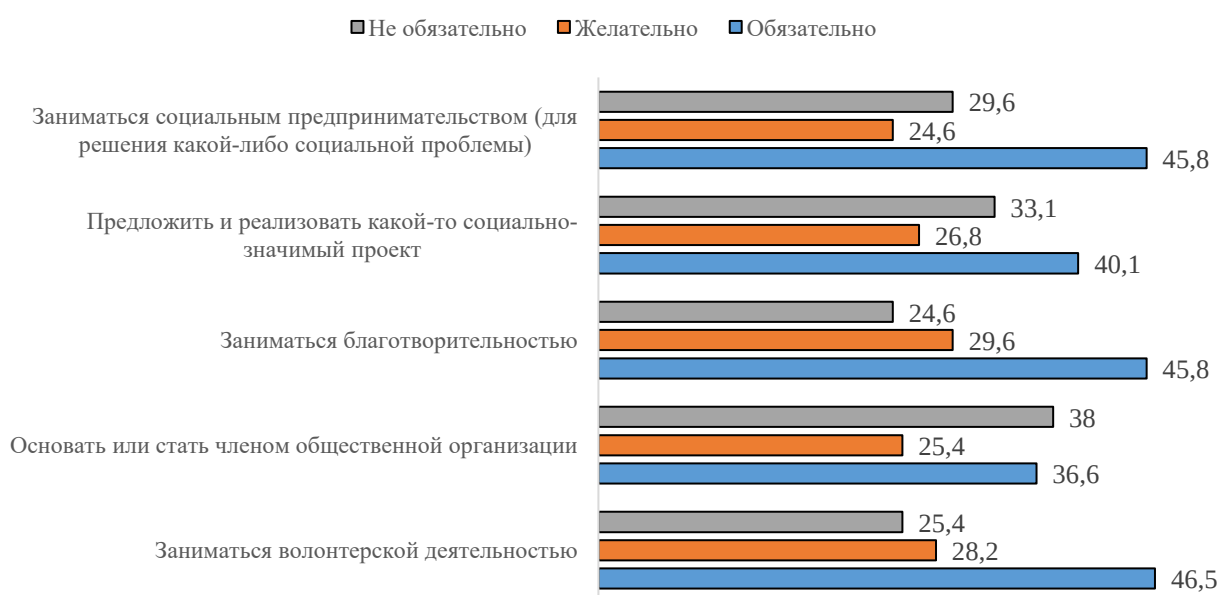

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где «обязательно» значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия (если Вы уже реализовали какие-то из предложенных вариантов, отметьте их как обязательные)» (в % от общего числа опрошенных)

Современная молодежь позиционирует себя в качестве агента социальных трансформаций, акцентируя создание устойчивых бизнес-моделей. Данный тренд изменяет традиционное понимание предпринимательства, трансформируя его из инструмента экономической выгоды в механизм личностного роста и актуализации ценностных ориентаций. Ключевым вектором данной трансформации выступает усиление социальной ответственности, которая интегрируется в ядро профессиональных стратегий нового поколения. В среде молодежи наблюдается усиление тенденции к переосмыслению критериев деловой эффективности, которые все чаще включают не только показатели финансовой рентабельности, но и параметры вклада бизнеса в общественное благосостояние (Ковальчук, 2025). Эмпирически это проявляется в повышающемся интересе к социальному предпринимательству и соответствующим проектным решениям (см. рис. 4), что формирует основу для их ориентации на позитивные изменения в региональной социальной среде (Рисунок 5).

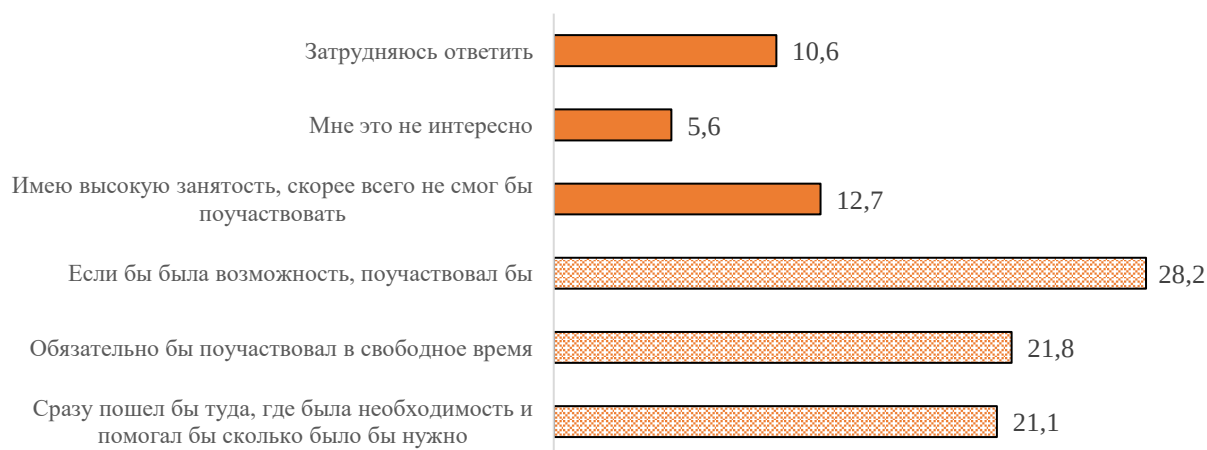

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Если бы для нашего региона была бы нужна волонтерская помощь (например, помощь беженцам, или иным категориям лиц), Вы бы:...» (в % от общего числа опрошенных)

Заключение. Современные общественные стратегии региональной молодежи с ограниченными возможностями здоровья обусловлены экономическими и социальными изменениями как внутри страны, так и региона. Прежде всего, эти стратегии в значительной степени носят эгоцентричный характер, что является прямым следствием необходимости преодоления системных барьеров и сосредоточенности на личном выживании и профессиональной реализации. Однако этот индивидуализм не исключает, а часто содержит в себе скрытую готовность к социально-ответственным действиям.

Наиболее выраженную вовлеченность и готовность к участию респонденты демонстрируют в сферах, связанных с поддержкой уязвимых групп и реагированием на чрезвычайные ситуации (профилактика девиантного поведения, помощь бездомным, ликвидация последствий ЧС). Эта ориентация выступает ключевым элементом стратегии по конструированию новой социальной идентичности – не получателя помощи, а активного ее субъекта, способного трансформировать собственный опыт уязвимости в ресурс социальной солидарности и компетентности.

Эмпирические данные подтверждают, что волонтерская деятельность и социальное предпринимательство воспринимаются не только как нормативно значимые, но и как приоритетные инструменты общественной стратегии. Они представляют собой синтез альтруистических устремлений (решение социальных проблем) и прагматических целей (самореализация, профессиональный опыт, экономическая устойчивость), позволяя конвертировать социальную активность в личностный и профессиональный капитал. Исследование выявило значительный разрыв между декларируемой готовностью участвовать (суммарно более 70% в кризисных направлениях) и реальной вовлеченностью. Это говорит о необходимости целенаправленных усилий по созданию инклюзивной инфраструктуры для реализации

общественных стратегий молодежью с ограниченными возможностями. Крайне важно, чтобы региональные власти также проявляли активность и заинтересованность в развитии социальных практик молодежи с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, общественные стратегии молодежи с ОВЗ представляют собой сложный адаптивный механизм, в котором потребность в личной стабилизации сочетается с поиском значимой субъектной позиции в обществе. Их эффективное развитие возможно только через признание данной двойственности и построение такой социальной среды, которая снижает структурные барьеры и создает возможности для конвертации личного опыта и готовности в устойчивые формы гражданского участия и социальных инноваций.

Список литературы

Ковальчук О. В. Профессиональные стратегии региональной молодежи // Научные результаты социологии – 2024. Сборник статей по материалам IV Международного научного онлайн-форума. Белгород, 2025. С. 84-92. EDN: ENLXMO.

Луков А. В., Луков В. А. Социальная активность молодежи: теория и практика. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. 256 с.

Омельченко Е. Л. Молодежные солидарности и практики заботы: новый исследовательский поворот // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 44-56. DOI: 10.31857/S013216250013728-3. EDN: GHOGWM.

Ростовская Т. К. Молодежная политика и социальная активность молодежи: монография. М.: Российский государственный социальный университет, 2014. С. 64-92.

Холостова Е. И. Добровольчество как ресурс развития гражданского общества // Социальная политика и социология. 2015. № 4. С. 45-53.

Шаповалова И. С., Заводян И. С. Поколение Z: ценности, диспозиции и социализационные результаты // В книге: Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Уфа, 2021. С. 25-45. EDN: AXSGPC.

Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4 (117). С. 902-932. DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932. EDN: SJMMSI.

Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 1997. 272 с. EDN: AFCNJZ.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Махмутова Каролина Александровна,

ассистент кафедры социологии и организации работы с молодежью,

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») (Белгород, Россия)

makhmutova@bsuedu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу добровольческих практик современной региональной молодежи. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью волонтерства как механизма социализации молодежи и необходимостью учета региональной специфики при реализации молодежной политики. Цель работы: выявить особенности участия молодежи Белгородской области в добровольческой деятельности. Эмпирическую базу составили данные социологического опроса, проведенного среди молодежи (N=3021). В статье анализируются уровень вовлеченности молодежи в волонтерство, основные барьеры участия, а также наиболее востребованные направления деятельности.

Ключевые слова: добровольчество; добровольческие практики; общественные стратегии; молодежное добровольчество; молодежь

VOLUNTEER PRACTICES OF REGIONAL YOUTH

Karolina A. Makhmutova,

assistant professor of the department of sociology and youth work,
Belgorod state national research university (NRU “BelSU”) (Belgorod, Russia)

makhmutova@bsuedu.ru

Abstract. This article analyzes the volunteer practices of contemporary regional youth. The relevance of the study stems from the growing role of volunteerism as a mechanism for youth socialization and the need to consider regional specifics when implementing youth policy. The objective of the study was to identify the characteristics of youth participation in volunteer activities in the Belgorod Region. The empirical base was formed by data from a sociological survey conducted among young people (N=3,021). The article analyzes the level of youth involvement in volunteering, the main barriers to participation, and the most popular activities.

Keywords: volunteering; volunteer practices; public strategies; youth volunteering; youth

Введение. Актуальность изучения добровольческих практик современной молодежи обусловлена комплексом факторов социально-политического и культурного характера. В последнее десятилетие волонтерское движение в России приобрело характер значимого социального феномена, что во многом связано с институциональной поддержкой на государственном уровне.

Добровольчество рассматривается не только как ресурс решения социальных проблем, но и как действенный механизм социализации, нравственного воспитания и формирования активной гражданской позиции подрастающего поколения (Картавцева, Григорьева, Зябрева, Погромская, 2024). Труд добровольцев содержательно весьма разнообразен и может проявляться в помощи незащищенным группам населения, ветеранам, организаторам крупных проектов, бездомным животным, озеленении территорий, реставрации культурных объектов, участии в спортивных мероприятиях и пр. (Кисиленко,

2025). В этой связи, молодежь, будучи наиболее мобильной и восприимчивой к инновациям социально-демографической группой, выступает основным субъектом и объектом волонтерской деятельности.

Необходимость изучения именно региональной специфики молодежного добровольчества диктуется рядом обстоятельств. Во-первых, Российская Федерация характеризуется значительной географической и социально-экономической неоднородностью. Так в различных регионах формируются специфический набор социальных проблем, требующих добровольческого участия, и неодинаковые возможности для самореализации молодежи. Во-вторых, культурные и этноконфессиональные особенности регионов накладывают отпечаток на ценностные ориентации молодых людей, их мотивацию к общественной активности. В-третьих, различна степень институциональной поддержки волонтерства: в одних регионах выстроена эффективная система взаимодействия власти, образования и НКО, в то время как в других добровольчество развивается преимущественно стихийно, по инициативе «снизу».

Методология и методы. Анализируя научные источники по теме добровольчества молодежи, на наш взгляд значительный интерес представляет работа коллектива авторов М. В. Певной, Д. В. Минченко, А. А. Белова, в которой авторы отмечают, что молодое поколение больше настроено на конструктивное гражданское поведение и практики, в которых они могут само реализоваться, изменения в мотивации волонтерской деятельности позволяют зафиксировать ориентацию учащейся молодёжи на конкретизацию своих запросов и ожиданий от добровольческого участия (Певная, Минченко, Белова, 2023).

Коллектив авторов Д. Ф. Телепаева, Ю. Р. Вишневский, О. Н. Гаврилик, Д. В. Минченко акцентируют внимание на то, что, молодые люди в добровольческих практиках предпочитают заниматься волонтерством самостоятельно и не идентифицируют себя с принадлежностью к какой-то общественной организации в контексте волонтерского опыта (Телепаева, Вишневский, Гаврилик, Минченко, 2024).

В научной работе Л. А. Беляевой, И. А. Зеленева, В. А. Прохода выделяются три группы мотивации участия молодежи в добровольческой деятельности: модель «продвижение», модель «капитал», модель «ценности». При этом молодежь все же готова к участию в добровольческих практиках видя в них, прежде всего, возможность увеличить свой человеческий и социальный капитал, но одновременно признавая важность этой деятельности для общества (Беляева, Зеленева, Прохода, 2021).

Целью нашей статьи является социологический анализ участия молодежи Белгородской области в добровольческих практиках. Эмпирической базой статьи являются результаты социологического исследования, проведенного Международным Центром социологических исследований НИУ «БелГУ» на тему «Исследование развития добровольчества на территории Белгородской области» (N=3021).

Научные результаты и дискуссия. Исследуя участие молодежи в добровольческих практиках, первым необходимо опередить к какой группе себя относят респонденты (Рисунок 1). По результатам видно, что большая часть

респондентов участвуют в волонтерских мероприятиях лишь иногда. Тревожным индикатором является то, что вторая по полярности группа молодёжи – это группа, которая практически не участвует в добровольческих практиках. Постоянно занимаются добровольческой и волонтерской деятельностью 16,8% респондентов, членами волонтерской организации или НКО являются 10,7% респондентов, просто оказывают помощь волонтерским организациям или НКО – 7,6% респондентов, а руководителем НКО или волонтерской организации являются 3,3% респондентов.

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «К какой группе Вы могли бы себя отнести?»

Следующий вопрос был направлен на выявление причин неучастия молодежи в добровольчестве (Рисунок 2).

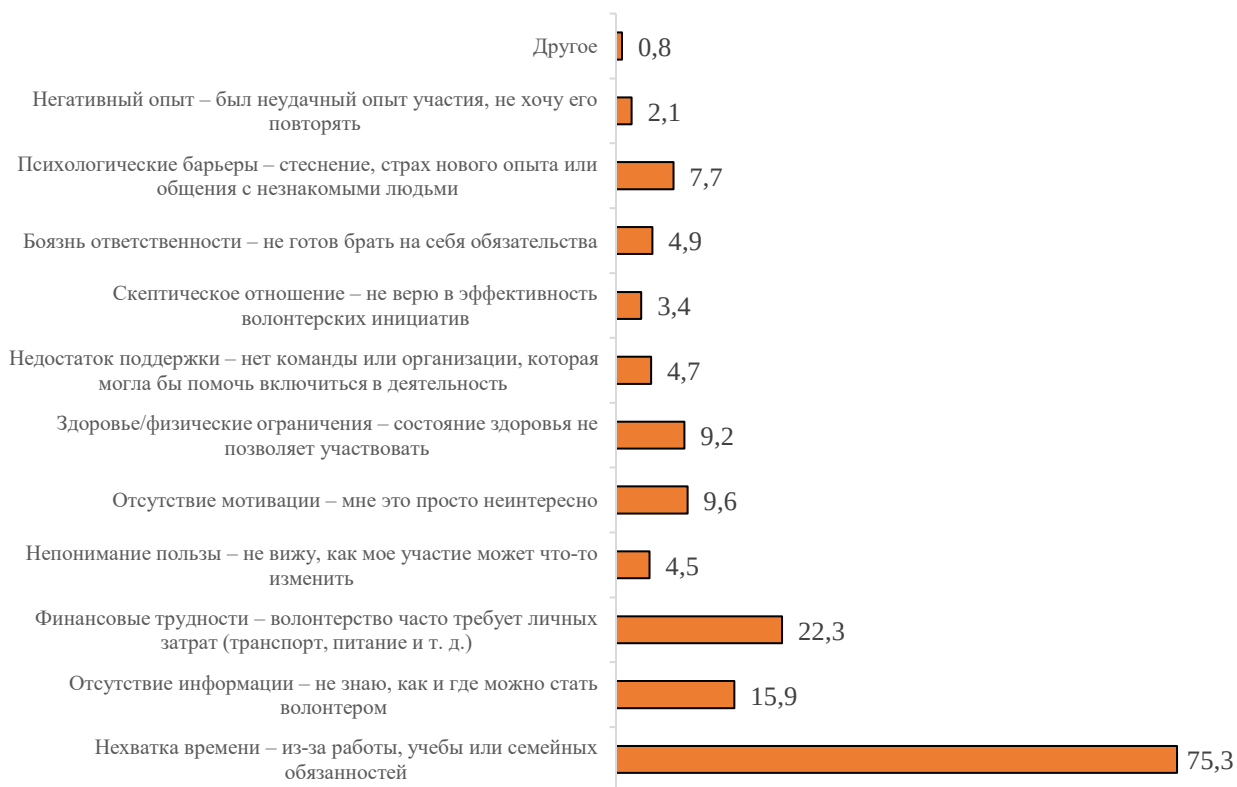

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что является для Вас основной причиной неучастия в волонтерской деятельности? (можно выбрать несколько вариантов ответов)»

В качестве основной причины молодые люди обозначили нехватку времени – из-за работы, учебы или семейных обязанностей (75,3% из числа тех, кто не участвует). Не менее важная причина, по мнению респондентов, финансовые трудности (волонтерство часто требует личных затрат (транспорт, питание и т. д.), ее выбирают 22,3% из числа тех, кто не занимается добровольчеством. 15,9% респондентов отмечают отсутствие информации (не знаю, как и где можно стать волонтером). Почти 10% отмечают отсутствие мотивации, а именно отсутствие личной заинтересованности. В тех условиях, в которых сейчас находится Белгородская область, отсутствие мотивации почти у 10% респондентов является очень тревожным показателем.

Важным в контексте изучения добровольческих практик региональной молодежи, является выявление направления участия молодежи в добровольческих/волонтерских практиках (Рисунок 3).

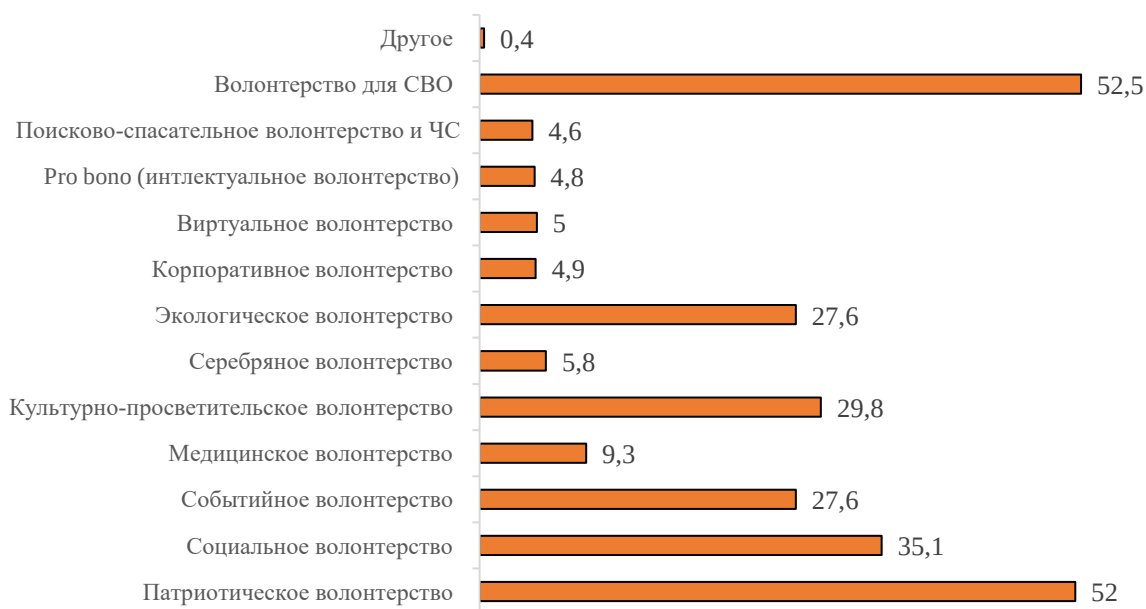

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «В какие волонтерские проекты, направления Вы включены более всего (есть возможность выбрать несколько, но лучше, если Вы сможете обозначить одно, наиболее значимое для Вас направление)»

По результатам видно, что для региональной молодежи наиболее популярными направлениями являются патриотическое волонтерство (деятельность по сохранению исторической памяти, патриотическое воспитание граждан) и волонтерство для СВО (помощь в условиях специальной военной операции). В данных направлениях участвуют практически половина активных респондентов. Помимо этого молодые люди региона активно участвуют в социальном волонтерстве (помощь незащищенным слоям населения и оказавшимся в трудной жизненной ситуации), культурно-просветительском волонтерстве (организация мероприятий по сохранению культурного наследия, приобщение к культурным ценностям, интеграция городских жителей в

социально-культурные мероприятия), событийном волонтерстве (организация значимых государственных событий спортивного, образовательного, социального, культурного, туристического характера), экологическом волонтерстве (деятельность по защите окружающей среды и решению экологических проблем, помощь животным). В данных направлениях участвуют практически 30% респондентов.

Говоря об основных ресурсах в реализации добровольческих практик, молодые люди отмечают, что чаще всего вкладывают именно эмоциональные ресурсы (эмоциональные впечатления и возможно потрясения, оставившие у вас в памяти глубокий след). Однако, в некоторых ситуациях респонденты вкладывают и физические (тяжелый физический труд или физическое напряжение, приведший к вашему переутомлению, истощению ваших физических сил), и материальные ресурсы (вы пожертвовали своим имуществом (нужным вам) или финансами в достаточно большом количестве), и организационные ресурсы (большие затраты времени в ущерб вашим личным делам, семье, возможно учебе или работе). (Рисунок 4).

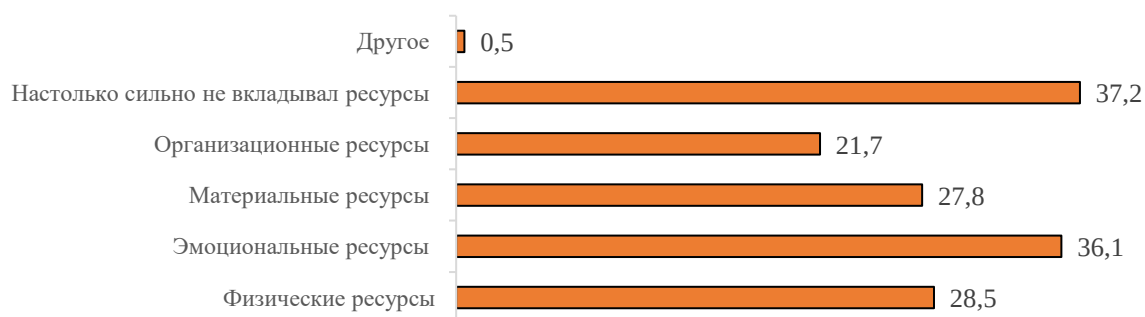

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «В какие волонтерские проекты, направления Вы включены более всего (есть возможность выбрать несколько, но лучше, если Вы сможете обозначить одно, наиболее значимое для Вас направление)»

Заключение. Проведенный социологический анализ участия молодежи Белгородской области в добровольческих практиках позволяет сформулировать ряд выводов, характеризующих как общероссийские тенденции, так и региональную специфику исследуемого феномена. Эмпирические данные демонстрируют неоднородность вовлеченности молодежи в волонтерскую деятельность. Установлено, что для большинства респондентов характерно эпизодическое, а не системное участие. Анализ мотивационной сферы и барьеров участия позволил выявить ключевое противоречие. С одной стороны, молодежь демонстрирует готовность к участию в социально значимых практиках. С другой стороны, основным препятствием выступает дефицит временных и, что немаловажно для приграничного региона, финансовых ресурсов. Наиболее значимым результатом, отражающим уникальную региональную специфику, является направленность волонтерского участия, а именно доминирование патриотического волонтерства и помощи в условиях

специальной военной операции (СВО). Таким образом, добровольческие практики молодежи Белгородской области представляют собой динамичный социальный феномен, испытывающий на себе сильное влияние как макросоциального контекста, так и локальных условий. Выявленная специфика подтверждает необходимость учета региональных особенностей при разработке и реализации молодежной политики.

Список литературы

Беляева Л. А. Зеленев И. А. Прохода В. А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. № 4. С 825-837. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838. EDN: WBYMNU.

Картавцева А. П., Григорьева Н. В., Зябрева С. Э., Погромская А. И. Особенности вовлеченности студенческой молодежи из различных регионов Российской Федерации в волонтерскую деятельность // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8, № 4. С. 502-512. DOI: 10.21603/2542-1840-2024-8-4-502-512. EDN: QICZIE.

Кисиленко А. В. Качественные характеристики добровольческого движения Белгородской области // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 2. С. 120-135. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-2-0-8. EDN: MWMZJZ.

Певная М. В., Минченко Д. В., Белов А. А. Мотивация в саморегуляции волонтерской деятельности молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 53-68. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.2. EDN: IQADBG.

Телепаева Д. Ф., Вишневский Ю. Р., Гаврилик О. Н., Минченко Д. В. Политика государственной поддержки и роль добровольчества в жизненных планах российских и белорусских студентов // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 3. С. 243-255. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-1-6. EDN: XKFNNU.

СТРУКТУРА ПОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Плюшкевич Оксана Александровна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного
и муниципального управления, Институт социальных наук,
Иркутский государственный университет
(Иркутск, Россия)
okwook@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социальной активности студенческой молодежи. Формируется структура поля (по П. Бурдьё), которая определяет внешний и внутренний контекст развития жизненного мира современных студентов. В результате контент-анализа личных страниц в социальной сети VK.com – мы смогли выявить тематику, контекст и формы просоциальной активности молодых людей. Публикации разделили на условные уровни: когнитивные, аффективные, мотивационные и поведенческие, также выделили сферы, формы и опоры проявления социальной активности студентов. А также направления развития социальной активности студентов.

Ключевые слова: социальная активность; молодежь; волонтерство; добровольчество; социальная ответственность; просоциальная активность

THE STRUCTURE OF THE FIELD OF SOCIAL ACTIVITY OF STUDENT YOUTH

Oksana A. Plushkevich,

associate professor, PhD in philosophy, associate professor, department of public
and municipal administration, Institute of social sciences,
Irkutsk state university
(Irkutsk, Russia)
okwook@mail.ru

Abstract. This article examines the characteristics of student social activity. It formulates a field structure (according to P. Bourdieu), which defines the external and internal context for the development of modern students' lives. A content analysis of personal pages on the social network VK.com allowed us to identify the themes, context, and forms of prosocial activity among young people. We divided the publications into the following levels: cognitive, affective, motivational, and behavioral. We also identified the areas, forms, and pillars of student social activity. We also identified areas for the development of student social activity.

Keywords: social activity; youth; volunteering; volunteering; social responsibility; prosocial activity

Введение. Социальная активность студенческой молодежи проявляется в участии в волонтерском движении, проявляют личную инициативу и организуют собственные акции или участвуют в организованных кем-то другим проектах, направленных на реализацию общественно полезных целей. Это то, что создает основы социальной безопасности общества, в условиях нелинейного развития (Ардашев, Адилов, 2025). 2018 год был объявлен годом волонтера и данные исследователей показывают, что данная деятельность активно развивается и

расширяется. Особы всплеск приходился на период пандемии COVID-19, но и сейчас желающих участвовать в просоциальной активности не становится меньше.

Волонтерством занимается от 12 до 20% всех студентов России. Каждый второй вуз имеет волонтерский центр или отдельные волонтерские сообщества. Данные центры и сообщества организуют собственные акции и проекты, а также тесно взаимодействуют с общественными некоммерческими организациями города, региона, страны в целом.

Участие в волонтерской деятельности создает для студентов новые возможности – при поступлении на другую ступень обучения – дает дополнительные баллы; при трудоустройстве – повышает социальный капитал, а в некоторых случаях и ставку зарплаты. В некоторых случаях, волонтерство становится возможностью профессиональной реализации в общественном секторе экономики. Помимо этого, студенты реализуют личные интересы и социальные возможности коммуникации и знакомства с людьми из разных социальных кругов и сфер (своего рода инструмент социализации). Это возможность организации внеучебной, досуговой деятельности, позволяющей выступать частью профессионализации или трудовой деятельности в настоящем и будущем, а также развивать духовно-нравственные ориентиры, решать социально-активные задачи и раскрывать педагогические навыки социальной коммуникации (Баев, 2023).

Методология и методы. Социальная активность студенческой молодежи в виде волонтерства может рассматриваться как социальное поле (Бурдье, 2005), где участники могут добровольно воздействовать на общественные сферы через собственную просоциальную активность. Волонтер находится в системе тесных социальных взаимодействий социальных институтов, отдельных акторов, сообществ, благополучателей, других волонтеров и все вместе они синхронизируют поле социальной активности. Действия волонтера добровольны, опираются на личные мотивы и ожидания.

Внешнее поле – это возможности реализации социальной активности, а внутреннее поле – это мотивационная структура социально активных студентов, участвующих в просоциальной активности. Это то, что формирует жизненное пространство современных студентов (Трескин, 2022).

Стоит признать, что волонтерством в три раза чаще занимаются студенты социально-гуманитарного профиля, естественно-научный и технический профиль включаются в социально активную деятельность по остаточному принципу. Но это не говорит о том, что только гуманитарные специальности создают условия для раскрытия волонтерского потенциала студентов, скорее речь идет об очевидной склонности молодых людей взаимодействовать в сфере «человек-человек», особенно если это касается помогающих профессий (психологи, социальные работники, социальные педагоги и проч.).

Для увеличения социальной активности молодых людей в просоциальном направлении необходима просветительская работа специализированных волонтерских центров при вузах или факультетах. А также медийная поддержка на уровне вуза (если есть местное телевидение, сайт, социальные сети), города и

региона – чем занимаются волонтеры того или иного вуза, как они себя проявляют, как меняют жизненное пространство других и свои личные жизненные приоритеты, через влияние той социальной активности, что наполняет их повседневность.

Виртуальное пространство создает дополнительные возможности по привлечению новых членов для реализации социальных акций, распространению информированности о том, что и где происходит и как можно в этом участвовать. Также сами виды волонтерской деятельности, благодаря виртуальному пространству существенно расширяются, особенно если необходима консультативная или посредническая поддержка.

Целью нашего исследования было изучение структуры поля социальной активности студенческой молодежи. Гипотезой стало предположение о том, что на поле социальной активности влияют: внешние условия социального взаимодействия, требуют от студентов проявления гражданской позиции и социальной активности, а также личная мотивация социальной активности, позволяющая человеку закрывать свои потребности в социальном служении и реализации или получении социального капитала с перспективой на будущее развитие.

Методом исследования выступил контент-анализ публикаций о волонтерской деятельности студентов различных вузов города Иркутска. Материалы для анализа брались с личных страниц сети VK.com студентов, объем анализа публикаций касался 2025, 2024, 2023 годов (специально рассматривали постковидный период). А также нами исследовались страницы профкомов и волонтерских центров (если есть) вузов. По поросам студентов, свою страницу в сети VK имеет 96%. Поэтому информация, которую размещают на своих страницах пользователи, сразу становится темой для обсуждения или как минимум внимания со стороны окружения. Это то, что формирует имидж и репутацию человека. Контент-анализ включал 285 публикаций, всего было проанализировано 28000 слов-коннотаций, определяющих смыслы социальной активности молодых людей. Также мы смогли выделить 418 семантических цепочек.

Научные результаты и дискуссия. Социальная активность студентов строится на нескольких уровнях. Их публикации в социальных сетях опираются на четыре уровня описания: 1) ситуации, 2) своего участия, 3) последствий для ситуации, человека, сообщества и для самого просоциального активиста. Стоит указать, что нет «чистых» публикаций, где только один уровень раскрывается, как правило, присутствует несколько (поэтому, распределение процентов больше 100%).

Первый – когнитивный (знания, которые создают поле представлений и установок), который предполагает наличие знаний о социальных процессах и взаимодействиях, о социальных проблемах и перспективах и возможностях их решения. А также о роли и важности личного участия в социальном взаимодействии. О проблемах, их актуальности и значимости, возможностях, задачах и целях говорится в 85% публикациях (могут быть ссылки на статистические данные, проведенные ранее кем-то исследования, новостные сообщения и проч.).

Второй – аффективный (эмоциональный), который позволяет проявить эмпатию, альтруизм, сострадание и через данные чувства реализовать свою социальную активность. Собственные эмоциональные переживания, поступки, вызывающие сострадание переживания – публикуются в 44% текстов в социальных сетях. Как правило, это выражается в виде фото и видео контента, позволяющего зрителю увидеть «эмоциональный план» проживания социальной активности.

Третий – мотивационный (соответствие ценностям и потребностям, которые побуждают к действию студентов). Прагматичный подход, направленный на привлечение людей, сбор средств (денег, вещей, еды и т.д.) – рассматривается в 32%. Это фиксация информации по правилам: что, где, зачем, кому это надо и как будет реализовано. Могут быть фиксированные выжимки для «мотивации других», но это выверенные публикации, которые «ведут» читателя к нужной реакции, нужному действию.

Четвертый – поведенческий (деятельностный), реализация социальной активности и социальной инициативы через поступки. Личный пример и социальная активность отражается на личных страницах в социальных сетях в 25% случаев. Это также целенаправленный формат конструирования желаемого имиджа, в котором нет случайных фраз или не эффектных фото, все выверяется до мелочей.

Сферы и формы проявления социальной активности студентов также отличаются (Рисунок 1).

Рис. 1. Сферы и формы проявления социальной активности студентов

Это гражданская и общественно-политическая деятельность, она предполагает работу в органах студенческого самоуправления, участие в качестве наблюдателя в выборах, политических движениях, правозащитных организациях или инициативах (21%). Сопровождается большим количеством фото и видео материала, который также используется в общественно-политических структурах, где задействованы молодые люди.

Социально-полезная деятельность, направленная на социальную группу или сферу. Например, помощь бездомным, детям из детских домов, женщинам в трудной жизненной ситуации, неизлечимым больным, экологическим проектам и проч. (22%). Также основной акцент на фото и видео материал, который наполняется личными оценками и комментариями после публикации.

Культурно-творческая и досуговая, предполагает организацию праздников, творческих проектов, спортивных соревнований, конкурсов и так далее, что может привлечь внимание других студентов и преподавателей (16%). Отражается чаще всего через «репост» публикаций других участников, которые сфотографировали или сделали видео-запись самого участника события.

Учебно-познавательная, исследовательская, просветительская, которая предполагает участие студентов в конференциях, семинарах, научных клубах, олимпиадах, организации публичных лекций и мастер-классов по разным тематикам (12%). Визуальный контент присутствует, в виде нескольких фото и видео, но акцент делается на важность комментария по поводу выступления в научной сфере, а также регулярно присутствует сам доклад или тезисы выступления.

Цифровая активность, предполагает социальное взаимодействие в виртуальном пространстве через цифровые технологии (ведение блогов по социально значимым темам) – 29%. Она отражается отдельным каналом или страницей, которая посвящена конкретной социально значимой сфере (защите экологии, защите животных, проблемам инфраструктуры города, социальной активности молодежи и проч.). В этих публикациях максимально присутствуют все форматы подачи информации (фото, видео, тестовые сообщения).

Реализация социальной активности студентов опирается на личностные ресурсы молодых людей (коммуникативные навыки, лидерские качества, уровень ответственности) – 55%; социальные связи, позволяющие формировать и укреплять социальный капитал в виде поддержки со страны сверстников, родителей, педагогов – 25%; социальная среда (студенческие организации, инфраструктура для поддержки инициатив, креативности) – 20% (Рисунок 2).

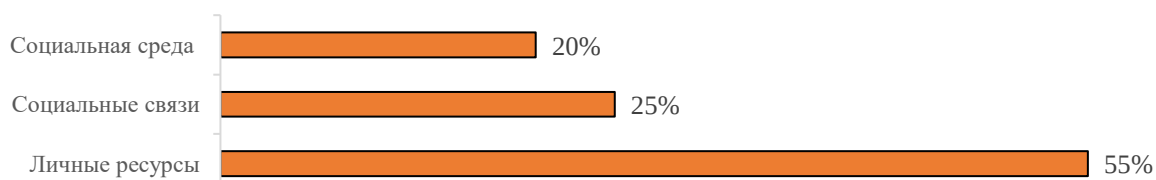

Рис. 2. Опора реализации социальной активности студентов

Таким образом, социальная активность студенческой молодежи достаточно разнообразно представлена в виртуальном пространстве. Но имеет разные формы, цель, особенности воздействия на аудиторию: от простого информирования до привлечения к участию; от просвещения к личной инициативе и поведенческой активности. Механизм социальной активности создает условия для общественного прогресса и это необходимо учитывать при стимулировании активности молодых людей в том или ином направлении. Это важно, как для кураторов по воспитательной работе на местах, так и для высшего руководства в виде проректоров по воспитательной, учебной и научной работе, ректора и проч.

Заключение. Проведенное нами исследование позволило зафиксировать существующие актуальные зоны и сферы просоциальной активности молодежи, их

личную и социальную проявленность в социальных сетях с фиксацией своего личного вклада в общественно-значимую деятельность. То, какую информацию, в каком контексте и ключе, с какими фото, видео и текстовыми материалами публикуют о своей социальной активности студенты – формирует общее поле социальной активности, свойственной молодежи за определенный период времени. Это позволяет говорить о маркерах социальной активности молодых людей, позволяющих им реализовывать свой потенциал в социально активной деятельности.

Безусловно, необходимо делать более глубокие замеры коннотаций и смысловых сюжетов, чтобы говорить о глубинных и поверхностных смыслах социальной активности. Но то, что уже сейчас формируется уникальное пространство социальных притязаний молодых людей через реализацию в социально активной деятельности не вызывает сомнений.

Информационное поле социальных сетей само по себе формирует контексты и смыслы социальной увлеченности, профессиональной и личной реализованности. Получение специальности не создает гарантий социальной удовлетворенности, а занятость тем, что интересно – наполняет новым содержанием и смыслом повседневную реальность.

Список литературы

Ардашев Р. Г., Адилов А. Н. Социальная безопасность и социальные угрозы в представлениях молодежи // Социология. 2025. № 1. С. 26-30. EDN: WGПЕХ.

Баев П. А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69-76. EDN: RAVVYG.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с. ISBN: 5-89329-761-X EDN: QOENQL.

Трескин П. А. Молодежные некоммерческие организации как современный социальный лифт // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 154-158. DOI: 10.52452/18115942_2022_3_154. EDN: OZCHEJ.

АДАПТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА В СТРАНАХ ОЭСР: ТРАЕКТОРИИ ПЕРЕХОДА ОТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ К ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ

Рахмонов Абубакр Хасанович,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Институт социальной демографии Федерального научно-исследовательского
социологического центра Российской академии наук
(Москва, Россия)
abubak.93@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется адаптация молодежи и высококвалифицированных мигрантов из Таджикистана в странах ОЭСР с акцентом на типичную траекторию «образовательная миграция → последующая занятость». Обобщаются эмпирические данные о барьерах и факторах поддержки, определяющих интеграцию в принимающих обществах, включая доступ на рынок труда, освоение языка и решение жилищных вопросов. Показано, что при высокой внутригрупповой сплоченности и развитых мигрантских сетях значительная часть мигрантов сталкивается с выраженными трудностями, прежде всего языковыми барьерами и длительным поиском работы, требующим адаптации профессиональных компетенций к локальным требованиям. Результаты опроса демонстрируют относительно быстрый выход на занятость у заметной доли респондентов и концентрацию трудоустройства в сферах образования, медицины и информационных технологий, что свидетельствует о существенной экономической интеграции мигрантов в рынки труда стран назначения.

Ключевые слова: Таджикистан; молодежная миграция; страны ОЭСР; адаптация; интеграция; образовательная миграция; трудовая миграция; диаспоральные сети

ADAPTATION OF TAJIK YOUTH MIGRANTS IN OECD COUNTRIES: PATHWAYS FROM EDUCATION TO EMPLOYMENT

Abubakr Kh. Rakhmonov,

cand. Sci. (Econ.), senior researcher,
Institute of social demography of the Federal research sociological center
of the Russian academy of sciences
(Moscow, Russia)
abubak.93@mail.ru

Abstract. This article examines the adaptation of young and highly qualified migrants from Tajikistan in OECD countries, emphasizing the common pathway from educational migration to subsequent employment. The analysis synthesizes evidence on barriers and supports shaping integration in host societies, including labor-market entry, language acquisition, and housing. Despite strong intra-community consolidation and developed migrant networks, many Tajik migrants report substantial challenges – particularly language barriers and prolonged job searches requiring the adjustment of professional skills to local contexts. Survey evidence further highlights relatively rapid employment for a large share of respondents and a notable concentration in education, medicine, and IT, indicating meaningful economic integration into host-country labor markets.

Keywords: Tajikistan, youth migration, OECD countries, adaptation, integration, educational migration, labor migration, diaspora networks

Introduction. Adaptation of young and highly qualified migrants from Tajikistan in OECD countries is increasingly shaped by an “education-to-work” pathway, where educational migration functions as a channel for longer-term settlement and professional incorporation. Rather than entering the labor market immediately upon arrival, many migrants accumulate host-country credentials, language skills, and social contacts during study and then transition into employment and more stable residence. At the same time, integration remains uneven: language barriers, housing difficulties, and lengthy job searches – often requiring the adaptation of professional skills to local contexts – continue to constrain progress, including for those considering entrepreneurship.

Methodology and methods. The study uses a qualitative – quantitative synthesis design. First, it systematizes evidence on key integration domains – labor-market entry, language acquisition, housing, and network support – highlighting how these domains interact within the education-to-work pathway. Second, it draws on descriptive results from an online sociological survey of Tajik migrants in OECD countries (N = 417). The survey evidence is summarized using reported percentage distributions for (a) initial sector of employment, (b) duration of job search, and (c) current sector of employment, to capture heterogeneity in early entry and subsequent positioning.

To contextualize these patterns, the analysis incorporates illustrative institutional comparisons, including (1) Canada’s immigrant assistance infrastructure (language courses and coordinated employment supports) and (2) Germany’s study-to-work regulations (student employment rules and post-graduation job-search period), treating these as policy environments that structure adaptation opportunities.

Research results and discussion. The evidence shows that the adaptation of Tajik migrants in OECD societies is not a single, uniform process but a set of differentiated trajectories shaped by individual resources, social ties, and host-country institutions (Portes, 1998). A key structural feature is the “education-to-work” pathway: many highly qualified Tajik migrants arrive as international students and later move into the category of labor migrants, suggesting that educational migration serves as a channel for longer-term settlement and professional incorporation. This pathway matters because it changes the timing and mechanisms of integration: rather than immediate labor-market entry upon arrival, migrants may first accumulate host-country credentials, language skills, and social contacts during study, and only then transition into employment and residence stability (Granovetter, 1973).

At the same time, the results underline persistent barriers that can slow or destabilize integration. Even with a high degree of consolidation and developed social networks among Tajik migrants, many face difficulties in finding work, language barriers, and challenges with securing housing. Job searching is described as frequently lasting several months and requiring substantial efforts, including the adaptation of professional skills and at least basic competence in the host-country language (Kanas, van Tubergen, van der Lippe, 2011). Importantly, the same constraints extend beyond wage employment: launching a business in a new destination is also portrayed as dependent on language knowledge, familiarity with legal frameworks, and access to

social contacts – resources that are unevenly distributed among newcomers and typically accumulate only over time. Taken together, these findings point to integration as a multi-dimensional process where progress in one domain (e.g., employment) may remain limited by bottlenecks in another (e.g., language, housing, or regulatory literacy for entrepreneurship) (Berry, 1997; Ward, Kennedy, 1999).

Social capital emerges as a central adaptation mechanism. The results emphasize the significant role of Tajik communities, kinship ties, and fraternal networks in facilitating adaptation for both labor and educational migrants. These ties support job search and access to services, enable the exchange of information and material resources, and create culturally familiar environments that can reduce stress and uncertainty for newly arrived migrants. Notably, the adaptation infrastructure described is not confined to co-ethnic Tajik networks alone: there is also cooperation with ethnoculturally close Persian-speaking groups such as Afghans and Iranians, which broadens the pool of supportive ties and practical assistance. The example of joint organization of Navruz celebrations in the United States illustrates how shared cultural practices can reinforce community cohesion while also providing “meeting points” that may facilitate information exchange and networking relevant to employment and services. In interpretive terms, these findings suggest that migrant networks function simultaneously as (a) a buffer against early integration shocks and (b) a resource for labor-market navigation, especially when formal institutions are difficult to access or when migrants lack high host-country language proficiency.

Institutional infrastructures supported by receiving-country authorities are highlighted as an additional determinant of successful adaptation. Canada is presented as a case where integration policy is supported by a developed system of immigrant assistance and a network of immigration agencies providing social and medical services, insurance, and language courses in English and French. These services are described as free or partially subsidized by local (municipal) budgets, lowering entry costs for newcomers and directly targeting key adaptation barriers such as language acquisition and access to services. The Canadian policy orientation is also described as labor-market focused: recruitment agencies provide job and vacancy information, employer–employee meetings are organized, and immigrants are actively involved in these processes. This combination implies an integration model that treats employment as an early anchor of adaptation and uses institutional coordination (agencies, recruitment structures, meeting formats) to facilitate matching between migrants and employers (Smith, Khawaja, 2011).

Germany is presented as a context in which student employment regulations act as an institutionalized adaptation mechanism. Young immigrants from Tajikistan who are students can work up to 80 hours per month, a policy interpreted in the text as promoting adaptation and integration into German society. Tajik students reportedly work in a range of service and retail roles (e.g., assistants, sales staff, waiters, consultants) across retail, restaurants, and hospitality. At the same time, student income is described as capped at 450 euros per month, with scholarship reductions when earnings exceed this threshold (Ryazantsev, Pismennaya, Rakhmonov, 2023). This regulatory framework has two implications for adaptation: first, it enables contact-

based integration (workplaces as sites for language practice and social interaction) while, second, it limits the extent to which employment can fully compensate for financial needs during study. In the text, employment during study is explicitly linked to building social contacts and gradual integration, reinforcing the idea that labor-market participation has social as well as economic value. A qualitative quote from a Tajik student underscores perceived social recognition for foreigners who can “study and work... on an equal basis,” indicating that workplace participation may also produce symbolic inclusion and recognition.

Germany’s migration rules are further described as encouraging the settlement intentions of young migrants: international students may remain for 18 months after graduation to find a job corresponding to their education profile, after which a study visa can be transformed into a work visa; citizens of Tajikistan reportedly make active use of this opportunity. The text also notes a clear stratification: those who worked during their studies have “undoubted advantages” and find jobs faster and more successfully. In analytical terms, this suggests that early labor-market exposure during study is not merely supplementary income but a pathway that improves post-graduation employability through experience, references, language practice, and broader local networks (Ryazantsev, Pismennaya, Rakhmonov, 2023).

Quantitative evidence from an online sociological survey (N = 417) adds empirical structure to these qualitative and institutional observations. First, the survey indicates that initial employment is distributed across both skilled and service sectors. Specifically, 21% of surveyed migrants began working in education and science and 21% in medicine and the social sphere; 15% started in restaurants and cafes (fig. 1); 10% in IT technologies and the information sphere; and 9% in transport (Ryazantsev, Pismennaya, Rakhmonov, 2023).

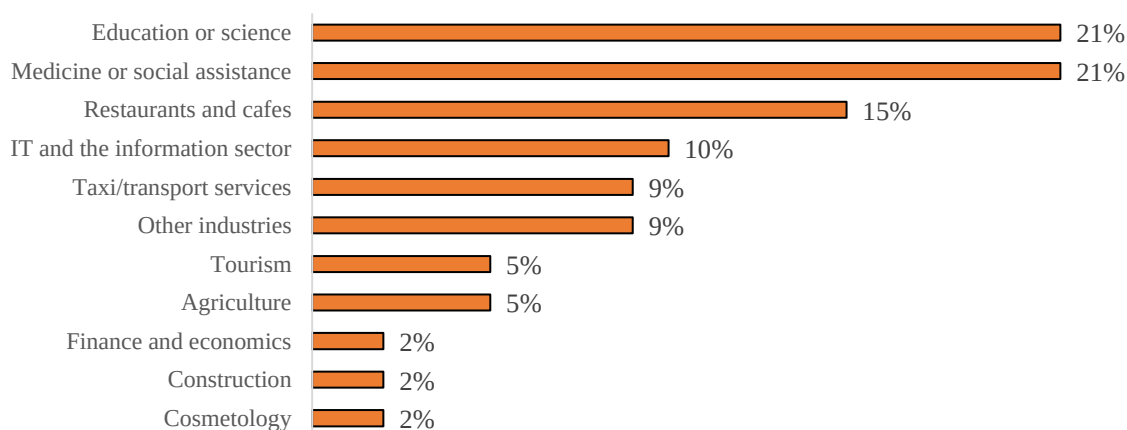

Fig. 1. Sectoral distribution of respondents’ first job in OECD countries, %
(online sociological survey, N = 417)

This distribution suggests multiple entry routes: (1) direct incorporation into high-skill or semi-professional fields (education, health/social services) that may align more closely with educational backgrounds, and (2) entry through accessible service

jobs (food service, retail/hospitality) that may function as “stepping-stone” employment, especially for those still improving language skills or awaiting credential recognition. While the text does not provide cross-tabs (e.g., by education level, country, or gender), the sectoral split itself implies that adaptation outcomes are heterogeneous and likely reflect differences in human capital, host-country opportunity structures, and the strength of network-based job matching (Ager, Strang, 2008).

Second, the survey describes relatively fast job acquisition for a large share of respondents: about 41% found work within one month, 33% within one to three months, and 16% within four to six months (fig. 2). This pattern is notable when read alongside the qualitative statement that job searches “usually take several months” and require language and skill adaptation. A plausible interpretation – consistent with the text’s emphasis on networks and institutional supports – is that rapid placement may be driven by community ties and the availability of immediate entry jobs, while longer searches may characterize those targeting profile-matching employment, those facing stronger language constraints, or those navigating credential and professional adaptation. The results therefore point to two coexisting realities: quick access to some form of employment for many migrants, and a slower, more demanding pathway for those pursuing skilled jobs, entrepreneurship, or stable professional matching (Ager, Strang, 2008).

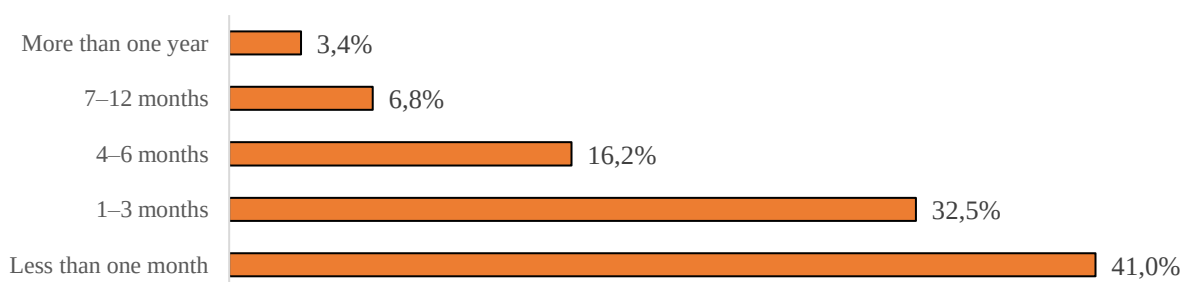

Fig. 2. Duration of job search among Tajik migrants in OECD countries
(online sociological survey, N = 417)

Third, the survey suggests stability of employment among Tajik migrants at the time of data collection, with a substantive concentration in skilled sectors: 25% worked in medicine and the social sphere, 22% in education and science, and 13% in IT and the information sphere (fig. 3). The text interprets this as evidence of successful adaptation to host-country labor markets and broader economic integration into host societies (Ryazantsev, Pismennaya, Rakhmonov, 2023). The difference between “initial sector” and “current sector” distributions is analytically important: it is consistent with the possibility of upward mobility or sectoral repositioning over time, where early employment may occur in more immediately accessible jobs, followed by gradual movement toward more stable and skill-aligned sectors (health/social services, education, IT). Even without longitudinal tracking, the contrast between entry and current employment shares supports an interpretation of adaptation as a staged process rather than a one-time event.

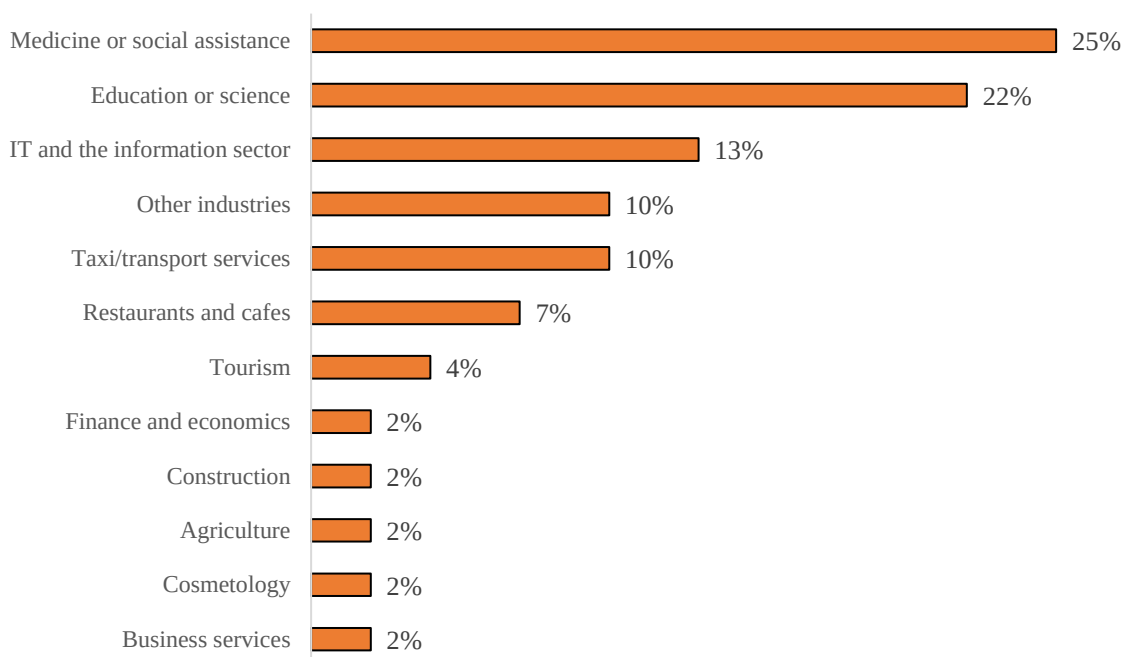

Fig. 3. Sectoral distribution of current employment among Tajik migrants in OECD countries (online sociological survey, N = 417)

Finally, the results situate OECD-bound Tajik migration within a broader transformation of destination geography and policy-economic context. The text notes that mass Tajik labor migration began in the 2000s and was initially oriented toward Russia, later Kazakhstan, and subsequently Turkey and Persian Gulf countries, while OECD countries became a new destination in the 2010s. (Ryazantsev, Rakhmonov, 2023). This shift is linked to several push-pull factors: in Russia, migration procedures became more complicated; an exam in Russian language, history, and legal fundamentals was introduced as a condition for obtaining a work patent; Western sanctions after 2014 contributed to ruble devaluation; and since 2015, Eurasian integration processes created advantages for EAEU citizens in the Russian labor market relative to other foreigners, including Tajik citizens. In parallel, demand for low-skilled and skilled workers increased in OECD countries, and some countries opened pre-departure training centers in Tajikistan and other Central Asian states (the Republic of Korea is mentioned as an example) (Ryazantsev, Rakhmonov, 2023). Over time, labor and educational migration produced social networks that became the basis for Tajik communities, which in turn stimulated new inflows – illustrated by the development of Tajik migration to the United States and Canada along this pathway. The broader outcome is described as increasing geographic diversification of Tajik migration and the growing involvement of active, enterprising, young, and educated citizens.

Taken together, the results portray adaptation as an interplay of constraints (language, housing, and skill/credential adaptation), enabling resources (community networks and inter-ethnic cooperation), and policy infrastructures (integration services in Canada; study-to-work pathways in Germany). The survey evidence complements

this picture by documenting both relatively rapid job acquisition for many migrants and a sectoral concentration that suggests meaningful economic incorporation, especially in health/social services, education/science, and IT.

Conclusion. The findings depict adaptation as a multi-dimensional and differentiated process rather than a single uniform trajectory. A central mechanism is the education-to-work pathway, which enables many young Tajik migrants to convert study into employment by building host-country human capital and contacts before entering the labor market. However, persistent barriers – especially language constraints, housing challenges, and the need to adjust skills to local labor-market expectations – can delay stable integration even when migrant networks are strong.

Survey evidence suggests that many migrants secure employment relatively quickly (41% within one month; 33% within one to three months), while a smaller share experiences longer searches (16% four to six months), consistent with coexisting “rapid entry” and “slower matching” pathways. At the time of observation, employment is notably concentrated in skilled sectors – particularly medicine/social sphere, education/science, and IT-supporting the interpretation of meaningful economic incorporation for a substantial segment of respondents. Overall, the evidence points to adaptation being shaped by the interaction of constraints (language, housing, credential/skill adjustment), enabling social capital, and institutional supports such as integration services and structured study-to-work transitions.

References

- Ager A., Strang A. Understanding integration: a conceptual framework // *Journal of Refugee Studies*. 2008. Vol. 21, № 2. Pp. 166-191. DOI: 10.1093/jrs/fen016.
- Portes A. Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. Pp. 1-24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.
- Granovetter M. S. The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78, № 6. Pp. 1360-1380. DOI: 10.1086/225469.
- Berry J. W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. 1997. Vol. 46, № 1. Pp. 5-34. DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
- Ward C., Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation // *International Journal of Intercultural Relations*. 1999. Vol. 23, № 4. Pp. 659-677. DOI: 10.1016/S0147-1767(99)00014-0.
- Kanas A., van Tubergen F., van der Lippe T. The role of social contacts in the employment status of immigrants: A panel study of immigrants in Germany // *International Sociology*. 2011. Vol. 26, № 1. Pp. 95-122. DOI: 10.1177/0268580910380977.
- Smith R. A., Khawaja N. G. A review of the acculturation experiences of international students // *International Journal of Intercultural Relations*. 2011. Vol. 35, № 6. Pp. 699-713. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2011.08.004.
- Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. Kh. Emigration from Tajikistan to NAFTA countries: trends and development prospects // *Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2023. № 2 (95). Pp. 51-63. DOI: 10.24412/2411-1945-2023-2-51-63 DOI: 10.24412/2411-1945-2023-2-51-63.
- Ryazantsev S. V., Rakhmonov A. Kh. Emigration from Tajikistan to NAFTA countries: trends and development prospects // *Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2023. № 2 (95). Pp. 51-63. DOI: 10.24412/2411-1945-2023-2-51-63

**НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
В СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
RESEARCH RESULTS IN SOCIOLOGY OF EDUCATION AND SCIENCE**

**ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ:
БАРЬЕРЫ, ОЦЕНКИ РОДИТЕЛЕЙ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

Гарипова Зухра Фанусовна,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан
(Уфа, Россия)
loyal-z@bk.ru

Аннотация. Статья представляет результаты социологического исследования по теме «Социальный мониторинг оценки инклюзивной образовательной среды в Республике Башкортостан», проведенного коллективом Научного центра изучения социального развития региона Института стратегических исследований ГБНУ АН РБ по заказу Министерства просвещения Республики Башкортостан в 2025 г. Исследование опиралось на комбинированную методологию и включало три взаимодополняющих компонента: массовый репрезентативный анкетный опрос родителей детей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и с инвалидностью; качественное исследование в формате фокус-группы и экспертное интервью.

Ключевые слова: инклюзивное образование; дети с ОВЗ; дети-инвалиды; Республика Башкортостан (далее – РБ); родительская оценка; кадровый дефицит; дополнительное образование

**THE SOCIOLOGY OF EDUCATIONAL INEQUALITY:
DIAGNOSING BARRIERS AND EXPLORING PATHWAYS TO INCLUSION**

Zukhra F. Garipova,

candidate of economic sciences, associate professor, leading researcher

Institute of strategic studies,
Academy of sciences of the Republic Bashkortostan
(Ufa, Russia)
loyal-z@bk.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study on the topic “Social monitoring of the assessment of the inclusive educational environment in the Republic of Bashkortostan”, conducted by the Scientific center for the Study of social development in the region of the Institute for strategic research of the Bashkir Academy of sciences at the request of the Ministry of education of the Republic of Bashkortostan in 2025. The study relied on a combined methodology and included three complementary components: a mass representative questionnaire survey of parents of children with disabilities; a qualitative study in the format of a focus group; and an expert interview.

Keywords: inclusive education; children with disabilities; disabled children; Republic of Bashkortostan; parental assessment; staff shortage; additional education

Введение. Современная система образования столкнулась с необходимостью создания действительно инклюзивной среды, обеспечивающей справедливое право каждого ребенка, включая детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, получать качественное образование. Несмотря на законодательные инициативы и государственную политику, продвижение инклюзивного образования сталкивается с многочисленными препятствиями структурного, профессионального и культурного характера.

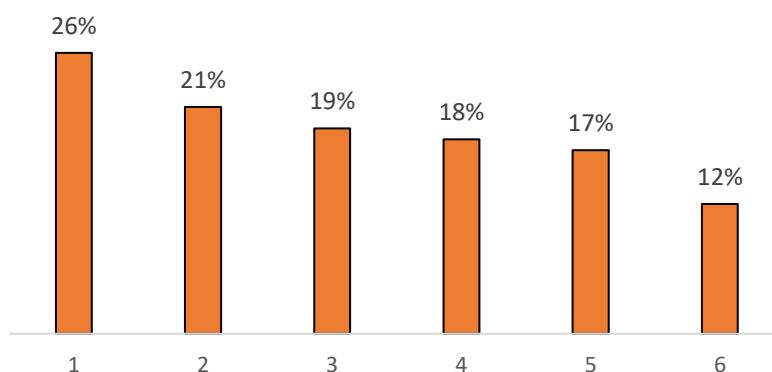
Будучи регионом с выраженным этнокультурным и социально-территориальным разнообразием, Республика Башкортостан служит релевантной моделью для исследования инклюзивного образования. Изучение местного контекста дает возможность дифференцировать общероссийские тенденции и уникальные региональные детерминанты, влияющие на формирование инклюзивной среды. Настоящее исследование призвано восполнить существующий дефицит эмпирических исследований на региональном уровне, предложив комплексное социологическое исследование барьеров инклюзии с точки зрения родителей детей с особыми потребностями (Гарипова, 2025: 48).

Методология и методы. Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий количественные и качественные методы. Количественная часть включала репрезентативный онлайн-опрос родителей детей с ОВЗ и с инвалидностью, проведенный весной 2025 г. и охвативший 62 муниципальных образования Республики Башкортостан. После верификации для анализа были отобраны 3450 релевантных анкет (58% от первоначальных откликов), что обеспечивает репрезентативность данных на региональном уровне.

Для углубленного качественного анализа были применены метод фокус-группы и экспертное интервью. Фокус-группа с участием 10 родителей детей-инвалидов 7-10 лет, имеющих опыт обучения в школах республики, была проведена на базе ГАОУ Образовательный центр «Йондоз» (г. Уфа). Обсуждение было сфокусировано на ретроспективной оценке проблем инклюзивной среды. Углубленное полуструктурированное интервью с ключевым экспертом – директором Центра семьи и детства «Мы вместе» Ю.А. Гороховой было направлено на выявление системных и практических барьеров в сфере инклюзивного образования и сопровождения семей. Совокупность методов позволила получить статистически значимые данные, верифицировать их, а также выявить глубинные институциональные причины выявленных проблем.

Научные результаты и дискуссия. Анализ результатов массового опроса выявил ключевые барьеры, препятствующие формированию эффективной инклюзивной образовательной среды в Республике Башкортостан, по мнению родителей. Ведущими проблемами стали системные дефициты в кадровой подготовке и ресурсах.

Согласно рейтингу значимости (Рисунок 1), самой острой проблемой является недостаток квалифицированных специалистов (логопедов, дефектологов, психологов, тьюторов), занимающий первое место. Следующая по значимости проблема – неподготовленность учителей к работе с детьми с ОВЗ, вызванная отсутствием времени, сил и мотивации.

1. Недостаток квалифицированных учителей и специалистов (логопедов, дефектологов, психологов, тьюторов)	3. Отсутствие в школе условий, рекомендуемых ПМПК
2. Неготовность учителей обучать детей с ОВЗ (отсутствие времени, сил, мотивации)	4. Наличие длительных очередей при записи в ПМПК
	5. Местоположение школы / расстояние до нее
	6. Отсутствие (дефицит) мест в школе

Рис. 1. Рейтинг проблем инклюзивной среды при оценке их значимости родителями в ходе опроса, в %

Третье место заняли операционные и инфраструктурные трудности, такие как длинные очереди на прохождение ПМПК, плохое расположение или удаленность школы, а также дефицит свободных мест в образовательных учреждениях. Вышеперечисленные проблемы тесно переплетены и создают взаимно усиливающее воздействие, мешая достижению цели полной инклюзии.

Особое внимание привлекает тот факт, что всего 46% родителей считают, что специальная образовательная среда в школах соответствует рекомендациям ПМПК и медико-социальной экспертизы (МСЭ). Четверть респондентов заявила о частичном исполнении рекомендаций, а каждый седьмой родитель отметил полное несоблюдение указанных условий. Интересно, что четверть опрошенных вообще затруднилась с ответом, что может говорить о недостаточной осведомленности родителей или низком уровне их вовлеченности в процесс реализации рекомендаций.

Проанализировав сферу дополнительного образования, выяснилось, что половина детей с ОВЗ в республике участвует в занятиях кружков, секций и частных занятий с репетиторами. Но такая цифра маскирует региональную асимметрию: в Уфе дополнительным образованием охвачено 67% детей, в других городах – 59%, а в сельской местности этот показатель опускается до 46%. То есть в деревнях и небольших поселениях шансы детей на дополнительное развитие снижены практически в полтора раза (Мигунова, 2025: 48).

Причины, по которым родители не отправляют детей на дополнительные занятия, следующие: отсутствие подходящих программ в школах (25%), страх перед перегрузкой ребенка (20%) и дистанция до мест проведения занятий (14%). Стоит обратить внимание, что даже в Уфе одна пятая родителей недовольна удаленностью кружков и секций, что указывает на нехватку удобных мест для детского досуга и развития.

Приоритетным пожеланием родителей является создание условий для коррекционно-развивающих занятий с узкими специалистами: логопедом, психологом и дефектологом. Также важны занятия русским языком и математикой, уроки плавания и спорта, посещение творческих студий. Можно заключить, что родители стремятся обеспечить своим детям гармоничное развитие, сочетающее академические знания и творческое самовыражение (Столь, 2025: 95).

Расхождения наблюдаются в оценках успеваемости и социализации детей. Учеба в большинстве случаев воспринимается родителями как удовлетворительная (53%), тогда как успех в социальной адаптации получил куда более оптимистичную оценку («хорошо» – 44%, «отлично» – 45%). Однако профессиональная ориентация оказалась наименее успешной сферой: только треть родителей (37%) довольны уровнем профориентации, а каждый восьмой родитель выразил сомнения в способности школы подготовить ребенка к будущей профессии (Столь, 2025: 263).

Главным путем продолжения образования после школы большинство родителей (54%) видит поступление в колледжи и техникумы, полагая, что такое направление обеспечит ребенку практико-ориентированную квалификацию и быстрый выход на рынок труда. Дальнейшее высшее образование выбирают только 16% семей, а 30% не определились окончательно.

Планируя будущее своих детей, подавляющее большинство родителей (86%) надеются увидеть их трудоустроенными. Главный источник беспокойства – трудности с поиском подходящего места работы (25%) и неуверенность в способности ребенка самостоятельно устроиться на работу (21%). Эти проблемы проявляются сильнее в крупных городах, таких как Уфа, где конкуренция на рынке труда выше, а требования работодателей строже.

Особое внимание обращает на себя разница в восприятии эмоционального выгорания среди родителей. В среднем по республике около четверти родителей (21%) сообщили о симптомах эмоционального истощения, в Уфе эта цифра возрастает до 42%, что в два раза выше республиканского уровня. Городская среда оказывает более сильное давление на семьи, сталкиваясь с повышенной нагрузкой, отсутствием достаточной социальной поддержки и большими надеждами на успешное воспитание и развитие детей.

Результаты фокус-группы полностью подтвердили и содержательно дополнили ключевые выводы, полученные в ходе массового анкетного опроса. Участники дискуссии наглядно подтвердили, что центральной проблемой остается кадровый дефицит, выраженный в остром недостатке квалифицированных педагогов и специалистов сопровождения. Их оценки детализируют выводы опроса, раскрывая причины неготовности учителей: трудности в выборе индивидуального подхода, поверхностное понимание потребностей учеников, ведущие к формализму и неспособности создать комфортную среду (Селиванова, 2025: 113).

Проблема несоблюдения рекомендаций ИПРА, обозначенная в опросе, получила в фокус-группе конкретные примеры. Родители подтвердили, что

предписания часто игнорируются, а сопровождение недостаточно, в результате чего им самим приходится компенсировать пробелы школьной поддержки, беря на себя функции ассистентов.

Выявленный в анкетировании острый разрыв в доступности дополнительного образования был раскрыт через призму личного опыта. Участники не только подтвердили дефицит адаптированных программ, но и указали на их низкое качество во внешних организациях, выразив четкий запрос на развитие этого направления внутри школ (Гимаев, 2025: 106).

Наконец, проблема негативного отношения и буллинга, отмеченная в количественных данных, была проиллюстрирована конкретными случаями. Родители подчеркнули системный характер проблемы и недостаточность мер, принимаемых администрациями школ для формирования толерантной среды, что усиливает тревожные выводы опроса.

Таким образом, фокус-группа не только верифицировала статистические данные, но и наполнила их живыми примерами и контекстом, усилив доказательную базу исследования.

Экспертом, Ю. А. Гороховой, была обозначена межведомственная разобщенность как фундаментальная преграда формирования эффективной инклюзивной образовательной среды. Отсутствие скоординированного взаимодействия между здравоохранением, соцзащитой и образованием приводит к пробелам и дублированию в помощи ребенку, а также к упущенному времени для начала эффективной поддержки. Усиливает кризис острый кадровый дефицит, особенно в узких специальностях (эрготерапевты, специалисты по сенсорной интеграции), усугубляемый нехваткой услуг социальных нянь для повседневного ухода.

Отдельно эксперт подчеркнула критическую необходимость психологической помощи самим родителям, испытывающим хронический стресс, что негативно сказывается на детско-родительских отношениях и развитии ребенка. Также была отмечена тревожная тенденция подмены эмоционального воспитания и игры гипертрофированной медицинской коррекцией в ущерб базовым потребностям ребенка в тепле и совместной деятельности (Зарипова, 2025: 155).

Анализ возрастной динамики (см. Таблицу) показывает, что проблемы социального взаимодействия обостряются к старшей школе, перерастая в открытый буллинг и неприятие, в то время как в младших возрастах конфликты минимальны. Это подтверждает необходимость разработки дифференцированных стратегий поддержки для каждой возрастной группы.

Таким образом, поведение сверстников и общая атмосфера в микросреде создают существенные препятствия для успешной учебы и социализации подростков с особыми потребностями. Выявленная возрастная динамика проблем инклюзии – от относительной бесконфликтности в младшем возрасте до открытого неприятия и агрессии в старших классах – обуславливает необходимость разработки дифференцированных стратегий психолого-педагогической поддержки и адаптации для каждой возрастной группы.

Таблица

Возрастная специфика проблем инклюзивного образования

Возрастные группы	Особенности социального взаимодействия
Дошкольный возраст	Конфликты редки, дети легко принимают сверстников с особенностями
Начальная школа	Серьезных конфликтов мало, идет адаптация к новой среде.
Средняя школа	Начало кризиса: возможны негативные реакции и случаи буллинга.
Старшая школа	Проблема обостряется: наблюдается открытое неприятие и агрессия.

Заключение. Результаты исследования позволяют констатировать наличие устойчивых системных барьеров для инклюзивного образования в регионе. Эмпирически подтверждены три ключевые проблемы: критический дефицит квалифицированных кадров, формальное выполнение рекомендаций ПМПК/МСЭ и значительное территориальное неравенство. Выявленный диссонанс между успехами в социализации и низкой результативностью обучения указывает на смещение функции инклюзивной среды с образовательной на адаптационную.

Отдельного внимания требуют: кризисное психологическое состояние родителей в урбанизированной среде и эскалация буллинга по мере взросления детей. Преодоление выявленных проблем возможно лишь через консолидированные усилия государства, образовательных институтов и общества, направленные на создание системы, обеспечивающей равнодоступное качественное образование и полноценную социализацию.

Список литературы

Гарипова З. Ф. Анализ обоснованности гипотез исследования мнения родителей о состоянии инклюзивной образовательной среды в Республике Башкортостан // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2025. № 4. С. 47-63. DOI: 10.15593/2224-9354/2025.4.4. EDN: CRESED.

Гимаев И. З. Экспертная оценка современных проблем формирования инклюзивной образовательной среды (результаты социологического исследования) // Society and Security Insights 2025. Т. 8, № 1. С. 102-115. DOI: 10.14258/SSI(2025)1-07. EDN: IAUKMM.

Зарипова Г. Р. Современные методы профориентации детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Москва, 16-17 октября 2025 г.) / ред. С. В. Алехина, Е. В. Самсонова. М.: МГППУ, 2025. С. 153-156.

Мигунова Ю. В. Дополнительное образование школьников с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью как фактор их социализации // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2025. № 4. С. 106-114. EDN: DIPUTE.

Селиванова С. С. Проблемы организации образовательной среды для детей с особыми образовательными потребностями // Уфимский научный гуманитарный форум. 2025. № 2. С. 257-266. DOI: 10.47309/2713-2358-2025-2-257-266. EDN: KGYBER.

Столь А. В. Перспективы инклюзии: как родители школьников с ОВЗ оценивают условия обучения в сравнении со средними региональными показателями // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Москва, 16-17 октября 2025 г.) / ред. С. В. Алехина, Е. В. Самсонова. М.: МГППУ, 2025. С. 93-98.

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТА В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА: ВЗГЛЯД СТУДЕНТОВ

Грицаенко Галина Ивановна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики
Мелитопольский государственный университет
(Мелитополь, Россия)
hrytsaienkogi@mail.ru

Грицаенко Игорь Николаевич,

старший преподаватель кафедры экономики
Мелитопольский государственный университет
(Мелитополь, Россия)
hrytsaienkogi@mail.ru

Аннотация. В статье проанализировано мнение студентов о роли университета в развитии человеческого капитала региона. Участники анкетного опроса подчеркнули, что наряду с теоретическими знаниями, важными составляющими успешной адаптации на рынке труда являются навыки общения, реальный профессиональный опыт и состояние здоровья. Анализ результатов анкетирования позволил сформулировать рекомендации университетам по улучшению условий для роста интеллектуального и социального капитала, а также капитала здоровья и долголетия студентов. К числу предложенных мер относятся проведение факультативных курсов и тренингов, модернизация спортивной инфраструктуры университета, а также активизация сотрудничества с представителями бизнеса. Реализация данных шагов окажет положительное влияние не только на саморазвитие обучающихся, но и на социально-экономическое процветание региона за счёт подготовки компетентных и востребованных специалистов.

Ключевые слова: человеческий капитал; регион; университет; студенты; анкетный опрос; интеллектуальный капитал; социальный капитал; капитал здоровья и долголетия

THE ROLE OF THE UNIVERSITY IN THE FORMATION OF THE HUMAN CAPITAL OF THE REGION: THE STUDENTS' VIEW

Halyna I. Hrytsaienko,

candidate of economic sciences, associate professor, associate professor of the department
of economics Melitopol state university
(Melitopol, Russia)
hrytsaienkogi@mail.ru

Igor N. Hrytsaienko,

senior lecturer at the department of economics Melitopol state university
(Melitopol, Russia)
hrytsaienkogi@mail.ru

Abstract. The article analyzes the opinion of students about the role of the university in the development of human capital in the region. The participants of the questionnaire stressed that along with theoretical knowledge, communication skills, real professional experience and health status are important components of successful adaptation to the labor market. The analysis of the survey results made it possible to formulate recommendations to universities on improving the conditions for the growth of intellectual and social capital, as well as the health and longevity capital of students. The proposed

measures include elective courses and trainings, modernization of the university's sports infrastructure, as well as increased cooperation with business representatives. The implementation of these steps will have a positive impact not only on the self-development of students, but also on the socio-economic prosperity of the region through the training of competent and sought-after specialists.

Keywords: human capital; region; university; students; questionnaire; intellectual capital; social capital; health and longevity capital

Введение. В условиях глобализации и технологических изменений университеты призваны играть ведущую роль в подготовке кадров, способных адаптироваться к новым вызовам и способствовать конкурентоспособности местной экономики. Активное взаимодействие университетов с местными экономическими и социальными структурами способствует более устойчивому и сбалансированному развитию регионов (Глухов, 2022; Кислицын, 2025; Любимов, 2020). При этом интеграция образовательного процесса и практической деятельности способствует не только развитию профессиональных навыков студентов, но становится центром генерации знаний и трансфера технологий (Сандлер, 2025; Флек, 2018; Фролов, 2025; Iratzoqui, 2025; Liu, 2025; O'Neill, 2023).

Изучение мнения студентов, как будущих специалистов и активных участников рынка труда, позволит выявить важные аспекты взаимодействия образовательных учреждений с местным сообществом и понять, каким образом их образовательный опыт и навыки влияют на развитие человеческого капитала региона, что может стать основой для оптимизации учебных программ и повышения эффективности университетской деятельности в контексте социально-экономического прогресса. Цель исследования: на основе анкетного опроса изучить мнение студентов регионального университета о его роли в формировании человеческого капитала региона.

Методология и методы. Для изучения роли университета в развитии человеческого капитала региона был проведён анкетный опрос, позволяющий собрать мнения большой группы респондентов в структурированном формате, что обеспечило высокую степень достоверности и позволило количественно оценить взгляды студентов на изучаемую проблему. Участниками анкетирования стали 290 студентов регионального университета (ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет») в возрасте от 18 до 22 лет, обучающиеся по различным специальностям, включая гуманитарные, технические и экономические науки. Период проведения анкетирования – октябрь 2025 года.

Анкета состояла из 30 вопросов, включая 29 закрытых (с выбором градации) и 1 открытый (свободный ответ), охватывающих по 10 вопросов о формировании в университете интеллектуального, социального капиталов, а также капитала здоровья и долголетия – основных элементов человеческого капитала. Для анализа полученных данных применялись методы дескриптивной статистики, а также контент-анализ для выявления общих тем и паттернов в ответах, позволяющий глубже понять взгляды студентов на оценку роли университета в развитии человеческого капитала региона.

Научные результаты и дискуссия. В качестве основных элементов человеческого капитала рассматривались интеллектуальный и социальный капиталы, а также капитал здоровья и долголетия.

Безусловно, конкурентоспособность региона находится в прямой зависимости от уровня его интеллектуального капитала, а отказ от образования приводит к потерям в навыках и знаниях, необходимых для экономического роста и социального прогресса (Fernandes, 2026). При оценке роли университета в формировании *интеллектуального капитала* региона студенты оценили уровень знаний и профессиональных навыков, получаемых в университете, по сравнению с ожиданиями при поступлении, в среднем на 7,2 балла по 10-бальной шкале. Немногим выше была оценка того, насколько университетская программа способствует развитию критического мышления и навыков решения проблем – в среднем 7,3 балла. Однако ценность учебных занятий и проектов в приобретении практического опыта, применимого в реальной профессиональной деятельности, респонденты оценили в среднем на 6,7 балла, стимулирование университетом интереса студентов к научной и исследовательской деятельности – на 5,7 балла.

К сожалению, 51,7% опрошенных не используют ресурсы университета (библиотеки, лаборатории, электронные базы данных) для углубления своих знаний, 41,4% – только время от времени, и только 6,9% респондентов сообщили, что делают это очень часто.

На вопрос «Получаете ли Вы поддержку от преподавателей и наставников в развитии профессиональных компетенций?» 24,1% опрошенных ответили «конечно, на 100%», 72,4% – «время от времени», 3,5% – «к сожалению, не получаю».

Доступность и качество информации о карьерных возможностях и профессиональном развитии, предоставляемой университетом, респонденты оценили на 7,2 балла, роль университета в развитии навыков цифровой грамотности и работы с современными технологиями – на 6,1 балла, в информированности о региональных и глобальных тенденциях в профессиональной области – на 6,6 баллов.

Наличие возможностей для междисциплинарного обучения и расширения кругозора в университете подтвердили 37,9% опрошенных, однако 62,1% заявили, что они «наверное, есть, однако о них мне не известно».

На наш взгляд, для преодоления выявленных недостатков университету особое внимание необходимо уделить улучшению практической направленности обучения – разработке и внедрению курсов, ориентированных на получение практических навыков, обсуждению с работодателями актуальных задач и интеграции их в учебную программу.

Для активизации использования университетских ресурсов необходимы мероприятия и рекламные кампании для повышения осведомленности студентов о доступных ресурсах (библиотек, лабораторий и электронных баз данных), а также мастер-классы и семинары по их использованию.

Улучшению поддержки со стороны преподавателей будет способствовать создание системы менторства, в рамках которой преподаватели будут более активно взаимодействовать со студентами, помогая им в развитии профессиональных компетенций, при этом регулярные встречи и консультации могут улучшить восприятие поддержки.

С целью повышения доступности информации о карьере и профессиональном развитии необходима разработка и систематизация информационных ресурсов о карьерных возможностях, стажировках и программах на базе университета, а также более широкое проведение карьерных ярмарок и встреч с представителями отрасли.

В современных условиях особую актуальность приобретает развитие цифровой грамотности и навыков работы с технологиями, для обеспечения которых необходимы включение в учебные программы курсов по цифровым технологиям и их применению в профессиональной деятельности, а также обучение студентов актуальным инструментам и платформам, используемым в их будущей профессиональной деятельности.

Упрощение доступа студентов к междисциплинарным курсам и проектам, информирование о них, а также проведение интегративных мероприятий будут способствовать обмену знаний между различными дисциплинами.

Внедрение системы регулярного сбора и анализа обратной связи от студентов относительно их учебного опыта и потребностей позволит своевременно реагировать на выявленные проблемы и адаптировать образовательные программы, что поможет университету повысить качество образования, удовлетворенность студентов и эффективность формирования интеллектуального капитала региона.

Университеты призваны способствовать развитию социальных связей и активному участию молодежи в жизни сообщества, не только предоставляя академические знания, но и формируя условия для взаимодействия и сотрудничества между студентами и местными организациями, что содействует созданию устойчивой социальной сети и повышению конкурентоспособности региона (Kovačič, 2025). Определяя место университета в формировании *социального капитала* региона, студенты на 7 баллов (по 10-бальной шкале) оценили свою причастность к студенческому сообществу и то, насколько университет способствует этому ощущению, на 7,2 балла – его поддержку развития доверия и взаимопомощи среди студентов, на 7,1 балла – способствование университетской среды формированию устойчивых и продуктивных социальных связей между студентами разных курсов и факультетов, на 8,1 балла – уровень коммуникации и взаимодействия между студентами и преподавателями, на 7,5 балла – содействие университета развитию у студентов навыков командной работы и сотрудничества.

Роль университета в формировании у студентов ценностей гражданской ответственности и социальной активности респонденты оценили в среднем на 7,5 балла, своё доверие университету, как институту, способному поддержать

в сложных жизненных ситуациях – на 5,6 балла, поощрение университета уважения к культурному и социальному разнообразию среди студентов – на 7,7 балла, возможности для установления профессиональных и социальных контактов через университетские мероприятия и сети выпускников – на 7,3 балла.

Считаем, что в сложившихся условиях для укрепления доверия студентов к университету целесообразно усилить их поддержку и консультирование, создать больше программ и инициатив, которые помогут студентам почувствовать уверенность в том, что университет всегда готов прийти на помощь.

Для развития студенческого сообщества университету стоит организовывать больше мероприятий, способствующих интеграции студентов, включая межкурсные и межфакультетские проекты, а также культурные и спортивные события.

Учитывая высокую оценку в области развития навыков командной работы (7,5 балла), университет может усиливать данный аспект через создание студенческих клубов и инициатив, направленных на улучшение сотрудничества и взаимодействия между разными группами студентов.

Оценка уважения к культурному и социальному разнообразию (7,7 балла) говорит о необходимости продолжать работу в этом направлении. Установление программ обмена, семинаров и культурных мероприятий, которые сосредотачиваются на многообразии, может положительно сказаться на атмосфере в университете.

В ходе опроса была получена достаточно высокая оценка уровня взаимодействия между студентами и преподавателями (8,1 балла), однако стоит стремиться к его улучшению, развивать неформальные форматы общения, такие как открытые лекции, круглые столы, тематические дискуссии и каналы обратной связи.

Оценка возможностей установления контактов (7,3 балла) может быть улучшена за счёт организации более частых мероприятий с участием выпускников и специалистов, приглашенных в университет для проведения мастер-классов, лекций и бесед.

Внедрение данных рекомендаций поможет укрепить связь студентов с университетом, а в дальнейшем улучшить социальный капитал региона.

При оценке роли университета в формировании *капитала здоровья и долголетия* студенты на 6,3 балла (по 10-бальной шкале) оценили, насколько университетская среда способствует формированию здоровых привычек и образа жизни, на 7,2 балла – доступность и качество спортивных и оздоровительных услуг в университете. При этом 96,5% опрошенных сообщили, что не используют университетские программы по профилактике стресса, психологической поддержки или ментального здоровья.

Полноту информации о важности здорового питания и поддержания физической активности студенты оценили в среднем на 6,1 балла, формирование у студентов навыков саморегуляции и управления своим здоровьем – на 5,7 балла, уровень экологической культуры, формируемый в университете

(включая заботу об окружающей среде) – на 7 баллов. Баланс в университете между учебной нагрузкой и отдыхом для поддержания здоровья студентов респонденты оценили в 6,2 балла, формирование у студентов понимания важности долгосрочного планирования здоровья и активного долголетия – на 5,8 баллов. Об использовании возможностей университета для участия в мероприятиях, направленных на укрепление здоровья (соревнования, лекции, тренинги) сообщили 20,7% опрошенных, тогда как 79,3% дали негативный ответ.

Безусловно, с целью формирования качественного капитала здоровья и долголетия в университете необходимо проводить кампании по повышению осведомленности о программах и услугах, направленных на поддержку ментального здоровья и профилактику стресса, что может включать размещение информации на веб-сайте университета, использование социальных сетей и проведение информационных встреч.

Для разработки и продвижения программ здоровья целесообразно увеличить количество мероприятий по профилактике стресса и психологической поддержке, а также сильно акцентировать их доступность для студентов, при этом важно максимально учитывать интересы и потребности студентов в этих программах.

С целью повышения качества спортивных и оздоровительных услуг необходимо критически оценить и улучшить существующие спортивные и оздоровительные услуги (разнообразие спортивных секций, доступность оборудования, график занятий), чтобы они соответствовали интересам и потребностям студентов.

Для обучения студентов здоровым привычкам нужно внедрить курсы и семинары по питанию, физической активности, саморегуляции и управлению здоровьем, чтобы повысить уровень осознания важности этих аспектов у студентов.

Стимулированию участия студентов в мероприятиях будет способствовать создание более привлекательных форматов мероприятий (например, соревнований, лекций и тренингов), возможно, с внедрением системы поощрений, а также с активным привлечением студентов к их организации.

Создание благоприятной учебной среды должно включать оценку баланса учебной нагрузки и отдыха с целью снижения стресса среди студентов, при этом важно также обратить внимание на возможность создания гибкого расписания, чтобы студенты могли лучше управлять своим временем.

Для развития экологической культуры необходимо реализовывать программы, направленные на заботу об окружающей среде, активнее вовлекать студентов в проекты по охране окружающей среды.

На наш взгляд, эти меры помогут университету создать более здоровую и поддерживающую среду для своих студентов, а также будут способствовать формированию у них здоровых привычек и долголетию.

Заключение. В результате проведённого исследования было выявлено мнение студентов о роли университета в формировании человеческого капитала

региона. Респонденты отметили важность не только академических знаний, но и социальных навыков, практического опыта и здоровья как факторов последующей успешной интеграции в региональный рынок труда.

На основе анализа результатов анкетирования предложены мероприятия, направленные на создание более благоприятных условий для развития интеллектуального и социального капиталов, а также капитала здоровья и долголетия, включая организацию дополнительных образовательных программ, улучшение инфраструктуры для занятия спортом и укрепление взаимодействия с работодателями. Эти инициативы будут способствовать не только личностному развитию студентов, но и общему устойчивому развитию региона через формирование квалифицированного и конкурентоспособного человеческого капитала.

Список литературы

- Глухов В. В., Бянкин А. С., Бурдакова Г. И. Оценка роли вузов в кадровом обеспечении цифровой экономики региона // *π-Economy*. 2022. Т. 15, № 4. С. 36-48. DOI 10.18721/JE.15403.
- Кислицын Е. В. Трансформация информационно-технологического сектора: основные тренды, конкурентная среда и человеческий капитал // *Фундаментальные исследования*. 2025. № 3. С. 112-119. DOI 10.17513/fr.43805.
- Любимов И., Якубовский И. Высшее образование и экономическое развитие регионов России // *Экономическая политика*. 2020. Т. 15, № 6. С. 110-139. DOI 10.18288/1994-5124-2020-6-110-139.
- Сандлер Д. Г., Мельник А. Д., Ключев А. К. Частичная занятость студентов в новой модели сотрудничества университетов с властью и работодателями // *Университетское управление: практика и анализ*. 2025. Т. 29, № 1. С. 56-69. DOI 10.15826/umpra.2025.01.005.
- Флек М. Б., Угнич Е. А. Роль базовой кафедры в формировании человеческого капитала предприятия // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018. № 67. С. 292-313. EDN: XOCQZF.
- Фролов А. А., Холина В. Н., Горбунов В. С. Человеческий капитал и институты его развития в условиях технологической трансформации: опыт России и стран ЕАЭС // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2025. Т. 18, № 2. С. 141-162. DOI 10.15838/esc.2025.2.98.8.
- Fernandes J. The effect of higher education dropout on building regional intellectual capital: A Portuguese case study // *Ann Reg Sci*. 2026. Vol. 75. No 6. DOI 10.1007/s00168-025-01430-1.
- Iratzoqui A., Hajilou M., James W. et al. The Role of Research Centers on University Campuses // *J of Pol Practice & Research*. 2025. Vol. 6. Pp. 176-188. DOI 10.1007/s42972-025-00116-4.
- Kovačič H., Zupančič V. M., Pavlin S. The Role of Youth Centers in Supporting Youth Social Capital Development // *JAYS*. 2025. DOI 10.1007/s43151-025-00187-w.
- Liu J., Wang X., Miao W. et al. The Driving Mechanisms and Efficiency Enhancement Pathways for Corporate Participation in University-Industry Integration (UII) // *J Knowl Econ*. 2025. DOI 10.1007/s13132-025-02836-0.
- O'Neill M., Bagchi-Sen S. Public universities and human capital development in the United States // *GeoJournal*. 2023. Vol. 88. Pp. 733-751. DOI 10.1007/s10708-022-10636-1.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ШКОЛЬНИКОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ПОДГОТОВКА К ЭКЗАМЕНАМ И ВНЕУРОЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

Зарипова Гюзель Рафгатовна,
социолог, Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия)
zaripova9887@yandex.ru

Мигунова Юлия Владимировна,
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Россия)
ignatenko_isei@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению практик дополнительного образования школьников в Республике Башкортостан. Особое внимание уделено подготовке к экзаменам и внеурочной деятельности в региональном разрезе. Цель исследования – анализ условий и предпочтений в сфере дополнительного образования, сложившихся в городской и сельской местности. Эмпирическую базу составил опрос 25437 детей школьного возраста, проведенный Институтом стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан в 2025 г. Результаты показывают, что в целом по республике услугами репетиторов пользуется менее четверти школьников (23,2 %). При этом наблюдается значительная территориальная дифференциация: максимальные значения зафиксированы в пригороде Уфы (37,7 %) и других городах региона, минимальные – в сельской местности (14,1 %). Основными предметами для занятий с репетиторами являются математика (63,6 %), русский (35,0 %) и иностранный языки (24,0 %). Ключевая мотивация в занятиях с репетиторами у школьников состоит в подготовке к ОГЭ или ЕГЭ (58,3 %). В структуре организованной внеурочной деятельности доминируют спортивные (23,9 %) и творческие занятия (12,8 %). Около 44 % опрошенных удовлетворены существующим предложением в сфере дополнительного образования. Сделан вывод о двойственной функции дополнительного образования в регионе: с одной стороны, как ресурса самореализации и развития, с другой – как компенсаторно-адаптивного механизма, нивелирующего недостатки формальной школы и обеспечивающего конкурентоспособность на экзаменах. Исследование выявляет устойчивый разрыв в доступности платных образовательных услуг между городской и сельской местностью, что требует разработки особых мер образовательной политики для обеспечения равных возможностей.

Ключевые слова: школьники; дополнительное образование детей; репетиторы; Республика Башкортостан

ADDITIONAL EDUCATIONAL PRACTICES OF SCHOOLCHILDREN OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: EXAM PREPARATION AND EXTRACURRICULAR ACTIVITIES IN THE REGIONAL CONTEXT

Guzel R. Zaripova,
sociologist,
Institute of strategic studies,
Academy of sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)
zaripova9887@yandex.ru

Yulia V. Migunova,
candidate of sociological sciences, senior researcher,
Institute of strategic studies,
Academy of sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russia)
ignatenko_isei@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the practices of additional education of schoolchildren in the Republic of Bashkortostan. Special attention is paid to exam preparation and extracurricular activities in the regional context. The purpose of the study is to analyze the conditions and preferences in the field of additional education that have developed in urban and rural areas. The empirical basis was a survey of 25,437 school-age children conducted by the Institute for Strategic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan in 2025. The results show that less than a quarter of schoolchildren (23,2 %) use tutoring services in the republic as a whole. At the same time, there is a significant territorial differentiation: the maximum values were recorded in the suburbs of Ufa (37,7 %) and other cities of the region, the minimum values were recorded in rural areas (14,1 %). The main subjects for tutoring are mathematics (63,6 %), Russian (35,0 %) and foreign languages (24,0 %). The key motivation in tutoring students is to prepare for the Main State Exam or the Unified State Exam (58,3 %). The structure of organized extracurricular activities is dominated by sports (23,9 %) and creative activities (12,8 %). About 44 % of the respondents are satisfied with the existing offer in the field of additional education. The conclusion is made about the dual function of additional education in the region: on the one hand, as a resource of self-realization and development, on the other hand, as a compensatory and adaptive mechanism that compensates for the shortcomings of formal schools and ensures competitiveness in exams. The study reveals a persistent gap in the availability of paid educational services between urban and rural areas, which requires the development of special educational policy measures to ensure equal opportunities.

Keywords: schoolchildren; additional education for children; tutors; Republic of Bashkortostan

Введение. Система дополнительного образования детей в России представляет собой динамичный сегмент образовательного пространства, исторически сложившийся в специфических социокультурных условиях. В отличие от формального (школьного) образования, регламентированного федеральными государственными образовательными стандартами, дополнительное образование характеризуется принципами вариативности, добровольности, практико-ориентированности и субъектной позицией ребенка (Буйлова, 2024). В последнее десятилетие этот институт переживает этап активного реформирования, будучи включенным в стратегические цели национального проекта «Образование».

Дополнительное образование рассматривается как сфера самореализации и неформального обучения ребенка. Неформальное обучение создает инструментальные и смысловые условия для самореализации, которая, в свою очередь, выступает ключевым мотиватором неформального образовательного поиска. Среда дополнительного образования, где интегрированы механизмы самореализации и принципы неформального обучения, обладает открытостью и вариативностью, когда существует множество возможностей заниматься практически любым видом учебной деятельности, входящим в сферу дополнительного образования. При этом также всегда есть возможность переключения деятельности на другой ее вид. Неформальность обучения связана

с внутренней безопасностью и принятием обучающегося, с возможностью допущения ошибок с его стороны, что, например, чревато получением плохой оценки в школьном образовании. Здесь, наоборот, тревожность ученика снижена, что способствует творческому поиску (Гущина, 2021).

Таким образом, дополнительное образование трансформируется из услуги по проведению досуга или обучению навыку в возможность познать самого себя, выбрать свой жизненный путь, в определенном смысле спроектировав собственное будущее. Этот социальный институт помогает ребенку понять свои интересы и запланировать дальнейшие шаги в профориентационной деятельности (Сухиташвили, Алейникова, Толстокоров, 2021).

В современной образовательной системе, наряду со школой, устойчивую позицию занимает феномен репетиторства – индивидуальных или групповых занятий за рамками основного учебного процесса на платной основе. В контексте дополнительного образования детей школьного возраста репетиторство представляет собой особый сегмент образования, существенно влияющий на образовательные траектории и результаты. Таким образом, репетиторство можно определить как персонифицированную, платную и целеориентированную форму дополнительного образования, компенсирующую или расширяющую возможности формальной системы образования (Кожевникова, Старовойтова, 2023).

Методология и методы. Методологическую базу статьи составил анализ социологических данных, полученных в ходе изучения мнения школьников Республики Башкортостан (далее – РБ). Опрос проводился Институтом стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан в 2025 г. Выборка включала 25437 респондентов по всей республики. По территориальному признаку опрошенные были разделены на тех, кто проживает в столице республики – г. Уфе (3092 чел.), в ее пригороде (328 чел.), в других городах региона (7598 чел.), в районных центрах (4111 чел.) и сельской местности (5179 чел.). Целью данного исследования было проанализировать условия образования и развития, созданные в РБ, для детей школьного возраста. Вопрос оценки дополнительного образования школьников занимал ведущее место в изучении мнения обучающихся.

Научные результаты и дискуссия. Данные, представленные в Таблице 1, показывают, что в целом большая часть респондентов (73,7% – по РБ, 82,6% – в сельской местности, 77% – в районных центрах) не пользуется услугами репетиторов, что говорит о невысокой распространенности репетиторства среди школьников, особенно в сельской местности.

В г. Уфе процент тех, кто занимается с репетиторами, составляет чуть больше 23%. Это наименьший показатель среди всех территориальных групп, что может указывать на более доступные образовательные ресурсы или альтернативные формы обучения в городе. В пригороде Уфы и других городах республики наблюдается незначительное увеличение числа тех, кто пользуется услугами репетиторов (34,5% и 37,7% соответственно), что говорит о высокой потребности в дополнительной образовательной поддержке школьников на этих территориях.

В других городах РБ (26,7 %), в районных центрах (20,1 %) и сельской местности (14,1 %) наблюдается меньший интерес к такого рода занятиям.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Занимаетесь ли Вы с репетитором?»,
в % от числа опрошенных

Варианты ответов	РБ	г. Уфа	Пригород Уфы	Другой город РБ	Районный центр	Сельская местность
Да	23,2	34,5	37,7	26,7	20,1	14,1
Нет	73,7	62,0	59,1	70,2	77,0	82,6
Затрудняюсь ответить	3,2	3,5	3,2	3,1	2,9	3,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Низкий процент опрошенных в сельской местности может быть связан с ограниченным доступом к квалифицированным специалистам или с финансовыми затруднениями семьи. В целом полученные данные демонстрируют явное преобладание тех, кто не пользуются услугами репетиторов.

Согласно данным таблицы 2, самый популярный предмет, которым дети занимаются с репетиторами, – математика. В среднем по республике 63,6% респондентов пользуются услугами именно этих учителей. Показатель варьируется от 62,6% в других городах РБ до 69,0% в пригороде Уфы, что свидетельствует о высоком уровне сложности математики и необходимости дополнительной поддержки школьников, ее изучающих.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «По каким предметам Вы занимаетесь с репетитором? (Можно выбрать несколько вариантов)», % от числа тех, кто занимается с репетиторами

Варианты ответов	РБ	г. Уфа	Пригород Уфы	Другой город РБ	Районный центр	Сельская местность
Русский язык	35,0	36,2	39,5	32,4	37,6	37,3
Литература	2,4	2,7	3,9	1,9	2,6	2,8
Математика	63,6	64,3	69,0	62,6	65,6	63,0
Физика	10,7	15,9	6,2	10,3	9,2	7,1
Информатика	6,9	11,2	5,4	5,7	5,9	5,4
Биология	8,6	6,8	8,5	8,8	9,2	9,8
Химия	9,7	9,3	9,3	9,9	8,5	10,7
История	3,0	2,6	0,0	2,8	3,7	3,7
Обществознание	7,9	8,6	3,1	7,2	7,8	9,0
Иностранный язык	24,0	26,2	30,2	25,9	22,1	17,4
Башкирский язык	0,9	1,1	0,0	0,6	0,8	1,3
Другое	3,9	4,1	5,4	3,6	3,2	4,6
Затрудняюсь ответить	1,6	1,3	0,0	1,3	2,1	2,4
Итого	178,1	190,3	180,6	173,1	178,2	174,5

Второе место по популярности занимает русский язык, им занимаются 35,0 % детей в целом по республике. Наибольший интерес к занятиям с репетиторами по этому предмету наблюдался в пригороде Уфы (39,5%) и районных центрах (37,6%). На третьем – иностранный язык, занятия по которому востребованы у 24,0% опрошенных в целом по республике. В пригороде г. Уфы этот показатель достигал 30,2%. Меньше всего занимаются с репетиторами по иностранному языку в сельской местности.

Под руководством опытных наставников физику и химию изучает значительное количество школьников, но популярность этих предметов ниже, чем у математики и русского языка. Физику изучают примерно 11 % детей, с наибольшим интересом – в г. Уфе (15,9%). Занятия химией имеют схожие показатели с физикой (9,7% в среднем по республике). Доля респондентов, занимающихся с репетиторами по биологии, составляет в среднем по республике 8,6%, достигая максимума в сельской местности (9,8%) и минимума в г. Уфе. Обществознание и история менее популярны среди тех, кто занимается с репетиторами. Обществознание выбирают 7,9% опрошенных, историю, напротив, всего 3,0% школьников республики. Наименьшие показатели популярности по литературе и башкирскому языку – 2,4% и 0,9% соответственно.

В целом данные демонстрируют, что математика и русский язык являются основными предметами, наиболее востребованными у школьников. Также пользуются спросом услуги преподавателей иностранных языков. Низкие показатели по литературе и башкирскому языку могут свидетельствовать о меньшей потребности в дополнительной помощи по этим предметам или о том, что они неактуальны для респондентов.

В Таблице 3 представлены данные о причинах обращения к услугам репетиторов. Наиболее распространенной причиной таких занятий является подготовка к ОГЭ и ЕГЭ, на которую указали 58,3% респондентов в среднем по республике. Этот показатель достаточно стабилен по представленным территориям с небольшими колебаниями: от 55,0% в пригороде Уфы до 61,2% в районных центрах.

Второй по популярности ответ – желание освоить то, что преподают в школе (39,9% в среднем по республике). В пригороде Уфы показатель достиг 45,0%, что свидетельствует о большем количестве учащихся, испытывающих трудности с восприятием учебного материала. Каждый пятый отметил вариант «школьных уроков недостаточно из-за нехватки учителей и переполненности классов» (19,6%). Данный показатель немного выше в пригороде Уфы (24,8%), что указывает на более сложные условия обучения на этой территории.

Между тем 19,5% опрошенных занимаются с репетиторами для более глубокого изучения интересных предметов. В городах, таких как Уфа, этот интерес выше (24,6%), что говорит о стремлении учащихся углубить свои познания в определенных областях.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Для чего Вы занимаетесь с репетитором?»
(Можно выбрать несколько вариантов)»,
% от числа тех, кто занимается с репетиторами

Варианты ответов	РБ	г. Уфа	Пригород Уфы	Другой город РБ	Районный центр	Сельская мест- ность
Освоить то, что преподают в школе	39,9	37,8	45,0	41,3	41,3	37,6
То, чего не хватает в школе – школьных уроков недостаточно из-за нехватки учителей и переполненности классов	19,6	20,1	24,8	21,0	17,6	16,6
Подготовку к ОГЭ или ЕГЭ	58,3	58,0	55,0	58,0	61,2	57,9
Более глубокое изучение интересных предметов	19,5	24,6	20,2	18,6	20,0	15,0
Расширение кругозора	9,6	10,5	11,6	9,8	8,9	8,2
Развитие творческих способностей	4,0	3,9	2,3	4,3	4,0	4,0
Снятие стресса и эмоциональную разгрузку	2,4	2,4	4,7	2,5	1,6	2,3
Реализацию потребности в физической активности	1,0	0,7	1,6	1,1	0,4	1,3
Общение с интересными людьми	3,4	3,3	4,7	3,7	3,3	2,6
Окружение без вредных привычек	1,0	0,9	0,0	1,1	1,2	0,9
Занятие делом в свободное время	3,8	3,1	3,1	4,1	3,8	3,7
Родители заставили	3,0	3,3	3,1	3,3	2,2	2,5
Затрудняюсь ответить	2,3	1,6	1,6	2,3	2,3	3,3
Итого	167,7	170,0	177,5	171,2	167,9	155,8

Расширение кругозора в качестве цели обучения отметили 9,6% респондентов. В пригороде Уфы данный показатель составил 11,6%. На развитие творческих способностей указали лишь 4,0 % опрошенных. Эта доля достаточно стабильна по всем территориям РБ. Незначительное количество респондентов (3,0%) упомянули о том, что занятия с репетиторами были навязаны родителями.

Таким образом, основная мотивация для занятий с репетиторами в РБ связана с подготовкой к экзаменам и освоением школьной программы. В то же

время наблюдается интерес к более глубокому изучению предметов и расширению кругозора, что указывает на стремление учащихся к саморазвитию.

Данные, представленные в Таблице 4, касаются дополнительных занятий, которые посещают учащиеся республики. Здесь показано, что наиболее популярным направлением являются спортивные занятия – 23,9% по РБ, особенно среди школьников районных центров (26,7%) и сельской местности (25,4%). Дополнительное обучение по основным предметам выбирают 18,4% респондентов республики. При этом наибольшие показатели наблюдаются в сельской местности – 21,2%, а также в г. Уфе – 19,0%.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие дополнительные занятия Вы посещаете (в школе, вне школы, в «Точках роста», с репетиторами и т.д.)? (Можно выбрать несколько вариантов)» в %

Варианты ответов	РБ	г. Уфа	Пригород Уфы	Другой город РБ	Районный центр	Сельская местность
1	2	3	4	5	6	7
Дополнительные занятия по основным предметам	18,4	19,0	18,2	16,9	17,0	21,2
Углубленное изучение отдельных предметов	6,3	9,1	8,5	5,7	5,8	5,2
Обучение иностранному языку	9,5	12,4	12,9	11,1	7,2	5,8
Обучение родному языку	1,9	1,6	2,2	1,5	2,0	2,9
Изучение конструирования техники, информатика и программирование	3,3	4,3	3,1	2,8	2,8	3,7
Занятия живописью и декоративно-прикладным творчеством	6,0	4,9	4,1	6,3	7,1	5,8
Медиакоммуникации, кино-фото-видеосъемка	1,3	1,2	2,5	1,1	1,8	1,6
Обучение музыке, пению, танцам, театральное искусство	12,8	12,6	7,2	12,4	14,7	13,0
Изучение природы, культуры, краеведение, туризм	1,6	1,0	1,3	1,3	1,7	2,5

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7
Спортивные и оздоровительные занятия	23,9	22,8	20,1	22,6	26,7	25,4
Подготовка к ОГЭ / ЕГЭ	17,9	18,1	17,9	17,0	18,3	18,9
Другие занятия	14,5	12,3	13,8	13,9	14,7	17,2
Итого	117,4	119,4	111,9	112,4	119,8	123,0

Причиной обращения к репетиторам, имеющей значительный вес среди прочих, является подготовка к экзаменам (от 17,0% в других городах РБ до 18,9% в сельской местности). Полученные результаты указывают на высокий уровень значимости итоговой аттестации среди учащихся.

Данные о предпочтениях обучающихся в отношении дополнительных занятий, представленные в Таблице 5, показывают, что значительная их доля не нуждается в таких занятиях, кроме тех, которые уже посещают, – 43,6% по всей республике. Этот ответ наиболее популярен в пригороде Уфы (46,5%) и других городах Башкортостана (45,6%). На втором месте – подготовка к итоговым экзаменам (17,0%). Менее востребовано у школьников обучение родному языку, а также медиакоммуникации, кино-фото-видеосъемка. Как показывают данные, детям не нужны дополнительные занятия. Высокий процент отказа, скорее всего, связан с тем, что таких занятий достаточно.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Какие дополнительные занятия Вы бы хотели посещать, кроме тех, что уже посещаете (в школе, вне школы, в «Точках роста», с репетиторами и т.д.)? (Можно выбрать несколько вариантов)», в %

Варианты ответов	РБ	г. Уфа	Пригород Уфы	Другой город РБ	Районный центр	Сельская местность
1	2	3	4	5	6	7
Никакие	43,6	42,6	46,5	45,6	41,9	42,3
Дополнительные занятия по основным предметам	13,4	12,6	13,2	12,6	13,7	14,7
Углубленное изучение отдельных предметов	7,0	8,5	9,1	7,0	7,2	6,0
Обучение иностранному языку	11,0	11,9	12,3	10,6	11,7	10,8
Обучение родному языку	2,6	2,5	2,9	2,0	3,2	3,1
Изучение конструирования техники, информатика и программирование	5,5	6,4	8,5	5,1	6,0	5,3

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7
Занятия живописью и декоративно-прикладным творчеством	6,0	6,3	6,1	5,7	6,1	6,2
Медиакоммуника-ции, кино-фото-видеосъемка	4,7	5,6	4,7	4,3	5,3	4,5
Обучение музыке, пению, танцам, театральное искусство	9,0	9,8	8,2	8,4	8,8	9,5
Изучение природы, культуры, краеведение, туризм	4,8	4,7	7,0	4,4	5,2	5,2
Спортивные и оздоровительные занятия	13,8	13,9	13,7	12,7	14,4	14,6
Подготовка к ОГЭ / ЕГЭ	17,0	17,5	17,0	16,2	17,5	17,4
Другие занятия	9,1	9,4	9,1	9,1	9,1	9,0
Итого	147,6	151,7	158,2	143,8	150,2	148,5

Заключение. Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности и региональную специфику практик дополнительного образования школьников в РБ, сфокусировавшись на репетиторстве и внеурочной деятельности. На основе анализа мнений более чем 25 тыс. обучающихся были получены данные, отражающие как общероссийские тренды, так и локальную дифференциацию между городскими и сельскими территориями региона.

Дополнительное образование школьников Башкортостана характеризуется дифференциацией доступа и двойственной функциональностью. С одной стороны, оно служит важным ресурсом самореализации и развития (спорт, творчество). С другой, и в большей степени в форме репетиторства, – выполняет компенсаторно-адаптивную функцию, помогая учащимся преодолевать трудности формальной системы образования и повышать шансы на успешную сдачу экзаменов (Фазрахманов, Суворов, 2023). Региональный разрез выявляет устойчивый разрыв между городской и сельской местностью в доступности и интенсивности использования платных образовательных услуг, что является вызовом для образовательной политики, направленной на обеспечение равных возможностей.

Полученные результаты могут быть использованы Минпросвещения РБ для разработки мер, направленных на развитие инфраструктуры дополнительного образования в сельской местности, поддержку педагогических кадров и расширение вариативности программ, выходящих за рамки узкой экзаменационной подготовки.

Список литературы

Буйлова Л. Н. Типичные проблемы организации дополнительного образования детей в общеобразовательной школе // Про-ДОД. 2024. № 5 (53). С. 5-20. EDN: OWYKTX.

Гущина Т. Н. Особенности социально-педагогического сопровождения детей с применением средств дистанционного обучения в организации дополнительного образования // Инновации в образовании. 2021. № 8. С. 100-110. EDN: KKXTVR.

Кожевникова Л. В., Старовойтова И. Е. Феномен репетиторства в современной России // Образование и право. 2023. № 5. С. 412-416. DOI: 10.24412/2076-1503-2023-5-412-416. EDN: HSFACT.

Сухиташвили Л. С., Алейникова Н. Г., Толстокоров Е. С. Социокультурная обусловленность воспитания в системе дополнительного образования детей // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 6. № 2. С. 265-271. DOI: 10.30853/ped210041. EDN: OWXGIR.

Фазрахманов И. И., Суворов В. С. Роль и значение системы дополнительного образования в экономике Республики Башкортостан // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (47). С. 240-244. EDN: TKZFII.

ФОРМИРОВАНИЕ МОТИВАЦИИ МОЛОДЕЖИ К НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ

Рыбакова Марина Владимировна,

доктор социологических наук, главный научный сотрудник
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии
наук; профессор кафедры Социологии управления факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
rybakovamv2005@yandex.ru

Пивоварова Марина Борисовна,

аспирант кафедры социологии управления факультета государственного управления
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)
mp1995@mail.ru

Аннотация. В статье освещен анализ формирования мотивации молодежи к научной деятельности в системе управления наукой, рассматриваются теоретические подходы к изучению мотивации. Эмпирическую основу исследования составляют данные онлайн-опроса студентов московских вузов. Выявлены ключевые мотивационные и институциональные барьеры вовлечения молодежи в научно-исследовательскую деятельность. Обоснован вывод о необходимости комплексного управленческого подхода к формированию мотивации молодежи к научной деятельности.

Ключевые слова: мотивация молодежи; научная деятельность; управление наукой; студенческая молодежь; вовлечение молодежи в науку

FORMATION OF YOUTH MOTIVATION FOR SCIENTIFIC ACTIVITY IN THE SYSTEM OF SCIENCE GOVERNANCE

Marina V. Rybakova,

doctor of sociological sciences, chief researcher at the Federal center of theoretical and applied
sociology of the Russian Academy of sciences; professor, department of sociology of management,
faculty of public administration,
Lomonosov Moscow state university
(Moscow, Russia)
rybakovamv2005@yandex.ru

Marina B. Pivovarova,

postgraduate student, department of sociology of management,
faculty of public administration,
Lomonosov Moscow state university
(Moscow, Russia)
mp1995@mail.ru

Abstract. The article analyzes the formation of youth motivation for scientific activity within the system of science governance and reviews relevant theoretical approaches. The empirical basis consists of an online survey of students from Moscow universities. The study identifies key

motivational and institutional barriers to research engagement and substantiates the need for a comprehensive managerial approach to fostering youth involvement in science.

Keywords: youth motivation; scientific activity; science governance; student youth; youth engagement in science

Введение. Развитие науки в России сопровождалось формированием обширной институциональной инфраструктуры, включавшей научно-исследовательские институты, отраслевые конструкторские бюро, научные школы и лаборатории, в том числе и при промышленных предприятиях. Такая модель обеспечивала тесную интеграцию науки, государства и производства, способствовала формированию устойчивых профессиональных сообществ и сбалансированному воспроизводству научных кадров. Включённость исследовательской деятельности в индустриальную систему формировала представление о науке в обществе как о стратегически значимой сфере, напрямую связанной с технологическим развитием и национальной безопасностью. Также значимую роль играли культурные практики популяризации науки – образ учёного активно транслировался через кинематограф, популярную литературу, систему школьного образования, внешкольные кружки и олимпиады.

Данный институциональный контекст и культурная среда способствовала ранней научной социализации школьников и оказывала существенное влияние на их мотивационные установки с уровня школы, поскольку научная карьера воспринималась как социально одобряемая и значимая в обществе. Мотивация к научной деятельности поддерживалась ее символическим значением в массовом сознании и образовательными институтами.

Наследие 1990-х годов XX века, связанное с социально-экономическим кризисом и резким сокращением поддержки науки, оказало значительное негативное долгосрочное влияние на развитие научной сферы в России. Увеличившиеся миграционные потоки научных кадров, недофинансирование и разрушение научных организаций, школ и снижение престижности и статусности научной профессии привели к институциональному ослаблению базовых и традиционных оснований отечественной науки.

Современные социально-экономические и технологические вызовы актуализируют потребность в новом витке развития научной сферы. В настоящее время российская наука находится в стадии институциональных трансформаций, связанных с попытками модернизации и повышения эффективности системы управления наукой, внедрением федеральных программ стратегического развития, а также ориентацией на импортозамещение зарубежных наукоемких технологий отечественными. Государство усиливает свое присутствие и влияние как ключевого актора в формировании научной повестки, перераспределяя управленческие полномочия между различными уровнями власти и научными организациями.

В условиях глобальной конкуренции и ускоренной технологической трансформации возрастает значимость научных исследований как фактора

национального развития, формируется общественный запрос на научные знания, технологические решения и экспертные оценки. В связи с чем, в системе управления наукой особо значимой становится проблема формирования устойчивой мотивации молодежи к научной деятельности, так как молодежь в данном контексте рассматривается как стратегически важный ресурс воспроизводства научного потенциала страны, ее ключевой человеческий капитал и потенциал. Однако в процесс вовлечения молодых людей в научную сферу в настоящее время затруднен рядом объективных и субъективных факторов-ограничений.

В рамках социологического подхода мотивацию следует рассматривать как результат воздействия институциональных, управленческих и социокультурных факторов. Социологический анализ науки как социального института представлен в работах Р. Мертон, в которых выделяется нормативный характер научной деятельности и важность механизмов научной социализации новых участников научного сообщества (Мертон, 2006). Низкая вовлеченность молодежи в научную деятельность в такой связи может рассматриваться как индикатор дисфункции в системе воспроизводства научного сообщества.

Важное значение для анализа мотивации стоит уделить теории ожиданий В. Врума, согласно которой мотивация определяется ожиданием достижения результата и субъективной ценностью вознаграждения (Vroom, 1964). При отсутствии доступных карьерных перспектив и объективной социальной значимости научного труда и институциональной поддержки, мотивация молодежи к исследовательской деятельности снижается. Также, важно рассмотреть и теорию самоопределения Э. Деси и Р. Райана, в рамках которой подчеркивается приоритет внутренней мотивации, основанной на ощущении автономии, собственной значимости, компетентности и включенности в значимую деятельность (Deci, Ryan, 2000). Данный подход позволяет рассматривать формирование мотивации молодежи как процесс создания условий для внутренней мотивации.

С точки зрения управления наукой особое внимание уделяется роли молодежной и научной политики, государственных решений и мероприятий, институциональных механизмов в формировании условий для развития научного и человеческого потенциала. В связи с чем, мотивация молодежи к научной деятельности встраивается в систему для целенаправленного управленческого воздействия, находящегося в зависимости от согласованности государственной политики, управленческих практик высших учебных заведений и социальных механизмов поддержки молодых исследователей.

Именно поэтому, формирование мотивации молодежи к научной деятельности следует рассматривать как многоуровневый процесс, находящийся на пересечении индивидуальных установок молодых людей и управленческих механизмов функционирования науки в целом.

Методология и методы. Для выявления мотивационных установок студенческой молодежи в ноябре-декабре 2025 года было проведено пилотажное эмпирическое исследование, с использованием социологического опроса

посредством онлайн-сервиса Google form. В качестве метода сбора данных применялась анкетная форма опроса, включающая закрытые, полужакрытые и открытые вопросы, направленные на выявление заинтересованности молодежи в научной сфере и особенностей их мотивации к научной деятельности.

Эмпирическую основу исследования составили данные опроса 408 респондентов, представляющих студенческую молодежь московских образовательных организаций высшего образования, обучающиеся по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В выборке преобладают студенты в возрасте 17-22 лет, что позволяет рассматривать полученные результаты в контексте формирования мотивации к научной деятельности на самых ранних этапах образовательной и профессиональной траектории. По направлениям подготовки представлены гуманитарные, естественно-научные и технические специальности.

Формирование выборки носило целевой (неслучайный) характер, что обусловлено тематикой исследования и необходимостью изучения мотивации молодежи, находящейся в среде высшего образования.

Полученные результаты были обработаны с применением методов описательной статистики, корреляционного анализа и использованы для анализа мотивационных и управленческих аспектов вовлечения молодежи в научную деятельность.

Научные результаты и дискуссия. Формирование мотивации молодых людей к научной деятельности в системе управления наукой в настоящее время можно охарактеризовать недостаточной результативностью, согласно полученным данным исследования – лишь 46% от общего числа опрошенных имеют опыт участия в научно-исследовательской деятельности, тогда как остальные 54% респондентов никак не вовлечены в НИР, что указывает на наличие ограничений в организации молодежной науки.

Анализ причин невовлеченности показывает, что ключевую роль играют ценностно-мотивационные и идентификационные факторы. Большинство респондентов, из тех, кто не занимается научной деятельностью (71%), указывали на отсутствие представления о себе как о будущем ученом, что можно интерпретировать как слабое формирование научной идентичности. В терминах теории самоопределения можно говорить об отсутствии внутренних мотивов, связанных с ощущением смысла, значимости и ценности научной деятельности конкретно для субъекта.

Весомым демотивирующим фактором также выступает низкий интерес к научной деятельности, который отметили 45% респондентов, не занимающихся научной деятельностью, а существующие формы организации студенческой науки интерпретировать как сугубо формальные. Несмотря на наличие институциональных возможностей, не всегда обеспечивается включение студентов в научную деятельность на уровне личностной мотивации и заинтересованности.

Весомыми оказались и экономические факторы – восприятие науки как финансово непривлекательной сферы и недостаточная материальная поддержка молодых исследователей – также присутствуют в структуре демотивации респондентов, не занимающихся наукой (18%), однако по частоте упоминания уступают ценностным и личностным причинам. Недостаточную поддержку научной деятельности со стороны государства отметили 13,4 % респондентов, не занимающихся научной деятельностью. Таким образом, материальные стимулы не являются абсолютным и достаточным условием формирования устойчивой мотивации к научной деятельности, что соответствует выводам теории ожиданий В. Врума о необходимости совпадения усилий, результатов и субъективно значимых вознаграждений.

В представлениях самих студентов повышение привлекательности научной деятельности связано с управленческими мерами системного и институционального характера, такими как: популяризация науки, повышение социального статуса ученого, созданием прозрачных и понятных карьерных траекторий, развитие поддержки на ранних этапах научной карьеры.

В связи с чем, необходимо рассматривать мотивацию молодежи к научной деятельности как объект целенаправленного управленческого воздействия, формируемый на пересечении государственной научной политики, управленческих практик вузов и ценностных ориентаций молодежи.

Анализ вторичных данных позволил дополнить эмпирическое исследование в более широком социально-управленческом контексте. Согласно официальным данным, на 2023 год численность исследователей в возрастной группе до 39 лет достигла 44 %, но остается нестабильной, несмотря на реализацию государственных программ поддержки науки и высшего образования (С детства в науке, 2023).

Данные мониторинга по сектору вузовской науки демонстрируют, что в 2024 году доля исследователей младше 30 лет в высших учебных заведениях выросла до 18%, что выше показателей государственного сектора науки, и отражает вовлечение студентов и молодых педагогов в научно-исследовательскую деятельность (Вузовская наука в России, 2025).

Отдельного внимания заслуживают данные Министерства науки и высшего образования РФ, согласно которым участие студентов в научно-исследовательской деятельности в рамках грантов, конкурсов и студенческих НИР носит фрагментарный характер – доля таких студентов составляет 30-35%, что коррелирует с результатами авторского исследования, выявившего низкий уровень интереса и слабую профессиональную идентификацию с ролью ученого (Доклад о состоянии и перспективах развития науки и высшего образования в Российской Федерации, 2023). Материалы мониторингов НИУ ВШЭ показывают, что научная карьера продолжает восприниматься студентами как социально и экономически не привлекательная – лишь 25–30 % студентов российских вузов рассматривают научную деятельность как потенциальную карьерную траекторию. Среди ключевых демотивирующих факторов устойчиво

выделяются неопределенность карьерных перспектив, нестабильность доходов и высокая зависимость научной карьеры от институциональных и бюрократических ресурсов (Индикаторы науки, 2025).

Эмпирические авторские исследования на уровне высшего образования фиксируют смешанную структуру мотивации студентов к научной деятельности. Масштабное исследование П. А. Амбаров и Н. В. Шабровой, проведенное в 2024 году на выборке более 3000 студентов из 37 российских вузов (Амбарова, Шаброва, 2024), показало, что ведущими мотивами участия в научно-исследовательской работе являются: профессиональное развитие, укрепление личного опыта и повышение конкурентоспособности на рынке труда. Существенную роль также играло внешнее влияние – академическая среда и фигура научного руководителя.

Результаты опроса Е. В. Андрюшиной, С. А. Андрюшкова, Н. С. Григорьевой в 2023 году (Андрюшина, Андрюшков, Григорьева, 2023) также выявили внешние факторы, привлекающие молодежь в научной деятельности – существенная финансовая поддержка (55,8% респондентов), предоставление государством социальных льгот и привилегий для молодых учёных (нулевая ипотека/рассрочка при приобретении жилья, личного транспорта) (7,7% респондентов), модернизация инфраструктуры науки, качественное оборудование (материальная исследовательская база) (5,8%), и внутренние – востребованность и перспективы профессионального и личного развития (11,5%). Исследование М. В. Прохоровой и А. В. Савичевой на выборке 721 студента (Прохорова, Савичева, 2023) дополняет картину анализом представлений молодёжи о научной деятельности: наука воспринимается как пространство интеллектуальной самореализации, но и одновременно как сфера с низкой материальной отдачей и высокой стрессогенностью.

На уровне аспирантуры и начала научной карьеры исследования фиксируют дальнейшую дифференциацию мотивационных профилей. В работе 2020 года Е. А. Терентьев, Н. В. Рыбаков и Б. И. Бедный, основанной на опросах и интервью в шести университетах (Терентьев, Рыбаков, Бедный, 2020), выделены три типа мотивации аспирантов: внутренняя научная мотивация, карьерно-прагматическая и амотивация. Финансовая и институциональная нестабильность выступает фактором снижения устойчивости мотивации в среде аспирантов и является амотивационным фактором для будущей научной карьеры.

Российские исследования демонстрируют сложную, многоуровневую структуру мотивации молодёжи к науке, в которой внутренний познавательный интерес сохраняется, но всё более опосредуется социально-экономическими и институциональными факторами. На уровне аспирантуры происходит мотивационная дифференциация и снижение доли устойчиво ориентированных на академическую карьеру.

Заключение. Проблема мотивации молодежи к научной деятельности носит комплексный характер и требует перехода от фрагментарных

стимулирующих мер к системной модели управления мотивацией, ориентированной на формирование научной идентичности и внутренней заинтересованности в исследовательской деятельности. Проведенное исследование показало, что проблема низкой вовлеченности молодежи в науку обусловлена не столько отсутствием материальных стимулов, сколько кризисом научной идентичности (выявлен у 71% респондентов) и разрывом между формальным участием в НИР и внутренней мотивацией субъекта,

Целесообразно развитие механизмов раннего включения студентов в научную деятельность, с первых курсов обучения, с акцентом на компетентное и заинтересованное наставничество и персонализированное сопровождение. Политика в сфере управления наукой должна эффективно сочетать материальные и нематериальные стимулы, особенно уделяя внимание ценностно-смысловой составляющей научной деятельности, а также формированию позитивного образа научной карьеры в общественном сознании. Практическая реализация такой модели требует:

1. Институционализации ранней научной карьеры с внедрением прозрачных треков «студент-исследователь – стажер – научный сотрудник»,
2. Снижение бюрократических барьеров,
3. Ценностной переориентации, т. е. смещения акцентов в научной политике с количественных показателей эффективности КРІ на поддержку оставшихся научных школ и наставничества как инструментов формирования профессиональной идентичности.

Кроме того, представляется необходимым рассматривать мотивацию молодежи как стратегический ресурс управления наукой, от которого напрямую зависит воспроизводство научного потенциала и устойчивое развитие научной сферы в долгосрочной перспективе.

Список литературы

Амбарова П. А., Шаброва Н. В. Любовь к науке vs вознаграждение: место терминальных и инструментальных мотивов в структуре научно-исследовательской активности студентов// Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. Т. 17, № 3. С. 9-24. DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-9-24. EDN: HQDTRV.

Андрюшина Е. В., Андрюшков С. А., Григорьева Н. С. Потребности и мотивации студентов к научно-исследовательской работе в условиях современного инновационного образования // Общественно-политический журнал Власть. 2023. Т. 31, № 04. С. 162-171. DOI: 10.31171/vlast.v31i4.9735. EDN: CDMARD.

Вузовская наука в России: ресурсы и результаты. 2025. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/10/29/vuzovskaya-nauka-v-rossii-resursi-i-rezultati (дата обращения 25.02.2026).

Индикаторы науки: 2025: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, Е. И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2025.

Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура// М.: АСТ, 2006.

Министерство науки и высшего образования РФ. Доклад о состоянии и перспективах развития науки и высшего образования в Российской Федерации. М., 2023.

Прохорова М. В., Савичева А. В. Концептуализация студенческой молодежью мотивации труда ученых: общие и частные аспекты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 1. 2023. С. 43-62. DOI: 10.11621/ТЕР-23-03. EDN: OCLPHT.

С детства в науке: как допобразование делает из школьников молодых ученых. 2023 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/02/11/2023/654263919a794767d8279e82> (дата обращения 25.02.2026)

Терентьев Е. А., Рыбаков Н. В., Бедный Б. И. Зачем сегодня идут в аспирантуру. Типологизация мотивов российских аспирантов // Вопросы образования. 2020. Вып. 1 (март). С. 40-69. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-40-69. EDN: KWXRPPZ.

Deci E. L., Ryan R. M. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. Vol. 25. Pp. 54-67.

Vroom V. H. Work and Motivation. New York: Wiley, 1964.

КАДРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ И ИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Селиванова Светлана Сергеевна,
научный сотрудник,
Институт стратегических исследований
Академии наук Республики Башкортостан
(Уфа, Россия)
selivanovass@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, посвященного анализу восприятия родителями кадровых проблем в общеобразовательных школах республики. Эмпирической базой выступил массовый опрос родителей учащихся, позволивший выявить территориальную специфику кадрового дефицита, предметные области, наиболее остро нуждающиеся в педагогах, а также распространенность профессионального выгорания среди учителей. Установлено, что лишь четверть родителей (24,3 %) оценивают свои школы как полностью укомплектованные кадрами, при этом наиболее благополучная ситуация фиксируется в сельской местности (30,2 %), а наиболее проблемная – в пригороде крупного города (15,8 %). Показано, что наиболее острый дефицит во всех типах поселений наблюдается по учителям математики (23 % по республике). Выявлено, что профессиональное выгорание педагогов достигает максимальных значений в сельских школах (1,92 педагога с признаками выгорания на одного респондента), тогда как текучесть кадров наиболее выражена в городах (до 14,8 % в Уфе). Делается вывод о необходимости дифференцированной кадровой политики, учитывающей специфику разных типов поселений.

Ключевые слова: кадровый дефицит; профессиональное выгорание; текучесть кадров; школьное образование; сельская школа; городская школа

STAFFING PROBLEMS OF MODERN SCHOOLS AND THEIR TERRITORIAL SPECIFICITY (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Svetlana S. Selivanova,
research fellow, Institute of strategic studies
of the Academy of sciences of the Republic of Bashkortostan
(Ufa, Russia)
selivanovass@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study analyzing parents' perceptions of staffing problems in secondary schools of the republic. The empirical base was a mass survey of students' parents, which made it possible to identify the territorial specificity of staff shortages, subject areas most in need of teachers, as well as the prevalence of professional burnout among teachers. It was found that only a quarter of parents (24,3 %) rate their schools as fully staffed, with the most favorable situation recorded in rural areas (30,2 %), and the most problematic in the suburbs of a large city (15,8 %). It is shown that the most acute shortage in all types of settlements is observed in mathematics teachers (23 % in the republic). It was revealed that professional burnout of teachers reaches its maximum values in rural schools (1,92 teachers with signs of burnout per respondent), while staff turnover is most pronounced in cities (up to 14,8 % in Ufa). The conclusion

is drawn about the need for a differentiated personnel policy that takes into account the specifics of different types of settlements.

Keywords: staff shortage; professional burnout; staff turnover; school education; rural school; urban school

Введение. Проблема кадрового обеспечения общеобразовательных школ является одной из наиболее острых в современной российской системе образования. Вопросы дефицита педагогических кадров, их профессионального выгорания и высокой текучести находятся в фокусе внимания как исследователей, так и управленцев различного уровня (Мигунова, 2025). Значимость данной проблематики обусловлена тем, что условия обучения и развития в школьный период выступают фундаментом не только для текущей успеваемости, но и для последующей профессиональной реализации молодежи, во многом определяя траектории их трудовой занятости и социальной мобильности (Селиванова, 2025). В свою очередь, оценка условий образования и развития детей рассматривается как значимый показатель качества жизни и детского благополучия в регионе (Столь, 2025). Целью настоящего исследования выступает анализ восприятия родителями кадровых проблем в школах республики, включая оценку дефицита учителей по конкретным предметам, распространенности профессионального выгорания педагогов и интенсивности текучести кадров, а также выявление территориальной специфики данных процессов.

Методология и методы. Методологическую базу статьи составил анализ социологических данных, полученных в ходе изучения мнения школьников Республики Башкортостан (далее – РБ). Опрос проводился Институтом стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан в 2025 г. Выборка включала 25437 респондентов по всей республики. По территориальному признаку опрошенные были разделены на тех, кто проживает в столице республики – г. Уфе (3092 чел.), в ее пригороде (328 чел.), в других городах региона (7598 чел.), в районных центрах (4111 чел.) и сельской местности (5179 чел.).

Научные результаты и дискуссия. Данные опроса выявляют низкий уровень удовлетворенности родителей учеников кадровой обеспеченностью школ. Лишь треть опрошенных полностью удовлетворена тем, насколько школа укомплектована учителями, а суммарная доля неудовлетворенных достигает четверти респондентов. Такое распределение имеет под собой объективные основания. Так, лишь около четверти опрошенных родителей в РБ (24,3%) считают свои школы полностью укомплектованными педагогическими кадрами. Остальные 75,7% респондентов либо указывают на нехватку учителей по тем или иным предметам, либо затрудняются оценить кадровую ситуацию в школе. При этом доля тех, кто непосредственно фиксирует дефицит педагогов по конкретным дисциплинам, варьируется в зависимости от территории и предметной специализации, а самым распространенным ответом в целом по республике стал вариант «затрудняюсь ответить» (33,2%), что говорит об

ограниченной включенности значительной части родителей в образовательный процесс (Таблица 1). Это означает, что три из четырех семей так или иначе сталкиваются с отсутствием тех или иных педагогов, что не может не сказываться на качестве образования.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Каких учителей не хватает в Вашей школе?»,
в % от числа опрошенных

Варианты ответов	РБ	г. Уфа	Пригород Уфы	Другой город РБ	Районный центр	Сельская местность
Достаточно по всем предметам	24,3	19,6	15,8	19,9	29,5	30,2
Учитель начальных классов	7,2	12,5	7,1	6,7	4,7	6,6
Русский язык и литература	13,2	16,4	14,0	16,0	9,4	10,3
Математика	23,0	23,9	19,6	27,6	18,5	19,4
Физика	15,2	17,5	14,6	15,5	13,4	14,8
Информатика	10,1	11,6	12,4	9,7	8,9	10,6
Биология	9,0	8,0	10,9	9,7	8,8	8,8
Химия	11,4	8,3	10,6	12,0	11,8	12,0
История	6,8	7,2	6,2	6,8	6,3	7,0
Обществознание	4,6	4,5	5,3	4,7	4,3	5,0
Иностранный язык	11,8	13,0	18,0	11,7	8,6	13,2
Башкирский язык	2,0	1,4	1,2	1,6	2,0	2,9
Другое	4,9	5,4	8,7	5,1	4,4	4,8
Затрудняюсь ответить	33,2	33,1	36,0	34,9	34,7	29,3
Итого	176,8	182,2	180,4	181,9	165,4	174,7

При этом территориальный анализ выявляет парадоксальную, на первый взгляд, картину, которая расходится с распространенными общественными стереотипами. Меньше всего респондентов, считающих, что учителей достаточно по всем предметам, оказалось в пригороде Уфы – всего 15,8%. В столице республики и других городах этот показатель также невысок и составляет 19,6% и 19,9% соответственно. В то же время в районных центрах и сельской местности полную укомплектованность школ учителями констатирует уже треть опрошенных – 29,5% и 30,2% соответственно. Таким образом, вопреки устоявшемуся мнению об остром кадровом дефиците именно на селе, объективные данные опроса демонстрируют иную картину: родители в сельских школах реже жалуются на нехватку учителей, чем жители крупных городов и особенно пригородных территорий.

Такое распределение может быть связано с несколькими причинами, требующими содержательной интерпретации. Во-первых, нельзя исключать

эффект снижения ожиданий и адаптации местных жителей к сложившейся ситуации. Во-вторых, сказывается объективная малочисленность сельских школ и классов: там, где в параллели учится 10-15 детей, формально требуется меньше учителей, и вакансии могут закрываться за счет внутреннего совместительства. В-третьих, возможна ситуация формальной или номинальной укомплектованности, когда предмет числится в штатном расписании, но ведет его учитель без профильного образования или с большой нагрузкой. Наконец, свою роль могут играть и успешные практики отдельных школ, использующих дистанционные форматы привлечения преподавателей или участвующих в программе «Земский учитель». Что касается пригорода Уфы, то наиболее ощутимый дефицит, несмотря на близость к городу-миллионнику, может объясняться активными темпами развития территорий и строительства нового жилья, за которыми не поспевает социальная инфраструктура.

Анализ нехватки учителей по конкретным предметам показывает, что наиболее остро во всех типах населенных пунктов ощущается недостаток педагогов по математике. В целом по республике этот дефицит отмечают 23% родителей, в Уфе – 23,9%, в других городах республики – 27,6%. Даже в относительно благополучных по кадровой обеспеченности районных центрах и сельской местности каждый пятый родитель говорит о нехватке учителей математики – 18,5% и 19,4% соответственно. Учитывая, что математика является обязательным предметом при сдаче государственной итоговой аттестации и ключевым для поступления на большинство технических и экономических специальностей, этот дефицит негативно влияет на образовательные перспективы детей.

Нехватка учителей по другим профильным предметам – русскому языку и литературе, физике, информатике, химии, иностранному языку – наблюдается в диапазоне от 10 % до 15 %, при этом сохраняется общая закономерность: в пригороде Уфы нехватка кадров ощущается сильнее, а в районных центрах и сельской местности – несколько ниже. На общем фоне выделяется ситуация с учителями начальных классов: жители Уфы отмечают их нехватку в 12,5% случаев, что в 1,7 раза выше среднереспубликанского показателя (7,2%) и в 2,6 раза выше, чем в районных центрах (4,7%). Это может свидетельствовать о более высоких требованиях городских родителей к качеству начального образования и о дефиците мест в первых классах переполненных городских школ.

Если нехватка учителей является фактором, влияющим на саму возможность качественного обучения, то профессиональное выгорание педагогов определяет, как именно это обучение происходит. Результаты опроса показывают, что, по мнению родителей, проблема профессионального выгорания учителей является актуальной для школ республики. В среднем, по мнению респондентов, на каждого респондента приходится больше одного

педагога с явными признаками выгорания – 1,68 учителя. При этом территориальный разброс показателей ярко выражен и коррелирует с кадровой ситуацией лишь отчасти (Таблица 2).

Ниже всего коэффициент выгорания в пригороде Уфы, где на каждого респондента приходится 1,2 педагога с признаками выгорания. Это может объясняться тем, что в активно развивающихся пригородных территориях работают либо молодые специалисты, привлеченные относительной близостью к городу и возможностями решения жилищных вопросов, либо учителя, недавно пришедшие в новые школы и еще не накопившие усталости. В самой Уфе показатель составляет 1,37, что тоже ниже среднереспубликанского уровня. Наиболее высокие значения распространенности профессионального выгорания фиксируются в сельской местности, где на одного опрошенного родителя приходится почти два таких учителя – 1,92. Этот результат подтверждает предположение о повышенной нагрузке на учителей в сельской местности, где зачастую одним педагогом приходится вести несколько предметов, в том числе не по профилю подготовки, совмещая при этом и значительную внеурочную занятость.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «У скольких учителей в школе Вы видите проявления профессионального выгорания?», в % от числа опрошенных

Варианты ответов	РБ	г. Уфа	Пригород Уфы	Другой город РБ	Районный центр	Сельская местность
Итого	33208	4147	385	11940	7172	9564
Число респондентов	19765	3027	322	7424	4003	4989
Среднее число выгоревших учителей на респондента	1,68	1,37	1,20	1,61	1,79	1,92

Ситуация осложняется текучестью кадров, которую наблюдают некоторые родители. Согласно данным опроса, каждый десятый родитель в республике (9,8%) отмечает заметную текучесть педагогических кадров в школе (Таблица 3). При этом территориальные различия здесь проявляются наиболее ярко: в Уфе о большой текучести говорят 14,8% опрошенных, в пригороде Уфы – 12,1%, в других городах республики – 11,8%. В то же время в районных центрах и сельской местности этот показатель вдвое ниже – 5,9% и 6,6% соответственно. Высокий отток педагогических кадров в городах можно объяснить более широким кругом возможностей для смены места работы или даже профессии: городской учитель, столкнувшийся с перегрузками и выгоранием, имеет больше альтернатив для трудоустройства. Для сельской местности эта проблема объективно менее актуальна, но это не показатель высокой удовлетворенности работой, а скорее следствие социально-экономических факторов, ограничивающих мобильность.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Замечаете ли Вы «текучесть» педагогических кадров в школе, где учится ребенок?», в % от числа опрошенных

Варианты ответов	РБ	г. Уфа	Пригород Уфы	Другой город РБ	Районный центр	Сельская местность
Нет, «текучести» кадров нет	33,5	23,4	29,2	26,2	41,6	44,2
Заметной «текучести» кадров нет, есть единичные факты	32,4	40,4	41,3	37,8	27,0	23,4
Да, заметна большая «текучесть» кадров	9,8	14,8	12,1	11,8	5,9	6,6
Затрудняюсь ответить	24,3	21,4	17,4	24,2	25,5	25,9

Заключение. Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что кадровая ситуация в школах республики является системообразующим фактором, определяющим не только доступность обучения по отдельным предметам, но и качество знаний, подготовку к поступлению в вузы, нагрузку на детей и общую психологическую атмосферу. При этом наиболее проблемными территориями оказываются не сельские районы, как принято считать, а крупные города и особенно пригородные зоны активной жилой застройки, где спрос на образование высок, а инфраструктура не успевает за ростом населения. Выявленный высокий уровень профессионального выгорания педагогов, особенно в сельской местности, и значительная текучесть кадров в городах требуют разработки дифференцированных мер поддержки учителей с учетом специфики разных типов поселений.

Список литературы

Мигунова Ю. В. Профессиональные дефициты в школьном образовании: диагностика и механизмы решения проблемы // В сборнике: Проблемы социального развития в условиях полиэтнического общества. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Башкортостан доктора социологических наук, профессора Ирнарзорова Рашида Исмагиловича. Уфа, 2025. С. 97-103. EDN: JPDSOI.

Селиванова С. С. Влияние условий образования и развития на профессиональную реализацию молодежи // В сборнике: Реализация государственной молодежной политики в России: проблемы и пути их решения, перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, 2025. С. 34-36. EDN: IKKUIA.

Столь А. В. Подходы к оценкам условий образования и развития как элементам рейтинга качества жизни и детского благополучия в регионе // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2025. № 2. С. 151-166. DOI: 10.15593/2224-9354/2025.2.10. EDN: MYIDUA.

ОТ «ТИХОГО ЗАЛА» К «ТРЕТЬЕМУ МЕСТУ»: ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ ФУНКЦИЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В НГПУ)

Соколова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент,

доцент кафедры социальной педагогики и психологии,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

(Новосибирск, Россия)

o.sokolova@nspsu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на выявление и анализ эволюции восприятия функций и социальной роли университетской библиотеки среди студентов в процессе их академической социализации. Актуальность исследования обусловлена глубокими трансформациями в сфере высшего образования, связанными с цифровизацией, изменением образовательных парадигм и пересмотром значения традиционных инфраструктурных элементов университета. Целью работы является сравнительный анализ динамики представлений, практик взаимодействия и символических смыслов, присваиваемых научной библиотеке НГПУ студентами начальных и выпускных курсов. Методологическую основу составили теория «третьего места» и концепции трансформации библиотек как социальных институтов в условиях цифровой эпохи. В исследовании применен качественный метод сбора данных в форме полуструктурированных глубинных интервью, позволяющих раскрыть субъективные траектории опыта. Выборка включала 24 респондента, сформированная методом «снежного кома» и целенаправленно разделенная на две контрастные группы: студенты 1 курса бакалавриата и студенты 4-5 курсов бакалавриата и магистратуры. Критерием отбора в группу старшекурсников был опыт самостоятельной исследовательской работы. Обработка и интерпретация данных осуществлялись с помощью метода тематического анализа. Результаты исследования демонстрируют выраженную динамику: от доминирующего образа библиотеки как «тихого зала» для индивидуальной работы и доступа к обязательным материалам у первокурсников, что коррелирует с опытом школьной библиотечной культуры, к комплексному восприятию ее как многофункционального «третьего места» у старшекурсников. У последних библиотека выступает не только как инфраструктурный, но и как социально-коммуникативный, символический и навигационно-цифровой ресурс, необходимый для групповой работы, неформального взаимодействия, академической социализации и формирования профессиональной идентичности. В заключении делается вывод о глубокой трансформации социальных функций библиотеки в субъективной реальности студенчества, что требует от администраций вузов и библиотечных менеджеров комплексной и гибкой адаптации управленческих, пространственных и коммуникативных стратегий, включая активное использование социальных сетей и просветительских акций.

Ключевые слова: университетская библиотека; восприятие; студенческая среда; третье место; цифровизация; академическая социализация

FROM A «QUIET HALL» TO A «THIRD PLACE»: THE EVOLUTION OF UNIVERSITY LIBRARY FUNCTIONS PERCEPTION IN THE STUDENT ENVIRONMENT (BASED ON AN EMPIRICAL STUDY AT NSPU)

Olga A. Sokolova,

candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor of the department
of social pedagogy and psychology,
Novosibirsk state pedagogical university
(Novosibirsk, Russia)
o.sokolova@nspu.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at identifying and analyzing the evolution of perception of the functions and social role of a university library among students in the process of their academic socialization. The relevance of the study is due to deep transformations in higher education associated with digitalization, changing educational paradigms and a revision of the importance of traditional infrastructural elements of the university. The aim is a comparative analysis of the dynamics of perceptions, interaction practices and symbolic meanings assigned to the NSPU research library by students of initial and final years. The methodological basis was the “third place” theory and concepts of library transformation as social institutions in the digital age. The study used a qualitative data collection method in the form of semi-structured in-depth interviews, which allow revealing subjective trajectories of experience. The sample included 24 respondents, formed by the “snowball” method and purposefully divided into two contrasting groups: 1st year undergraduate students and 4th-5th year undergraduate and master's students. The criterion for selection into the senior group was the experience of independent research work. Data processing and interpretation were carried out using the thematic analysis method. The results demonstrate a marked dynamics: from the dominant image of the library as a “quiet hall” for individual work and access to compulsory materials among freshmen, which correlates with the experience of school library culture, to a comprehensive perception of it as a multifunctional “third place” among senior students. For the latter, the library acts not only as an infrastructural, but also as a socio-communicative, symbolic and navigational-digital resource necessary for group work, informal interaction, academic socialization and the formation of professional identity. In conclusion, it is concluded that there is a deep transformation of the social functions of the library in the subjective reality of students, which requires university administrations and library managers to comprehensively and flexibly adapt management, spatial and communication strategies, including the active use of social networks and educational campaigns.

Keywords: university library; perception; student environment; third place; digitalization; academic socialization

Введение. Современный университет представляет собой сложную динамичную экосистему, претерпевающую непрерывные трансформации под влиянием глобальных трендов цифровизации, меняющихся образовательных моделей и эволюции социальных практик новых поколений студентов. В этой экосистеме традиционные институты, такие как университетская библиотека, сталкиваются с необходимостью фундаментального переосмысления своей роли и функций. Исторически сложившаяся как ядро академического знания и центр информационного обеспечения, библиотека сегодня существует в условиях парадоксального сосуществования физического и цифрового пространств,

традиционных фондов и безграничных онлайн-ресурсов. Как отмечают исследователи, ключевым вектором развития становится не просто автоматизация процессов, а интеграция цифровых сервисов в образовательную ткань и глубокая трансформация физического пространства в ответ на меняющиеся запросы пользователей (Большаков, 2024; Грибков, 2019). Этот процесс требует эмпирически обоснованного понимания того, как основные стейкхолдеры – студенты – фактически воспринимают и используют библиотеку на разных этапах своего образовательного пути. Переход из школьной в университетскую среду представляет для студента-первокурсника сложный процесс адаптации, включающий освоение новой информационно-библиотечной культуры, принципиально отличной от школьной по масштабам, сложности и степени требуемой самостоятельности (Барсукова, 2022). В этом контексте представляет значительный научный интерес анализ эволюции восприятия функций библиотеки в процессе академической социализации: как меняются образы, практики и символические значения, присваиваемые библиотеке, по мере того как студент от начальных курсов продвигается к выпускным, накапливая академический и исследовательский опыт. Теоретической основой для такого анализа служит концепция «третьего места», разработанная Р. Олденбергом, которая описывает неформальные публичные пространства, отличные от дома («первое место») и работы/учебы («второе место»). «Третьи места» характеризуются нейтральностью, доступностью, низким порогом входа, способствуют неформальному общению, генерации социальных связей и чувства общности. Применение этой концепции к университетской библиотеке позволяет выйти за рамки ее сугубо утилитарного восприятия и проанализировать ее потенциал как пространства социальной интеграции и академической коммуникации. Цель данного исследования – выявить, описать и проанализировать эволюцию восприятия функций, роли и социального значения университетской библиотеки в студенческой среде на разных этапах обучения. Для достижения цели были поставлены следующие исследовательские задачи: во-первых, выявить доминирующие образы, смысловые конструкторы и повседневные практики взаимодействия с университетской библиотекой у студентов-первокурсников; во-вторых, определить специфику восприятия, спектр используемых функций и символические коннотации, связанные с библиотекой, у студентов выпускных курсов и магистратуры; в-третьих, провести сравнительный анализ данных двух групп для установления характера, направленности и ключевых факторов трансформации восприятия в процессе академической траектории студента.

Методология и методы. Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач была избрана качественная методологическая парадигма. Качественный подход является наиболее адекватным для изучения сложных, субъективных и контекстуально зависимых феноменов, таких как восприятие и личный опыт, поскольку позволяет глубоко проникнуть в смысловые структуры и выявить неочевидные связи и закономерности, которые

трудно зафиксировать с помощью стандартизированных опросников. Основным методом сбора эмпирических данных стали полуструктурированные глубинные интервью. Данный метод сочетает в себе наличие заранее подготовленного путеводителя (гайда) с ключевыми темами и вопросами, что обеспечивает сравнимость данных, и гибкость в ходе беседы, позволяющую респонденту свободно развивать мысли, а исследователю – углубляться в неожиданно возникающие, но значимые аспекты опыта. Путеводитель интервью был сфокусирован на нескольких блоках: исторический опыт взаимодействия с библиотеками до университета; текущие практики посещения (частота, цели, маршруты); восприятие атмосферы, правил и возможностей библиотеки; используемые ресурсы (бумажные/электронные, каталоги, базы данных); социальные взаимодействия в пространстве библиотеки; символическое значение библиотеки в контексте университетской жизни. Выборка исследования составила 24 человека, что является достаточным для достижения смыслового насыщения в рамках качественного дизайна. Выборка формировалась методом «снежного кома» от первоначально определенных информантов, что эффективно для доступа к респондентам внутри сообщества, и была целенаправленно стратифицирована на две ключевые группы для последующего контрастного сравнения. Группа А (начальный этап адаптации) включала 12 студентов 1 курса бакалавриата различных факультетов НГПУ (6 женщин и 6 мужчин), поступивших в университет после школы. Группа Б (этап академической зрелости и интеграции) включала 12 студентов 4 и 5 курсов бакалавриата, а также магистратуры НГПУ (7 женщин и 5 мужчин). Критерием отбора в группу Б был опыт самостоятельной исследовательской работы, подтвержденный фактом написания и защиты как минимум одной курсовой работы, что предполагает более глубокое взаимодействие с информационными ресурсами. Сбор данных осуществлялся в период с октября по декабрь 2025 года в очном формате. Интервью проводились в нейтральных помещениях университета (учебных аудиториях по согласованию), что обеспечивало комфорт и конфиденциальность. Средняя длительность интервью составляла 45 минут. Все беседы были записаны на аудионоситель с письменного информированного согласия каждого респондента и впоследствии дословно расшифрованы, что создало корпус текстов для анализа объемом около 180 тысяч знаков. Для обработки и анализа текстового материала был применен метод тематического анализа в интерпретации В. Браун и В. Кларк. Этот метод представляет собой систематическую процедуру выявления, анализа и организации паттернов (тем) внутри качественных данных. Анализ проводился в несколько итеративных этапов: многократное погружение в тексты расшифровок для общего знакомства; генерация начальных кодов, маркирующих смысловые единицы; поиск более общих паттернов и группировка кодов в потенциальные темы; пересмотр и уточнение тем, их границ и внутренней согласованности; окончательное определение, именование и описательное оформление тем. В процессе анализа особое внимание уделялось

выявлению контрастов и сходств в дискурсах двух групп респондентов. Для обеспечения достоверности и валидности интерпретаций применялась практика исследовательского триангулирования: предварительные коды и темы независимо верифицировались и обсуждались с коллегой-социологом, что позволяло минимизировать субъективность. Таким образом, выбранная методология позволила не просто описать практики, но и реконструировать лежащие в их основе ментальные модели восприятия университетской библиотеки на разных стадиях студенческого пути.

Научные результаты и дискуссия. Проведенный тематический анализ эмпирических данных позволил выявить две отчетливо выраженные и контрастные системы восприятия университетской библиотеки, которые можно концептуализировать как модель «тихого зала» и модель «третьего места». Эти модели демонстрируют четкую корреляцию с этапом обучения, доминируя в группах А и Б соответственно, что указывает на процесс эволюции восприятия.

Для студентов-первокурсников (Группа А) университетская библиотека предстает в первую очередь как пространство, жестко регламентированное и функционально узкое. Доминирующим образом является «тихий зал» – место, основная и часто единственная ценность которого заключается в обеспечении условий для индивидуальной концентрации. Этот образ подкрепляется строгими, с точки зрения респондентов, правилами поведения: «Там нельзя разговаривать, даже шепотом, нельзя есть, нужно выключать звук на телефоне. Это место, где ты изолируешься от всего». Библиотека в этом контексте выступает компенсатором недостатков других студенческих пространств, прежде всего общежития, которое описывается как шумное и неподходящее для серьезной учебы. Ключевая практическая функция связывается исключительно с доступом к обязательной учебной литературе из списков, рекомендованных преподавателями, причем в преимущественно бумажном формате. Цифровые ресурсы библиотеки, такие как электронный каталог или удаленные базы данных, либо остаются вне поля зрения, либо используются фрагментарно и несистемно, часто лишь по прямому указанию педагога. Социальный компонент в восприятии библиотеки этой группой практически полностью отсутствует. Она рассматривается как пространство для уединения и индивидуальных усилий, а не для взаимодействия или коммуникации. Любое общение в ее стенах воспринимается как нарушение негласного контракта. Этот образ во многом является проекцией школьного опыта, где библиотека часто выполняла сугубо вспомогательную и дисциплинирующую функцию, что подтверждается наблюдениями о сложностях перехода «из школьной библиотеки в университетскую» (Барсукова, 2022). Таким образом, восприятие первокурсника характеризуется утилитаризмом, пассивностью и слабой интеграцией библиотеки в широкий контекст университетской жизни, что также отражает общие проблемы адаптации студенческой молодежи, рассматриваемые в социологических исследованиях (Ломоносов, 2023).

Восприятие студентов выпускных курсов (Группа Б) представляет собой качественно иную, многомерную и активную конструкцию. Модель «третьего места» здесь не отменяет полностью функцию «тихого зала», но включает ее в более широкий спектр значений. Во-первых, функция индивидуальной углубленной работы сохраняется, но приобретает иной, более продвинутый характер: она связывается не с подготовкой к семинарам, а с написанием курсовых, выпускных квалификационных и магистерских работ, что требует работы со специализированными источниками и научной литературой. Во-вторых, происходит радикальное переосмысление цифровой составляющей. Библиотека начинает восприниматься не как склад книг, а как критически важный «навигационный хаб» или «портал» в мир академической информации. Этот аспект напрямую соотносится с исследовательским потенциалом библиотек, который становится ключевым в эпоху цифровизации науки и образования, когда основная ценность смещается от хранения к обеспечению доступа и навигации (Большаков, 2024; Грибков, 2019). В-третьих, и это наиболее значимое изменение, актуализируется и выходит на первый план социально-коммуникативная функция. Библиотека трансформируется в пространство для коллаборации. Студенты старших курсов целенаправленно договариваются о встречах в библиотеке для работы над групповыми проектами, обсуждения исследований, проведения мини-совещаний. Используются специально оборудованные зоны: переговорные комнаты, проектные зоны, коворкинги. «У нас сложилась традиция – готовиться к сложным презентациям именно в библиотеке, в одном из боксов. Там есть маркерная доска, проектор, и никто не мешает. Это наша маленькая командная штаб-квартира», – отмечает студентка 5 курса. Это полностью соответствует ключевым характеристикам «третьего места» – нейтральной, инклюзивной территории, которая способствует установлению и укреплению социальных и профессиональных связей, выступая платформой для неформального обучения и сетевого взаимодействия. Кроме того, у старшекурсников формируется отчетливое символическое восприятие библиотеки как неотъемлемого атрибута университетской идентичности и академической культуры, как «сердца» или «интеллектуального центра» альма-матер. Она становится частью личной образовательной истории и профессионального становления.

Обнаруженная трансформация восприятия является результатом совокупного действия нескольких взаимосвязанных факторов. К ним относятся накопление академического капитала и исследовательского опыта, необходимость выполнения все более сложных самостоятельных задач, целенаправленное освоение цифровых информационных инструментов и, что не менее важно, глубокая интеграция в профессиональное и социальное сообщество университета. Студент-выпускник уже не просто «посещает» университет, а является его частью, и библиотека становится одним из пространств, где это чувство принадлежности материализуется. Полученные данные находятся в русле современных исследований, отмечающих, что успешная университетская

библиотека сегодня существует в «фокусе времени», выполняя роль гибридного центра, который синтезирует традиционные ценности (фонд, тишина для работы) с новейшими функциями (цифровая навигация, пространство для коллаборации, центр академических коммуникаций) (Отставнова, Сыромясова, 2024). Также прослеживается связь между развитием социальных функций библиотеки внутри ее стен и ее активным присутствием в цифровой среде, где социальные сети становятся важным каналом информирования и вовлечения студенческой аудитории, формируя новый образ библиотеки как открытого и современного института (Русанова, 2024). Важно подчеркнуть, что целенаправленные просветительские и культурные инициативы, проводимые библиотеками, такие как всероссийская акция «Библиотечный диктант», могут служить эффективными инструментами повышения осведомленности и изменения имиджа библиотеки в глазах студентов, способствуя переходу от узкого к широкому восприятию ее роли (Ломоносов, 2025).

Заключение. Проведенное эмпирическое исследование, основанное на качественной методологии, подтвердило исходную гипотезу о существовании выраженной и закономерной эволюции в восприятии функций и социальной роли университетской библиотеки в процессе академической траектории студента. Были выявлены и детально описаны две контрастные модели восприятия. Модель «тихого зала», характерная для первокурсников, отражает утилитарное, узкофункциональное и в значительной степени пассивное отношение, унаследованное от предшествующего школьного опыта (Барсукова, 2022). Библиотека в этой модели является внешним ресурсом для решения конкретных учебных задач в условиях, компенсирующих недостатки других пространств. Модель «третьего места», формирующаяся к выпускным курсам, представляет собой комплексный, активный и многомерный конструкт. В этой модели библиотека интегрируется в повседневную академическую и социальную жизнь студента, выступая одновременно как инфраструктурная опора (традиционные фонды и рабочие места), как критически важный цифровой навигатор в мире науки (Большаков, 2024; Грибков, 2019), как пространство для социальной коммуникации и профессиональной коллаборации и, наконец, как символический центр университетской идентичности (Отставнова, Сыромясова, 2024). Для старшекурсников библиотека перестает быть просто службой обеспечения и становится значимым агентом академической социализации, способствующим формированию профессиональных сетей, научной культуры и чувства общности.

Список литературы

Барсукова Н. А. Из школьной библиотеки в университетскую путь читателя // Университетская книга. 2022. № 9. С. 34-35. EDN XRKRJA.

Большаков С. Н. Исследовательский потенциал университетских библиотек в условиях цифровизации // Культура и технологии. 2024. Т. 9, № 3. С. 114-120. DOI 10.17586/2587-800X-2024-9-3-114-120. EDN PUQPOY.

Грибков Д. Н. Зарубежный опыт функционирования университетских электронных библиотек // Научные и технические библиотеки. 2019. № 8. С. 77-89. DOI 10.33186/1027-3689-2019-8-77-89. EDN FSVYEG.

Ломоносов А. В. Всероссийская просветительская акция «Библиотечный диктант»: динамика развития и результаты (2019-2024 гг.) // Научные и технические библиотеки. 2025. № 12. С. 35-48. DOI 10.33186/1027-3689-2025-12-35-48. EDN DMIDNG.

Ломоносов А. В. Портрет профильного проректора по воспитанию в высшей школе // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 2(106). С. 28-32. DOI 10.24158/spp.2023.2.3. EDN JQEMWI.

Отставнова И. В. Университетская научная библиотека в фокусе времени / И. В. Отставнова, Е. М. Сыромясова // Пространство науки. 2024. Т. 1, № 2. С. 294-316. DOI 10.33873/3034-4379.2024.1-2.294-316. EDN VJWZBC.

Русанова Д. В. Социальные сети университетской библиотеки // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2024. № 3(33). С. 205-207. EDN FRPCRH.

ХАРАКТЕРИСТИКА УСЛОВИЙ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН В ОЦЕНКАХ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ИТОГИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 2025 Г.

Столь Анна Викторовна,

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,

Научный центр изучения социального развития региона,

Институт стратегических исследований Государственного бюджетного научного учреждения

Академии наук Республики Башкортостан

(Уфа, Россия)

stolavi@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены итоги масштабного социологического исследования, проведенного в Республике Башкортостан в 2025 году, целью которого являлся анализ условий для образования и развития детей в оценках их родителей. Эмпирическую базу составил опрос более 20 тысяч респондентов, репрезентирующий все типы территорий региона. В работе систематизированы ключевые тенденции развития общего и дополнительного образования, выявленные на основе статистического анализа, а также верифицированы факторы, влияющие на удовлетворенность родителей школьной средой. Подтверждена критическая роль кадровой обеспеченности и профессионального выгорания педагогов как главных детерминант успеваемости. Выявлен структурный барьер в виде ограниченной доступности дополнительного образования для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и дефицита школ шаговой доступности в пригородах Уфы. Обоснована необходимость получения субъективных оценок участников образовательных отношений для дополнения объективных статистических показателей. Результаты актуализируют приоритеты региональной образовательной политики: укрепление кадрового потенциала и преодоление инфраструктурных дисбалансов.

Ключевые слова: общее образование; дополнительное образование; социологический опрос; удовлетворенность родителей; кадровый дефицит; профессиональное выгорание; дети с ОВЗ; территориальная доступность; качество жизни; Республика Башкортостан

CHARACTERISTICS OF CONDITIONS FOR EDUCATION AND DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN AS ASSESSED BY PARTICIPANTS IN EDUCATIONAL RELATIONS: RESULTS OF A 2025 SOCIOLOGICAL STUDY

Anna V. Stol,

PhD in economics, associate professor, leading researcher, scientific center for the study
of the social development of the region,

Institute for strategic studies of the State budgetary scientific institution of the Academy
of sciences of the Republic of Bashkortostan

(Ufa, Russia)

stolavi@yandex.ru

Abstract. This article presents the results of a large-scale sociological study conducted in the Republic of Bashkortostan in 2025, the purpose of which was to analyze the conditions for children's education and development as assessed by their parents. The empirical base consisted of a survey of

more than 20,000 respondents representing all types of territories in the region. The study systematizes key trends in the development of general and supplementary education, identified through statistical analysis, and verifies the factors influencing parental satisfaction with the school environment. The critical role of staffing and teacher burnout as the main determinants of academic performance is confirmed. A structural barrier is identified in the form of limited access to supplementary education for children with disabilities and a shortage of schools within walking distance in the suburbs of Ufa. The need to obtain subjective assessments from participants in educational relationships to supplement objective statistical indicators is substantiated. The results update the priorities of regional education policy: strengthening human resource capacity and overcoming infrastructural imbalances.

Key words: general education; additional education; sociological survey; parental satisfaction; staff shortage; professional burnout; children with disabilities; territorial accessibility; quality of life; Republic of Bashkortostan

Введение. Элемент среды «Образование и развитие» является одним из ключевых компонентов оценки качества среды для жизни во всех субъектах Российской Федерации, что нашло отражение в методике рейтинга качества жизни Агентства стратегических инициатив, а также в структуре индекса детского благополучия (Столь, 2025, «Подходы...»: 2). Это обосновано фундаментальной ролью образования в развитии человеческого капитала и его влиянием на качество и уровень жизни, что подтверждается множеством отечественных и зарубежных исследований.

В России выстроена многоуровневая система контроля качества общего образования, включающая лицензирование, аккредитацию, мониторинг и независимую оценку качества. Однако, как отмечается в анализе общероссийских и региональных тенденций (Столь, 2025, «Тенденции...»: 141-154), несмотря на позитивную динамику образовательных результатов по международным методикам (PISA, TIMSS), сохраняется ряд серьезных противоречий. К ним относятся кадровый голод на фоне сокращения относительного уровня финансирования образования к ВВП (с 5,1% в 2006 г. до 4,2% в 2023 г.), рост доли школ с низкими образовательными результатами в ряде регионов и усиление разрыва в охвате образованием между субъектами РФ. При этом важно понимать, что статистические данные, фиксирующие наличие условий (бюджетные расходы, количество мест, материальная обеспеченность), не всегда отражают реальную доступность и качество образования с точки зрения главных бенефициаров – детей и их родителей (Столь, 2025, «Подходы...»: 4).

Данные вызовы в полной мере проявляются и на уровне субъектов федерации. Для выработки эффективных управленческих решений необходимо понимание того, как объективные характеристики школьной среды (укомплектованность кадрами, учебная нагрузка, инфраструктура) преломляются в субъективном восприятии семей, какова мотивация выбора образовательных траекторий и с какими барьерами сталкиваются участники образовательных отношений. Целью данной работы является обобщение результатов социологического исследования 2025 года в Республике Башкортостан, характеризующего условия для образования и развития детей

сквозь призму родительских оценок, и определение на этой основе приоритетных направлений региональной образовательной политики.

Методология и методы. Теоретической рамкой исследования послужила экологическая модель Бронфенбреннера, рассматривающая школу как микросистему, взаимодействие внутренних факторов которой (кадры, нагрузка, атмосфера) с внешней средой (семья, общество) формирует итоговый образовательный результат и удовлетворенность им (Столь, 2025, «Внутренние факторы ...»: 232). Методологической основой для разработки инструментария стал анализ существующих подходов к оценке условий образования и развития, используемых в рейтинге качества жизни АСИ и индексе детского благополучия (Столь, «Подходы...»: 5-7).

В рейтинге качества жизни АСИ элемент «Образование и развитие» включает 3 показателя удовлетворенности (например, удовлетворенность процессом записи в учреждения) и 16 объективных показателей среды, часть из которых также основана на опросах (доля родителей, согласных с утверждениями о доступности допобразования, расходы семей на учебные материалы, время на дополнительные занятия). Индекс детского благополучия дополняет эту картину субъективными оценками самих детей: интерес к урокам, отношение к школе, ощущение безопасности и поддержки. Анализ результатов апробации индекса в Республике Башкортостан в 2022 году выявил устойчивую связь между неблагополучной семейной ситуацией (насилие, конфликты, недоверие) и низкой учебной мотивацией, а также академической неуспешностью детей (Столь, 2025, «Подходы...»: 7-8). Это подтвердило тезис о том, что безопасная и поддерживающая среда является фундаментом для развития, и что опора только на статистику не позволяет диагностировать эти глубинные проблемы.

Эмпирической основой настоящего исследования стали данные количественного опроса родителей школьников, проведенного в апреле 2025 года рабочей группой Научного центра изучения социального развития региона Института стратегических исследований АН РБ под руководством А.В. Столь (Столь, 2025, «Перспективы инклюзии...»; Столь, 2025, «Внутренние факторы ...»). Основным методом сбора данных выступило онлайн-анкетирование, позволившее обеспечить широкий охват респондентов. В опросе приняли участие 20 308 родителей из всех типов территорий Республики Башкортостан, что обеспечило репрезентативность выборки. Распределение респондентов по месту проживания выглядит следующим образом: город Уфа – 15,2 %, пригород Уфы – от 1,1% до 1,6%, другие города РБ – 37,4%, районные центры – 20,2 %, сельская местность – 25,5%. Важной характеристикой выборки стало включение подвыборки родителей детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и/или инвалидностью, составившей 5,7% (1165 человек) от общего числа опрошенных (Столь, 2025, «Перспективы инклюзии...»: 94).

Инструментарий анкеты включал блоки вопросов, направленные на оценку удовлетворенности различными аспектами школьной жизни (кадровая обеспеченность, нагрузка, питание, безопасность, психологический климат), анализ

академической успеваемости детей, изучение образовательных стратегий семей (приверженность школе, причины выбора) и оценку вовлеченности в дополнительное образование. Логика построения анкеты опиралась на необходимость выявления не только уровня удовлетворенности, но и глубинных причин недовольства, а также ресурсов семьи для преодоления возникающих дефицитов.

Научные результаты и дискуссия. Анализ полученных данных позволил охарактеризовать условия для образования и развития в регионе и подтвердить ряд гипотез, выдвинутых на основе предшествующих исследований. В рамках данной работы мы сфокусируемся на трех ключевых блоках результатов: кадровый капитал школы, структурные барьеры доступности образования и субъективное восприятие благополучия.

Ключевая роль кадрового капитала. Исследование убедительно подтвердило гипотезу о том, что кадровая обеспеченность школы и уровень профессионального выгорания педагогов являются критическими факторами, оказывающими наиболее сильное негативное влияние на успеваемость учащихся и удовлетворенность родителей (Столь, 2025, «Внутренние факторы ...»: 236). Кадровая обеспеченность заняла лишь 17-е место из 22 по уровню удовлетворенности (63,7 %), став одной из самых проблемных зон. При этом неудовлетворенность кадрами напрямую коррелирует с объективным дефицитом учителей и субъективным восприятием их состояния. Там, где родители фиксируют кадровую проблему, среднее число наблюдаемых признаков профессионального выгорания у учителей в 1,5-2 раза выше.

Более того, успеваемость детей (доля учащихся на «4» и «5») в школах с благополучной кадровой ситуацией в среднем на 4 процентных пункта выше, а в урбанизированных территориях (Уфа, пригород) этот разрыв достигает 7,9 п.п. (Столь, 2025, «Внутренние факторы ...»: 246-247). Эти данные перекликаются с общероссийской проблемой дефицита кадров, особенно остро проявляющейся в отношении узких специалистов – учителей-дефектологов и тьюторов, где укомплектованность составляет 85,6% и 85,4% соответственно. В Республике Башкортостан нагрузка на коррекционных педагогов, работающих с детьми с умственной отсталостью, превышает среднероссийские показатели в 1,4-4,2 раза, а предлагаемые на рынке труда заработные платы (медианная 30 тыс. руб. весной 2025 г.) остаются неконкурентоспособными (Столь, 2025, «Тенденции...»: 147). Это подтверждает теорию человеческого капитала (Беккер), согласно которой педагоги выступают ключевым активом образовательной системы, и их истощение (выгорание) напрямую подрывает качество образовательного процесса.

Структурные барьеры и неравенство возможностей. Значимые результаты получены при анализе образовательной миграции и доступности образования. Опровергнута гипотеза о том, что жители пригородов Уфы выбирают школы столицы из-за их более высокого качества. Основной причиной выбора школ Уфы является не низкое качество пригородных школ, а структурный барьер – отсутствие образовательной организации в шаговой

доступности. 59,4% родителей из пригородов указали, что школа рядом с домом просто отсутствует. Лишь 12,5 % детей из пригородов учатся непосредственно в Уфе (Столь, 2025, «Внутренние факторы...»: 242-244). Примечательно, что удовлетворенность условиями обучения в самих пригородах (там, где школы есть) выше, чем в Уфе, по 20 из 22 параметров. Это смещает фокус внимания с педагогического качества на проблему пространственной справедливости и необходимость инфраструктурных решений – строительства новых школ или организации транспортных маршрутов. Данный вывод имеет важное значение для понимания природы образовательного неравенства в агломерации, которое в данном случае детерминировано не качеством услуг, а физической доступностью инфраструктуры.

Еще одним структурным барьером является ограниченный охват детей с ОВЗ дополнительным образованием. В целом по региону наблюдается устойчивый рост внимания государства к развитию дополнительного образования и увеличение охвата детей (с 59% в 2021 г. до 85,9% в конце 2024 г.), что положительно влияет на общие образовательные результаты школьников независимо от направления занятий. Государство создает разветвленную инфраструктуру: в Башкортостане функционируют 598 центров «Точка роста», 9 «ИТ-кубов», 2 «Кванториума», что обеспечивает 85,3 % школьников возможностью заниматься по современным программам (Столь, 2025, «Тенденции...»: 151-152). Однако исследование зафиксировало значительный разрыв в реальной вовлеченности: среди детей с ОВЗ в дополнительные программы вовлечены 38,6 %, тогда как среди здоровых сверстников – 51,8%. Даже в таких проектах как «Точки роста», ориентированных на сельскую местность, вовлеченность детей с ОВЗ остается низкой в столице (2,0%). На этом фоне выделяется высокий интерес семей к инклюзивным театральным проектам (19,2% против 17,4%), особенно в сельской местности и пригородах, что указывает на потенциально эффективный инструмент социальной реабилитации и инклюзии, не обеспеченный в настоящее время достаточным предложением (реальный охват – лишь 6,4%) (Столь, 2025, «Перспективы инклюзии...»: 96-97). Это демонстрирует, что создание инфраструктуры («наличие условий») автоматически не гарантирует равного доступа и вовлеченности всех категорий детей, что требует адресных программ и адаптации предлагаемого контента.

Субъективное благополучие и академические результаты. Анализ удовлетворенности родителей выявил сложную, нелинейную связь с объективными показателями. Главным «якорем» родительского восприятия выступает успеваемость ребенка: доля учащихся с оценками «4» и «5» среди удовлетворенных успеваемостью родителей в 4 раза выше, чем среди неудовлетворенных. При этом качество получаемых знаний (73,2% удовлетворенности) и подготовка к поступлению в вуз (59,8% удовлетворенности) занимают более низкие позиции в рейтинге, чем формальная успеваемость (81,2%). Это свидетельствует о наличии разрыва между формальными отметками и реальными компетенциями, необходимыми для

продолжения образования, что является скрытым источником недовольства и кризиса доверия к школе (Столь, 2025, «Внутренние факторы...»: 237-238). Родители остро ощущают этот разрыв: подготовка к поступлению занимает предпоследнее, 21-е место в рейтинге удовлетворенности. Каждый третий родитель рассматривает возможность смены школы, и каждый пятый связывает это напрямую с качеством работы учителей (уровнем преподавания, отношением, нехваткой предметников).

Интересным представляется парадокс восприятия учебной нагрузки. При высокой объективной нагрузке (в среднем 6,6 часов в неделю на домашние задания, в Уфе – до 8 часов) доля недовольных ею велика (22%, 20-е место), однако общая удовлетворенность данным аспектом остается умеренной (70, %, 13-е место). Это может указывать на то, что родители воспринимают высокую нагрузку как неизбежную инвестицию в будущий успех ребенка, что требует дальнейшего изучения мотивационных стратегий семей (Столь, 2025, «Внутренние факторы...»: 241). Возможно, неудовлетворенность смещается с факта наличия нагрузки на ее неэффективность, когда затраченные усилия не конвертируются в уверенность в качестве подготовки.

Особого внимания заслуживают факторы, лежащие вне школьной среды, но критически влияющие на образовательные результаты. Данные индекса детского благополучия по РБ (2022 г.) показывают, что дети, сталкивающиеся с насилием, конфликтами, одиночеством и недоверием в семье, в разы чаще демонстрируют низкую учебную мотивацию и неуспеваемость. Например, среди детей, у которых есть итоговые двойки, каждый третий отметил отсутствие своих книг (кроме учебников), что говорит об обедненной жизненной среде (Столь, 2025, «Подходы...»: 8). Школа в таких условиях не может обеспечить качественное образование, поскольку базовые потребности в безопасности и принятии не удовлетворены. Это подтверждает, что оценка условий образования и развития должна быть комплексной и учитывать не только школьные, но и семейные факторы детского благополучия.

Заключение. Проведенное в 2025 году социологическое исследование позволило охарактеризовать условия для образования и развития детей в Республике Башкортостан, дополнив объективные статистические показатели субъективными оценками непосредственных участников образовательных отношений. Обобщение результатов четырех научных работ автора дает основание сформулировать следующие ключевые выводы.

Во-первых, в регионе, как и в России в целом, фиксируются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, растет охват детей дополнительным образованием, государство уделяет приоритетное внимание развитию этой сферы, создавая современную инфраструктуру («Точки роста», «Кванториумы»). Дополнительное образование, независимо от направления, устойчиво повышает общие образовательные результаты школьников. С другой стороны, сохраняется острый кадровый голод на фоне сокращения относительного уровня финансирования, что проявляется в высокой доле

неудовлетворенных кадровой обеспеченностью школ (36,3 %). Наблюдается рост образовательного неравенства, выражающийся как в дифференциации доли школ с низкими результатами, так и в разрыве доступа к дополнительному образованию для детей с ОВЗ (Столь, 2025, «Тенденции...»: 152).

Во-вторых, подтверждено наличие устойчивого структурного неравенства. Наиболее остро оно проявляется в ограниченных возможностях для детей с ОВЗ в системе дополнительного образования, где разрыв в охвате по сравнению со сверстниками превышает 13 п.п. В то же время выявлен высокий, но нереализованный потенциал инклюзивных практик, таких как школьный театр, что требует целенаправленной поддержки на уровне образовательных организаций и муниципалитетов (Столь, 2025, «Перспективы инклюзии...»: 97).

В-третьих, исследование эмпирически верифицировало применимость экологической модели для анализа региональной образовательной системы. Установлено, что решающим внутренним фактором (микросистемы), влияющим на успеваемость и удовлетворенность родителей, является состояние человеческого капитала школы – ее кадровая обеспеченность и уровень профессионального выгорания педагогов. Одновременно с этим выявлен значимый структурный барьер мезосистемного уровня – дефицит школ шаговой доступности в пригородах Уфы, который является главной причиной «маятниковой» образовательной миграции вопреки распространенному мнению о недостаточном качестве обучения на селе. На макроуровне (экзосистема) подтверждено влияние семейного контекста и социально-экономических условий на образовательные результаты детей, что актуализирует необходимость межведомственного подхода к решению проблем детского неблагополучия.

В-четвертых, обоснована необходимость и продуктивность использования социологических опросов для получения обратной связи от участников образовательных отношений. Субъективные оценки позволяют не только измерить удовлетворенность, но и выявить скрытые дефициты и барьеры (например, разрыв между формальной успеваемостью и качеством подготовки, нереализованный спрос на инклюзивные практики), которые не фиксируются статистикой, но существенно влияют на качество жизни и образовательные стратегии семей (Столь, 2025, «Подходы...»: 9-10).

Полученные выводы актуализируют два ключевых приоритета региональной образовательной политики: реализацию программ по привлечению, удержанию и поддержке педагогических кадров (включая системную профилактику профессионального выгорания, повышение престижа профессии и конкурентной оплаты труда) и устранение инфраструктурных дисбалансов для обеспечения территориальной доступности качественного общего и дополнительного образования для всех категорий детей, включая детей с ОВЗ.

Список литературы

Столь А. В. Внутренние факторы школьной среды и их влияние на удовлетворенность родителей и успеваемость учащихся (на примере Республики Башкортостан) // Society and Security Insights. 2025. Т. 8, № 3. С. 231-252. DOI: 10.14258/SSI(2025)3-13. EDN: KWESWO.

Столь А. В. Перспективы инклюзии: как родители школьников с ОВЗ оценивают условия обучения в сравнении со средними региональными показателями // Актуальные вопросы обеспечения условий инклюзивного образования в Российской Федерации: материалы VIII Международной научно-практической конференции (Москва, 16-17 октября 2025 г.) / ред.: С. В. Алехина, Е. В. Самсонова. М.: МГППУ, 2025. С. 93-98.

Столь А. В. Подходы к оценкам условий образования и развития как элементам рейтинга качества жизни и детского благополучия в регионе // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2025. № 2. С. 1-14. DOI: 10.15593/2224-9354/2025.2.10. EDN: MYIDUA.

Столь А. В. Тенденции в развитии общего и дополнительного образования в России и Республике Башкортостан // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2025. № 4(46). С. 141-154. DOI: 10.24412/2312-6647-2025-446-141-154. EDN: OJSPPH.

**«МАСТЕРСКАЯ НАУКИ» ФОРУМА
YOUNG SCIENTISTS OF THE FORUM**

**ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ:
АНАЛИЗ ПРАВА ПРОГРЕССА И РЕГРЕССА**

Иванова Мария Юрьевна,

аспирант департамента философии и социальных наук
Московский городской педагогический университет

(Москва, Россия)

ivanovamj@mgpu.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ диалектической природы социальных процессов через призму права регресса и прогресса – ключевых концепций, отражающих направленность и качество социальных изменений. Автор рассматривает право прогресса как тенденцию к развитию, усложнению социальных структур, расширению прав и свобод, а также повышению уровня социальной справедливости и качества жизни. В противоположность этому, право регресса трактуется как движение общества к упрощению, деградации социальных институтов, утрате достигнутых достижений и усилению социальных конфликтов. Особое внимание уделяется взаимосвязи и взаимозависимости этих процессов, которые не существуют изолированно, а формируют сложную динамику социальной эволюции. В статье анализируются современные примеры проявления права регресса и прогресса в различных сферах общественной жизни, включая цифровую трансформацию, политические процессы и экологические вызовы. Автор подчеркивает, что социальные изменения всегда сопровождаются противоречиями, и понимание диалектики регресса и прогресса позволяет выявлять эти противоречия, прогнозировать развитие общества и разрабатывать эффективные стратегии управления социальными трансформациями. Методологической основой исследования служит системный и диалектический подход, а также междисциплинарный анализ, что обеспечивает целостное понимание социальных процессов. В заключении подчеркивается необходимость учета обеих тенденций – регрессивной и прогрессивной – для формирования устойчивых и инклюзивных моделей развития общества. Статья будет полезна социологам, политологам, специалистам в области социальных наук и всем, кто интересуется теорией и практикой социальных изменений, а также вопросами устойчивого развития и социальной политики.

Ключевые слова: прогресс; регресс; социальные процессы; трансформация; социальные изменения; противоречия

**DIALECTICS OF SOCIAL PROCESSES:
ANALYSIS OF THE LAW OF PROGRESS AND REGRESSION**

Maria Yu. Ivanova,

postgraduate student of the department of philosophy and social sciences

Moscow city pedagogical university

(Moscow, Russia)

ivanovamj@mgpu.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the dialectical nature of social processes through the prism of the law of regression and progress, which are key concepts reflecting the

direction and quality of social change. The author considers the law of progress as a tendency to develop, complicate social structures, expand rights and freedoms, as well as increase the level of social justice and quality of life. In contrast, the right of recourse is interpreted as the movement of society towards simplification, degradation of social institutions, loss of achievements and intensification of social conflicts. Special attention is paid to the interconnection and interdependence of these processes, which do not exist in isolation, but form the complex dynamics of social evolution. The article analyzes modern examples of the right of regression and progress in various spheres of public life, including digital transformation, political processes and environmental challenges. The author emphasizes that social changes are always accompanied by contradictions, and understanding the dialectic of regression and progress allows us to identify these contradictions, predict the development of society and develop effective strategies for managing social transformations. The methodological basis of the research is a systematic and dialectical approach, as well as interdisciplinary analysis, which provides a holistic understanding of social processes. In conclusion, it is emphasized that both regressive and progressive trends must be taken into account in order to form sustainable and inclusive models of society's development. The article will be useful to sociologists, political scientists, specialists in the field of social sciences and anyone interested in the theory and practice of social change, as well as issues of sustainable development and social policy.

Keywords: progress; regression; social processes; transformation; social changes; contradictions

Введение. Социальные процессы – это динамические изменения, происходящие в обществе, которые влияют на структуру, функции и культуру социальных институтов. Одним из фундаментальных вопросов социальной теории является понимание направленности этих изменений: движется ли общество к прогрессу, регрессу или же эти процессы сосуществуют и взаимно влияют друг на друга. Концепция права регресса и прогресса представляет собой методологическую основу для анализа таких направлений социальных изменений.

Право прогресса традиционно связывается с развитием, улучшением условий жизни, расширением прав и свобод, а также усложнением социальных структур. Право регресса, напротив, отражает тенденции к упрощению, деградации и утрате достигнутых социальных достижений (Бек, 2002: 10). В современном обществе эти процессы проявляются одновременно, создавая сложную и противоречивую динамику.

Цель данной статьи – провести глубокий теоретический и эмпирический анализ права регресса и прогресса в социальных процессах, выявить их взаимосвязь и влияние на развитие общества, а также предложить методологические подходы к исследованию этих явлений.

Методология и методы. Прогресс в социальной теории традиционно понимается как движение общества к более высоким формам организации, характеризующимся улучшением материальных условий, расширением политических и гражданских прав, развитием науки и техники, а также повышением уровня социальной справедливости. Классические социологи, такие как О. Конт и К. Маркс, рассматривали прогресс как объективный и закономерный процесс развития общества.

Современные теории подчеркивают, что прогресс не является линейным и однозначным, а включает в себя множество аспектов: экономический, политический, культурный и технологический. Прогресс связан с усложнением социальных институтов, ростом социальной мобильности и расширением возможностей индивидов (Тепляшин, 2002: 34).

Регресс в социальной теории трактуется как движение общества к более простым, менее развитым формам социальной организации, сопровождающееся утратой социальных достижений, деградацией институтов и усилением социальных конфликтов. Регресс может проявляться в кризисах, войнах, экономических спадах, росте социальной несправедливости и отчуждения.

Важно отметить, что регресс не всегда является абсолютным и может носить временный характер, выступая как реакция на внутренние или внешние вызовы. В диалектическом понимании регресс и прогресс – это взаимосвязанные процессы, которые вместе формируют динамику социальной эволюции.

Право регресса и прогресса – это концепция, отражающая закономерности и направления социальных изменений. Она основана на диалектическом подходе, согласно которому социальные процессы не являются однородными и однозначными, а включают в себя противоречия и взаимное влияние противоположных тенденций.

Диалектика права регресса и прогресса позволяет рассматривать социальные изменения как сложный процесс, в котором прогрессивные и регрессивные элементы взаимодействуют, противостоят и взаимно дополняют друг друга. Это взаимодействие создает динамическую систему, в которой развитие общества происходит не по прямой линии, а через чередование и переплетение фаз прогресса и регресса (Шундилов, 2208: 145).

Одним из ярких примеров права прогресса в современном обществе является цифровая трансформация. Развитие информационных технологий способствует расширению доступа к знаниям, улучшению коммуникаций, автоматизации производства и повышению эффективности управления. Цифровизация открывает новые возможности для образования, здравоохранения и социальной интеграции, что способствует повышению качества жизни и социальной справедливости.

Однако цифровой прогресс сопровождается и новыми вызовами: усилением цифрового неравенства, угрозами приватности, распространением дезинформации и ростом зависимости от технологий (Осмоловская, 2023: 25). Эти негативные явления могут рассматриваться как проявления права регресса, возникающие на фоне прогрессивных изменений.

В политической сфере право регресса проявляется через усиление авторитарных тенденций, ограничение гражданских свобод, рост коррупции и снижение доверия к институтам власти. В некоторых странах наблюдается откат от демократических норм, что ведет к социальной дестабилизации и конфликтам.

В то же время прогрессивные политические реформы, направленные на расширение участия граждан в управлении, повышение прозрачности и

подотчетности власти, свидетельствуют о действии права прогресса. Таким образом, политические процессы представляют собой поле постоянной борьбы и взаимодействия регрессивных и прогрессивных тенденций.

Экологический кризис является примером сложного взаимодействия права регресса и прогресса. С одной стороны, деградация природной среды, изменение климата и истощение ресурсов свидетельствуют о регрессивных процессах, угрожающих устойчивости общества.

С другой стороны, экологические вызовы стимулируют развитие новых технологий, изменение моделей потребления и формирование экологически ориентированной политики, что соответствует праву прогресса. В этом контексте социальные изменения направлены на достижение устойчивого развития и гармонизации отношений общества с природой.

Научные результаты и дискуссия. Для анализа права регресса и прогресса необходим системный и междисциплинарный подход, включающий:

- диалектический метод, позволяющий выявлять противоречия и взаимосвязи между регрессивными и прогрессивными процессами;
- исторический анализ, обеспечивающий понимание динамики социальных изменений во времени;
- компаративный метод, позволяющий сравнивать проявления регресса и прогресса в различных обществах и сферах;
- качественные и количественные методы исследования, включая социологические опросы, контент-анализ и моделирование социальных процессов.

Применение этих методов способствует формированию целостного и глубокого понимания социальных трансформаций (Иванова, 2025: 148).

Диалектика права регресса и прогресса демонстрирует, что социальные изменения не могут быть однозначно оценены как исключительно положительные или отрицательные. Прогресс и регресс – это две стороны единого процесса, которые взаимно обусловлены и необходимы для развития общества.

Понимание этой диалектики позволяет более адекватно реагировать на вызовы современности, разрабатывать сбалансированные стратегии социального развития и управления изменениями. Игнорирование права регресса ведет к утопическим представлениям о непрерывном прогрессе, что может привести к социальным потрясениям и кризисам. Аналогично, преобладание регрессивных тенденций без учета потенциала прогресса способствует стагнации и деградации общества (Розин, 2003: 28).

Важным аспектом является также признание того, что прогресс не всегда равномерно распределён по социальным группам и регионам, что порождает новые формы неравенства и конфликтов. Это требует разработки инклюзивных моделей развития, учитывающих интересы различных слоев населения и минимизирующих негативные последствия социальных трансформаций.

В статье рассмотрена диалектика социальных процессов через призму права регресса и прогресса, что позволило выявить их взаимосвязь и сложную

динамику развития общества. Право прогресса отражает тенденции к усложнению социальных структур, расширению прав и свобод, улучшению качества жизни, тогда как право регресса проявляется в упрощении, деградации и усилении социальных конфликтов.

Современные социальные процессы, такие как цифровая трансформация, политические изменения и экологические вызовы, демонстрируют одновременное действие обеих тенденций, что требует комплексного и системного подхода к их анализу и управлению.

Диалектический подход к исследованию права регресса и прогресса способствует более глубокому пониманию природы социальных изменений и формированию эффективных стратегий устойчивого и инклюзивного развития общества.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных методик оценки баланса регрессивных и прогрессивных процессов в различных сферах, а также на изучение механизмов перехода от регресса к прогрессу и наоборот.

Социальные процессы характеризуются сложной диалектической взаимосвязью между тенденциями прогресса и регресса. Эти два направления не являются взаимоисключающими, а взаимно дополняют и обуславливают друг друга, формируя динамическую систему развития общества. Понимание этой диалектики позволяет избежать односторонних оценок социальных изменений и способствует более глубокому анализу их природы (Мапельман, 2023: 8).

Право прогресса проявляется в усложнении социальных структур, расширении прав и свобод, повышении уровня жизни и развитии науки и технологий. Прогрессивные изменения способствуют социальной мобильности, инклюзии и устойчивому развитию. Однако прогресс не является гарантией абсолютного улучшения, а представляет собой процесс, сопровождающийся новыми вызовами и противоречиями.

Право регресса выражается в упрощении социальных отношений, утрате достигнутых социальных достижений, усилении конфликтов и кризисных явлений. Регресс может носить как временный, так и системный характер, приводя к дестабилизации общества. Его игнорирование в анализе социальных процессов ведет к неполноте понимания динамики развития и рискам социальных потрясений (Фуко, 2007: 15).

Анализ цифровой трансформации, политических изменений и экологических вызовов показывает, что прогрессивные и регрессивные тенденции сосуществуют и взаимодействуют в рамках одних и тех же процессов. Например, цифровизация открывает новые возможности, но одновременно порождает цифровое неравенство и угрозы безопасности. Политические реформы могут расширять демократию, но в то же время наблюдаются авторитарные откаты. Экологический кризис стимулирует инновации, но также свидетельствует о деградации природной среды.

Прогресс и регресс не распределены равномерно по социальным группам, регионам и сферам жизни. Это порождает новые формы социального

неравенства, конфликтов и напряженности. Учет этой неоднородности является необходимым условием для разработки эффективных и инклюзивных стратегий социального развития.

Для адекватного анализа права регресса и прогресса необходим системный, междисциплинарный и диалектический подход, включающий исторический, компаративный и эмпирический методы. Такой подход позволяет выявлять противоречия, взаимосвязи и динамику социальных изменений, а также разрабатывать инструменты управления ими.

Заключение. Осознание диалектики социальных процессов способствует формированию сбалансированных политик и стратегий, направленных на минимизацию негативных последствий регресса и максимизацию потенциала прогресса. Это особенно важно в условиях глобальных вызовов, таких как цифровая трансформация, политическая нестабильность и экологический кризис. Для углубления понимания и практического применения концепции права регресса и прогресса необходимы дальнейшие исследования, направленные на разработку конкретных методик оценки баланса этих процессов в различных сферах общества. Важным направлением является изучение механизмов перехода от регресса к прогрессу и наоборот, а также факторов, способствующих устойчивому развитию и социальной гармонии. Кроме того, перспективным является междисциплинарный анализ, объединяющий социологию, политологию, экономику, экологию и другие науки для комплексного рассмотрения социальных трансформаций.

Таким образом, детальное понимание диалектики права регресса и прогресса позволяет не только глубже осмыслить природу социальных изменений, но и выработать более эффективные стратегии управления развитием общества в условиях современных вызовов и неопределенностей.

Список литературы

Бек У. Общество риска: на пути к другой модерности. М.: Академический проект, 2002. 234 с.

Иванова М. Ю. Правовой прогресс и правовой регресс в проводимой государством правовой политике: социально-философский анализ // Социология. № 7. 2025. С. 148-152. EDN: ZJWUNK.

Мапельман В. М. Морально-нравственные проблемы, ценностей порожденные исследованиями глобальных процессов и освоением космоса. Вестник МГПУ, серия «Философские науки». 2023. № 3 (47). С.8-23. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.47.3.1. EDN: HGMKAE.

Осмоловская С. М. Трансформация медиаизмерений: работа с большими данными // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. 2023. С. 25-28. EDN: YSYABO.

Розин В. М. Генезис права. М.: Издательский дом «NOTA BENE», 2003. 208 с.

Тепляшин И. В. Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал российского права. 2002. № 1. С.34-40. EDN: VJUDDD.

Фуко М. Надзор и наказание. М.: АСТ, 2007. 215 с.

Шундигов К. В. Синергетический подход в правовой науке: проблемы адаптации // Правоведение. 2008. № 1 (276). С. 145-156.

ПОТЕНЦИАЛ ШАХМАТНОГО СПОРТА В ФОРМИРОВАНИИ У МОЛОДЁЖИ ЦЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Карякин Сергей Александрович,
соискатель, Уральский институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Екатеринбург, Россия)
mr.chessman@yandex.ru

Аннотация: в статье ставится проблема потенциала шахматного спорта РФ в вовлечении молодёжи в национальное развитие в результате формирования у нее соответствующих этому ценностей. Обосновывается институциональная природа социализации молодёжи в рамках шахматного спорта. Выдвигается и верифицируется авторская гипотеза о том, что в настоящее время личностно-ориентированные ценности более значимы для российских шахматистов, нежели общественно-ориентированные. Качественное исследование, проведенное автором, раскрывает природу и причины противоречивого характера ценностного формирования российских шахматистов. С одной стороны, традиционные ценности находятся по значимости ниже «западных», с другой стороны, институт шахматного спорта не может обеспечить в полной мере материально-статусное соответствие для шахматистов высокого уровня мастерства, ставя их в более жёсткую ситуацию: помимо выбора между западными и национальными ценностями, существует необходимость выбирать между собственным благополучием и самореализацией и национальными интересами страны.

Ключевые слова: национальное развитие; национальные интересы; социализация в шахматном спорте; ценности российского шахматиста

THE POTENTIAL OF CHESS IN FORMING NATIONAL DEVELOPMENT VALUES IN YOUNG PEOPLE

Sergey A. Karyakin,
PhD candidate, Ural institute of management
Russian Presidential academy of national economy and public administration,
(Yekaterinburg, Russia)
mr.chessman@yandex.ru

Abstract. This article examines the potential of chess in the Russian Federation to engage youth in national development by fostering relevant values. The institutional nature of socialization within chess is substantiated. A hypothesis is advanced and verified that personally-oriented values are currently more significant for chess players than socially-oriented ones. This qualitative study reveals the nature and causes of the contradictory value formation among Russian chess players. On the one hand, traditional values are considered inferior to “western” ones. On the other hand, the institution of chess cannot fully provide material and status benefits for high-level chess players, placing them in an even more difficult situation, not only between Western and national values, but also between their own well-being and self-realization, as well as national interests.

Keywords: national development; national interests; socialization in chess; values of Russian chess players

Введение. Сегодня вопрос вовлечения молодёжи в национальное развитие, в частности формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей среди молодёжи поставлен крайне актуально. Соответственно, задача

ключевых общественных институтов и их представителей заключается в том, чтобы всецело способствовать этому процессу. Российский массовый спорт и спорт высоких достижений не являются здесь исключением. Современный спорт тесно связан с социализацией молодёжи, представляя собой сложносоставной, функциональный социальный институт.

Шахматный спорт, в том числе и российский, также институционализирован:

- имеет богатую традицию и культуру;
- широко распространен среди населения;
- предоставляет не только досуговые, но также широкие возможности для личностного развития, формирования важных социальных и профессиональных компетенций;
- способствует коммуникации, инкультурации и формированию идентичности.

Можно сказать, что спорт в современном мире формирует важные общественные ценности, ядро мировоззрения цивилизованного человека: веру в собственные силы, установку на честное соперничество в конкурентной борьбе, понимание важности не только победы, но самого факта участия в соревновании и т.д. *Шахматный спорт*, наряду с этим, не только генерализует особую интеллектуальную специфику (Малоземов, 2021), но и предлагает собственную особую трактовку картины мира, как «игры по правилам», где ситуацию можно стратегически (Агафонов, 2025) просчитать на несколько ходов вперед, где важны не только холодный расчет, но и творчество, смелость, риск, азарт, где важно не только знать правила, но и уметь их интерпретировать, находить новые смелые, нестандартные решения на основе переработки традиции. Отдельно отметим, что шахматы подразумевают также развитие интеллекта и навыков информационного анализа, умение считывать психологию соперника, владеть своими эмоциями (Коновалова, 2022).

Таким образом, про шахматный спорт можно сказать, что он формирует распространенные социальные практики (Питкин, 2023) и обладает всеми ключевыми признаками социального института, поскольку, говоря словами Т. Веблена «устанавливает границы и формы человеческой деятельности», будучи «тесно связанным с материальным окружением» (Веблен, 1984), предоставляет возможности для удовлетворения целого ряда важных социальных потребностей. Все это становится реальным благодаря тому, что шахматы – это самобытный социально-культурный феномен, а не просто массовая спортивная практика (Фоминих, 2018; Андряков, 2024).

Методология и методы. Выделим *институциональные признаки* шахматного спорта:

- *традиционность, историчность* (история шахмат насчитывает много тысяч лет, эта игра является неотъемлемой частью мирового «культурного кода» разных народов (Войтишек, 2010) как сегодня (Пилавов, 2024, Равочкин, 2024),

так и на протяжении многих веков (Пилавов, 2023); игра как спортивная практика и культурный элемент системы социализации и образования нормативно закреплена на государственном уровне¹;

– *возможность удовлетворять общественные потребности* (досуг (Григорян, 2017), развитие (Лысенко, 2023; Еганов, 2024), формирование ЗОЖ (Иванов, 2024), социализация и профессионализация, общение, возможность трансляции ценностей и культуры);

– *наличие системы статусно-ролевых стандартов* («игрок», «победитель», «гроссмейстер», «шахматист», «спортсмен», «интеллектуал»);

– *кристаллизация и воспроизводство аутентичного нормативно-ценностного комплекса* (законодательно закреплённые правила шахматной игры ², стандарты FIDE, шахматные ценности и традиции, культура отечественной шахматной школы, типичные модели шахматного мышления и поведения в стереотипных ситуациях);

– *наличие институциональных атрибутов узнаваемости / общностной идентичности* (узнаваемой собственной символики, ритуалов, характерных элементов внешнего вида и проявлений особой картины мира как результата самопознания (Щербинин, 2017) в поведении);

– *наличие организаций и учреждений, в рамках которых осуществляется институциональная деятельность* (шахматные ДЮСШ, федерации, в т.ч. Федерация шахмат России – ФШР, Международная шахматная федерация – FIDE, Российская ассоциация шахматных федераций, социальные проекты, связанные с шахматным спортом (Сметана, 2021).

Однако, одной из самых важных функций института шахматного спорта является *социализирующая*. Иными словами, в рамках шахматных спортивных практик возможно организовать массовый процесс передачи и усвоения детьми и молодёжью актуальных общественных ценностей, норм, правил, стереотипов и статусно-ролевых стандартов поведения, вовлечения в распространённые социальные отношения. Здесь культурно-ценностный потенциал института шахматного спорта сложно переоценить, ведь шахматы – это популярный в России спорт и увлечение, способ общения, времяпрепровождения, отдыха и досуга, также инструмент инклюзивного образования (Олейник, 2025) и социальной реабилитации ³. Как известно, социализация есть процесс институциональный и целенаправленный, где одним из актуальных приоритетов формирования нового поколения молодёжи является сохранение и укрепление,

¹ Приказ Министерства спорта РФ от 12 марта 2021 г. № 157 «Об утверждении программы развития вида спорта «Шахматы» в Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400631005/> (дата обращения: 27.02.2026).

² Правила вида спорта «Шахматы» (утв. приказом Министерства спорта РФ от 17 июля 2017 г. № 654). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71629900/> (дата обращения: 27.02.2026).

³ Свыше 10 шахматных клубов для ветеранов СВО открыли в Подмосковье // Телеканал 360 от 22.10.2025. URL: <https://dzen.ru/a/aPit8f6tdAbBuvpj> (дата обращения 26.02.26).

в том числе воспроизводство традиционных ценностей – «нравственных ориентиров, которые передаются от поколения к поколению и лежат в основе общероссийской гражданской идентичности»¹.

Таким образом, можно заключить, что у института шахматного спорта РФ существует значительный потенциал социализации российской молодёжи в рамках формирования ценностей, которые способствуют их вовлечению в процессы национального развития.

Однако, как показало авторское исследование, ценностные ориентации, распространенные и транслируемые сегодня в российских шахматах, не способствуют в необходимой мере вовлечению молодёжи в процессы национального развития, сохранению и укреплению российских ценностей. Наличие потенциальных институциональных возможностей, с одной стороны, и необходимость трансформации ценностных установок, которые сегодня воспроизводятся в рамках российского института шахматного спорта – с другой, составляют ключевое противоречие и формируют одну из центральных проблем шахмат в России, которая ставится и эмпирически обосновывается нами в статье.

Теоретический подход автора основан на интерпретации институциональной и аксиологической концепций в социологии: шахматы рассматриваются как институт, источник трансляции ценностных ориентаций, социальная практика социализации.

В качестве эмпирического нами был применен метод качественного исследования – интервью с представителями института шахматного спорта (тренеры, члены спортивной федерации, чиновники Министерства Спорта Свердловской области, России, спортсмены-ветераны, ключевые компетенты спортивной индустрии). В работе представлен анализ высказываний респондентов по результатам полуструктурированного интервью. Количество опрошенных (N) – 45 чел., среди которых 20 женщин и 25 мужчин в возрасте от 25 до 70 лет.

Научные результаты и дискуссия. На сегодняшний день социально-статусная модель российского шахматиста (по сравнению с моделью, сконструированной в СССР) – претерпела значительные изменения. Выделим основные направления статусной трансформации на основании полученных нами данных интервью на тему сравнения ценностных ориентаций советских и российских шахматистов.

1. Советские шахматисты были более патристичными, на международных соревнованиях, прежде всего, защищали честь страны: *«в СССР была сильная агитация, даже бы сказал пропаганда в хорошем смысле. Прививались важные нужные для государственного строительства ценности. Не все было так однозначно, но в целом, после перестройки мы развернулись на 180 градусов, объявили, что все неправильно, а у них там правильно и стали стремиться быть*

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (Дата обращения 26.02.26).

не как мы (потому что это порочно, плохо, неправильно), а как они. Шахматисты очень либеральные спортсмены, исторически так сложилось, игра этому способствует...но и дети своей страны, своей шахматной школы!» (Эксперт 13);

2. Российские шахматисты более открыты всему новому, более космополитичны, нежели советские: «шахматисты и в советское время в этом плане стояли особняком. Я имею ввиду гроссмейстеров – они активно ездили по миру, играли, говорили, что хотели, выражали позицию и т.д. После развала СССР вообще не нужно стало кого-то спрашивать, с кем-то что-то согласовывать в плане перемещения, выражения своего мнения (стало можно ругать и критиковать свое прошлое, выносить сор из избы официально, книги писать, как это делал Г. К. Каспаров, например). В лице шахматистов космополитизм и либеральная повестка обрела в постсоветское время особо плодотворную почву. И теперь, когда встает вопрос о патриотическом выборе в шахматной среде, данный вопрос практически – вопрос в пустоту (Эксперт 17).

«Важно при этом не налегать на чистый патриотизм, но обеспечить возможности статусной самореализации, обеспечить талантливых шахматистов адекватными возможностями самореализации» (Эксперт 16);

3. Советские шахматисты меньше волновались за свое будущее, были больше уверены в стабильности: «В СССР вообще спорт был более социально ответственным и пропагандировал любовь к Родине. Само будущее было более стабильно, в определенных профессиональных рамках: перспективы, направления, гарантии и пр. Когда мы стали россиянами наступила рыночная экономика, нестабильность и каждый сам за себя. Естественно, на спорте это отразилось тоже» (Эксперт 2);

4. Российские шахматисты в большей степени ориентированы на успех и зарабатывание денег, нежели их советские предшественники: «Это такая новоприобретенная европейская ценность. Только деньги, только успех. Очень похоже на российскую адаптацию американской мечты с машиной, домиком и лужайкой. Спортсмены, как и все, восприняли эту ценность, ведь она стала в нашем обществе основной. Идеализм типа великих свершений в 80-90-2000 е годы был предан забвению, дискредитирован. Теперь имеем то, что имеем, типа бизнес, ничего личного. А как же идеалы, Родина зовет и пр.? Нет денег, и меня здесь не будет. Такая логика сейчас в российском обществе. Хотя в последние 10 лет все немного меняется, реабилитируется идеализм, патриотизм» (Эксперт 11);

5. Советские шахматисты были в целом не меньшими карьеристами, чем нынешние российские: «Карьеризм для спортсмена – это тождественно победе, наверное, Если так, то все чемпионы – карьеристы, не важно советский ты чемпион, или российский – ты настроен на победу. В этом суть спорта. И если благодаря или по причине твоих побед ты как говорят «делаешь карьеру», то да – ты карьерист. От общественных ценностей и идеалов это не сильно зависит. Тут идеология сталкивается с самой сутью спорта как соревнования, противоборства,

взлета, превалирования над остальными, пусть по правилам, пусть честно, но все равно это конкурентная среда, среда карьеристов» (Эксперт 18);

6. Российские шахматисты не уверены, что Родина позаботится о них, они больше рассчитывают на себя и свои силы, в отличие от советских: *«Во всем виноват хронический кризис и сбрасывание государством и бывшими госпредприятиями и организациями с себя социальных функций как бремени. В СССР все экономические субъекты были государственными и государство, а не эти субъекты определяли, что профильный актив для них, а что не профильный. В постсоветское время социальная сфера сильно просела как раз из-за коммерциализации, приватизации экономики. Спорт, по природе своей дотационный (либо это уже шоу бизнес, а не массовый спорт) также остался во многом без поддержки, был вынужден рассчитывать на себя и свои силы. Спортсмены как следствие тоже»* (Эксперт 2);

7. Для советских шахматистов приоритет национальных интересов был выше приоритета личных: *«Идеологическое воспитание советского человека, сколько бы анекдотов не было по этому поводу и как бы над этим не смеялись и не принижали – роль патриотики и патриотической агитации, темы Родины в воспитании в том числе спортсменов в СССР уделялось много сил и времени. Было понятие советский спортсмен, советский тренер, советская школа – вопрос родины, государства, долга был выше на мой взгляд, даже у таких вольных людей как шахматисты. Последние 30 лет направление пропаганды (а она никуда не девалась, просто сменила направление на прививание свободных западных идеалов и ценностей, хищных и меркантильных, к слову). В целом почти ничего не поменялось – карьера, деньги, успех, только если раньше центром была своя Родина, то до недавнего времени центр был перемещен на Запад. Спорт как любой общественный институт просто отражает тенденции всего общества»* (Эксперт 12);

8. Карьера российских шахматистов в меньшей степени защищена от внешнеполитических решений, санкций, в то время как советские спортсмены были в этом плане более защищены и обеспечены: *«Ну, во-первых, статус тогдашнего СССР был более незыблем. Мы только сейчас ставим вопрос о возобновлении регионального влияния РФ на планете. С СССР считались, его остерегались, санкции как известно были, но сейчас иная ситуация. Плюс к тому, в советское время был целый блок СВГ, у нас был свой регион. После советского времени мы интегрировались в Европу и играли уже по их правилам. Сейчас активное обострение, естественно политики используют спорт как рычаг давления и спортсмены оказываются между молотом и наковальней. Вы сами оказались в таком положении, насколько я помню»* (Эксперт 7).

Заключение. На основании мнений респондентов можно сказать, что в настоящее время в российском обществе (шахматная сфера – не исключение) сформирована более коммерчески ориентированная ценностная, профессионально-статусная, поведенческая модель шахматиста. По этой причине шахматист в большей степени ориентируется на себя и свои силы, вынужден исходить из

выгоды и статусности; профессиональные и материальные интересы для него стоят выше национальных интересов несмотря на то, что советский шахматист также был настроен на социальный успех, слыл карьеристом (то есть тем, кто хочет и может быть первым, умеет одерживать победу).

Следовательно, необходимо трансформировать систему ценностей, которую институт шахматного спорта транслирует современной российской молодёжи в ходе её социализации и профессионализации. Необходимо взять вектор на усиление значимости и институционализацию в шахматном спорте общественно ориентированных ценностей, более близких к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, а индивидуально-ориентированные позиционировать как направленные национальному развитию. Ситуация успеха шахматиста должна быть связана с национальными интересами, патриотическую позицию. Трансляцию традиционных ценностей нужно сделать неотъемлемой частью идентичности российского шахматиста всех уровней мастерства, не только высшего, но также начального и тренировочного.

В свою очередь, институт шахматного спорта должен обеспечить баланс материально статусного соответствия для того, чтобы денежный аспект и аспект карьерной реализации не стоял перед российскими шахматистами как выбор между собой и своим благополучием и интересами Родины. Иными словами, необходимо максимально развести меду собой материально-меркантилистский и идеолого-патриотический аспекты в социализации и профессионализации молодых российских шахматистов.

Список литературы

- Агафонов В. Д. Логика и мышление в шахматах: когнитивный тренажер интеллекта // Научный Лидер. 2025. № 50(251). С. 169-171. EDN MLMYGY.
- Андряков П. А. Спорт как социокультурное явление современности // Актуальные вопросы физического воспитания молодёжи и студенческого спорта: Сборник трудов VII Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 24-25 мая 2024 года. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2024. С. 273-276. EDN IHQIML.
- Веблен Т. Теория праздного класса : перевод с английского; вступ. ст. с. 5-56 С. Г. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
- Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре Японии: специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Войтишек Елена Эдмундовна. Санкт-Петербург, 2010. 48 с. EDN QGZUHP.
- Григорян М. Н. Формирование конструктивной досуговой деятельности молодёжи через занятия шахматами // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. Т. 3, № 13. С. 1164-1166. EDN YQWDPO.
- Еганов А. С. Влияние шахмат на развитие интеллектуальных способностей детей дошкольного возраста // Вестник науки и образования. 2024. № 2-1(145). С. 91-93. EDN ZXBCPR.
- Иванов В. Н. Влияние игры в шахматы на развитие интеллектуального и здорового образа жизни обучающихся // Образование – наука – производство : Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Чита, 22 ноября 2024 года. Чита: Иркутский университет путей сообщения, 2024. С. 501-506. EDN NCEDMA.

Коновалова О. Ю. Влияние обучения игре в шахматы на развитие памяти // Наука и молодёжь: проблемы, поиски, решения: труды Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Новокузнецк, 17-18 мая 2022 года. Том Выпуск 26. Часть IV. Новокузнецк: Сибирский государственный индустриальный университет, 2022. С. 385-386. EDN FCWPNI.

Лысенко Н. Е., Филинберг И. Н. Шахматы – спорт для ума! // Наука и молодёжь: проблемы, поиски, решения: труды Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Новокузнецк, 16-17 мая 2023 года. Новокузнецк: Сибирский государственный индустриальный университет, 2023. С. 376-378. EDN KATJGW.

Малоземов О. Ю., Власов Н. Г., Белькова А. В., Синдимирова М. В. Шахматы как вид спорта в современных условиях // Теория и практика современной науки. 2021. № 5(71). С. 281-285. EDN NQKYDS.

Олейник А. А., Голочалова К. Д. Шахматы как инструмент инклюзивного образования в контексте адаптивной физической культуры // Аллея науки. 2025. Т. 1, № 11(110). С. 1256-1259. EDN PKXPBI.

Пилавов Г. Ш. Социокультурная значимость шахмат в империи Сасанидов // Научный вестник Луганского государственного аграрного университета. 2023. № 3-4(20-21). С. 320-324. EDN AXCZRL.

Пилавов Г. Ш. Шахматы как метафора в мировой философской мысли // Kant. 2024. № 4(53). С. 282-286. DOI 10.24923/2222-243X.2024-53.43. EDN QCCJMY.

Питкин В. А., Иващенко С. С. Польза шахмат в повседневной жизни // Наука. Техника. Технологии (политехнический вестник). 2023. № 4. С. 353-355. EDN JYYOND.

Равочкин Н. Н., Закиров С. А. Медиарепрезентации шахмат в контексте трансформации коммуникаций: социально-философский анализ // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2024. № 4. С. 190-197. EDN XFWWAU.

Сметана В. В. Проект «Шахматы в школах» в контексте теории общественного блага // Социология. 2021. № 5. С. 171-175. EDN VCKNRT.

Фоминых М. В. Шахматы как социально-культурный феномен // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2018. № 1(25). С. 68-76. EDN QLGAMU.

Щербинин М. Н., Мартиш В. С. Шахматы как форма самопознания // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 13(409). С. 78-81. EDN QHTRZF.

КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ВЫПУСКНИКОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ

Корсаков Антон Николаевич,
аспирант, Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
(Екатеринбург, Россия)
concordat1122@mail.ru

Аннотация. В настоящее время Россия становится одним из ведущих игроков на мировом рынке высшего образования, что создаёт условия для распространения глобального влияния с использованием ресурсов «мягкой силы». Потенциал иностранцев, окончивших отечественные высшие учебные заведения, предоставляет для этого неограниченные возможности. Цель настоящего исследования – обосновать применение методологических подходов для изучения карьерных траекторий иностранцев в призме организации обоюдовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: методология; иностранный студент; выпускник; траектория; взаимодействие

CAREER TRAJECTORIES OF FOREIGN GRADUATES OF RUSSIAN UNIVERSITIES: METHODOLOGICAL APPROACHES IN THE STUDY

Anton N. Korsakov,
graduate student, The Ural Institute of Management is a branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia)
concordat1122@mail.ru

Abstract. Currently, Russia is becoming one of the leading players in the global higher education market, which creates conditions for the spread of global influence through the use of soft power resources. The potential of foreigners who have graduated from domestic higher education institutions provides unlimited opportunities for this purpose. The purpose of this study is to justify the application of methodological approaches for studying the career trajectories of foreigners in the context of organizing mutually beneficial cooperation.

Keywords: methodology; international student; graduate; trajectory; interaction

Введение. В 2024 году Российская Федерация заняла 7 место среди стран с наибольшим числом иностранных студентов с общим количеством учащихся более 320 тыс. человек (количественные данные, 2024). Анализ данных также свидетельствует о 13% росте (по сравнению с 2023 г.) после практически 30% падения с февраля 2022 г. Таким образом, мы видим, что наша страна восстанавливает свои позиции и постепенно возвращается на мировой рынок образовательных услуг.

Вместе с тем необходимо отметить, что после получения диплома большинство иностранцев вернутся на родину (точные статистические данные отсутствуют), где начнут свою трудовую деятельность на основе приобретенных

профессиональных компетенций. А Россия получит до 300 тыс. лояльных иностранных граждан, способных содействовать обоюдновыгодному политическому, экономическому и гуманитарному сотрудничеству. Однако, чтобы иметь возможность качественно использовать данный ресурс, необходимо четко структурированное понимание профессиональных и жизненных траекторий иностранных выпускников российских вузов, в связи с чем необходимо использовать наиболее релевантные общесоциологические методы для исследования выбранного объекта.

Методология и методы. В настоящей статье предпринята попытка с использованием метода анализа обосновать применение 4 методологических подходов для изучения карьерных траекторий иностранцев:

- понимающей социологии («интерпретативной»);
- структурно-функционального;
- комплексного;
- транснационализма.

Исследуемая тема сравнительно мало изучена в отечественной и иностранной литературе. В работах за рубежных авторов преобладают исследования теоретических подходов, учитывающих изменение миграционных потоков и ментальных предпочтений иностранцев. В частности, предлагается использовать аналитическую модель, предусматривающую как традиционные мотивы студенческой мобильности, так и факторы вынужденной миграции (Brunner, 2024). Исследователи также уделяют внимание методологии изучения поляризации внутриевропейской студенческой миграции (Balaz, 2018). В рамках анализа исследуемого явления предлагается рассмотреть методологические принципы использования «больших данных» (Narh, 2025).

Отечественная научная школа исследует студенческую мобильность в контексте теоретических подходов глобализации и выяснения мотивов предпочтения абитуриентами тех или иных стран (Афанасьева, 2019). Кроме того, проводится теоретический анализ доктринальных документов в призмах изучаемой темы (Шитова, 2020). В ряде исследований обосновывается применение так называемого подхода «выталкивающих и притягивающих факторов», а также теоретическая разработка «кросс-границных» социальных пространств (Таишева, 2020).

Вместе с тем в нашем исследовании предложена попытка обоснования комплексного применением классических подходов и методологии, отражающей наиболее передовые идеи в социологии, что обуславливает актуальность. Теоретические подходы, исследуемые в статье, представлены в соответствии с хронологией их появления и анализируются в контексте применения к карьерным траекториям иностранных студентов, окончивших российские высшие учебные заведения.

Научные результаты и дискуссия. Исследованию с применением метода понимающей социологией М. Вебера подлежат как карьерные траектории иностранцев, так и ментальная составляющая их личностей. В качестве

результата предполагается получение вероятностной характеристики объекта относительно перспективы вступления во взаимодействие с представителями российской стороны (частным сектором или органами государственной власти).

В рамках подхода анализу подлежат несколько факторов:

1. Сравнительный исторический анализ страны получения образования и происхождения объекта: экономическая и политическая системы, анализ нормативно-правовой базы государств, культурологический и религиозный аспекты.

2. Объективные данные в отношении иностранца: демографические характеристики, роль семейного капитала, социально-экономическая и религиозная составляющая личности, профессиональные компетенции и сведения о возможном участии в неформальных объединениях.

3. Анализ эмпирических данных в отношении объекта: биография иностранца в России, степень погруженности в академическую, профессиональную и внеучебную жизнь, фактор российского диплома в профессиональной траектории, опыт взаимодействия с представителями российской стороны, анализ профилей в социальных и профессиональных сетях.

4. Распределение изучаемых объектов по идеальным типам:

- целерациональный (получая российский диплом, объект делал конкретный осмысленный выбор);
- ценностнорациональный (в получение образования в Российской Федерации вкладывал ценностный, духовный или ментальный смыслы);
- аффективный тип (руководствовался эмоциональной составляющей);
- традиционный тип (получение образования связывалось с традиционной составляющей семейных установок или устоев территории происхождения).

Анализ выделенных факторов позволит представить объективную характеристику личности иностранного выпускника, а также с обусловленной долей вероятности сделать вывод о склонности объекта стать элементом «мягкой силы» Российской Федерации у себя на родине.

Подход с точки зрения структурно-функционального метода позволит провести анализ деятельности структур (государственных, негосударственных и некоммерческих), которым в силу их функционала вменена обязанность организации и/или развития контактов с иностранными выпускниками, а также профессиональными объединениями за рубежом.

В ходе исследования предполагается выделение объектов анализа:

- государственных органов, отвечающих за развитие гуманитарного сотрудничества;
- сепарировано будет проанализирована деятельность Россотрудничества (профильное ведомство продвижения «мягкой силы» за рубежом);
- центры по развитию партнерства с выпускниками вузов (в части, касающейся взаимодействия с иностранцами);
- сообщества выпускников российских вузов в странах исхода иностранных студентов.

Также сформулирована научная гипотеза: «Иностранные выпускники являются частью политики «мягкой силы» и структурным элементом продвижения интересов РФ за рубежом». В рамках подхода предполагается собрать данные, свидетельствующие об имеющемся взаимодействии (или его отсутствии) выделенных структур и иностранных выпускников, а также проанализированы жизненные траектории объектов, получивших российское образование и вернувшихся на родину, в призмах организации сотрудничества с российской стороной.

После проведения анализа будут сделаны выводы по следующим вопросам:

- как выпускники российских высших учебных заведений трансформируют социальные институты (в том числе профессиональные сообщества и неформальные объединения) в странах исхода;
- способствует ли возвратная миграция продвижению российских интересов за рубежом;
- насколько успешно специалисты с российскими дипломами реинтегрируются в систему государства исхода и профессионального комьюнити. Сталкиваются ли они с непониманием из-за противоречия между усвоенными за рубежом нормами и местными реалиями.

В выводах предполагается сформулировать оценку качества деятельности выделенных структур, а также выработаны конкретные меры по повышению эффективности их работы по распространению влияния Российской Федерации в контексте использования «softpower».

Комплексный метод позволит организовать изучение объекта с задействованием междисциплинарного подхода, в том числе использовать возможности нескольких наук (социология, психология, этнология, экономика, политология, история) для выстраивания комплексной и предельно детальной картины карьерных траекторий иностранных выпускников российских вузов. В качестве базовой дисциплины будет использована социология, как научное поле, дающее наиболее общее понимание об объекте, «смежные» науки должны будут привнести специфическое видение многоаспектности изучаемого явления.

В рамках подхода предполагается поведение анализа «макрообъективных и микросубъективных» (Рыбакова, 2017) аспектов в их непосредственном взаимодействии. В частности, будет выделено 3 направления исследования:

1. Микроуровень: проанализированы индивидуальные карьерные, жизненные траектории, а также взгляды и убеждения и их взаимосвязь с психологическими типами и ментальными установками конкретных индивидов. В данном аспекте будут использована методология микросоциологии и психологии.

2. Мезоуровень: исследование социальных сетей, профессиональных и социокультурных объединений, центры взаимодействия. В анализе представляется необходимым использование методологических подходов социологии, этнологии и антропологии.

3. Макроуровень: анализ нормативно-правовых актов и функционал макроструктур, отвечающих за организацию взаимодействия. Используются подходы политологии, экономики, правоведения, макросоциологии.

В результате в рамках исследования мы рассчитываем получить многоаспектный анализ, карьерных траекторий иностранцев, получивших дипломы российских вузов, детализированный спецификой подходов смежных наук: психологии, политологии, экономики, антропологии и истории.

Подход с точки зрения *метода транснационализма* также предполагает комплексное исследование возвратной образовательной миграции, но не за счёт привлечения концепций смежных наук, а путем выхода за рамки традиционной в нашей социографии парадигмы «остались-выехали» и обращения к новым «социальным полям» (Schiller, 1994), охватывающим сразу несколько государств и пространств (сфера реальных и online коммуникаций). Исследование карьерных траекторий через призму транснационализма позволит объединить качественные (глубинное интервью) и количественные методы (контент-анализ онлайн данных и анализ «bigdata») без учёта географических ограничений.

В частности, в рамках исследования предполагается сформулировать следующие задачи:

- специфика выстраивания профессиональной идентичности с учётом профессиональных навыков и компетенций, полученных в России и особенностей глобального (национального) рынка труда;
- наиболее предпочтительные способы современной профессиональной коммуникации с контрагентами: работа непосредственно в представительстве компании на территории государства проживания, на «удалённой основе», вариант взаимодействия в форме «консультаций», использование специализированных онлайн программ;
- специфика формирования и формы функционирования транснациональных профессиональных сетей (формальные и неформальные коммуникации);
- роль неформальных объединений выпускников отечественных вузов в развитии карьерной траектории и поддержании связей с Российской Федерацией.

В результате анализа предполагается сконструировать медианную модель карьерных траекторий иностранцев в рамках глобального рынка труда с отражением основных мотивирующих факторов организации взаимодействия с Российской федерацией, а также предпочтительных форм коммуникаций.

Заключение. Таким образом, нами предложена попытка комплексного методологического подхода к изучению карьерных траекторий иностранных выпускников российских вузов. В результате исследования предполагается построение социального портрета личности объекта, с многоаспектным анализом, его карьерной траектории, детализированный спецификой подходов смежных наук. Анализ карьерного становления будет проведен, в том числе с учетом развития современного глобального рынка труда с отражением основных

мотивирующих факторов поддержания взаимодействия со структурами Российской федерацией, а также предпочтительных форм коммуникаций. Сформулирована оценка качества деятельности государственных и частных структур в контексте распространения «softpower» с привлечением резерва иностранных дипломированных специалистов, обладающих опытом обучения, проживания и работы в Российской Федерации.

Список литературы

Афанасьева И. И., Ушаков Д. С. Международная образовательная миграция в эпоху современных глобальных трансформаций // Вестник Академии знаний: электронный журнал. 2019. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-obrazovatel'naya-migratsiya-v-epohu-sovremennyh-globalnyh-transformatsiy>(дата обращения: 09.01.2026).

Количественные данные в отношении иностранных студентов, 2024. URL:<https://statbase.ru/data/rus-number-of-international-students/>(дата обращения: 16.02.2026).

Рыбакова В. В. Комплексный подход в современной социологии науки (на примере американских исследований) // Социально-гуманитарные знания: электронный журнал. 2017. №5. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnyy-podhod-v-sovremennoy-sotsiologii-nauki-na-primere-amerikanskih-issledovaniy>(дата обращения: 14.02.2026).

Таишева В. В. Образовательная миграция в смысловом пространстве политической науки: обзор теоретических подходов // Вестник Российского университета дружбы народов: электронный журнал. 2020. № 3. URL:<https://doi.org/10.22363/2313-1438-2020-22-3-367-386> (дата обращения: 09.01.2026).

Шитова Н. Б. Образовательная миграция в России: концептуальные вопросы правового регулирования // Журнал российского права: сетевой журнал, 2020. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-migratsiya-v-rossii-kontseptualnye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 09.01.2026).

Baláž V, Williams A. M., Chrančoková M. Connectivity as the facilitator of intra-European student migration. // Popul Space Place: network journal, 2024. URL:<https://doi.org/10.1002/psp.2101>(accessed: 20.01.2026).

Brunner L. R., Streitwieser B., Bhandari R. International Student Mobility, Opportunity, and the Voluntariness of Migration: A New Conceptual Approach. // International Higher Education: network journal, 2024. URL:<https://ihe.bc.edu/pub/pf8iru1b>(accessed: 20.01.2026).

Narh E. D., Buzzelli M. Nowcasting International Student Migration: From Core–Periphery to Multipolar Global Geographies. // Annals of the American Association of Geographers: network journal, 2024. URL:<https://doi.org/10.1080/24694452.2025.2511940>(accessed: 20.01.2026).

Schiller G., Basch N., Blanc-Szanton C. Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. // Annals of the New York Academy of Sciences. 1992. 21-24 p.

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Марченков Евгений Сергеевич,

соискатель кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург, Россия)
snab_ects@mail.ru

Аннотация. В статье представлены новые научные результаты сравнительного социологического исследования, проведенного в 2025 году, целью которого было выявление особенностей формирования цифровой идентичности и социально-трудовых практик среди молодежи (18-30 лет) России и Казахстана в контексте развития платформенной экономики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания трансформации социальных институтов и структур под влиянием цифровизации, что соответствует ключевым направлениям работы форума, включая социологию молодежи, исследования социальных процессов и институтов. Теоретической основой исследования выступили концепции сетевого общества, рефлексивной модернизации и теории капитала. Эмпирическую базу составили данные количественного онлайн-опроса (N=1200), проведенного в сентябре-ноябре 2025 года, и качественного контент-анализа 200 профилей в социальных сетях, дополненные двадцатью глубинными интервью. Методология основана на сравнительном анализе с применением статистических методов (хи-квадрат, факторный анализ) и интерпретативного анализа дискурса. Результаты свидетельствуют о статистически значимых различиях ($p < 0.01$) в стратегиях адаптации: для казахстанской молодежи характерен инструментальный тип цифровой идентичности с фокусом на материальную эффективность и накопление экономического капитала, тогда как для российской – экспрессивный тип, ориентированный на самопрезентацию, творческую самореализацию и гибкость как самостоятельную ценность. Научная новизна работы заключается в верификации двухфакторной модели цифровой идентичности и проведении кросс-национального сравнительного анализа, ранее не представленного в академической литературе. Обнаруженные различия интерпретируются через призму институциональных условий и культурных паттернов, характерных для каждого общества. Полученные выводы имеют практическую значимость для разработки дифференцированных мер социальной политики и образовательных программ в странах ЕАЭС, направленных на поддержку молодежи в условиях цифровой трансформации рынка труда и социальных отношений. В статье также рассматриваются перспективы интеграции методологических подходов социологии управления и персонала для анализа новых форм цифровой занятости.

Ключевые слова: цифровая идентичность; молодежь; платформенная экономика; сравнительный анализ; социальные практики; Россия; Казахстан; социология управления

DIGITAL IDENTITY AND SOCIAL PRACTICES OF YOUTH IN THE PLATFORM ECONOMY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Evgeny S. Marchenkov,

PhD candidate, department of personnel management and sociology, Ural institute of management –
a branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration
(Yekaterinburg, Russia)
snab_ects@mail.ru

Abstract. The article presents new scientific results of a comparative sociological study conducted in 2025, which aimed to identify the features of the formation of digital identity and socio-

labor practices among youth (18-30 years old) in Russia and Kazakhstan in the context of the development of the platform economy. The relevance of the study is due to the need to understand the transformation of social institutions and structures under the influence of digitalization, which corresponds to the key areas of the forum's work, including the sociology of youth, research on social processes and institutions. The theoretical basis of the study was the concepts of network society, reflexive modernization and theories of capital. The empirical base consisted of data from a quantitative online survey (N=1200), conducted in September-November 2025, and a qualitative content analysis of 200 social media profiles, supplemented by twenty in-depth interviews. The methodology is based on comparative analysis using statistical methods (chi-square, factor analysis) and interpretive discourse analysis. The results indicate statistically significant differences ($p < 0.01$) in adaptation strategies: Kazakh youth is characterized by an instrumental type of digital identity focused on material efficiency and the accumulation of economic capital, while Russian youth is characterized by an expressive type focused on self-presentation, creative self-realization and flexibility as an independent value. The scientific novelty of the work lies in the verification of a two-factor model of digital identity and the conduct of a cross-national comparative analysis, previously not presented in the academic literature. The identified differences are interpreted through the prism of institutional conditions and cultural patterns characteristic of each society. The findings have practical significance for the development of differentiated social policy measures and educational programs in the EAEU countries aimed at supporting youth in the context of the digital transformation of the labor market and social relations. The article also considers the prospects for integrating methodological approaches of management sociology and personnel management to analyze new forms of digital employment.

Keywords: digital identity; youth; platform economy; comparative analysis; social practices; Russia; Kazakhstan; sociology of management

Введение. Современный этап общественного развития характеризуется глубинными трансформациями, вызванными процессами цифровизации. Одним из наиболее значимых социальных феноменов последнего десятилетия является стремительный рост платформенной экономики, которая трансформирует традиционные рынки труда, создает новые формы занятости и переопределяет отношения между работником, работодателем и потребителем. Эти процессы актуализируют проблему цифрового капитала, который становится ключевым ресурсом в новой социальной стратификации. Как показывают R. Verwiebe и S. Hagemann (Verwiebe, Hagemann, 2024: 1865-1868), цифровой капитал становится новым измерением социальной стратификации. Переосмысляя теорию П. Бурдьё применительно к цифровой эпохе, исследователи демонстрируют, что цифровые компетенции и персональные данные формируют особый вид капитала, неравномерно распределённого между социальными группами. Этот капитал не только дополняет традиционные формы, но и активно конвертируется в них, воспроизводя и усиливая существующее неравенство. Данный процесс имеет глобальный масштаб, однако его конкретные проявления варьируются в зависимости от национального и институционального контекста. В условиях этой трансформации молодежь выступает не только как ключевой участник новых экономических отношений, но и как социальная группа, наиболее интенсивно формирующая новые модели цифровой социальности. Центральным элементом этой социальности становится феномен цифровой

идентичности – сложного конструкта, отражающего процесс самоопределения личности в гибридном онлайн-офлайн пространстве.

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, платформенная экономика из маргинального сегмента превращается в значимый социальный институт, что требует его углубленного социологического анализа. Во-вторых, цифровая идентичность перестает быть исключительно виртуальным феноменом, оказывая прямое влияние на реальные социальные траектории и карьерные стратегии молодежи (Толеубекова, 2024: 36). В-третьих, в условиях глобальной нестабильности, усугубляемой геополитическими и экономическими кризисами, которые порождают у молодежи страхи за будущее, потерю работы и снижение уровня жизни (Певная и др., 2022: 124-129), понимание специфики адаптации молодежи к новым экономическим реалиям в разных странах становится критически важным для разработки эффективной социальной политики. Исследование напрямую соответствует ключевым направлениям работы форума, поскольку анализирует, как новый экономический институт влияет на социальные практики и идентичность ключевой демографической группы.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении, что цифровая идентичность молодежи Казахстана носит преимущественно инструментальный характер, где платформы воспринимаются как источник экономического капитала, в то время как для российской молодежи более значима экспрессивная составляющая, где платформы ценятся как пространство для самовыражения. Основанием служат результаты сравнительных исследований ценностных установок, фиксирующих более выраженный прагматизм и ориентацию на материальное благополучие в Казахстане, тогда как в России намечается сдвиг в сторону свободы, творчества и самореализации (Ростовская, Калиев, 2019: 116-133; Шнарбекова и др., 2023: 186-207). В частности, данные мониторинговых исследований показывают, что для казахстанской молодежи «интересная и творческая работа» имеет высокую значимость, но часто рассматривается как средство достижения материального благополучия, в то время как российские молодые люди в большей степени ориентированы на индивидуализацию и самовыражение (Ростовская, Калиев, 2019: 134-135, 146-150).

Методология и методы. Теоретической основой исследования выступили три взаимодополняющих подхода. Концепция сетевого общества М. Кастельса позволяет осмыслить платформенную экономику как новую организационную форму, где ценность создается в сетевых структурах (Кастельс, 2016: 214-217). Теория рефлексивной модернизации Э. Гидденса и У. Бека дает инструментарий для анализа того, как молодые люди конструируют свою идентичность в условиях неопределенности, характерной для позднего модерна (Giddens, 1991: 92-95; Beck, 2000: 137-140). Наконец, теория капиталов П. Бурдье применяется для анализа того, как цифровая активность трансформируется в различные формы капитала – экономический, культурный, социальный и символический

(Bourdieu, 1986: 245-247). Интеграция данных теоретических перспектив позволяет рассмотреть цифровую идентичность как социальную стратегию в поле платформенной экономики.

Несмотря на растущий объем исследований по отдельности, компаративные работы, системно сравнивающие модели цифровой идентичности молодежи России и Казахстана, практически отсутствуют. Этот пробел ограничивает понимание траекторий цифровой адаптации в рамках ЕАЭС. Цель настоящего исследования – выявить и проанализировать социокультурные особенности формирования цифровой идентичности и связанных с ней трудовых практик у молодежи России и Казахстана.

Эмпирическое исследование реализовано с использованием стратегии смешивания методов (mixed methods) в период с сентября по ноябрь 2025 года. Выбор данного методологического подхода обусловлен необходимостью комплексного анализа социальных практик молодежи, что подтверждается и результатами современных междисциплинарных исследований, успешно применяющих схожие стратегии для изучения молодежной активности в городской среде постсоветских стран (Певная и др., 2023: 52-57). Количественный этап включал онлайн-опрос молодежи (18-30 лет) России и Казахстана. Использовалась стратифицированная выборка с квотами по полу, типу поселения и уровню образования. Общий объем выборки составил N=1200 респондентов (по 600 из каждой страны). Качественный этап включил контент-анализ публичных профилей респондентов (n=200) и 20 полуструктурированных онлайн-интервью (по 10 с представителями каждой страны). Количественные данные обрабатывались в SPSS 26.0 (дескриптивная статистика, критерий хи-квадрат, факторный анализ), качественные – в MaxQDA 2022 (тематическое кодирование). Исследование выполнено в соответствии с этическими стандартами, все данные анонимизированы.

Научные результаты и дискуссия. Проведенный анализ выявил системные различия между российской и казахстанской молодежью, касающиеся не только уровня вовлеченности в платформенную экономику, но и логики взаимодействия с цифровой средой.

Количественные данные демонстрируют статистически значимую разницу: в платформенной экономике заняты 41% опрошенной молодежи Казахстана против 32% в России ($\chi^2 = 12.15$, $p = 0.003$). Однако ключевое различие лежит в структуре мотивации. Факторный анализ выделил два латентных фактора: «Инструментально-экономический» (высокий доход, финансовая независимость) и «Экспрессивно-автономный» (гибкий график, творческая самореализация). У казахстанской молодежи факторные нагрузки по первому, инструментальному фактору значимо превышали аналогичные показатели в российской выборке.

Для молодежи Казахстана платформенная занятость – это, прежде всего, инструмент экономической адаптации. Доминирующий мотив – высокий доход (78%). Гибкость графика ценится как полезный бонус (45%). Творческая составляющая менее значима (32%). В интервью звучат прагматичные,

ориентированные на результат нарративы. Лишь 63% считают цифровую идентичность важной частью личности, что указывает на сегментированное отношение к онлайн-среде как к рабочему инструменту.

Для российской молодежи первостепенное значение имеют неэкономические факторы: ценность автономии и гибкого графика (68%), возможность творческой самореализации (57%). Доход важен, но часто воспринимается как следствие любимого дела. Цифровая активность глубоко вписана в самовосприятие: 84% респондентов считают ее важной частью своего «Я».

Эти различия подтверждаются контент-анализом. У российской молодежи наблюдается тенденция к построению целостного, нарративного цифрового «Я» (экспрессивный тип). У молодежи Казахстана цифровая идентичность носит более сегментированный, функциональный характер (инструментальный тип), где профессиональные профили структурированы по принципу резюме.

1. Интерпретация результатов в теоретическом контексте позволяет сделать следующие выводы. В казахстанском случае платформенная экономика используется для прямой конвертации цифровых компетенций в экономический капитал. В российском случае акцент смещен на накопление символического капитала (репутация, стиль). Обнаруженные различия могут быть объяснены структурными факторами: в Казахстане больший разрыв в доходах между локальным и глобальным рынками труда делает платформенную занятость каналом «географической мобильности без перемещения». В России, особенно в крупных городах, рынок гиг-экономики более насыщен, что заставляет работников искать неценовые источники дифференциации.

Заключение. Проведенное сравнительное исследование позволяет сформулировать следующие ключевые научные результаты:

1. Эмпирическая верификация двухфакторной модели цифровой идентичности в платформенной экономике: экспрессивный и инструментальный типы.

2. Доказательство системных национальных различий в мотивации и практиках между молодежью России и Казахстана, коррелирующих с макросоциальными показателями.

3. Анализ платформенной экономики как дифференцирующего социального фактора, усиливающего существующие социокультурные различия.

4. Вклад в социологию управления через изучение практик самоуправления как ключевых компетенций цифрового работника.

Практическая значимость результатов заключается в необходимости разработки дифференцированных мер поддержки молодежи. Для России актуальны задачи легитимации гибких форм занятости и развития портативного социального страхования. Для Казахстана приоритетом могут стать программы, направленные на максимизацию глобальной конкурентоспособности через обучение hard skills.

Ограничения исследования связаны с трудностью полного охвата наименее цифрово активных групп. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении сравнительной панели и проведении лонгитюдного исследования.

Список литературы

- Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2021. 384 с.
- Бурдые П. Формы капитала / пер. с англ. // Экономическая социология. 2018. Т. 6, № 3. С. 60-74.
- Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2023. 416 с.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 564 с.
- Певная М. В., Шуклина Е. А., Киенко Т. С., Тарасова А. Н., Андрианова Е. В., Худякова М. В., Шаповалова И. С. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 116-136. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9. EDN: VYDKQJ.
- Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. Москва: Русайнс, 2019. 153 с.
- Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: потенциал и модель управления / Певная М. В., Быстрова Т. Ю., Костина С. Н., Кульминская А. В., Минченко Д. В., Нотман О. В., Тарасова А. Н., Телепаева Д. Ф., Федорова М. С., Черникова-Бука М., Шуклина Е. А. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2023. 344 с. ISBN: 978-5-7996-3610-4. EDN: HNYEEM.
- Ткачева Н. А., Баймухаметова Р. С. Ценностные ориентации казахстанской молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 6, ч. 2. С. 134-139. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/2-134-139. EDN: XSHUIN.
- Толубекова Р. К. Трансформация ценностных ориентаций казахстанской молодежи в цифровую эпоху // Аль-Фараби. Серия: Социология. 2024. № 2(78). С. 34-42.
- Шнарбекова М. К., Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Сравнительный анализ профессионально-ценностных установок молодежи России и Казахстана в образовательном пространстве // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 2. С. 186-207. DOI: 10.15507/1991-9468.111.027.202302.186-207. EDN: JTHLHK.
- Beck U. Risk Society: Towards a New Modern Age. London: Sage Publications, 2000. 341 p.
- Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. G. Richardson. New York: Greenwood, 1986. Pp. 241-258.
- Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. 656 p.
- Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p.
- Verwiebe R., Hagemann S. Bourdieu revisited: new forms of digital capital – emergence, reproduction, inequality of distribution // Information, Communication & Society. 2024. Vol. 27, № 10. Pp. 1861-1883. DOI: 10.1080/1369118X.2024.2358170.

МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СПО

Поскрякова Элина Викторовна,
аспирант Университета «Синергия»
(Москва, Россия)
elina1959@mail.ru

Аннотация. Значимость рассматриваемого вопроса объясняется потребностью в обеспечении общества нравственно зрелыми, профессионально подготовленными молодыми специалистами, способными эффективно действовать в динамичной социально-экономической среде. Задачей автора в контексте исследования была разработка модели управления процессами формирования профессиональной идентичности будущих специалистов. Описанная в данной работе модель «педагогической поддержки (менторства)», представляет собой итог начальной теоретической фазы изыскания, которое было направлено на анализ особенностей становления профессионального самосознания у студентов СПО.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; педагогическое сопровождение; студент; СПО; модель; мотивация; менторство

MODEL OF MANAGING THE PROCESSES OF FORMING PROFESSIONAL IDENTITY OF FUTURE SPECIALISTS IN SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Elina V. Poskryakova,
postgraduate student of Synergy university
(Moscow, Russia)
elina1959@mail.ru

Abstract. The significance of the issue under consideration is explained by the need to provide society with morally mature, professionally trained young specialists who are capable of effectively operating in a dynamic socio-economic environment. The author's objective in this research was to develop a model for managing the processes of forming the professional identity of future specialists. The model of “pedagogical support (mentoring)” described in this work represents the outcome of the initial theoretical phase of research aimed at analyzing the features of the formation of professional self-awareness among secondary vocational education students.

Keywords: professional identity; pedagogical support; student; secondary vocational education; model; motivation, mentoring

Введение. Профессиональная идентичность будущих специалистов нуждается в гармонизации развивающих компетенций, согласования формируемых навыков и умений, осознания специалистом специфики своей работы и собственной роли как будущего профессионала в той или иной деятельности, а также факторы личностного роста.

Данный процесс реализуется через становление профессионально-педагогической идентичности. Настоящая статья предлагает модель педагогической поддержки (менторство) данного процесса. Разработанная

модель стала итогом изучения трудов отечественных и иностранных ученых, затрагивающих теоретические и прикладные аспекты профессионального развития и обретения идентичности.

Методология и методы. Американские ученые Брайан Барфорд и Харриет Розенталь-Стотт (Barford, Roselt-Scott, 2017) определяют профессиональную идентичность как разновидность социальной идентичности, то есть личную оценку своей принадлежности к сообществу специалистов.

Сходную точку зрения разделяет Наике Бошате (Boshate, 2018), полагающая, что профессиональная идентичность складывается из стремлений индивида повысить статус своего труда, а также из ценностей, которые отделяют представителей профессии от остальных. Австралийский исследователь Кэролайн Браун с соавторами, в свою очередь, рассматривает эту категорию как самовосприятие человека в контексте выбранной профессии (Browne et al., 2018).

В отечественной литературе существует значительный объем исследований, посвященных проблеме профессиональной идентичности. Например, Н. С. Авдоница (Авдоница, 2017) описывает ее как «степень совпадения личностных характеристик с требованиями профессии, выражающуюся в единстве индивидуальных и значимых профессиональных качеств, которые стимулируют профессиональный рост и саморазвитие на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях», включая эти же компоненты (эмоциональный, когнитивный и поведенческий) в структуру данного феномена. В целом, аналогичную структуру профессиональной идентичности ранее выделял Л. Б. Шнейдер (Шнейдер, 2000) и позднее Е. П. Еромолаева (Корниенко, 2018).

В ходе работы использовались монографический подход, приемы формально-логического анализа, системный метод, а также методы аналитического и синтетического изучения.

Научные результаты и дискуссия. Вопрос развития ценностных ориентиров у молодого поколения сегодня чрезвычайно важен, поскольку у современных юношей и девушек, включая студентов, наряду с развитым интеллектом, обширными знаниями и активной гражданской позицией нередко отмечаются деформации сознания и отклонения в поведении, а также ярко выраженное стремление к доказательству собственной независимости. Подобные тенденции ведут к духовной нетерпимости, неумению контролировать свои поступки, возникновению конфликтов в общении и размыванию моральных основ, что влияет на современный образовательный контекст.

Наряду с этим недостаточный акцент в учебных планах на воспитании значимых жизненных принципов и духовных идеалов порождает ряд социальных трудностей у будущих специалистов, таких как: обостренное соперничество, групповую замкнутость, проявления нетерпимости, внутреннюю борьбу между спонтанными желаниями и здравым смыслом, двуличность и асоциальное поведение. Поэтому процесс обучения, направленный на становление профессиональной идентичности и ценностных ориентаций

учащихся, не должен ограничиваться отдельным предметом, а обязан интегрироваться во все учебные дисциплины. Технология приобщения к общечеловеческим ценностям – это не просто набор учебных модулей, а целостная образовательная стратегия (модель управления).

Итак, основываясь на структуре родственных понятий – профессиональной идентичности и педагогической деятельности, – можно определить структурные элементы профессионально-педагогической идентичности. Они охватывают аспекты как собственно профессиональной (отраслевой), так и педагогической (производственной) практики, включая когнитивный, эмоциональный, рефлексивный и поведенческий компоненты.

В ходе становления профессионально-педагогического самосознания учащихся ключевую роль играют два взаимосвязанных компонента:

во-первых, это воспитательная работа, нацеленная на развитие личностных качеств, важных для будущей профессии, чувства общности с профессиональным кругом и устойчивой внутренней позиции «Я-специалист»;

во-вторых, это педагогическое сопровождение (менторство), призванное сформировать у студента психологическую, профессиональную и творческую готовность к предстоящей работе, а также способность к постоянному профессиональному самосовершенствованию.

Ментор выполняет роль наставника и консультанта, способствуя более быстрому вхождению подопечного в профессиональное сообщество, его карьерному и личностному росту. В отличие от классического наставничества, которое часто фокусируется на сиюминутных вопросах адаптации, менторство представляет собой продолжительную и глубокую работу со студентом.

При этом задачи, решаемые в рамках такого сопровождения (менторства), в основном сосредоточены на сферах самореализации и личностного роста обучающегося, воспроизведения факторов личностного роста, моделирование профессиональной ситуации, в условиях, максимально приближённых к реальной рабочей среде, а также алгоритм действий и отработка навыков для решения профессиональных задач и принятия необходимых волевых решений и действий как будущему специалисту. Данный подход в итоге способствует достижению более высокого уровня компетентности и конкурентоспособности будущих специалистов.

Педагогическое сопровождение (менторство) представляет собой подвижный, поэтапный процесс. Он выстраивается с учетом разной степени готовности студентов к профессиональной деятельности и различного уровня сформированности их профессионально-педагогической идентичности.

Поэтому, для каждого этапа определяются своя цель, набор конкретных задач, детализирующих эту цель, и соответствующие педагогические технологии.

Цель предлагаемой модели представляется нам следующим образом: оказать помощь начинающим специалистам в их становлении и интеграции в профессию. Это может предполагать освоение практических методик, знакомство с нормами и устоями профессионального сообщества, а также

содействие в решении рабочих и личностных трудностей, неизбежных в профессиональной деятельности.

Данные технологии представляются нам следующим образом:

1 этап – начало профессионального образования. Происходит становление профессионально-педагогической ориентации будущего специалиста. Включение механизма профориентационной работы, формирование персонального образовательного маршрута через вовлечение в разнообразные виды профессиональных практик.

2 этап – углублённое освоение профессиональной области. Развивается творческая способность к осуществлению трудовых функций, а также адаптивность в решении возникающих задач. Активное участие в научно-исследовательской работе, а также в дополнительных воспитательных событиях.

3 этап – окончание обучения. Формируется профессионально-педагогическое самосознание, выступающее итогом всего процесса подготовки, в том числе на защите выпускных квалификационных работ. Происходит осуществление деятельности в сообществе педагогов-профессионалов в формате итогового учебно-методического проекта, овладение навыками профессионального консультирования и наставничества.

Предлагаемая автором модель включает следующие элементы системы, определяющие регламент и методы ведения педагогического сопровождения деятельности будущих специалистов: инструктаж для педагогов; назначение функций; разработка учебно-методических ресурсов; поэтапное выстраивание взаимодействия между педагогом и студентом; систематическая помощь и анализ прогресса подопечных на всех стадиях совместной работы; ротация наставников; педагогический мониторинг и курирование процесса.

Модель педагогической поддержки (менторства) и становления профессионально-педагогической идентичности у обучающихся основывается на партнерском взаимодействии преподавателя и студента.

В рамках данного процесса реализуются различные направления работы студента-специалиста: в рамках учебных занятий, во внеурочной деятельности, в период практики, а также в сфере психолого-педагогического взаимодействия.

Организуя такое сопровождение, преподаватель-ментор включает в работу студента комплекс ключевых задач, таких как:

- информационно-просветительная задача – обеспечивает учащихся актуальными сведениями о всех сторонах профессии;
- задача развивающего характера – помогает освоить профессиональные компетенции в единстве теоретических знаний, практических умений, значимых личностных свойств, моделей поведения и подходов к решению профильных задач;
- практико-ориентированная задача – формирует образовательную среду для применения полученных профессионально-педагогических компетенций в реальных или модельных ситуациях;
- мотивационно-побудительная задача – стимулирует интерес и внутреннюю готовность к активному вхождению в сообщество профессионалов;

– ценностно-ориентационная задача – воплощает и демонстрирует через личный пример идеал специалиста, а также передает ценности педагогического образования, подчеркивая его роль в общей системе профессиональной подготовки и так далее.

Следовательно, системная педагогическая поддержка (менторство) и становление профессионально-педагогической идентичности учащихся, осуществляемая в течение всего периода их обучения – от развития базовых ориентиров в избранной сфере до усвоения и принятия ценностей будущей профессии. Предлагаемая модель педагогической поддержки (менторства) направлена на повышение эффективности и обогащение содержания подготовки будущих специалистов в системы профессионального образования.

Автору такое взаимодействие видится положительным, так как партнерский формат взаимодействия характеризуется особым видом связи между участниками образовательного процесса: симметрией, основанной на психологическом равенстве обучающего и обучаемого. Оба являются полноправными субъектами, обладающими собственными потребностями, побуждениями, взглядами и методами работы. Развитие у студента положительного восприятия учебной деятельности, способности к объективной самооценке и уверенности в своих силах как в учении, так и в диалоге, стимулирует его к самостоятельному нахождению индивидуальных познавательных стратегий и приемов.

Некое «партнерство» в рамках предлагаемого педагогического сопровождения представляет собой симметричные отношения, где каждая сторона выступает активным субъектом. Это горизонтальная связь, противостоящая вертикальной модели «субъект-объект». Симметричность обеспечивается двумя ключевыми принципами: обеспечением психологической защищенности участника совместной учебной деятельности и его безусловным принятием с признанием уникальности. Требование соблюдения психологической безопасности обязывает одного партнера (педагога) избегать создания для другого (студента) ситуации обвинения, что нередко проявляется в характерном поведенческом шаблоне педагога.

Ключевая задача педагога-ментора в предлагаемой модели заключается в координации и руководстве учебной активностью учащихся. Преимущества такого формата обучения включают:

- формирование самостоятельности и автономии студента в работе;
- свободу выбора степени и характера личного участия;
- опору на внутреннюю мотивацию и индивидуальные методы деятельности;
- снижение прямой зависимости от другого человека.

Такое взаимодействие расширяет пространство для действий и закономерно усиливает чувство ответственности за свои поступки и достигнутые итоги. Обучение в данной модели партнерства позволяет наиболее полно раскрыть личный потенциал благодаря реализации принципа «Я сам». Данный формат

взаимодействия сокращает зону неопределенности, которая часто порождает стрессовое состояние студентов и ситуации неопределенности в профессии.

Управленческие компетенции преподавателя-ментора предполагают способность к синтезу и анализу, наличие обширной языковой базы, познаний в культуре страны изучаемого языка, развитых речевых навыков и их постоянное обновление, поскольку иноязычная коммуникация нуждается в регулярном пополнении ресурсов. Именно это поддерживает профессиональный тонус современного педагога, обогащает мастерство и находится исключительно в зоне личной ответственности педагога.

Партнерский формат предлагаемой модели взаимодействия освобождает преподавателя от необходимости постоянного надзора за обучающимся, тотального контроля каждого действия, вторжения в сферу его выбора и ответственности. В таких условиях педагог ощущает себя более свободно и достигает более высокого профессионального признания.

Для вовлечения в образовательный процесс студента в рамках предлагаемой модели разработан комплекс методик, основанных на заключении «общественного договора», который является не юридическим документом, а неформальной системой взаимных ожиданий, правил и обязательств, которая выстраивается в процессе обучения.

Предлагаемые методики органично встраиваются в деятельностную парадигму обучения в рамках личностно-позиционно-деятельностной модели и применимы на различных этапах работы.

Предлагаемая автором практика требует проведения специальных изысканий на основе материалов, предоставляемых самими студентами. Например, при отборе учебного содержания обучающиеся формируют запросы, а затем из предложенного массива самостоятельно выбирают предметы, элективные курсы, отвечающие их личным интересам и значимым для них темам. Процедура включает анкетирование (со списком предлагаемых курсов или тем), последующее ознакомление студентов с предложенными материалами через просмотр или прослушивание (вебинары), работу в медиатеках с целью изучения, сбора информации и отбора материалов из прессы, книг, цифровых носителей и прочего. Далее они предлагают к использованию отобранные ресурсы.

Задача преподавателя в данной модели – интегрировать этот материал в учебный процесс в соответствии с планом и программой. На этом этапе студент формирует собственные стратегии работы с контентом, вырабатывает к нему отношение, включает его в поле своей активности, учится определять предмет речи и находить способы структурирования информации.

В партнерском обучении предлагаемой модели применяются два основных типа деятельностных технологий: проблемный подход и метод проектов. Ключевой формой проблемности является та, что рождается непосредственно в ходе деятельности. Она ставит обучающегося перед необходимостью задавать вопросы, искать на них ответы и активизировать имеющиеся способы действий.

В частности, преподаватель в начале курса предоставляет студенту детальную информацию о структуре дисциплины, ее целях, содержании, видах контроля, организации самостоятельной работы, критериях итоговой оценки.

Автор считает, что подобный деловой и четкий настрой формирует более серьезное и ответственное отношение к учебе, дисциплинируя как студентов, так и преподавателей. Тем не менее, даже безупречно выстроенный на старте процесс менторства может столкнуться с трудностями, которые уменьшают его результативность. Опытные наставники обязаны своевременно распознавать подобные помехи и использовать специальные методы для их устранения. В условиях современного технологического развития реализация такого формата сотрудничества требует существенных усилий и доброй воли со стороны и педагога, и обучающегося.

Кроме того, для развития ценностных ориентаций у учащихся в образовательном процессе необходимо, опираясь на взаимосвязь коллективных, групповых и индивидуальных методов, внедрять в программу обучения:

- специализированные, факультативные и элективные дисциплины, освещающие ключевые аспекты педагогической аксиологии, что направлено на становление профессиональной перспективы и выработку личной позиции в будущей работе как значимой ценности;
- внеаудиторные мероприятия профессиональной направленности (гранты, фестивали, состязания, олимпиады, универсиады, квизы), нацеленные на приобретение опыта в конкретной деятельности, содержащей ценностную профессиональную компоненту;
- обязательные для всех обучающихся проектные задания конкурсного характера, коммуникативные тренинги, разнообразные творческие итоговые работы для самостоятельного выполнения, педагогическую практику, содействующую становлению профессиональных ценностей;
- диагностику творческого потенциала студентов, их вовлечение в клубную деятельность.

А в сфере внеучебной работы следует популяризировать идеалы и наследие отечественной классической и народной культуры, создать условия для проведения досуга молодежи в культурных и спортивных учреждениях, содействовать в решении вопросов занятости и прочее.

Заключение. В современных условиях обучения в СПО наблюдаются трансформации педагогических методов, внедрение технологических новшеств, а также эволюция стандартов и систем проверки усвоенного материала. Данные изменения обусловлены запросами быстротекущей реальности, в которой образовательный процесс призван быть адаптивным, вовлекающим и нацеленным на формирование критического анализа, инициативности и креативных способностей личности студента.

В настоящее время в условиях партнёрского взаимодействия классическая функция педагога как единственного источника знаний отходит на второй план. Сегодня наставник выступает скорее в роли консультанта и помощника, чья задача –

содействовать личностному становлению обучающихся, способствовать выработке их собственной мировоззренческой и ценностной позиции, а также формированию требуемых профессиональных умений и навыков. Следовательно, наставничество (менторство) представляет собой целенаправленное развитие человека, его разума, телесных качеств, нравственных основ, а также профессионально-социальных и профессионально-педагогических навыков для готовности к полноценному включению в работу или службу.

Предложенная система педагогической поддержки (менторства), сформированная в ходе теоретического анализа вопроса, в значительной степени остается гипотетической. В процессе последующей исследовательской работы, ключевым элементом которой станет экспериментальная проверка модели, ожидаются её возможная доработка, а также создание метода развития профессионально-педагогической идентичности и оценки уровня её становления.

Список литературы

Авдониная Н. С. К проблеме определения компонентов структуры профессиональной идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. №3 (16). С. 127-131. EDN: ZXNVST.

Корниенко А. А. Профессиональная идентичность как феномен интенциональности сознания // Pedagogical Journal. 2018. Т. 8, вып. 6А. С. 240-247. EDN: ZXTQRV.

Нурбаев М. С., Мишустин С. П. Эволюция идей (концепций, теорий) о наставничестве. // Организационно-правовое обеспечение наставничества в работе с кадрами уголовно-исполнительной системы: учебно-методическое пособие. Самара: СЮИ ФСИН, 2015. С. 7-11. URL: https://studref.com/558244/pravo/evolyutsiya_idey_kontseptsiy_teoriy_nastavnichestve (дата обращения: 19.02.2026).

Шнейдер Л. Б. Реконструкция профессиональной идентичности: структурный и динамический аспекты // Развитие личности. 2002. № 2. С. 44-68. URL: <http://rl-online.ru/articles/2-00/80.html> (дата обращения: 19.02.2026).

Bochatay N. Individual and collective strategies in nurses' struggle for professional identity // Health Sociology Review. 2018. Vol. 27. № 3. Pp. 263-278. DOI: 10.1080/14461242.2018.1469096.

Browne C., Wall P., Batt S., Bennett R. Understanding perceptions of nursing professional identity in students entering an Australian undergraduate nursing degree // Nurse Education in Practice. 2018. Vol. 32. Pp. 90-96. DOI: 10.1016/j.nepr.2018.07.006.

Burford B., Rosenthal-Stott, H. E. S. Stereotyping and the development of clinicians' professional identities // Self and Social Identity in Educational Contexts / Eds. K. I. Mavor, M. J. Platow, B. Bizumic. Routledge/Taylor & Francis Group. 2017. Pp. 279-296. DOI: 10.4324/9781315746913-ch16.

ЦЕННОСТИ И ПРАКТИКИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ДЕВЕЛОПЕРСКОГО ХОЛДИНГА: АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Скупов Михаил Васильевич,

аспирант кафедры прикладной социологии, ассистент кафедры интегрированных
маркетинговых коммуникаций и брендинга,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
skupovmikhail@mail.ru

Аннотация. В статье на примере девелоперского холдинга исследуется проблема взаимосвязи корпоративных ценностей и связанных с ними повседневных рабочих практик. Эмпирическую базу исследования составили данные фокус-групп, проведенные с сотрудниками компании. По результатам исследования обнаружены разрывы между ценностями компании и рабочими практиками, а также различия в интерпретации элементов корпоративной культуры сотрудниками различных отделов. Определены наименее связанные друг с другом ценностные ассоциации и рабочие практики, сделан вывод о наличии значимого различия в понимании корпоративной культуры сотрудниками отделов, осуществляющих основной вид деятельности компании, и сотрудниками вспомогательных функциональных подразделений. Выявленные противоречия могут быть устранены за счёт дополнения стратегического управления ценностями на уровне компании, тактическими решениями – на уровне подразделений.

Ключевые слова: корпоративная культура; ценности; практики; холдинг; феноменологический подход; фокус-группа

VALUES AND PRACTICES OF THE CORPORATE CULTURE OF A DEVELOPMENT HOLDING: ANALYSIS OF CONTRADICTIONS

Mikhail V. Skupov,

postgraduate student of the department of applied sociology, assistant of the department
of integrated marketing communications and branding,
Ural Federal university named after the First president of Russia B.N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)
skupovmikhail@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of the relationship between corporate values and related daily work practices using the example of a development holding company. The empirical basis of the study was made up of data from focus groups conducted with company employees. The results of the study revealed gaps between the company's values and working practices, as well as differences in the interpretation of elements of corporate culture by employees of different departments. The least related value associations and working practices are identified, and it is concluded that there is a significant difference in the understanding of corporate culture by employees of departments engaged in the main activity of the company and employees of auxiliary functional units. The identified contradictions can be eliminated by supplementing strategic value management at the company level with tactical decisions at the unit level.

Keywords: corporate culture; values; practices; holding; phenomenological approach; focus group

Введение. Специфика организационной структуры компании оказывает существенное влияние на её корпоративную культуру (Спивак, 2001: 27). В ходе

исследований установлено, что распространённой является ситуация неоднородности корпоративной культуры в пределах одной компании (Gregory, 1983: 374), особенно явно проявляющаяся в транснациональных корпорациях и диверсифицированных холдингах. Подобная неоднородность может повлечь за собой ощущение «ценностного разрыва», приводящего к увольнению сотрудника, чьи ценности не совпали с ценностями организации (Калашникова, 48).

Существующая неоднородность нарушает принцип последовательности, значимый для формирования корпоративной культуры и выраженный в «направленности на поддержание единых ценностей и норм» (Головчанская, 2025: 112). Представляется очевидным, что в абсолютном большинстве компаний невозможно изменение организационной структуры в соответствии с требованиями к корпоративной культуре, а потому исследователям и практикам приходится работать с компромиссными решениями. Так, например, в компаниях с высокодиверсифицированными видами деятельности возможны ситуации полного или частичного «разрыва» между корпоративными ценностями и их имплементацией в поведенческие нормы и практики. В связи с этим актуальным является установление противоречий в ценностях компании и её рабочих практиках с учётом различных видов деятельности, осуществляемых организацией.

Методология и методы. Теоретической основой исследования стал феноменологический подход, для которого первична фокусировка на описании восприятия корпоративной культуры её членами, определение границ и содержания знания, понимания и интерпретаций корпоративных ценностей и их реализации в деятельности компании как практик. Исходной точкой развития этого подхода принято считать теорию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, постулировавших приоритет дотеоретического знания, включающего моральные предписания, ценности и мифы, а также аргументировавших необходимость процедур сохранения симметрии объективной и субъективной реальности (Бергер, 1995: 109). С позиций феноменологического подхода корпоративная культура мыслится как социальный конструкт, который создается в процессе жизнедеятельности организации и имеет свойство трансформироваться в процессе ситуационных изменений.

Применение данного подхода соответствует структурированию корпоративной культуры на уровни – ценности компании, институционализированные нормы их применения и практики реализации в повседневной трудовой деятельности и коммуникации. Особое значение приобретает установление взаимосвязи ценностей и связанных с ними повседневных рабочих практик.

Объектом исследования (кейсом) выступил девелоперский холдинг, присутствующий более чем в 10 регионах России и входящий в топ-20 застройщиков России по объёмам возводимого жилья¹. В компании

¹ Данные на февраль 2026 г. на основе Единого ресурса застройщиков. URL: www.erzrf.ru (дата обращения: 15.02.2026).

работает более 1000 сотрудников. В виды деятельности компании входит подготовка градостроительной документации, проектирование объектов, их строительство, а также эксплуатация. Компания имеет развитую структуру вспомогательных подразделений: кроме классических финансово-экономических и коммерческих блоков в структуре компании выделены IT-департамент, GR-отдел. Данный уровень диверсификации указывает на корректность применения к компании номинации «холдинг»: подразделения, осуществляющие основные виды деятельности, вертикально взаимосвязаны друг с другом в рамках сферы деvelopeмента.

Цель исследования заключалась в определении связи между воспринимаемыми характеристиками корпоративной культуры компании и реалиями корпоративной среды с учётом существующей диверсификации видов деятельности. Выявление особенностей восприятия сотрудников разных отделов холдинга рассматривается нами как значимый этап в изучении корпоративной культуры, поскольку существование выраженного различия мнений о культуре компании «вообще» и её воплощении в повседневных практиках означает наличие системных проблем в переходе от ценностей к нормам.

Эмпирические данные были получены методом фокус-групп в функциональных подразделениях холдинга. Всего было проведено 9 фокус-групп с количеством участников по 6-11 человек в каждой. Фокус-группы были направлены на установление ассоциаций с брендом работодателя, выявление восприятия сотрудниками специфики деятельности и корпоративной культуры компании, а также позитивно и негативно оцениваемых качеств и норм поведения коллег. В центре нашего анализа – следующие вопросы фокус-групп: «Назовите ассоциации с компанией», «Какие позитивные практики в деятельности компании вы можете назвать?», «Какие негативные практики в деятельности компании вы можете назвать?».

Научные результаты и дискуссия. По итогам фокус-групп определены следующие ключевые ценностные ассоциации с компанией: «амбициозность» (проекты, экспансия), «команда» (взаимопомощь, сплочённость), «современность» (эстетическая и технологическая), «скорость» (динамика развития и изменений), «хаос» (в организации процессов). Среди ключевых отличий компании от конкурентов на рынке сотрудники отметили узнаваемую охватную коммуникацию (рекламу), гибкость процессов, а также корпоративную культуру.

В качестве позитивных элементов корпоративной культуры компании выделены: культура общения на «ты», открытость топ-менеджмента к обратной связи от линейного персонала, наличие развитой корпоративной среды (пространств и взаимодействий между коллегами), мероприятия и внутренние клубы по интересам для сотрудников, гибридный формат работы, наличие собственного IT-департамента, улучшающего различные процессы.

Среди негативных элементов корпоративной культуры сотрудниками выделены следующие: избыточная бюрократия, в частности, длительные согласования и неэффективные регламенты; коммуникационные проблемы:

непрозрачность коммуникаций и проблемы в координации между отделами; переработки и стрессовый уровень работы (отдельно выделена проблема «задач со сроком исполнения “вчера”»); организационные недостатки: нехватка регламентов и описанных процессов, а также проблемы с IT-инфраструктурой.

Наиболее ценными качествами коллег заявлены профессионализм, отзывчивость, инициативность, ответственность, лёгкость в общении. По мнению респондентов, от «успешного сотрудника компании» ожидают скорости, командности, стрессоустойчивости, адаптивности и коммуникабельности.

Таким образом, в первичном «прочтении» результатов фокус-групп компания может быть описана как прогрессивная, современная, ориентированная на экспансию, а не на удержание имеющегося положения. В качестве опор развития выделяются высокое качество командного взаимодействия и скорость изменений и развития.

Вместе с тем, детальный анализ данных в разрезе отдельных подразделений позволяет выявить ряд противоречий:

- в качестве ассоциации с компанией отмечена «скорость», ценным качеством коллег определена инициативность, при этом среди негативных практик корпоративной культуры выделяется избыточная бюрократия;

- в качестве ожидаемого поведения успешного сотрудника заявлена коммуникабельность, близкая по значению к «лёгкости в общении», считающейся ценным качеством коллег, а в негативных практиках культуры компании заявлены проблемы с коммуникацией.

Был проведён анализ, сфокусированный на изучении выявленной неоднородности. Выделены 3 укрупнённые группы подразделений, связанные с разными видами деятельности компании: группа I – отделы, осуществляющие основной вид деятельности компании: проектное бюро и отдел проектирования; группа II – вспомогательные функциональные подразделения (т.н. «бэк-офис»): IT-департамент, GR-отдел (ответственный за взаимоотношения с государственными органами); в отдельную группу III выделен HR-отдел. Далее проанализированы различия в ответах сотрудников подразделений (Таблица 1).

Наибольшее количество позитивных ассоциаций (94%) возникло у вспомогательных функциональных подразделений. Наиболее часто сотрудники этих подразделений фиксировали положительные особенности команды, экспансию компании в регионы, а также необычность решаемых задач.

Наибольшее количество негативных ассоциаций (38%) у отделов, занятых основной деятельностью. Они отмечают неопытность команды, хаос в процессах и стремление к избыточной экономии. Среди позитивных характеристик наиболее частотны отзывы о команде и оценка экспансии компании.

HR-отдел занимает промежуточное положение с 88% позитивных ассоциаций. Наиболее часто представители кадровой службы позитивно отзываются о команде, одинаково часто – об экспансии компании, её технологичности и современности, а также о гордости за работу в холдинге и её результат (построенные объекты).

Таблица 1

Ассоциации сотрудников с компанией

Ассоциации	Группа			Итого
	I	II	III	
Команда	5	9	6	20
Экспансия	5	6	4	15
Гордость принадлежности / за проекты	1	4	4	9
Необычность	1	5	2	8
Скорость	2	2	3	7
Свобода	3	1	2	6
Профессионализм коллег	0	3	2	5
Технологичность / современность	0	0	4	4
Инициативность / амбициозность	3	0	1	4
Проблемы в коммуникации между отделами	1	1	2	4
Неопытность команды	3	0	0	3
Экономия	2	0	0	2
Хаос в процессах	2	0	0	2
Стабильность	0	0	1	1
Итого ассоциаций	32	32	33	97
Итого позитивных ассоциаций	20	30	29	
Итого негативных ассоциаций	12	2	4	
Доля негативных ассоциаций	38%	6%	12%	

Таким образом, на уровне ассоциаций выявлены следующие расхождения:

1. Сотрудники отделов, осуществляющих основные виды деятельности компании, реже испытывают гордость за компанию, чем сотрудники других отделов.

2. Сотрудники группы I единственные отмечают неопытность команды и вместе с тем чаще остальных отмечают амбициозность компании.

3. Необычность решаемых задач чаще всего отмечают сотрудники вспомогательных подразделений (конкретно – IT-департамента).

Далее были проанализированы негативные и позитивные практики, которые сотрудники замечают в деятельности группы компаний (Таблица 2). Существующие практики были соотнесены с ранее названными ассоциациями, в случае отсутствия семантически соответствующих введены дополнительные категории.

Среди позитивных практик респондентами чаще всего отмечаются практики, связанные с командообразованием: совместные спортивные активности, стартовый набор нового сотрудника, корпоративная новостная лента. Сотрудники основных отделов отмечают наличие практик, связанных с современными технологиями, например, собственного ИИ-ассистента. При этом они, в отличие от других групп,

не фиксируют практики, связанные с развитием профессионализма коллег (например, «клуб внутренних экспертов», названный в III группе). Ценность «свобода» выражается в практиках группы I («гибридный график») и группы III («отсутствие регламентов»), а скорость («высокий ритм работы») – группы II. Ценность «Экспансия» не нашла отражения в практиках: это может быть объяснено тем, что масштаб компании скорее недостаточен для таких практик, как обмен опытом между территориальными / функциональными подразделениями.

Таблица 2

Практики сотрудников компании

Реализация ценностей корпоративной культуры на практике	Группа	Группа	Группа	Итого
	I	II	III	
Команда	13	8	9	30
Некорректное управление задачами	3	4	5	12
Профессионализм коллег	0	3	4	7
Технологичность / современность	5	0	1	6
Свобода	3	0	2	5
Хаос в процессах	1	2	2	5
Инициативность / амбициозность	1	2	1	4
Проблемы в коммуникации между отделами	0	3	1	4
Избыточная бюрократия	2	1	1	4
Проблемы в межличностной коммуникации	0	1	3	4
Скорость	0	2	0	2
Стабильность	0	2	0	2
Гордость принадлежности / за проекты	1	0	1	2
Необычность	0	1	0	1
Неопытность команды	0	0	1	1
Экспансия	0	0	0	0
Экономия	0	0	0	0
Иные негативные практики	2	5	0	7
Итого перечислено практик	31	34	31	96
Итого позитивных практик	23	18	18	59
Итого негативных практик	8	16	13	37
Доля негативных практик	26%	47%	42%	39%

На уровне оценки негативных практик, от которых компании следует избавиться, прослеживается иная ситуация: группа I назвала наименьшее число негативных практик (26% от общего числа названных), наибольшее количество –

у группы II (47% от общего числа названных), 42% – у группы III (HR-отдела). Сотрудники вспомогательных подразделений сравнительно чаще отмечают наличие проблем в коммуникации между отделами; иные различия между группами незначимы.

В ходе анализа связей ассоциаций и практик зафиксированы следующие ключевые межгрупповые противоречия:

1. Ценность «Скорость» показала наличие умеренно частых ассоциаций и позитивное проявление в практиках только в деятельности вспомогательных отделов. В то же время практики, связанные с избыточной бюрократией, зафиксированы в ответах всех групп на умеренно частом уровне. Подобное расхождение может быть объяснено относительным консерватизмом сферы девелопмента, конфликтующим со стремительной экспансией молодого холдинга в регионы.

2. Практики, связанные с неэффективными коммуникациями, зафиксированы в ответах групп II и III: группа II чаще заявляет о проблемах в коммуникации с другими отделами, III – о межличностных конфликтах. Логически это связано со спецификой деятельности отделов: Представляющие группу II IT-департамент и GR-отдел чаще взаимодействуют с подразделениями как выполняющие их «групповые» запросы, которые, будучи сформулированы некорректно, вызывают раздражение, в то время как представляющие группу III специалисты отдела кадров нередко лично взаимодействуют как с линейными сотрудниками, так и с линейными руководителями и топ-менеджерами по различным вопросам управления персоналом.

3. Современность и технологичность фиксируются на уровне практик сотрудниками группы I и фактически не замечаются другими подразделениями. При этом на уровне ассоциаций с компанией упоминания технологичности и современности встречаются только у сотрудников HR-отдела (группа III). Таким образом, то, что для одних сотрудников является ценностью, не привязанной к значимым практикам компании, для других является элементом повседневности, не имеющим значимой смысловой нагрузки.

4. Ассоциация «Необычность», характерная для группы II, находит своё выражение в единственной практике «решение непохожих (то есть нехарактерных для сферы девелопмента) задач». Другие группы, хотя и упоминали необычность в списке ассоциаций, не называли связанных с ней практик.

5. Негативные практики, связанные с некорректным управлением задачами, могут быть соотнесены с ассоциацией «хаос в процессах», однако данную ассоциацию называют только представители группы I, а негативные практики, потенциально с ней связанные, чаще упоминают представители групп II и III.

Проведённый анализ ценностных ассоциаций сотрудников с холдингом и сложившихся в нём практик поведения позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Выраженное различие между представителями групп I и II в ключевых ассоциациях является потенциально конфликтогенным, особенно с учётом указания сотрудников группы II на проблемы в коммуникации между отделами.

2. Представители группы III, имеющие наибольшую власть и компетенции управлять корпоративной культурой, имеют отличия от представителей групп I и II как с точки зрения ассоциаций с брендом компании, так и с точки зрения понимания её практик, зачастую занимают «срединную позицию» по количеству упоминаний тех или иных явлений. Мы считаем это признаком наличия посреднической функции у HR-отдела проанализированной компании, а также подтверждением их способности эффективно взаимодействовать как с представителями отделов, осуществляющих основной вид деятельности компании, так и с представителями иных функциональных подразделений.

3. Недостаточная связь ассоциаций «экспансия», «гордость принадлежности к компании / гордость за проекты», «необычность» и практик, поддерживающих эти ассоциации, потенциально приведёт к исчезновению этих ассоциаций или к их дополнению негативными, как, например, ассоциация «скорость», поддержанная малым числом практик, дополняется негативной ассоциацией «хаос в процессах», явно замечаемой сотрудниками в повседневности.

Заключение. Выявленная в рамках исследования неоднородность понимания основных ассоциаций и практик сотрудниками разных подразделений свидетельствует о наличии разделения корпоративной культуры, внешне представляющей относительно целостной и непротиворечивой. Наличие позитивных ассоциаций, не поддержанных практиками, указывает на существование разрыва между конструктами и реальностью. Разрешение противоречия между корпоративными ценностями и их имплементацией в повседневные рабочие процессы и взаимоотношения сотрудников диверсифицированных компаний видится нами в создании разветвлённой системы распространения ценностей и практик, отражающей структурную сложность компании. Это возможно через трансформацию деятельности HR-отдела: например, привлечение в штат компании HR BP, дополнение стратегического управления ценностями на уровне компании, тактическими решениями – на уровне подразделений.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995, 323 с.

Головчанская Е. Э., Филиппенкова В. И. Типологизация корпоративной культуры: методологические ориентиры развития // Теоретическая экономика. 2025. № 2. С. 104-118. DOI: 10.52957/2221-3260-2025-2-104-118. EDN: VMRTUW.

Калашникова И. В., Несмеянов Д. В., Акимов Д. В. «Загрязнение» внутрикорпоративного пространства и ценностные установки молодых сотрудников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 2. С. 46-55. DOI: 10.24412/2220-2404-2025-2-6. EDN: ZNAYVC.

Спивак В. А. Корпоративная культура. СПб: Питер, 2001. 352 с.

Gregory K. Native-View Paradigms: Multiple Cultures and Culture Conflicts in Organization // Administrative Science Quarterly. 1983. Vol. 28. № 3. Pp. 359-376.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКОГО НАСЛЕДИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И АДАПТАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ ПОСТСОВЕТСКИХ МЕГАПОЛИСОВ

Чернышев Роман Андреевич,

аспирант, Автономная некоммерческая организация высшего образования

«Московский университет «Синергия»

(Москва, Россия)

Аннотация. Исследование посвящено анализу роли государственных институтов в трансформации советского наследия через призму социальных технологий репрезентации и адаптации общественных пространств постсоветских мегаполисов. В работе применяется концептуальный аппарат Мишеля Фуко, согласно которому репрезентация понимается не как пассивное отражение реальности, а как активный процесс организации знания и власти, а городское пространство выступает не символом, а инструментом управления. Анализ институциональной архитектуры показывает, что трансформация общественных пространств осуществляется через многоуровневую систему нормативно-правового регулирования, управленческих проектов и деятельности подведомственных учреждений. Результаты исследования демонстрируют, что социальные технологии репрезентации (переосмысление символики, памятников, визуального облика) и адаптации (функциональное и социальное переосмысление пространств) являются ключевыми инструментами, с помощью которых государство управляет исторической памятью, городской идентичностью и повседневной жизнью горожан.

Ключевые слова: трансформация советского наследия; социальные технологии; репрезентация; адаптация; общественные пространства; постсоветские мегаполисы; государственные институты; урбанистика

TRANSFORMATION OF THE SOVIET LEGACY: SOCIAL TECHNOLOGIES OF REPRESENTATION AND ADAPTATION OF PUBLIC SPACES OF POST-SOVIET MEGACITIES

Roman A. Chernyshev,

PhD student, Autonomous non-profit organization of higher education

“Moscow university “Synergy””,

(Moscow, Russia)

Abstract. The study is devoted to the analysis of the role of state institutions in the transformation of the Soviet heritage through the prism of social technologies of representation and adaptation of public spaces of post-Soviet megacities. The work uses the conceptual apparatus of Michel Foucault, according to which representation is understood not as a passive reflection of reality, but as an active process of organizing knowledge and power, and urban space is not a symbol, but a management tool. An analysis of the institutional architecture shows that the transformation of public spaces is carried out through a multi-level system of regulatory and legal regulation, management projects and the activities of subordinate institutions. The results of the study demonstrate that social technologies of representation (reinterpretation of symbols, monuments, visual appearance) and adaptation (functional and social reinterpretation of spaces) are key tools through which the state manages historical memory, urban identity and the daily lives of citizens.

Keywords: transformation of the Soviet heritage; social technologies; representation; adaptation; public spaces; post-Soviet megacities; state institutions; urbanism

Введение. Трансформация советского архитектурного и градостроительного наследия представляет собой одну из наиболее актуальных и противоречивых задач

современного урбанистического развития постсоветских мегаполисов. С распадом СССР в 1991 году города унаследовали не только физическую инфраструктуру, но и сложный пласт символических значений, идеологических кодов и функциональных решений, во многом не соответствующих потребностям современного общества (Березняков, Козлов, 2021: 47-48). Монументальные площади, предназначенные для массовых демонстраций, промышленные зоны в центре городов, дворцы культуры и типовые жилые массивы – всё это требует переосмысления и трансформации. Однако процесс трансформации выходит далеко за рамки технического благоустройства: он затрагивает глубинные вопросы исторической памяти, городской идентичности и распределения власти в управлении городской средой (Каримова, 2024: 159). Именно поэтому ключевым актором в этом процессе выступают государственные институты, которые через применение социальных технологий репрезентации и адаптации формируют не только физический облик городов, но и их смысловое наполнение.

Методология и методы. Настоящее исследование посвящено анализу роли государственных институтов в трансформации советского наследия через призму двух взаимосвязанных социальных технологий – репрезентации (конструирования символического порядка пространства) и адаптации (функционального и социального переосмысления территорий).

Исследование базируется на интерпретативной парадигме социальных наук, которая предполагает понимание социальных явлений через декодирование смыслов, практик и институциональных механизмов, а не только через измерение количественных показателей. Исследование реализуется в рамках сравнительного кейс-стади подхода с анализом трёх постсоветских мегаполисов: Москвы, Санкт-Петербурга и Минска. Применяется метод сравнительного анализа, системный анализ.

Научные результаты и дискуссия. Для анализа применения технологий репрезентации и адаптации в формировании общественных пространств постсоветских мегаполисов необходимо предварительно разграничить и определить ключевые понятия, составляющие предмет исследования: «социальные технологии», «репрезентация» и «адаптация». Эти термины, заимствованные из социологических, антропологических и гуманитарных исследований, в данном контексте приобретают специфическую управленческую окраску. Понимание их сути позволяет выявить не только физические изменения в городской среде, но и глубинные процессы управления общественными отношениями, смыслообразования и функционального переосмысления территорий. Исследование оперирует этими концепциями не как абстрактными категориями, а как методологическим инструментарием для декодирования действий государственных структур.

Понятие «социальная технология» в данном исследовании используется в соответствии с определением, представленным в работах по социологии управления. Оно характеризуется как совокупность методов моделирования в управлении, направленных на достижение социально-ориентированных результатов. Это означает, что под «социальной технологией» следует понимать

целенаправленный, регламентированный и повторяемый управленческий подход, применяемый государственным институтом для решения конкретной социальной задачи через воздействие на социальную среду (Депелян, 2024: 191-194). В отличие от технических или экономических технологий, социальная технология имеет своей целью не производство материальных благ, а изменение поведения, восприятия и взаимодействия людей в определенном пространстве. Таким образом, анализ роли государства сводится к выявлению того, какие именно социальные технологии оно внедряет, как они реализуются и какие социальные эффекты они порождают в общественных пространствах (Тварадзе, 2023: 93-96).

Одним из центральных технологических процессов (технологий) является процесс «репрезентации». Сама по себе репрезентация, выходящая далеко за рамки простого «отражения» реальности, обозначает активное создание, представление и распространение символов, образов и смыслов, которые наделяют пространство определенным значением. Не менее важной является технология «адаптация», которая в данном исследовании рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах: функциональном и социальном. Функциональная адаптация представляет собой переосмысление и изменение назначения общественного пространства или объектов в нем для соответствия меняющимся потребностям общества. Это классическая задача градостроительства: превращение заброшенных промышленных зданий в культурные центры, преобразование парков для обеспечения доступности для маломобильных групп населения, создание новых скверов в плотной жилой застройке. Термин «технология» в контексте управления городом не сводится к цифровым инструментам или инженерным решениям. Согласно социологии управления, социальная технология – это совокупность методов моделирования в управлении, направленных на достижение социально-ориентированных результатов. Это означает, что практика становится технологией, когда она приобретает следующие признаки (Таблица 1):

Таблица 1

Признаки технологичности

Признак технологичности	Содержание
Системность	Элементы связаны в логическую последовательность, а не существуют изолированно
Стандартизация	Процессы описываются протоколами, регламентами, инструкциями
Повторяемость	Технология применима в разных контекстах с предсказуемым результатом
Измеримость	Эффекты поддаются количественной и качественной оценке
Масштабируемость	Решение, проверенное на пилоте, может быть распространено на другие территории
Утилитарность	Чёткая связь между действием и целью («если сделать X, то произойдёт Y»)
Интегрируемость	Технология сочетается с другими инструментами управления

Составлено автором на основе: Тварадзе, 2023, с. 93-96

Репрезентация и адаптация становятся технологиями (технологическими процессами) управления городом, когда приобретают эти характеристики.

Социальная адаптация, с другой стороны, носит более глубокий и сложный характер. Она описывает процесс, в ходе которого физическое пространство становится «местом» для людей, интегрируется в их повседневную жизнь и получает социальное значение. Государственная институциональная политика в области адаптации направлена на то, чтобы «спроектировать» в пространство желаемые социальные взаимодействия. Это достигается через создание удобных и безопасных условий, организацию в пространстве мероприятий, привлечение различных групп населения и обеспечение доступности. В совокупности понятия «социальная технология», «репрезентация» и «адаптация» формируют комплексный аналитический каркас.

Для Мишеля Фуко понятие «репрезентация» (*représentation*) – это не просто отражение или изображение реальности, а активный процесс организации знания и власти. Репрезентация – это активный процесс конструирования символического порядка пространства через визуальные, архитектурные, текстовые и медиативные практики. Согласно Фуко, это не «отражение» реальности, а инструмент власти, формирующий допустимые способы восприятия и интерпретации города. В его ранних работах, особенно в «Словах и вещах», репрезентация рассматривается как центральный принцип классической эпистемы (примерно XVII–XVIII века).

Однако, по мнению Фуко, к концу XVIII века происходит «крах репрезентации». Знание больше не может ограничиваться внутренними связями между представлениями. Его основание перемещается «по ту сторону» видимости – в глубинные структуры: труд, жизнь, язык. Эти новые объекты знания (например, экономика, биология, филология) уже не могут быть сведены к простой таблице сходств и различий. Они требуют анализа исторических, функциональных и генетических процессов. Таким образом, у Фуко репрезентация – это:

- исторически обусловленная форма организации знания;
- не нейтральное отражение, а активный акт упорядочивания;
- система, которая в определённый момент терпит крах, уступая место новым формам власти и знания.

Хотя сам Фуко не был урбанистом, его идеи о власти, знании и пространстве оказали огромное влияние на современную урбанистику. Ключевой тезис здесь: архитектура и городское планирование – это не символы власти, а её инструменты. Фуко последовательно показывает, как власть использует пространство для управления людьми. Он выделяет несколько моделей:

1. Пространство суверенитета (до XVIII века): город и государство мыслились через архитектурную метафору (например, государство как здание). Это была символическая репрезентация власти, где столица – это голова, а провинции – фундамент.

2. Дисциплинарное пространство (XVII–XIX века): здесь власть работает через контроль над телами. Идеальный пример – паноптикум или геометрически упорядоченный город (как Ришельё или Гётеборг). Пространство становится машиной для наблюдения, нормализации и дрессировки. Это уже не репрезентация, а техника управления.

3. Биополитическое пространство (с XIX века): власть управляет не отдельными телами, а популяцией в целом. Городское планирование теперь направлено на регулирование гигиены, плотности населения, потоков движения, здоровья и экономической активности. Оно оперирует не идеальными нормами, а статистикой, вероятностями и рисками.

Репрезентация и формирование общественных пространств находятся в диалектической зависимости: репрезентация задаёт смысловую матрицу, а пространство становится её материальным носителем и одновременно полем для её трансформации (Фуко, 2024: 249-257). Согласно Фуко, городское пространство – не символ власти, а её инструмент. Репрезентация советского наследия через благоустройство (широкие проспекты: пешеходные зоны, монументальные площади: места для фестивалей) конструирует новые формы повседневности: от коллективистской дисциплины к индивидуальному досугу, от идеологической мобилизации к потребительскому комфорту.

Репрезентация и адаптация – это не альтернативные стратегии, а два измерения единого процесса управления городом. Государственные институты, игнорирующие репрезентацию, создают функционально удобные, но «бессмысленные» пространства, лишённые идентичности. Те, кто фокусируется только на репрезентации, получают музейные зоны, не встроенные в повседневную жизнь горожан.

Успешная трансформация советского наследия в Москве, Санкт-Петербурге и других городах требует баланса: через адаптацию пространство становится живым и востребованным, через репрезентацию – осмысленным и легитимным. Только их синтез позволяет преодолеть потерявшее функциональность и идеологический смысл советское наследие не через разрушение или консервацию, а через творческую трансформацию в ресурс современной городской жизни. Основные черты репрезентации проявляются в её селективности – государственные институты избирательно определяют, какие элементы прошлого «достойны» памяти, а какие подлежат демонтажу или маргинализации; в материализации дискурса – воплощении политических нарративов в камне, металле и свете; в мультимодальности – одновременной работе через несколько каналов (архитектура, световой дизайн, цифровые инсталляции); в конфликтности – столкновении конкурирующих нарративов за право определять смысл пространства; и в институциональной легитимации – закреплении репрезентационных решений через нормативные акты. Как своевременно и дерзко отметил в своей работе «Аналогии динамизма в пластике: футуристический манифест» Джино Северини: «Я предвижу конец холстов и статуй. Эти объекты искусства, вопреки нашим новаторским аппетитам, ограничивают творческую

свободу и уже самой своей формой предопределяют свою судьбу: отправиться на свалку музеев, гостиных коллекционеров, каждый из которых еще более отявленный пассажир, чем его сосед. Вместо этого наши пластические творения должны жить под открытым небом, встраиваясь в архитектурный пейзаж, участвуя вместе с ним в деятельном вмешательстве во внешний мир, сущность которого мы в них выразили» (Рейни, 2025: 7-8). Черты репрезентации в контексте развития городского пространства представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Черты репрезентации в контексте управления городскими пространствами

Черта	Содержание	Пример из постсоветского контекста
Селективность	Государство избирательно определяет, какие элементы прошлого «достойны» памяти	Демонтаж памятников Дзержинскому в Киеве (2010-е) /. сохранение в Минске как символа стабильности
Материализация дискурса	Политические нарративы воплощаются в камне, металле, свете	Замена советских гербов на гербы Российской Федерации на фасадах зданий в 1990-е
Мультимодальность	Репрезентация работает через несколько каналов одновременно	Парк «Зарядье» (Москва): архитектура + световой дизайн + цифровые инсталляции + навигация = нарратив «новой России»
Конфликтность	Конкуренция нарративов за право определять смысл пространства	Споры вокруг памятника «Рабочему и колхознице» в Москве: символ советской модернизации / объект для коммерциализации
Институциональная легитимация	Репрезентация закрепляется через нормативные акты	Указы о присвоении статуса «объект культурного наследия» или, наоборот, о выводе из реестра

Составлено автором

Адаптация, в свою очередь, представляет собой процесс функционального и социального переосмысления пространства для соответствия меняющимся потребностям общества. Эта технология включает два взаимосвязанных уровня: функциональную адаптацию, предполагающую изменение назначения объекта (завод → лофт, дворец культуры → многофункциональный центр), и социальную адаптацию, направленную на интеграцию пространства в повседневные практики горожан (парк как место для пробежек, встреч, игр детей). В отличие от репрезентации, ориентированной на долгосрочные смыслы, адаптация сосредоточена на решении конкретных, практических задач повседневной жизни горожан. Её основные черты проявляются в прагматизме – ориентации на решение задач трафика, доступности и комфорта; в инкрементальности – постепенном изменении через накопление мелких вмешательств; в универсальной доступности – проектировании для всех групп населения, включая маломобильные категории; в гибкости использования – допущении множественных сценариев применения одного и того же

пространства; и в экологической интеграции – включении природных элементов в урбанистическую ткань. Основные черты адаптации в контексте управления городом представлены в Таблице 3.

Государственные цели адаптации направлены на повышение качества городской среды и удовлетворённости горожан, оптимизацию расходов и трат через повторное использование объектов вместо их сноса, стимулирование социального взаимодействия и снижение атомизации общества, а также повышение экономической эффективности территорий через увеличение посещаемости и привлечение бизнеса. В управленческой практике эти цели реализуются через проведение социологических исследований потребностей жителей, разработку стандартов благоустройства и функционального наполнения, реализацию пилотных проектов с последующей оценкой их использования, а также создание поддерживающей инфраструктуры (освещение, навигация, обеспечение безопасности).

Таблица 3

Основные черты адаптации в контексте управления городскими пространствами

Черта	Содержание	Пример из постсоветского контекста
Прагматизм	Ориентация на решение конкретных задач (трафик, доступность, комфорт)	Преобразование проспекта Мира (Москва) в пешеходную зону с велодорожками
Инкрементальность	Постепенное изменение через накопление мелких вмешательств	Появление лавочек, урн, освещения в скверах как этапы социальной адаптации
Универсальная доступность	Дизайн для всех групп населения (включая маломобильных)	Реконструкция набережных Невы (СПб) с пандусами и тактильными покрытиями
Гибкость использования	Пространство допускает множественные сценарии применения	«Стрелка» Васильевского острова (СПб): прогулки, фестивали, катание на роликах, фотосессии
Экологическая интеграция	Включение природных элементов в урбанистическую ткань	Создание «зелёных коридоров» вдоль бывших промзон в Минске

Составлено автором на основе: Карасев, Денисенко, 2025: 182-186

Взаимосвязь репрезентации и адаптации проявляется в трёх основных типах взаимодействия. Во-первых, репрезентация выступает условием адаптации: новый смысл пространства определяет его функциональное наполнение. Так, решение представить бывший завод «Арсенал» в Минске как «пространство национальной памяти» привело к его адаптации под музей современного искусства вместо коммерческого торгового центра. Во-вторых, адаптация становится условием репрезентации: функциональное использование формирует новые смыслы. Преобразование набережной Москвы-реки в пешеходную зону (адаптация) породило репрезентацию «реки как места отдыха», вытеснив прежний образ «транспортной артерии». В-третьих, возникает конфликт репрезентации и

адаптации, когда функциональные потребности противоречат символическому статусу объекта. Необходимость реконструкции Литейного моста в Санкт-Петербурге для увеличения пропускной способности (адаптация) сталкивается с его статусом объекта культурного наследия (репрезентация), требуя поиска компромиссных решений. Эта диалектическая взаимообусловленность делает репрезентацию и адаптацию неразрывными элементами единого процесса трансформации городской среды (Хилько, Горелова, 2022: 38-40).

Для эффективного управления городом государственные институты должны применять репрезентацию и адаптацию как единый инструментарий, интегрируя их на всех этапах управленческого цикла. На этапе диагностики проводится картирование конфликтов памяти и символических вакуумов параллельно с анализом использования пространства (трафик, активности), что позволяет выявить территории, требующие комплексной трансформации. На этапе проектирования разрабатывается концепция символического наполнения одновременно с проектированием функциональных зон и инфраструктуры, формируя мастер-план с двумя взаимосвязанными разделами – «Смысл» и «Функция». На этапе реализации осуществляется установка знаков, памятников и световых сценариев параллельно со строительством, благоустройством и озеленением, что обеспечивает физическое воплощение пространства с двойным кодом. На этапе оценки измеряется как восприятие пространства (через опросы и медиа-анализ), так и его использование (через опросы и наблюдения), что позволяет корректировать стратегию на основе комплексной обратной связи.

Таблица 4

Применение репрезентации и адаптации в управлении городским пространством

Этап управленческого цикла	Репрезентационная задача	Адаптационная задача	Интегрированный результат
Диагностика	Картирование конфликтов памяти и символических вакуумов	Анализ использования пространства (трафик, активности)	Выявление территорий, требующих комплексной трансформации
Проектирование	Разработка концепции символического наполнения	Проектирование функциональных зон и инфраструктуры	Мастер-план с разделами «Смысл» и «Функция»
Реализация	Установка знаков, памятников, световых сценариев	Строительство, благоустройство, озеленение	Физическое воплощение пространства с двойным кодом
Оценка	Измерение восприятия (опросы, медиа-анализ)	Измерение использования (счётчики, наблюдения)	Корректировка стратегии на основе обратной связи

Составлено автором

Критериями успешной интеграции репрезентации и адаптации выступают согласованность (функциональное наполнение не противоречит символическому статусу), гибкость (пространство допускает эволюцию смыслов без радикальной перестройки), вовлечённость (жители участвуют в формировании как функций, так и смыслов) и долгосрочность (репрезентация задаёт вектор на 10-20 лет, адаптация корректируется ежегодно). Государственные институты, игнорирующие репрезентацию, создают функционально удобные, но «бессмысленные» пространства, лишённые идентичности. Те же, кто фокусируется исключительно на репрезентации, получают музейные зоны, не встроенные в повседневную жизнь горожан. Успешная трансформация советского наследия в Москве, Санкт-Петербурге и других городах бывшего СССР требует баланса: через адаптацию пространство становится живым и востребованным, через репрезентацию – осмысленным и легитимным. Только их синтез позволяет преодолеть советское наследие не через разрушение или консервацию, а через творческую трансформацию в ресурс современной городской жизни.

Градостроительный кодекс Российской Федерации, несмотря на свою фундаментальную роль в регулировании градостроительной деятельности, демонстрирует глубокий системный разрыв с современными подходами к трансформации городской среды. Ключевое противоречие заключается в том, что Кодекс оперирует категориями индустриальной эпохи – жёстким функциональным зонированием, статичными параметрами застройки и технократическим пониманием благоустройства. Такой подход принципиально блокирует адаптацию советского наследия, где здания часто требуют смешанного использования для обеспечения жизнеспособности.

Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия» представляет собой наиболее яркий пример нормативного конфликта между консервативной парадигмой охраны и современными потребностями адаптации советского архитектурного наследия. Закон базируется на принципе «подлинности» как абсолютной ценности, что приводит к формированию правоприменительной практики, ориентированной на физическое сохранение объекта любой ценой, включая его социальную маргинализацию. Статья 40 закона, предписывающая использование объектов культурного наследия «в соответствии с историческим назначением», становится ключевым барьером для адаптации.

Генеральные планы Москвы и Санкт-Петербурга, утверждённые на 20-25-летний горизонт, демонстрируют фундаментальное противоречие между своей статичной природой и динамичными процессами трансформации городской среды в постсоветский период. Генпланы концептуализируют город как устойчивую систему с предсказуемыми траекториями развития, тогда как реальность постсоветских мегаполисов характеризуется высокой волатильностью: резкие смены экономических условий, технологические прорывы (цифровизация, каршеринг, доставка), изменение ценностей горожан

(приоритет качества среды над мобильностью) и политические трансформации создают условия, для которых Генпланы не предусматривают гибких механизмов адаптации. В результате Генеральные планы, задуманные как инструмент стратегического управления, превращаются в консервативный барьер, тормозящий эволюцию городского пространства в условиях высокой неопределённости и быстрых социальных изменений.

Заключение. Трансформация советского архитектурного и градостроительного наследия в постсоветских мегаполисах представляет собой не техническую задачу реконструкции, а сложный социокультурный процесс, в котором переплетаются вопросы исторической памяти, политической легитимации, идентичности и повседневной жизни горожан. Современная практика репрезентации и адаптации общественных пространств столкнулась с кризисом нормативной базы, сформированной в эпоху индустриального градостроительства. Ключевые противоречия: статичность норм против динамичности городской жизни; консервативная охрана против функционального возрождения наследия; вертикаль управления против горизонтальных инициатив; технические регламенты против социальных функций.

Разрешение этих противоречий требует не отмены нормативов, а их модернизации через:

- введение специальных правовых режимов для пилотных проектов;
- переход к гибкому зонированию с условно разрешёнными видами использования;
- разработку методик адаптивной реставрации;
- использование цифровых инструментов для снижения рисков.

Ключевыми факторами успеха являются: последовательность (разработка репрезентационной концепции до принятия адаптационных решений); баланс (ни одна из технологий не доминирует в ущерб другой); контекстуальность (учёт исторического и культурного специфики территории); гибкость (допущение эволюции смыслов и функций без радикальной перестройки); и измеримость (наличие чётких метрик для корректировки решений на основе обратной связи). В заключение следует подчеркнуть, что трансформация советского наследия – это не завершённый процесс «преодоления прошлого», а непрерывная работа по конструированию будущего. Советское наследие не может быть ни полностью уничтожено, ни консервировано в музейном состоянии – оно должно быть творчески трансформировано в ресурс современной городской жизни. Государственные институты, обладая монополией на легитимацию репрезентационных решений и ресурсами для реализации адаптационных проектов, несут особую ответственность за этот процесс. Однако их эффективность зависит от способности выйти за рамки технократического управления и воспринимать городское пространство как живой организм, где символы и функции, память и повседневность, власть и гражданское общество находятся в постоянном диалоге.

Список литературы

- Бакей Ю. К., Ершова С. А. Генеральный план Санкт-Петербурга 2024-2050. СПб: СПб ГКУ «НИПЦ Генплана Санкт-Петербурга», 2025. 68 с.
- Березняков Д. В., Козлов С. В. Советское наследие как институциональный и символический ресурс постсоветского государственного строительства // Дискурс-Пи. 2021. Т. 18, № 4. С. 46-58. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_4_46. EDN: FAMZRB.
- Генеральный план города Москвы (Приложение 1 к Закону города Москвы от 5 мая 2010 г. № 17 (в ред. законов г. Москвы от 15.03.2017 № 10, от 27.12.2017 N 59). URL: https://genplanmos.ru/project/generalnyy_plan_moskvy_do_2035_goda/ (дата обращения: 22.01.2026).
- Генеральный план Санкт-Петербурга 2024-2050 / Бакей Ю.К., Ершова С.А./ СПб ГКУ «НИПЦ Генплана Санкт-Петербурга». СПб., 2025. 68 с.
- Гогуадзе М. Г. Визуализация современного политического пространства: исследовательские приоритеты // Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 1. С. 84-93. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-1-84-93. EDN: WTPCDV.
- Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 26.01.2026).
- Депелян Р. А. Типология социальных технологий в управлении // Власть. 2024. Т. 32, № 6. С. 191-204. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-6-191-204. EDN: EZARPI.
- Карасев Р. О., Денисенко Е. В. Реорганизация промышленных территорий и архитектурных объектов с учетом адаптивных процессов // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. № 2 (52). С. 177-186. EDN: DEDDAN.
- Каримова И. С. Пространственные практики в дизайне городской среды // Общество: философия, история, культура. 2024. № 8. С. 156-161. DOI: 10.24158/fik.2024.8.21. EDN: YDXEEO.
- Каримова И. С. Репрезентация территориальной идентичности города в дизайне среды // Общество: философия, история, культура. 2023. № 2. С. 103-108. DOI: 10.24158/fik.2023.2.17. EDN: NXUMXI.
- Любимова Н. С. Репрезентация как понятие, проблема и метод (рец. на: Антропология репрезентации: память, общественные пространства и визуальность / Отв. ред. А.А. Плеханов, Н.А. Белова. М.: ИЭА РАН, 2021 // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 233-237. DOI: 10.31857/S0869541523060155. EDN: MPIJTH.
- Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 22.01.2026).
- Рейни Л. Круг замкнулся: сборник футуристической публицистики под редакцией Лоуренса Рейни. Тамбов: Ex Nord Lux, 2025. 294 с.
- Роль инклюзивного дизайна в урбанистике: социологический аспект / Рогач О. В., Куртенкова Ю. Е., Шахвалиева А. З., Мельникова А. И. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. Т. 15, № 1. С. 114-123. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-114-123. EDN: QNZZRT.
- Тварадзе Н. Б. Социальные технологии государственного управления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 93-96. DOI: 10.23672/SAE.2023.32.82.001. EDN: WZGPWQ.
- Фуко М. Археология знания / Пер. М. Б. Ракова, А. Ю. Серебрянникова. СПб: Гуманитарная Академия, 2024. 416 с.
- Хилько Н. Ф., Горелова Ю. Р. Образы архитектурного наследия в культурном пространстве // Урбанистика. 2022. № 3. С. 36-44. DOI: 10.7256/2310-8673.2022.3.35689. EDN: ZOWUIM.

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В ГОРОДСКОМ БЛАГОУСТРОЙСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОЖАН И ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Шипицын Сергей Алексеевич,

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

(Москва, Россия)

sergei.ship@bk.ru

Аннотация. В статье осуществлён разбор механизмов и динамики гражданского участия в преобразовании городской среды Российской Федерации. Эмпирическая база опирается на материалы Министерства строительства и ЖКХ РФ, НИФИ Министерства финансов, а также данные мониторинговых опросов ВЦИОМ. Анализ фокусируется на изменении конфигурации взаимодействия городских сообществ и публичной власти в логике реализации федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» и последующего перехода к национальному проекту «Инфраструктура для жизни». Предметом рассмотрения выступает связь между положительной динамикой Индекса качества городской среды с достижением в 2024 г. доли благоприятных городов 82,4% и институциональным расширением практик соучаствующего проектирования. Обобщены способы и форматы вовлечения: использование цифровых сервисов и платформ (включая «Активный гражданин» и za.gorodsreda.ru), а также закрепившиеся процедуры инициативного бюджетирования как устойчивой модели участия, опосредующей распределение части ресурсов развития. Полученные, в ходе исследования выводы создают основу для прикладных рекомендаций, направленных на оптимизацию коммуникации и согласительных процедур между стейкхолдерами, повышение прозрачности проектных циклов и снижение вероятности социально-пространственных конфликтов в ходе преобразований городской среды.

Ключевые слова: гражданское участие; городское благоустройство; соучаствующее проектирование; индекс качества городской среды; инициативное бюджетирование; цифровизация; общественное доверие; государственное управление

CIVIC PARTICIPATION IN URBAN IMPROVEMENT: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF INTERACTION PRACTICES BETWEEN CITIZENS AND GOVERNMENT AUTHORITIES

Sergei A. Shipitsyn,

postgraduate, Moscow financial and industrial university “Synergy”

(Moscow, Russia)

sergei.ship@bk.ru

Abstract. This article analyzes the mechanisms and dynamics of civic participation in the transformation of the urban environment in the Russian Federation. The empirical base is based on materials from the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation, the Research Institute of Financial Research of the Ministry of Finance, and data from VTsIOM monitoring surveys. The analysis focuses on the changing configuration of interaction between urban communities and public authorities in the context of the implementation of the federal project “Creating a Comfortable Urban Environment” and the subsequent transition to the national project “Infrastructure for Life”. The subject of examination is the relationship between the positive dynamics of the Urban Environment Quality Index, with the achievement of 82.4% of favorable cities

by 2024, and the institutional expansion of participatory design practices. The article summarizes the methods and formats of engagement, including the use of digital services and platforms (including “Active Citizen” and za.gorodsreda.ru), as well as established participatory budgeting procedures as a sustainable participation model facilitating the distribution of development resources. The findings of this study provide the basis for practical recommendations aimed at optimizing communication and consensus processes between stakeholders, increasing the transparency of project cycles, and reducing the likelihood of socio-spatial conflicts during urban transformations.

Keywords: civic participation; urban improvement; participatory design; urban quality index; participatory budgeting; digitalization; public trust; public administration

Введение. Актуальность изучения практик гражданского участия в благоустройстве городской среды определяется масштабным институциональным сдвигом, проявившимся в последние годы. К началу 2025 г. в Российской Федерации была достигнута заявленная национальная цель, связанная с увеличением Индекса качества городской среды на 30% относительно базового периода (Минстрой России опубликовал Индекс качества городской среды 2024, 2025). Данный результат зафиксирован на рубеже завершения одного цикла национальных проектов и запуска обновлённой программы «Инфраструктура для жизни», что актуализирует исследовательскую повестку, связанную не только с масштабом, но и с содержательной глубиной вовлечённости населения в принятие градостроительных решений (Подведены итоги Индекса качества городской среды, 2025). Социологическая перспектива позволяет интерпретировать эти изменения как трансформацию городских режимов: от классических конфигураций типа, воспроизводящих доминирование девелоперских интересов, к более вариативным и адаптивным альянсам, в рамках которых общественный активизм приобретает функцию корректирующего воздействия на официальные управленческие траектории.

Цель работы заключается в выявлении и социологическом объяснении механизмов, форматов и ограничений гражданского участия в городском благоустройстве России через анализ трансформации взаимодействия городских сообществ и органов публичной власти в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» и перехода к национальному проекту «Инфраструктура для жизни», с сопоставлением количественной динамики Индекса качества городской среды (включая достижение к 2024 г. 82,4% благоприятных городов) и институционального расширения практик соучаствующего проектирования, цифровых платформ участия и инициативного бюджетирования.

Научная новизна исследования связана с сопряжением количественных параметров Индекса качества городской среды и качественного анализа социально-политических практик соучастия, что позволяет преодолеть редукцию участия к процедурной фиксации и рассматривать его как институционально опосредованный процесс распределения влияния.

Авторская гипотеза формулируется следующим образом: при достижении плановых индикаторов формальной вовлечённости (в том числе посредством онлайн-платформ голосования) фактическое воздействие горожан на архитектурно-

планировочные решения сохраняет фрагментарный характер и ограничивается действием институциональных барьеров, вследствие чего возрастает значимость более децентрализованных и неформальных практик коммуникации, способных расширить репертуар участия и повышать его результативность.

Методология и методы. Исследование выстроено на основе междисциплинарного подхода, объединяющего инструментарий социологического анализа, методы экономико-статистической обработки данных и положения теории городского планирования. Информационную основу составили официальные материалы Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ по результатам расчёта Индекса качества городской среды за 2024 г., включающие оценивание 1116 городов по 36 ключевым индикаторам. Указанные индикаторы сведены в шесть блоков пространственной организации: жилищная среда, озеленённые территории, общественно-деловая инфраструктура, улично-дорожная сеть, общегородские пространства и социально-досуговая инфраструктура¹.

Глубина гражданского участия измерялась с привлечением данных цифровых механизмов соучастия. В качестве эмпирического массива использованы сведения платформы za.gorodsreda.ru, где в 2024 г. участие в голосованиях приняли 17,2 млн граждан, а также статистические показатели московской экосистемы «Активный гражданин», охватывающей свыше 7 млн пользователей². Финансово-институциональное измерение вовлечённости рассмотрено на основании аналитических докладов НИФИ Министерства финансов РФ о развитии инициативного бюджетирования; в них обобщены 548 различных практик включения населения в бюджетный процесс³. Данный массив данных позволяет сопоставлять «процедурные» формы участия (цифровое голосование) с практиками распределения ресурсов, в которых соучастие приобретает более предметный характер за счёт прямого сопряжения с бюджетными решениями.

Теоретическую основу исследования формируют результаты осуществлённых ранее исследований.

Научные результаты и дискуссия. За прошедший 2024 г. зафиксировано беспрецедентное расширение группы городов, характеризующихся благоприятной городской средой: их доля достигла 82,4%⁴. В количественном выражении это

¹ Подведены итоги Индекса качества городской среды. URL: <https://stroygaz.ru/news/official/podvedeny-itogi-indeksa-kachestva-gorodskoy-sredy/> (дата обращения: 10.09.2025).

² Более 16,6 млн россиян отдали голоса за благоустройство. URL: <https://www.minavtodor-chr.ru/2025/06/27/23102/> (дата обращения: 25.09.2025).

³ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. М.: Минфин России, 2024. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/09/main/Doklad_IB_2024_web.pdf (дата обращения: 11.10.2025).

⁴ City Environment Quality Index 2024: Record Growth and Top-Ranked Cities. URL: <https://findit.city/en/russia/moscow/news/city-environment-quality-index-2024-record-growth-and-top-ranked-cities> (дата обращения: 18.09.2025).

соответствует тому, что 920 российских городов превысили пороговое значение 181 балл, используемое в качестве критерия комфортности проживания. На региональном уровне отмечается сопоставимая положительная динамика: средний показатель Индекса качества городской среды увеличился с 200 до 220 баллов, что указывает на системное улучшение инфраструктурных параметров в масштабе страны¹.

В Таблице 1 будет отражена иерархия лидеров Индекса качества городской среды.

Таблица 1

Иерархия лидеров Индекса качества городской среды

Категория города	Город-лидер	Баллы	Ключевые достижения
Крупнейшие (от 1 млн)	Москва	312	Цифровизация, транспорт, реставрация
Крупнейшие (от 1 млн)	Санкт-Петербург	283	Сохранение наследия, общественные пространства
Крупнейшие (от 1 млн)	Казань	254	Соучаствующее проектирование, парки
Крупные (250 тыс. – 1 млн)	Симферополь	220	Темпы роста индекса, озеленение
Крупные (250 тыс. – 1 млн)	Тула	218	Ревитализация промзон, набережные
Крупные (250 тыс. – 1 млн)	Рязань	215	Модернизация дорожной сети

Составлено автором на основе: Подведены итоги Индекса качества городской среды. URL: <https://stroygaz.ru/news/official/podvedeny-itogi-indeksa-kachestva-gorodskoy-sredy/> (дата обращения: 10.09.2025).

Отдельного анализа требует обстоятельство, что в 2024 г. порог благоприятной городской среды впервые преодолели такие города-миллионники, как Омск и Волгоград. В сегменте городов с численностью населения 250 тыс. – 1 млн комфортными признаны 100% объектов, то есть все 62 города данной категории, что позволяет говорить о закреплении достигнутых стандартов качества среды в крупных региональных центрах².

Вместе с тем социологическая интерпретация результатов подчёркивает ограниченность прямого отождествления высокого значения индекса с субъективной удовлетворённостью жителей. Так, среди городов с населением 100 – 250 тыс. благоприятными считаются лишь 86 из 92, однако именно в этой группе нередко фиксируются градостроительные конфликты, порождаемые точечной застройкой либо сокращением зелёных насаждений (Ledyayev, Chirikova, 2019). Подобные расхождения указывают на необходимость более

¹ Минстрой России опубликовал Индекс качества городской среды 2024. URL: <https://russiasmartcity.ru/минстрой-россии-опубликовал-индекс-к/> (дата обращения: 05.09.2025).

² Минстрой России опубликовал Индекс качества городской среды 2024. URL: <https://russiasmartcity.ru/минстрой-россии-опубликовал-индекс-к/> (дата обращения: 05.09.2025).

тонкой аналитики каналов обратной связи и на выявление того, каким образом формальные параметры благоустройства преобразуются в социально воспринимаемое качество городской жизни.

В 2024-2025 гг. цифровизация выступила основным механизмом масштабирования гражданского участия. Платформенные инструменты снижают транзакционные издержки взаимодействия, упрощая доступ к процедурам соучастия, и тем самым расширяют охват групп, ранее слабо представленных в городском диалоге, включая молодёжь (Dolgaeva E. I., Kastolina A. S., 2025).

Практика реализации проектов в городе Москва демонстрирует институциональную укоренённость такого подхода: в 2024 г. в рамках проекта «Активный гражданин» проведено свыше 750 голосований, посвящённых вопросам благоустройства, цифровизации и транспорта¹. За тот же период к проекту присоединились 355 тыс. новых участников, а совокупная аудитория превысила 7 млн пользователей. Примечательно, что участие не ограничивается выбором объектов благоустройства (парков, набережных и иных общественных пространств), но распространяется и на символическое конструирование городской среды -через присвоение наименований скверам и улицам, а также участие в выборе дизайнерских решений, в том числе для станций метрополитена². Данные общероссийского голосования на платформе za.gorodsreda.ru также отражают устойчивую восходящую динамику вовлечённости (Таблица 2).

Таблица 2

Динамика вовлеченности во Всероссийское голосование за объекты благоустройства

Год	Количество участников (млн чел.)	Рост к предыдущему году (%)	Число представленных территорий
2021	9,7	–	~6 000
2022	10,7	10,3%	~6 500
2023	14,2	32,7%	~7 000
2024	17,2	21,1%	~7 500

Составлено автором на основе: Более 16,6 млн россиян отдали голоса за благоустройство. URL: <https://www.minavtodor-chr.ru/2025/06/27/23102/> (дата обращения: 25.09.2025).

По данным опросов ВЦИОМ, 89% респондентов относят проекты благоустройства к наиболее заметным изменениям в городской жизни за последний год³. Одновременно 86% опрошенных квалифицируют онлайн-

¹ Более 750 голосований провели в проекте «Активный гражданин» в 2024 году. URL: <https://www.mos.ru/news/item/148492073/> (дата обращения: 03.10.2025).

² Участниками проекта «Активный гражданин» в 2024 году стали 355 тысяч новых пользователей. URL: <https://www.ugorizont.ru/2025/01/03/uchastnikami-proekta-aktivnyj-grazhdanin-v-2024-godu-stali-355-tysyach-novyh-polzovatelej/> (дата обращения: 27.10.2025).

³ Более 16,6 млн россиян отдали голоса за благоустройство. URL: <https://www.minavtodor-chr.ru/2025/06/27/23102/> (дата обращения: 25.09.2025).

голосование как действенный инструмент влияния на среду проживания. Вместе с тем в экспертной оценке фиксируется риск редукции цифрового участия до формата «клик-активизма», при котором упрощённая процедура выбора подменяет собой содержательное обсуждение проектных решений и не формирует устойчивых механизмов согласования интересов (Dolgaeva, Kastolina, 2025). В таком случае рост охвата участия не тождественен углублению его качества: расширение аудитории обеспечивается технологически, тогда как совещательный компонент остаётся ограниченным.

На этом фоне инициативное бюджетирование (ИБ) выступает более жёсткой формой соучастия, поскольку предполагает прямое включение граждан в распределение бюджетных ресурсов. В 2023 г. в Российской Федерации реализовано 33 640 проектов ИБ, что на 14,6% превышает показатели предыдущего года. Совокупная стоимость инициатив составила 58,48 млрд руб., продемонстрировав рост на 24%¹. Данные параметры позволяют рассматривать ИБ не только как инструмент локального благоустройства, но и как институциональный канал перераспределения управленческого внимания, переводящий участие из плоскости выражения предпочтений в плоскость ресурсной ответственности.

Структурный анализ проектов ИБ в 2024 г. выявляет, что общественные запросы нередко расходятся с приоритетами муниципального управления. Если государственные программы преимущественно ориентируются на крупные рекреационные пространства и «витринные» объекты, то гражданские инициативы, артикулируемые через ИБ, концентрируются на решении задач повседневной доступности и функциональности: благоустройство дворовых территорий, ремонт тротуаров, установка освещения. Такая конфигурация приоритетов указывает на различие управленческих оптик: институциональные стратегии тяготеют к масштабным проектам с высокой символической капитализацией, тогда как население задаёт повестку микромодернизации, непосредственно влияющей на ежедневные практики городской мобильности и безопасности².

Заметной тенденцией 2024 г. стало институциональное укрепление школьного инициативного бюджетирования, распространившегося уже на 29 субъектов РФ. Число проектов данного типа приблизилось к 2000, а их удельный вес в общей структуре инициатив увеличился до 5,49%³. Подобная

¹ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. М.: Минфин России, 2024. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/09/main/Doklad_IB_2024_web.pdf (дата обращения: 11.10.2025).

² За год участники «Активного гражданина» поделились своим мнением 38 миллионов раз — Сергунина. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/za-god-uchastniki-aktivnogo-grazhdanina-podelilis-svoim-mneniem-38-millionov-raz-sergunina-03-01-2025> (дата обращения: 04.11.2025).

³ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. М.: Минфин России, 2024. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2024/09/main/Doklad_IB_2024_web.pdf (дата обращения: 11.10.2025).

динамика свидетельствует о ранней социализации практик соучастия: формируются компетенции бюджетной грамотности и ответственности за состояние городской среды, без которых затруднён переход к устойчивым и воспроизводимым моделям гражданского участия.

Социологическая реконструкция реализации крупных градостроительных проектов (в частности, парка «Зарядье» в Москве и «Тучкова буяна» в Санкт-Петербурге) демонстрирует эволюцию взаимодействия власти и общества от логики конфронтации к режиму согласования интересов, который в терминах теории городских режимов может быть описан как движение в сторону «прогрессивных» конфигураций (Ledyayev, Chirikova, 2019). В концепции К. Стоуна городской режим трактуется как неформальная коалиция, располагающая совокупностью ресурсов, достаточных для фактического управления городом. В российских реалиях прослеживается смещение от «машин роста», где определяющее влияние сохраняли интересы строительного лобби, к более сложным альянсам, в которых общественное мнение начинает функционировать как значимый политический ресурс и фактор перераспределения управленческих приоритетов (Aksenov, Galustov, 2024).

В пяти из шести рассмотренных примеров отмечается корректировка целеполагания под воздействием публичного протеста либо активного соучастия. Первоначальные проектные установки, нередко ориентированные на коммерческую рентабельность или символический эффект для власти, трансформировались в направлении создания социально значимых общественных пространств (Ledyayev, Chirikova, 2019). Одновременно сохраняется феномен имитационного участия. В ряде ситуаций процедуры публичных слушаний либо онлайн-обсуждений используются преимущественно как формальный механизм легитимации решений, принятых до начала консультаций. Такая практика не устраняет напряжённость, а переводит её в латентное состояние, что способно проявляться на поздних этапах уже в период эксплуатации объектов благоустройства, в формах вандализма, отказа от присвоения пространства или социального отчуждения (Dolgaeva, Kastolina, 2025).

Даже при позитивной динамике количественных показателей качественные исследования фиксируют наличие устойчивых структурных барьеров, ограничивающих полноценное соучастие. Одним из наиболее значимых препятствий остаётся дефицит доверия между ключевыми акторами городской политики. По данным опросов 2024 г., 35% россиян обозначают недоверие к организациям-операторам в качестве основной причины отказа от участия в общественных инициативах¹.

Негативное влияние сохраняет и информационная асимметрия. При том что 73% россиян в целом осведомлены о национальных проектах, уровень

¹ Целый мир добрых дел: в России отмечают Всемирный день НКО. URL: https://мояроссия.рф/portal/news/view/tselyi_mir_dobrykh_del_vrossii_otmechaiut_v_semirnyi_den_nko_66307 (дата обращения: 21.11.2025).

представлений о конкретных инструментах благоустройства демонстрирует эффект «плато» и не сопровождается сопоставимым ростом компетентности участия¹. В результате для значительной части жителей малых городов благоустройство продолжает восприниматься как односторонний акт инфраструктурного «дарения» со стороны власти, при котором собственные права и обязанности как субъектов управления не артикулируются и не осваиваются в повседневных практиках (Dushkova, Konstantinova, Matasov, et al., 2025).

Обобщение практик 2024-2025 гг. позволяет типологизировать три вероятных сценария развития гражданского участия в российском урбанизме. «Технократический» сценарий предполагает дальнейшее совершенствование цифровых интерфейсов участия при сохранении централизованного характера принятия решений. «Конфликтный» сценарий связан с ростом низового активизма и усилением «градостроительных войн» в ситуации, когда общественный запрос игнорируется либо учитывается формально. Наиболее перспективным выступает «интегративный» сценарий, основанный на принципах соучаствующего проектирования и институционализирующий участие как непрерывный процесс согласования целей, критериев и режимов эксплуатации городской инфраструктуры.

Иллюстративным примером интегративной модели в 2024 г. выступает Казань, занявшая третье место в Индексе качества городской среды². Существенный вклад в данный результат связывается с деятельностью профессиональных посредников, в частности, Института развития городов, обеспечивающего многоуровневую архитектуру обсуждений на всех стадиях проектного цикла: от предпроектной диагностики до эксплуатации. Такой формат не ограничивается производством качественного пространства как материального результата, но способствует формированию ответственного сообщества пользователей, способного поддерживать и развивать созданные решения³.

Дополнительный ресурс интеграции задают онлайн-сообщества. Анализ экологических групп в сети «ВКонтакте» показал, что низовые инициативы, связанные с созданием цифровых карт загрязнений, развитием раздельного сбора отходов и защитой парков, формируют «экосистему практик», которую органы власти способны использовать как готовый инструментарий для реализации экологической политики (Zakharova, Prituzhalova, Glazkova, Suvorova, 2025). Тем

¹ Национальные проекты – 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnye-proekty-2024> (дата обращения: 12.11.2025).

² Подведены итоги Индекса качества городской среды. URL: <https://stroygaz.ru/news/official/podvedeny-itogi-indekса-kachestva-gorodskoy-sredy/> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р «Об утверждении методики формирования индекса качества городской среды». URL: <https://meganorm.ru/Data2/1/4293730/4293730880.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).

самым подтверждается необходимость смещения управленческой логики от модели управления для горожан к модели управления совместно с горожанами, где участие выступает не ситуативным атрибутом легитимации, а устойчивым механизмом совместного производства городской среды.

Заключение. Социологический анализ практик гражданского участия в благоустройстве городской среды в последние годы фиксирует становление новой конфигурации отношений между населением и органами власти. Достигнутые значения Индекса качества городской среды (82,4% благоприятных городов) связаны не только с масштабированием бюджетного финансирования, но и с качественным сдвигом в статусе горожанина, который всё чаще проявляется как соавтор проектных решений и соинвестор городской трансформации через механизмы соучастия и распределения ресурсов.

Цифровые платформы («Активный гражданин», za.gorodsreda.ru) продемонстрировали высокую способность обеспечивать массовое вовлечение и процедурную легитимацию проектов благоустройства, однако их эффект в значительной степени остаётся ограниченным уровнем консультативного выбора. Инициативное бюджетирование, напротив, проявляет себя как инструмент прямого участия, более тесно связанный с распределением финансовых ресурсов и локальной повесткой территорий; зафиксированный рост объёмов финансирования на 24% в 2024 г. подтверждает его результативность в решении задач повседневной инфраструктуры и в формировании у граждан элементов финансовой ответственности. Трансформация городских режимов в направлении прогрессивных альянсов способствует снижению остроты градостроительных конфликтов за счёт включения общественного мнения в контуры управленческого решения, однако устойчивость такого сдвига зависит от институционального закрепления роли общественных активистов и экспертных сообществ как легитимных участников проектного цикла.

В логике реализации национального проекта «Инфраструктура для жизни» до 2030 г. важное значение приобретает не столько поддержание темпов физического благоустройства, сколько развитие компетенций взаимодействия, обеспечивающих воспроизводимость соучастия как нормы управления: способность к переговорам, модерации, публичной аргументации и совместной ответственности как со стороны муниципальных служащих, так и со стороны гражданских акторов. Дальнейшее развитие городской среды оказывается ограниченным без включения экологического измерения, в том числе без учёта экосистемных услуг, а также без институциональной интеграции низовых инициатив в официальные управленческие стратегии. Устойчивый результат возможен лишь при переходе к полноценному партнёрству власти, бизнеса и общества, при котором соответствие индексным показателям дополняется социально подтверждённым качеством городской жизни и реальным благополучием населения.

Список литературы

Aksenov K. E., Galustov K. A. Urban Regimes and Socially Significant Projects of Transformation of the Urban Environment in the Russian Federation // Regional Research of Russia. 2024. Vol. 14, № 1. Pp. 25-37. DOI: 10.1134/S2079970523600312.

Dolgaeva E. I., Kastolina A. S. Citizen Involvement in Urban Improvement: Problems and Solutions // Ogarev-online. 2025. Pp. 8-21. DOI: 10.15507/2311-2468.013.202501.008-021.

Urban ecosystem services research in Russia: Systematic review on the state of the art / Dushkova D., Konstantinova A., Matasov V., et al. // Ambio. 2025. Vol. 54, № 4. Pp. 577-602. DOI: 10.1007/s13280-024-02102-8.

Ledyayev V., Chirikova A. E. Urban Regimes in Small Russian Towns // City & Community. 2019. Vol. 18, № 3. Pp. 812-833. DOI: 10.1111/cico.12439.

Zakharova O., Prituzhalova O., Glazkova A., Suvorova L. Social Practices for Climate Mitigation: A Big Data Analysis of Russia's Environmental Online Communities // Sustainability. 2025. Vol. 17, № 22. Art. 10053. DOI: 10.3390/su172210053.

**НАУЧНАЯ «ПЕСОЧНИЦА» ФОРУМА
YOUNG SCIENTISTS OF THE FORUM**

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
МОЛОДОЙ РАБОТАЮЩЕЙ ЖЕНЩИНЫ**

Ермолаева Анастасия Ивановна,
магистрант 2-го курса кафедры социологии,
Российский государственный социальный университет
(Петрозаводск, Россия)
ermolaevaanastasia@mail.ru

Научное руководство
Барышная Наталия Александровна,
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии,
Российский государственный социальный университет
(Москва, Россия)
baryhnayan@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен анализ трансформации ценностных ориентации молодой работающей женщины. На основе статистических данных и дискурсивного анализа медиа авторы выявляют переход от доминирования традиционной семейной модели ценностей к установке на баланс семьи и профессиональной самореализации. Авторы приходят к выводу, что система ценностных ориентаций молодой работающей женщины приобретает многомерный характер, сочетая ориентацию на материнство и карьеру, а также отражает влияние социальных и медийных дискурсов.

Ключевые слова: ценностные ориентации; молодая работающая женщина; трансформация ценностей

**TRANSFORMATION OF THE VALUE ORIENTATIONS
OF A YOUNG WORKING WOMAN**

Anastasia I. Ermolaeva,
master's degree student (2nd year), department of sociology,
Russian state social university
(Petrozavodsk, Russia)
ermolaevaanastasia@mail.ru

Academic supervisor
Natalia A. Baryshnaya,
doctor of sociological sciences, professor, department of sociology
Russian state social university
(Moscow, Russia)
baryhnayan@yandex.ru

Abstract. The article examines the transformation of the value orientations of a young working woman. Based on statistical data and a discursive analysis of media content, the authors

identify a shift from the dominance of the traditional family-centered value model toward an orientation that emphasizes a balance between family life and professional self-realization. The study concludes that the system of value orientations of a young working woman is becoming multidimensional, combining orientations toward motherhood and career while also reflecting the influence of social and media discourses.

Keywords: value orientations; young working woman; transformation of values

Введение. Современное российское общество переживает период глубоких социокультурных трансформаций, обусловленных процессами глобализации, изменением структуры рынка труда и пересмотром традиционных гендерных ролей. В этих условиях происходит неизбежная переоценка ценностных ориентаций, которые выступают ключевыми регуляторами социального поведения, определяя мировоззрение, жизненные приоритеты и стратегии самореализации личности.

Особую значимость анализ ценностных ориентаций приобретает применительно к социально-демографической группе молодых работающих женщин. Их положение уникально: будучи включёнными одновременно в институт семьи и рынок труда, они испытывают на себе многомерное нормативное давление. С одной стороны, государственный и общественный дискурс в России последовательно транслирует значимость традиционных семейных ценностей, где материнство и забота о семье позиционируются как приоритетные женские роли. С другой стороны, реальные социально-экономические процессы – рост уровня образования, расширение сфер занятости, тенденции к гендерному равенству – стимулируют женщин к профессиональной активности, карьерному росту и экономической независимости.

Возникает противоречие между нормативным давлением традиционных институтов (семья, государственный дискурс) и реальными социально-экономическими условиями, стимулирующими женскую профессиональную активность. Если первый требует приоритета семьи и материнства, то второй – самореализации и экономической независимости. Так, женщины все больше вовлекаются в профессиональную деятельность, стремятся к самореализации и независимости, что порождает новые ценностные ориентиры и изменяет привычные стереотипы. Это противоречие не сводится к простому конфликту семьи и карьеры, а отражает более глубокий процесс перестройки ценностных ориентаций и вследствие чего и жизненных установок.

В научной литературе сложились различные подходы к пониманию ценностных ориентаций. Их можно рассматривать как: (1) устойчивые индивидуально-психологические образования, направляющие поведение человека (Рокич, Шварц); (2) элементы социальной структуры, обеспечивающие интеграцию и порядок (Дюркгейм, Парсонс); (3) социальные конструкты, формирующиеся и воспроизводящиеся в дискурсивных практиках (Бергер, Лукман). Настоящее исследование опирается на третий, конструктивистский подход, поскольку он позволяет проследить, каким образом ценностные ориентации молодых женщин не просто отражают объективные условия, но и

конструируются под воздействием медиа, государственной риторики и повседневных интеракций. В связи с этим целью данной статьи является выявление особенности и направленность трансформации ценностных ориентаций молодых работающих женщин в России на основе анализа статистических данных и дискурсивных практик современных российских медиа.

Методология и методы. Основными методами исследования являются анализ вторичных количественных данных и дискурсивный анализ медийных материалов.

В качестве количественного материала использовались открытые данные о молодых работающих женщинах в России: результаты опросов ВЦИОМ, статистика Росстата по уровню занятости, образованию и возрасту материнства за несколько периодов начало 2000-х – 2010 гг. и 2021–2026 гг.

Для дискурсивного анализа методом целенаправленной выборки были отобраны публикации в российских СМИ (РИА Новости, ТАСС), женских журналах (Elle.ru, Cosmopolitan.ru), блогах и социальных сетях за те же периоды. Критериями отбора служили: наличие явной или скрытой апелляции к ценностям семьи, материнства, карьеры и самореализации; высокая цитируемость или вовлечённость аудитории; принадлежность к разным типам медиа (официальные, развлекательные, блогосфера). Всего было отобрано 20 текстов из более чем 80 первоначально просмотренных. Анализ проводился с использованием категориальной сетки, включающей следующие элементы: тема, главный герой/героиня, декларируемые ценности, предписываемые модели поведения (например, «быть супермамой», «достичь успеха»), и оценочные суждения.

Количественные данные использовались для выявления тенденций и динамики ценностных приоритетов, а дискурсивный анализ позволил интерпретировать смысловые и идеологические рамки, в которых формируются эти ценности.

Научные результаты и дискуссия. Статистические данные фиксируют устойчивую тенденцию к росту образовательного и профессионального капитала женщин в России. По доле женщин с высшим образованием страна входит в число мировых лидеров. Согласно данным UNESCO/World Bank, доля женщин в возрасте 25 лет и старше, имеющих законченное высшее образование (ISCED 5 и выше), выросла с 59,2% в 2002 году до 61,8% в 2010 году. К 2023 году этот показатель среди женщин 25-35 лет достиг 65,4%, что подтверждает поступательное увеличение образовательного уровня молодых когорт.

Участие женщин в рабочей силе также остаётся высоким. По данным Всемирного банка, доля экономически активных женщин (участие в рабочей силе) в 2000-2010 годах варьировалась в диапазоне около 54-56%, что было выше мирового среднего показателя. К 2024 году уровень участия женщин в рабочей силе составляет примерно 54,6%, сохраняя сравнительно стабильный уровень за два десятилетия, несмотря на социально-экономические изменения. Статистика по занятости в 2025 году, опубликованная Росстатом, подтверждает эту тенденцию: уровень занятости среди всего населения достиг 79,8%, а среди женщин с детьми

до 18 лет – около 82%, что отражает включение женщин в трудовую активность даже при наличии семейных обязанностей (Окладников, 2025: 19).

Статистические данные подтверждают, что происходит трансформация роли женщины и ее активное включение в профессиональную деятельность. При этом рост образования и высокий уровень участия в рынке труда создают предпосылки для пересмотра жизненных ориентиров и перераспределения ценностных ориентаций, то есть происходит переход к модели, где профессиональная деятельность рассматривается как важный элемент жизненной стратегии.

Так, анализ данных социологических исследований подтверждает, что произошли заметные сдвиги в ценностных ориентациях. По результатам опроса Аналитического центра ВЦИОМ¹, от 2010 года 97% респондентов назвали семью главной жизненной ценностью, опережая дружбу, работу или свободное время. Эти результаты фиксируют чрезвычайно высокую стабильность семейной ценности в начале 2010-х годов. Наиболее важной для всех возрастных групп оставалась семья, тогда как профессия и работа имели сравнительно меньшее значение. При этом в опросе 2023 года среди молодежи (18-24 лет) 57% опрошенных поставили семью на первое место в топе ценностей. У более старшей молодежи (25-34 лет) крепкая семья стоит на первом месте уже у 74% опрошенных, тогда как самореализация на первом месте у 50% и 43% соответственно. Это отражает смещение ценностных ориентиров в сторону баланса профессиональной активности наряду с семейными обязанностями.

Динамика общественных представлений о приоритетах женщины особенно наглядна при сравнении данных ВЦИОМ за 1990 и 2024 годы. Если в 1990 году более половины респондентов (56%) полагали, что для женщины семья важнее всего, то к 2024 году эта доля сократилась до 26%. Одновременно почти в полтора раза выросла доля тех, кто считает семью и работу равно значимыми (с 35% до 53%). Зафиксирован также, хотя и менее масштабный, рост доли сторонников примата работы над семьей (с 4% до 14%). Эти сдвиги свидетельствуют о нормативной легитимации профессиональной самореализации как неотъемлемой части женской жизненной стратегии.

Данные исследований подтверждают, что в структуре ценностей молодых женщин сохраняется противоречие между традиционными ориентирами и ориентацией на индивидуальные достижения. Однако, множество эмпирических исследований подтверждают, что семья традиционно играет первостепенную роль в жизни молодых работающих женщин, но одновременно отмечается рост профессионального развития и автономии личности. При этом семейные ценности часто позиционируются в более высоких цифрах, чем реально репрезентируется в социальных практиках (репродуктивных решениях, брачных стратегиях и так далее) (Зыбуновская, 2022: 69).

¹ Семья и дружба – превыше всего, 2010. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-i-druzhba-prevyshe-vsego> (дата обращения: 27.01.2026).

Исследования молодежи как отдельной социально-демографической группы подтверждают, что современная система ценностей перестраивается и становится все более эклектичной и противоречивой: в ней сочетаются зачастую противоположные по смыслу и значению ориентации, убеждения и установки. Ценности постепенно перестают быть абсолютным моральным регулятором, а их влияние на поведение и деятельность молодежи все больше носит относительный и ситуативный характер. Это наблюдение согласуется с выводами международных исследований последних лет, которые фиксирует ориентацию на работу и образование (Семенцова, 2022: 110).

Параллельно с количественными показателями особую важность играют представления о женщинах и их ценностях в медиапространстве. Множественные исследования и анализ контента, публикуемого в российских медиа, показывают, что взгляд на женщин значительно изменился, что может влиять на формирование системы ценностных ориентаций.

Для анализа мы взяли популярные электронные журналы и порталы (ELLE.ru, Cosmo.ru, theGirl, cosmopolitan.com, vogue.com, woman.rambler.ru и т.д.); новостные сайты (РИА новости, ТАСС и т.д.) и популярные блоги и каналы в социальных сетях. Однако стоит отметить, что ценности СМИ необязательно совпадают с общественными ценностями и моралью. Они могут невольно придавать большее значение одним понятиям и снижать значимость других. Например, критики пишут о том, что телевидение преимущественно отражает мораль больших городов – именно там производится основная масса телепрограмм, и таким образом мораль мегаполисов культивируется в масштабах всей страны (Миронов, 2012: 3).

В начале 2000-х годов в печатные и электронных журналах основной фокус направлен был на тему моды, красоты, отношений и материнства. В российском медийном поле начала 2000-х годов женщина присутствует в двух ролях: мать-жена, в традиционной роли хранительницы домашнего очага или же товара, предлагаемого на продажу («красотка» *К женщинам выдвигаются новые требования*), или более того, необходимого для продажи других товаров (от парфюма до машин) аксессуара (Смирнова, 2011: 5). Женщинам предлагали готовые инструкции для жизни: от «10 способов удержать мужчину» до «кремлевской диеты». Это позиционирование отражает такие ценности как зависимость, важность детей и мужа, красота, здоровье, акцент на сексуальность. В медиа 2000-х годов четко можно проследить две тенденции: во-первых, основная цель женщины – привлечение мужчины (например, в журнале Cosmopolitan в выпуске 2001 года советуют «понаблюдать за знакомыми женщинами, которые нравятся мужчинам»); во-вторых, подчеркивается важность сохранения и укреплении семьи как одной из ценностей женщины (в журнале Cosmo.ru в выпуске 2005 года отмечается «У нас хранители древних традиций – женщины», «семья – моя крепость» – утверждает Хакамада). То есть, основные ценности, которые позиционировались в медиа в начале 2000-х годов это семья, материнства, красота, здоровье.

Однако, уже к началу 2010-х годов происходит смена фокуса на индивидуальность женщины, ее внутренний мир. Начинают появляться формат блогов, личных историй. И уже у 2020-м годам основной акцент делается на индивидуальных характеристиках женщины, ее достижениях. Контент и дискурс-анализы, публикуемые в российских медиа, показывают, что темы, связанные с профессиональной самореализацией, карьерой, автономией, стали все больше появляться, хотя семья при этом как ценность сохраняет высокую часть внимания. Перед женщинами ставятся новые требования.

В деловых СМИ, например, Forbes и РБК все чаще стали появляться истории успешных женщин: предпринимателей, ученых, руководителей. Однако почти всего фокус внимание смещается на их личную жизнь, семью. При этом, как отмечают эксперты в СМИ важен личный контекст. Показателен пример PR-стратегии Т. Бакальчук (Wildberries), где акцент на материнстве стал обязательным элементом нарратива об успехе. Это иллюстрирует ключевую особенность современного медиадискурса: он не противопоставляет карьеру и семью, а конструирует гибридный идеал «успешной матери», для которой профессиональные достижения являются продолжением личной состоятельности, а не альтернативой ей. В пиар-стратегиях для женской аудитории приходится балансировать между этими образами. На женских порталах, в личных блогах и телевизионных шоу чаще всего рассказывают о семье и детях: как успевать работать и быть «супер-мамой», как воспитывать детей и быть гармоничной женщиной. То есть прослеживается важность баланса между работой и личной жизнью.

Ряд работ показывают смещение акцента медиа-нарративах – от чисто «материнского» и традиционного нарратива к семейно-карьерному. В исследованиях дискурсивной политики российских СМИ наблюдается смена риторики: от исключительно семейно-традиционной к более разнообразным представлениям, включающим баланс ролей и профессионального самоопределения женщин.

В связи с этим усиливаются новые типы представления женской идентичности. Например, *microshifting* – это гибридный формат работы, при котором рабочий день разбивается на короткие отрезки в течение всего дня; *work-life balance* – концепция, которая предполагает равномерное распределение времени и ресурсов между работой и личной жизнью. Под этим понимается распространение нарративов, в которых работа не ограничивается традиционным пониманием, а становится частью ежедневной рутины, позволяя выполнять личные задачи. Такие медиа-повестки значительно отличаются от моделей начала 2000-х, когда профессиональная роль ограничивалась в основном выполнением домашних обязанностей.

Такие медийные тенденции оказывают влияние на восприятие женщин, их систему ценностных ориентаций: профессиональные достижения становятся фактором личной самореализации. При этом медиа часто идеализируют гибкость, личную продуктивность, что создает для женщин дополнительные нормативные

ожидания (быть успешной в карьере и саморазвитии, быть хорошей мамой и женой). Эти медиа-тренды коррелируют с изменениями объективных показателей: высокий уровень образования, участие в экономике, установки и жизненные приоритеты, отраженные в опросах и официальной статистике.

Таким образом, современные российские медиа распространяют все более многообразные образы женщин, увеличивая видимость профессиональных и автономных ролей, что влияет на ценностные установки.

Заключение. Анализ статистических данных, социологических опросов и медиа позволяет нам сделать вывод, что сейчас российское общество находится на стадии трансформации ценностных ориентаций молодых работающих женщин. Если период 2000-2010-х годов характеризовался более традиционными моделями, постепенным включением женщин в профессиональную деятельность, то современный период характеризуется расширением профессиональных возможностей. Социологические данные фиксируют переход от приоритета семьи к модели равнозначности семьи и труда, а медиaprостранство закрепляет это как социально-одобряемый сценарий. При этом, система ценностных ориентации молодой работающей женщины не характеризуется полным отказом от семьи. Женщина берет на себя множество ролей: мама, жена, коллега, руководитель и т.д.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что трансформация ценностных ориентаций молодых работающих женщин в современной России носит нелинейный и многомерный характер. На смену жесткой дихотомии «семья или карьера», характерной для начала 2000-х годов, приходит модель, интегрирующая обе эти сферы как равно значимые. Данный процесс находит отражение не только в объективных показателях (рост образования и занятости), но и в медийном дискурсе, который конструирует и закрепляет новые нормативные образы «успешной матери» и «женщины, реализующей себя в профессии». При этом, как показывают результаты исследования, семья не утрачивает своей ценности, но её значение переосмысливается в контексте индивидуальных достижений и автономии личности. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение того, как эти ценностные модели реализуются в конкретных жизненных стратегиях и сталкиваются с институциональными барьерами (например, на рынке труда или в сфере социальной политики).

Список литературы

Зыбуновская Н. В. Ценность семьи в массовом сознании россиян (социологический анализ) // Социология власти, 2012. С. 66-72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-semi-v-massovom-soznanii-rossiyan-sotsiologicheskiiy-analiz> (дата обращения: 24.02.2026).

Миронов В. Ценности современного общества и СМИ // Медиа-тренды. Современный взгляд факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова события в СМИ, 2012. № 1 (30). С. 1-8. URL: https://www.journ.msu.ru/files/specialprojects/MediaTrends/MediaTrends_30.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

Семенцова К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности. // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета, Москва, 2022. С. 109-113. URL: <https://humanities.fa.ru/jour/article/view/713/700%20https://www.ilo.org/publications/family-strategies-modern-russian-student-youth-work-family-conflict> (дата обращения: 25.01.2026).

Смирнова О. Женщина и СМИ // Медиатренды. Современный взгляд факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова события в СМИ, 2011. № 3(20). С. 1-8. URL: https://www.journ.msu.ru/files/specialprojects/MediaTrends/MediaTrends_20.pdf (дата обращения: 25.10.2025).

Современная женщина: между работой и семьей, 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovremennaja-zhenshchina-mezhdu-rabotoi-i-semei> (дата обращения: 25.10.2025).

Труд и занятость в России 2025. Статистический сборник / С. М. Окладников, А. В. Демьянова, А. В. Зотова, А. Л. Лукьянова, Л. М. Пушкарёва, О. И. Романенко, З. А. Рыжикова, Ю. И. Сорокина, Н. Б. Спорыхина, В. Ж. Чумарина, Т. Ю. Шалаевская. М., 2025. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 21.02.2026)

Global Female Tertiary Education Level Attainment by Country [Electronic resource] // Reportlinker. 2023. URL: <https://www.reportlinker.com/dataset/c3e8b9af7336bf29303f0a06c739dc8874fa826b> (accessed: 21.02.2026).

Russia – Educational attainment, at least completed short-cycle tertiary, population 25+, female (%) [Electronic resource] // Index Mundi. 2019. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/russia/indicator/SE.TER.CUAT.ST.FE.ZS> (accessed: 21.02.2026).

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ И ПРАКТИКИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ

Захарова Анастасия Руслановна,
студентка, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
(Белгород, Россия)
nastj15zaharova@mail.ru

Научное руководство
Благорожева Жанна Олеговна,
кандидат социологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»),
(Белгород, Россия)
blagorozheva@bsuedu.ru

Аннотация. В научной статье рассматриваются миграционные установки молодежи. Исходя из результатов пилотного социологического опроса, автор показывает парадоксальную ситуацию: при внешнем фоне общей удовлетворенности жизнью фиксируется высокий потенциал оттока молодых людей. Выявлено противоречие между удерживающей силой семейно-родственных связей и доминирующими мотивами к отъезду, связанными с карьерными перспективами и уровнем доходов. Следует отметить, что даже при наличии развитой инфраструктуры и благоприятного эмоционального климата региона, структурные дефициты в сфере профессионального развития создают предпосылки для формирования у молодежи готовности к мобильности как к стратегии достижения успеха.

Ключевые слова: молодежь; миграционные установки; миграционные практики; социально-экономические факторы; демографическая ситуация

MIGRATION ATTITUDES AND PRACTICES OF YOUNG PEOPLE IN THE BELGOROD REGION: FACTORS OF «ATTRACTION» AND «PUSH-OUT»

Zaharova A. Ruslanovna,
student, Belgorod state national research university (NRU “BelSU”)
(Belgorod, Russia)
nastj15zaharova@mail.ru

Academic supervisor
Zhanna O. Blagorozheva,
candidate of sociological sciences, associate professor,
Belgorod Belgorod state national research university
(Belgorod, Russia)
blagorozheva@bsuedu.ru

Abstract: The scientific article examines the migration attitudes of young people in the Belgorod region. Based on the results of a pilot sociological survey, the author shows a paradoxical situation: despite the overall satisfaction with life, there is a high potential for young people to leave the region. The article reveals a contradiction between the retaining power of family and kin ties and

the dominant motives for leaving, which are related to career prospects and income levels. It should be noted that even in the presence of a developed infrastructure and a favorable emotional climate in the region, structural deficits in the field of professional development create the preconditions for the formation of youth readiness for mobility as a strategy for achieving success.

Keywords: youth; migration attitudes; migration practices; socio-economic factors; and the demographic situation

Введение. В контексте текущих социально-экономических и демографических сдвигов в российском обществе усиливается значимость исследования территориальной мобильности, особенно среди молодежи. Выступая уникальной социально-демографической группой, молодое поколение является основным субъектом миграционных процессов, по причине его высокого адаптационного потенциала, мобильности и направленности на поиск оптимальных условий для самореализации. Анализ миграционного поведения молодого поколения выступает определяющим фактором в понимании перспектив развития территориальных образований и страны, так как в данных установках отражаются основные механизмы самоопределения и территориального выбора будущих поколений.

Особую значимость данная проблематика приобретает в контексте развития сельских территорий и малых городов, где ограниченные возможности для получения качественного образования, последующего трудоустройства и личностного роста выступают основными причинами оттока молодых людей. Границы молодежной группы, как показывают современные исследования, определяются не только возрастными рамками, но и совокупностью специфических социально-психологических характеристик, которые напрямую влияют на формирование жизненных стратегий. Данные факторы, выступая в роли своеобразных катализаторов, подталкивают молодежь к поиску более благоприятных условий в крупных городских агломерациях, что закономерно ведет к депопуляции сельской местности, деградации ее инфраструктуры и снижению совокупного экономического потенциала.

Актуальность темы подтверждается эмпирическими данными. Согласно последним исследованиям, большая часть молодых людей в возрасте 18-24 лет планирует сменить место жительства, руководствуясь стремлением к получению образования, поиску лучшей жизни и новых возможностей. Статистические показатели последних лет отражают устойчивую закономерность: около 23% меняет место жительства ради учёбы в другом регионе, что особенно заметно среди жителей небольших городов и сельской местности, где существует дефицит образовательных и профессиональных ресурсов. Подобная динамика создаёт для региональных властей серьёзную проблему, связанную с удержанием квалифицированных специалистов и разработкой эффективных инструментов развития территорий, способных конкурировать с мегаполисами и крупными городскими агломерациями.

Перечисленные аспекты в полной мере свойственны Белгородской области, представляющей собой регион со смешанной структурой расселения. С одной

стороны, область традиционно воспринимается как относительно стабильный и динамично развивающийся регион Центрального Черноземья. С другой стороны, приграничное положение, современная внешнеполитическая напряженность и связанные с этим риски безопасности накладывают отпечаток на социальное самочувствие населения, в том числе молодежи. Эти обстоятельства могут выступать как в роли дополнительного фактора «выталкивания», так и влиять на трансформацию ценностных ориентаций и жизненных стратегий молодого поколения, привнося в классическую социально-экономическую модель миграции измерение безопасности и эмоциональной стабильности.

В связи с этим исследование миграционных установок и практик молодежи Белгородской области представляет собой важную научную и практическую задачу. Изучение данной темы позволяет выявить не только классические социально-экономические детерминанты миграции (доступность образования, трудоустройство, уровень дохода), но и специфические психологические, эмоциональные и, что особенно важно для приграничного региона, факторы безопасности и стабильности. Анализ того, как под влиянием внутренних и внешних условий формируется желание остаться в регионе или покинуть его, необходим для понимания причин и механизмов миграционных процессов.

Методология и методы. Построение исследовательской модели миграционных процессов среди молодого поколения базируется на фундаментальных теоретических конструкциях, обеспечивающих понимание механизмов формирования миграционных установок и их реализации. Для всестороннего анализа факторов, детерминирующих миграционные процессы, теоретической рамкой исследования выступает классическая теория «притяжения-выталкивания» (push-pull), разработанная Э. Ли. Согласно данной теории, миграция является результатом сочетания факторов «притяжения» (высокий уровень заработной платы, доступность образования, социально-политическая стабильность), и факторов «выталкивания» (безработица, низкие доходы, неблагоприятная экологическая обстановка, социальная напряженность) (Lee, 1966). В дальнейшем теория расширилась, учитывая дополнительные критерии, такие как законодательные и информационные барьеры, что помогает лучше понять механизмы миграционных потоков и вариативность восприятия факторов в зависимости от уровня квалификации мигрантов (Ивахнюк, 2015).

Теоретико-методологическое осмысление феномена миграции имеет междисциплинарный характер и богатую историю, однако для целей настоящей статьи ключевое значение приобретает анализ концепций, позволяющих операционализировать миграционные процессы и установки как объект социологического изучения. Ценный подход к изучению основных аспектов миграции населения внес Л. Л. Рыбаковский. В своих трудах ученый не только детально анализирует историческую ретроспективу миграционных движений в мировом и общероссийском масштабах, но и предлагает строгий понятийно-категориальный аппарат, используемый в современных миграционных

исследованиях. Особую значимость для работы представляет разработанная им теория трех стадий миграционного процесса, которая раскрывает имманентную логику и последовательные закономерности территориальных перемещений, позволяя рассматривать миграцию не как дискретное событие, а как развернутый во времени процесс (Рыбаковский, 2019).

Для определения основного понятия исследования представляется необходимым обратиться к работе М. М. Пуховой, И. П. Дорошиной и И. Г. Ходжаевой. Авторы предлагают рассматривать миграцию в двух аспектах: «в узком смысле как законченный вид территориального перемещения, а в широком – как переселение людей» (Пухова, Дорошина, Ходжаева, 2013: 13). Согласно их позиции, миграционные потоки направлены из менее развитых в более развитые регионы и страны, где социально-экономические условия, например, уровень заработной платы, более благоприятны. Миграционные процессы имеют территориальную привязку, учитывая совокупность населения определенных территорий. В них объединяются такие факторы, как прибытие, выбытие и переселение. Также подчеркивается, для того чтобы переселение считалось миграцией, необходимо выполнение двух условий:

1. Население перемещается между различными населенными пунктами.

2. Перемещения должны содержать в себе смену постоянного места жительства.

Социологическое осмысление миграционного поведения молодежи требует выхода за рамки сугубо экономического детерминизма и учета субъективных и социокультурных факторов. В этой связи плодотворным представляется подход К. О. Брегеда и Т. В. Бирюлиной, которые трактуют миграционное поведение как сложный социальный феномен. По их мнению, оно обусловлено не только экономическими причинами, но и широким спектром социокультурных условий, включая доступность качественного образования, развитость систем социальной поддержки и привлекательность окружающей среды. Авторы подчеркивают, что миграция для молодых людей выступает формой активного социального выбора, сопряженного с поиском оптимальных возможностей для самореализации, выстраивания карьерных траекторий и достижения желаемого качества жизни. При этом подчеркивается амбивалентность социальных последствий миграции: с одной стороны, она выступает драйвером обновления и развития принимающих регионов, с другой – ведет к депопуляции и эрозии социальных структур в территориях исхода (Брегеда, Бирюлина, 2024).

Более глубокое понимание механизмов формирования миграционных намерений дает анализ миграционных установок. Согласно С. А. Кузнецовой, они «определяются распространенностью миграционного опыта среди населения территории, личным миграционным опытом, удовлетворенностью условиями по данному месту жительства, наличием друзей и родственников в месте переселения, примером переехавших людей из ближайшего окружения, установками родителей на миграционные установки детей» (Кузнецова, 2013: 34-45). Данный исследовательский ракурс открывает перспективы изучения

миграционных установок в контексте социализации, где определяющим является влияние как малой социальной среды, так и общезначимых социальных условий. Миграционные намерения, таким образом, выступают проекцией социального опыта индивида, приобретенного в различных социальных группах и пространствах. Важной методологической особенностью, выделяемой автором, является «полиобъектность» структуры этих установок – их одновременная направленность как на актуальное, так и на потенциальные (возможные) места жительства.

Обобщая теоретические подходы, мы приходим к пониманию миграции как сложного социально-демографического процесса, включающего перемещение индивидов или групп между различными территориями со сменой постоянного или длительного временного места жительства. Данный процесс оказывает системное влияние на демографическую и социальную структуру общества, трансформирует модели социальной мобильности, способствует формированию новых социальных групп и оказывает воздействие на рынок труда, а также на процессы социальной адаптации и интеграции. Анализируя теоретические концепции, можно сформулировать следующее определение рассматриваемого явления: миграция – это территориальное перемещение людей, отражающее системный эффект социальных, экономических, политических и экологических факторов, которое оказывает существенное влияние на развитие общества и государственную политику.

Эмпирической верификации выдвинутых теоретических положений было посвящено специально организованное социологическое исследование. В нем приняли участие 100 респондентов, рекрутированных из числа молодежи в возрасте от 15 до 34 лет, проживающей на территории Белгородской области. Выборка формировалась как целенаправленная (целевая), с контролем квот по полу, возрасту для обеспечения репрезентативности основных социально-демографических характеристик генеральной совокупности в рамках исследовательских задач. Сбор первичной социологической информации осуществлялся методом массового онлайн-опроса. Данный метод был выбран в силу его экономичности, оперативности, а также способности обеспечить анонимность респондентов, что важно при изучении таких «чувствительных» тем, как миграционные настроения и готовность к смене места жительства.

В данной статье представлены промежуточные результаты исследования, полученные в ходе пилотного этапа. Обработка и анализ эмпирических данных проводились с использованием методов описательной статистики.

Научные результаты и дискуссия. В ходе опроса было выявлено, что большинство опрошенных (60%) в целом удовлетворены своим нынешним местом проживания, причем основная масса приходится на тех, кто выбрал ответ «скорее удовлетворен, чем не удовлетворен» (37%). Уровень неудовлетворенности населения заметно ниже и составляет 32%, при этом лишь 6% респондентов выразили полную неудовлетворенность. Обращает на себя внимание сравнительно высокая доля затруднившихся с ответом (8%), что может указывать на сложность темы или неоднозначность отношения к ней (Рисунок 1).

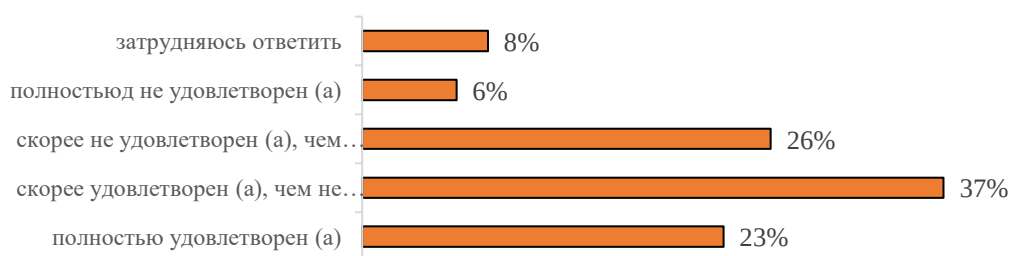

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своим нынешним местом проживания?»

Анализ данных опроса демонстрирует значительную вариативность в уровне удовлетворенности населения различными аспектами региональной жизни: при общей тенденции к преобладанию средних и высоких оценок (3-4 балла) наиболее благополучная ситуация складывается в сферах экологии (60% положительных оценок 4 и 5), доступности и качества медицинских услуг (71%), а также в работе жилищно-коммунального хозяйства и благоустройстве (68%); при этом критическая зона напряженности фиксируется в оценках доступности рабочих мест и уровня зарплат (40%), а также в состоянии дорог и работе общественного транспорта (32%), ощущении личной безопасности (31%), что говорит о наличии структурных социально-экономических проблем и позволяет сделать вывод о том, что качество жизни в регионе воспринимается населением поляризовано: позитивно оценивается базовая инфраструктура (ЖКХ, экология, социальные услуги), тогда как основные факторы экономического благополучия и городского комфорта (трудоустройство, транспорт, безопасность) нуждаются в первоочередном внимании (Рисунок 2).

На этом фоне закономерными выглядят миграционные настроения населения: полученные данные на вопрос «Рассматривали ли Вы возможность переезда в другой город или регион?» выявляют миграционную мобильность среди опрошенной молодёжи: 64% респондентов (14% планируют переезд в ближайший год, 15% – в отдалённой перспективе через 3-5 лет, 34% иногда задумываются об этом) демонстрируют различную степень готовности к миграции, что указывает на высокий потенциал оттока из региона, обусловленный, социально-экономическими факторами; напротив, 36% не рассматривают такую возможность (Рисунок 3).

По результатам опроса было выяснено, что основными причинами для переезда вступают факторы экономического благополучия и профессиональной самореализации: абсолютным лидером является возможность карьерного роста и высокого дохода (68%), что в совокупности с мотивом более высокого дохода при доступной стоимости жизни (40%) формирует устойчивое ядро прагматических ожиданий респондентов. Вторую по значимости группу образуют факторы качества и стабильности среды: развитая инфраструктура и бытовой комфорт (34%) и безопасность/стабильность повседневной жизни (31%) существенно опережают такие традиционные мотивы, как благоприятная

экология (16%) или низкий уровень преступности (10%). Примечательно, что социально-ориентированные мотивы, такие как близость к родным и создание семьи (21%), занимают подчиненное положение по отношению к карьерно-экономическим стимулам, однако их значимость все же превышает влияние климатических условий (Рисунок 4).

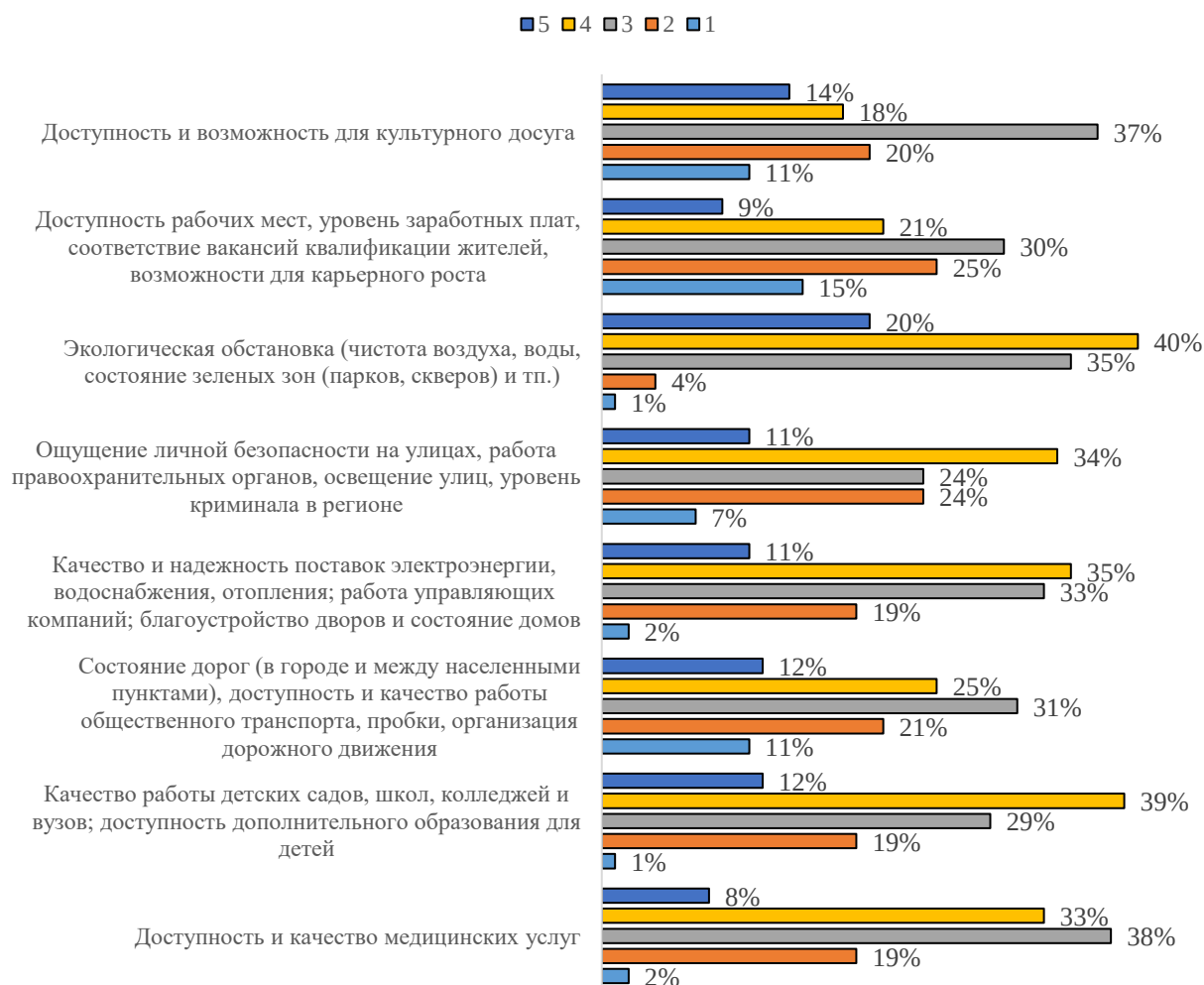

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените, пожалуйста, качество и доступность основных критериев проживания в регионе по 5-балльной шкале, где 1 – очень плохое качество, а 5 – достаточно высокое»

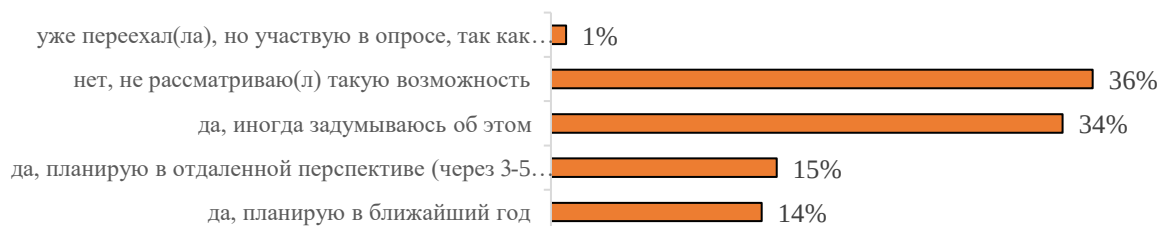

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Рассматривали ли Вы возможность переезда в другой город или регион?»

В отличие от карьерно-экономических мотивов, главенствующих в структуре причин потенциального отъезда, анализ факторов удержания в регионе показывает принципиально иную иерархию ценностей, где абсолютное большинство респондентов (82%) в качестве базиса предпочтений называют семью и близких, что свидетельствует о первостепенной роли эмоционально-родственных связей в формировании миграционной привязанности к региону. На втором плане, с существенным отрывом, располагаются прагматические факторы повседневной жизнедеятельности: работа или учеба (46%) и комфортные условия жизни (29%). Кроме того, традиционные категории, как финансовая стабильность (23%) и безопасность и стабильность (12%), играют второстепенную роль (Рисунок 5).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие из перечисленных причин являются для Вас основными для переезда? (выберите не более 3-х вариантов)»

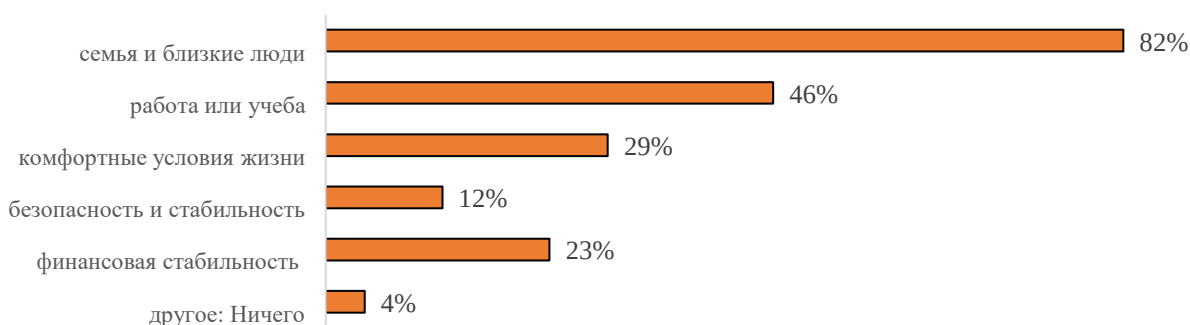

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Какие факторы мотивируют Вас остаться жить в Белгородской области? (отметьте не более 3-х вариантов ответа)»

Заключение. По результатам исследования можно сформулировать ряд обобщающих выводов, отражающих особенности миграционного поведения современной молодежи:

1. Наблюдается противоречие между преимущественно позитивными оценками молодежью текущих условий проживания и высокой степенью ее готовности к территориальной мобильности. Данное расхождение позволяет предположить, что удовлетворенность базовыми параметрами повседневной

жизнедеятельности не является определяющим фактором при формировании территориальных привязанностей. Мобильность начинает выступать в качестве самостоятельной ценности и воспринимается молодым поколением как необходимая стратегия достижения социального и профессионального успеха.

2. В структуре миграционных мотивов обнаруживается разграничение. Факторы, подталкивающие к отъезду, имеют преимущественно инструментальный характер и связаны с возможностями профессиональной реализации и материальным благополучием. Основным же удерживающим механизмом выступает сфера эмоционально-родственных связей. Подобная асимметрия указывает на то, что социальный капитал и семейные узы, при всей их значимости, не способны в полной мере компенсировать дефицит конкурентных возможностей в профессионально-карьерной сфере.

3. Эмпирически подтверждено наличие структурных дефицитов региональной среды, которые выступают катализаторами миграционных настроений. Примечательно, что специфика приграничного положения и сопряженные с ней риски безопасности, хотя и прослеживаются в оценках респондентов, не становятся основным мотивом смены места жительства, уступая место социально-экономическим стимулам.

Список литературы

- Брегеда К. О., Бирюлина Т. В. Проблемы миграции молодежи в современной России: межрегиональный аспект // Научные высказывания. 2024. № 9 (56). С. 16-18. EDN: USUOLT.
- ВЦИОМ. Новости: Почему молодежь переезжает – и хорошо ли это для страны? URL: <https://wciom.ru/expertise/pochemu-molodezh-pereezzhaet-i-khorosho-li-ehto-dlja-strany?ysclid=mhlyccvf3c507433416> (дата обращения: 05.02.2026).
- Ивахнюк И. В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36-51. EDN: TSBZND.
- Кузнецова С. А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34-45. EDN: RSQGGV.
- Пухова М. М., Дорошина И. П., Ходжаева И. Г. Теоретические основы миграции // Транспортное дело России. 2013. № 6-2. С. 13-16. EDN: RYZQVL.
- Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: учебное пособие для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2019, 480 с. ISBN: 978-5-534-11727-1. EDN: IERANM.
- Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. Pp. 47-57.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Золотарев Данил Антонович,
студент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
(Белгород, Россия)
1629224@bsuedu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение особенностей гражданской идентичности и системы ценностных ориентаций молодежи Белгородской области – региона с повышенным уровнем социально-политической напряженности ввиду его приграничного статуса. На основе анкетного опроса (N=104, возраст 18-26 лет) проанализирована структура социальных идентичностей, выявлена иерархия жизненных приоритетов, оценено влияние контекста безопасности на миграционные установки и уровень институционального доверия. Результаты свидетельствуют о выраженной многоуровневой идентичности с доминированием общенационального уровня, высоком запросе на безопасность и стабильность, а также амбивалентности миграционных намерений, где эмоциональная привязанность к региону конфликтует с рациональными оценками его возможностей.

Ключевые слова: гражданская идентичность; региональная идентичность; ценностные ориентации; молодежь; приграничный регион; Белгородская область; миграционные установки; институциональное доверие

VALUE ORIENTATIONS AND CIVIC IDENTITY OF YOUTH IN A BORDER REGION (ON THE EXAMPLE OF THE BELGOROD REGION)

Danil A. Zolotarev,
student, Belgorod state national research university
(Belgorod, Russia)
1629224@bsuedu.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study aimed at studying the features of civic identity and the system of value orientations of young people in the Belgorod region, a region with a high level of socio-political tension due to its border status. Based on a questionnaire survey (N=104, age 18-26), the structure of social identities was analyzed, the hierarchy of life priorities was identified, and the influence of the security context on migration attitudes and the level of institutional trust was assessed. The results indicate a pronounced multi-level identity with a dominant national level, a high demand for security and stability, and ambivalent migration intentions, where emotional attachment to the region conflicts with rational assessments of its capabilities.

Keywords: civic identity; regional identity; value orientations; youth; border region; Belgorod region; migration attitudes; institutional trust

Введение. Современная молодежь России формирует свою идентичность и ценностную систему в условиях сложной, зачастую противоречивой социальной реальности. Особый исследовательский интерес представляют регионы, чье положение определяет специфический контекст социализации.

Белгородская область, будучи приграничным субъектом РФ с развитой экономикой и традиционной культурой, в последние годы столкнулась с беспрецедентным вызовом в виде высокой, перманентной нестабильности на границе. Это делает ее уникальным «социальным лабораторным полем» для изучения того, как экстремальные внешние факторы воздействуют на базовые социально-психологические конструкции молодого поколения.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью научного осмысления процессов формирования и трансформации гражданской идентичности в условиях «фронтового» региона, где абстрактные категории «государство», «безопасность», «родина» обретают конкретное, повседневное измерение.

Цель исследования – выявить структуру и содержание ценностных ориентаций и гражданской (включая региональную) идентичности молодежи Белгородской области в контексте ее приграничного положения.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Определить иерархию уровней социальной идентичности (локальная, региональная, национальная, наднациональная).
2. Выявить ключевые терминальные и инструментальные ценности.
3. Оценить влияние восприятия безопасности на жизненные и миграционные планы.
4. Проанализировать уровень доверия к ключевым социальным и политическим институтам региона.

Методология и методы. Основным методом сбора первичных данных стало анкетирование. Выборка целевая, квотная (по возрасту), объемом 104 человека в возрасте от 18 до 26 лет, постоянно проживающих на территории Белгородской области. Опрос проводился в смешанном формате (онлайн и офлайн). Ошибка выборки для генеральной совокупности молодежи региона указанного возраста составляет примерно $\pm 9\%$ при доверительной вероятности 95%.

Анкета состоит из четырех содержательных блоков, предваряемых вводной частью с информированным согласием и инструкцией.

Блок А. «Гражданская и региональная идентичность» (вопросы 1-4). Нацелен на диагностику структуры и иерархии социальных идентичностей респондента (от локальной до наднациональной), а также на оценку эмоционально-оценочного компонента идентичности в условиях повышенной нестабильности. Вопросы данного блока позволяют замерить уровень гордости за регион, восприятие безопасности и непосредственное влияние геополитического контекста на жизненные планы.

Блок Б. «Ценностные ориентации» (вопросы 5-8). Сфокусирован на выявлении базовых жизненных приоритетов и дилемм. Вопросы построены таким образом, чтобы выявить как иерархию индивидуальных терминальных ценностей (вопрос 5 на ранжирование), так и соотношение коллективистских («польза стране», «традиции») и индивидуалистических («личная свобода», «собственное благополучие») установок (вопросы 6, 7). Отдельный вопрос (8)

проверяет установку на миграцию, связывая ценностный блок с практическими намерениями.

Блок В. «Отношение к институтам и будущее» (вопросы 9-12). Переводит исследование из плоскости установок в плоскость практик и планов. Блок оценивает уровень институционального доверия к ключевым акторам региона (вопрос 10) и источники формирования информационной картины мира респондента (вопрос 9). Центральными являются вопросы 11 и 12, концентрирующиеся на конкретных миграционных намерениях и факторах, способных повысить региональную привлекательность, что служит важным индикатором прочности региональной идентичности.

Блок Г. «Социально-демографические данные» (вопросы 13-15). Содержит стандартные параметры (пол, возраст, род занятий), необходимые для верификации выборки и последующего кросс-табулирования данных с целью выявления различий в установках внутри молодежной когорты.

Ценностные ориентации представляют собой устойчивые, социально обусловленные представления о значимых целях, идеалах и принципах жизнедеятельности, выполняющих функцию регуляторов поведения личности и социальных групп. Это не просто декларируемые предпочтения, а сложные ментальные конструкторы, формирующие иерархию приоритетов (от терминальных ценностей-целей, таких как безопасность или свобода, до инструментальных ценностей-средств, таких как трудолюбие или образованность). В условиях социальной турбулентности, характерной для приграничных регионов, система ценностных ориентаций подвергается интенсивной трансформации и актуализации, где базовые ценности безопасности и стабильности могут выходить на первый план, конкурируя или вступая в сложные сочетания с ценностями самореализации, достижения и традиции.

Гражданская идентичность трактуется как субъективное, осознанное чувство принадлежности к сообществу граждан одного государства, сопряженное с принятием общих норм, обязанностей, исторической памяти и символов. Это многоуровневый конструкт, интегрирующий в себя локальный (город, село), региональный (область, край) и национальный уровни. В контексте приграничья региональная идентичность, как составляющая гражданской, приобретает особое значение, становясь «фокусом» переживания общих рисков и надежд. Она включает не только когнитивный компонент (знание о своей принадлежности), но и мощный эмоционально-оценочный (чувство гордости, стыда, привязанности), а также поведенческий (готовность к действиям на благо сообщества). Изучение взаимосвязи между ценностными ориентациями и структурой гражданской (региональной) идентичности позволяет понять, на каких смысловых основаниях строится лояльность молодежи своей территории в ситуации системного вызова.

Научные результаты и дискуссия. Переходя от теоретического осмысления к эмпирическим данным, следует отметить, что представленные ниже результаты опроса 104 респондентов позволяют верифицировать выдвинутые концептуальные положения и выявить специфику их проявления в Белгородской

области. Каждый блок анкеты был направлен на операционализацию ключевых компонентов исследуемых феноменов. Полученные распределения ответов не только описывают текущее состояние ценностно-идентификационной сферы молодежи, но и реконструируют логику принятия жизненно важных решений в условиях перманентной нестабильности. Далее представлены результаты, сгруппированные в соответствии со структурой инструментария.

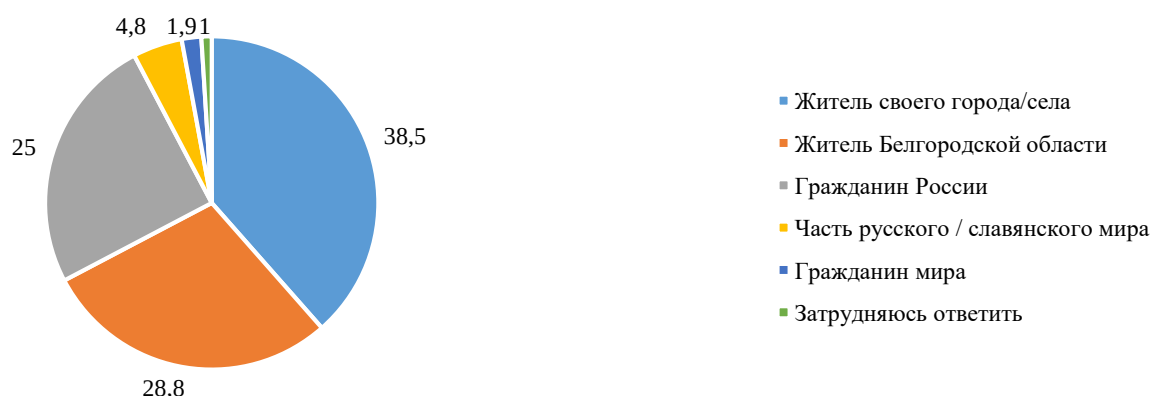

Рис. 1. Распределение идентичностей среди молодежи Белгородской области, %

Полученные данные демонстрируют выраженную локально-региональную центрированность идентичности молодежи Белгородской области, где суммарно более двух третей респондентов (67,3%) приоритизируют принадлежность к своему городу/селу или региону. Это свидетельствует о том, что в условиях перманентной внешней угрозы и нестабильности именно конкретное, эмоционально близкое и понятное пространство «малой родины» становится ключевым психологическим и социальным опорным пунктом. Общегосударственная идентичность, сохраняя значимость для четверти опрошенных, отходит на второй план, что указывает на своеобразное «сжатие» идентификационных горизонтов в кризисной ситуации, когда абстрактная связь с государством уступает по силе и актуальности непосредственному чувству сопричастности локальному сообществу, разделяющему общие риски и надежды.

Рис. 2. Распределение оценок обстановки в Белгородской области среди молодежи, %

Подавляющее большинство молодых жителей Белгородской области (91,3%) воспринимает текущую обстановку как напряжённую, что однозначно свидетельствует о глубоком проникновении чувства нестабильности в повседневное мироощущение данной социальной группы. Ключевым состоянием становится «привычная напряжённость» (62,5%) – адаптивная форма существования в условиях хронического стресса, когда угроза осознаётся, но не парализует повседневную активность.

При этом для почти трети респондентов (28,8%) ситуация является психологически дестабилизирующей, вызывая острое чувство незащищённости. Такое распределение указывает на значительное внутреннее расслоение молодёжного сообщества по степени уязвимости и стрессоустойчивости. Крайне низкая доля тех, кто оценивает обстановку как спокойную (5,8%), подтверждает, что ощущение кризиса носит практически тотальный характер, становясь универсальным социальным фоном жизни в приграничном регионе.

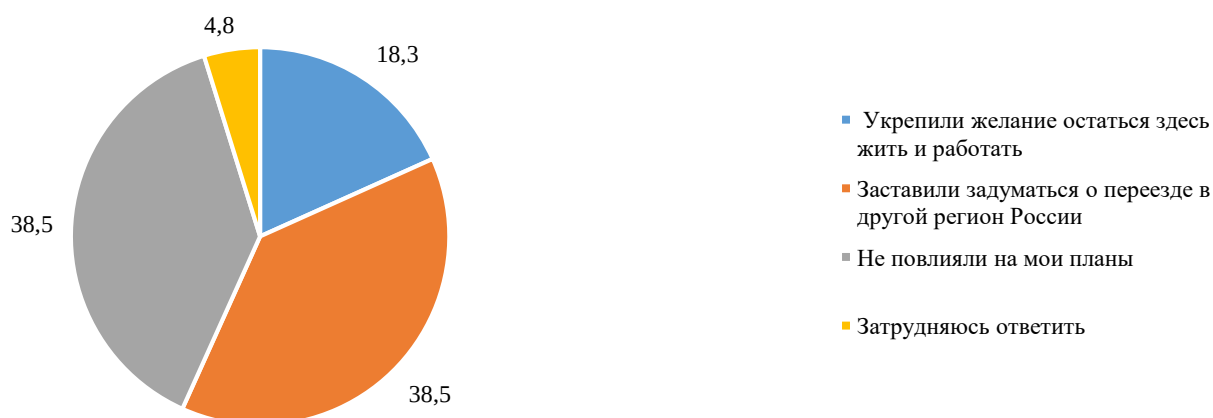

Рис. 3. Влияние событий на границе на планы на будущее, %

Данные рисунка 3 раскрывают глубокую амбивалентность и раскол в миграционных настроениях, вызванный внешним шоком. Наиболее представительные и равные по величине группы формируют два полюса: рационально-миграционный (38,5% задумались о переезде) и статусно-кво (38,5% утверждают, что планы не изменились). Первая реакция отражает классический поиск безопасности, вторая может свидетельствовать о психологической адаптации, инерции жизненных сценариев или отсутствии видимых альтернатив. При этом почти каждый пятый респондент (18,3%) демонстрирует парадоксальную реакцию укрепления региональной привязанности, где кризис выполняет не отталкивающую, а цементирующую функцию, трансформируясь в ресурс солидарности и локального патриотизма. Полученное распределение наглядно иллюстрирует, как экстремальный контекст не формирует единой реакции, а, напротив, поляризует молодёжное сообщество, обнажая разные стратегии совладания с угрозой.

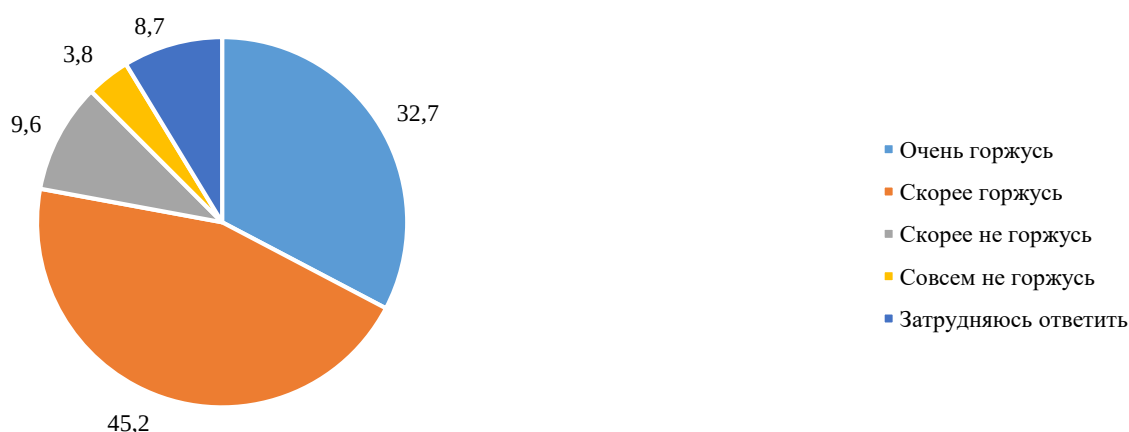

Рис. 4. Уровень гордости за Белгородскую область среди молодежи, %

Полученные данные свидетельствуют о преобладании позитивного эмоционального отношения к региону: подавляющее большинство молодёжи (77,9%) в той или иной степени гордится тем, что живёт в Белгородской области. Это указывает на то, что даже в условиях перманентного кризиса и ощущения небезопасности эмоциональная связь с «малой родиной» остаётся чрезвычайно прочной. При этом структура гордости неоднородна: почти половина респондентов (45,2%) выражает сдержанную, «рациональную» гордость («скорее горжусь»), в то время как треть (32,7%) демонстрирует безусловно сильные патриотические чувства. Заметная доля затруднившихся с ответом (8,7%) отражает внутренний конфликт между естественной привязанностью к дому и травмирующим опытом жизни в прифронтовом регионе. Таким образом, гордость выступает важным стабилизирующим компонентом региональной идентичности, позволяющим сохранять психологическую связь с территорией вопреки объективным трудностям.

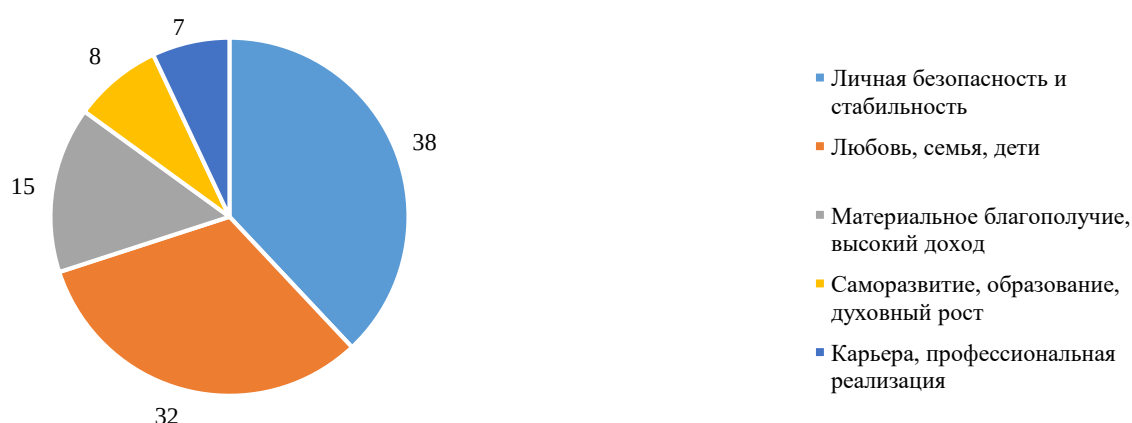

Рис. 5. Ценностные приоритеты молодежи в условиях приграничья, %

Проведённое ранжирование выявило чёткую и прагматичную ценностную иерархию, в которой на первые два места выходят базовые потребности в безопасности и приватной сфере. Абсолютным приоритетом для молодежи

в условиях приграничного региона является «Личная безопасность и стабильность», что служит прямым отражением травмирующего социального контекста. На втором месте с минимальным отрывом находится традиционная ценность «Любовь, семья, дети», которая в ситуации нестабильности выполняет роль психологической «крепости». Инструментальные ценности достижения и самореализации («Материальное благополучие», «Карьера», «Саморазвитие») закономерно отодвинуты на более низкие позиции, демонстрируя, как экстремальные внешние условия приводят к переоценке жизненных приоритетов в сторону консервации и защиты базовых основ существования.

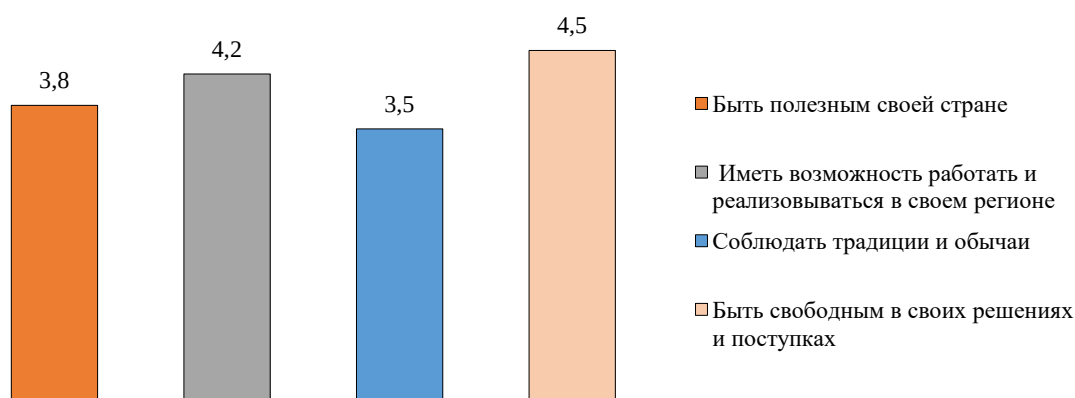

Рис. 6. Выраженность значимости ключевых жизненных установок среди молодежи, ср. балл

Анализ выраженности ключевых установок демонстрирует, что в системе ориентаций белгородской молодёжи сочетаются сильный индивидуалистический идеал личной свободы (максимальный балл 4.5) и прагматическая ценность региональной укоренённости (4.2 балла). Это указывает на запрос на автономию личности при одновременном желании реализовать эту автономию в пределах понятного и эмоционально близкого пространства «малой родины». Коллективистские и традиционные установки («польза стране», «соблюдение традиций») получают умеренно-высокие оценки (3.8 и 3.5 балла соответственно), занимая подчинённое положение относительно индивидуалистических и локально-прагматических ценностей. Таким образом, структура установок носит гибридный характер: стремление к личной свободе и самореализации не противоречит желанию быть полезным именно своему региону, что формирует специфический тип регионального патриотизма, основанного на личном выборе и прагматической связи с территорией.

Результаты выявили доминирование ценностей ближнего круга в социальных ориентирах молодёжи: подавляющее большинство (64,4%) считает, что в первую очередь нужно думать о благополучии себя и своей семьи. Это свидетельствует об интроверсии социальной ответственности в условиях кризиса, когда ресурсы и эмоциональные силы направляются на защиту и

обеспечение приватной сферы. Макросоциальные ориентиры (развитие региона и страны) отступают на второй план, формируя своеобразную «пирамиду ответственности», где обязательства перед семьёй воспринимаются как более непосредственные и безусловные, чем перед регионом или государством. Полученное распределение подтверждает общую тенденцию прагматизации и локализации жизненных стратегий в нестабильной среде.

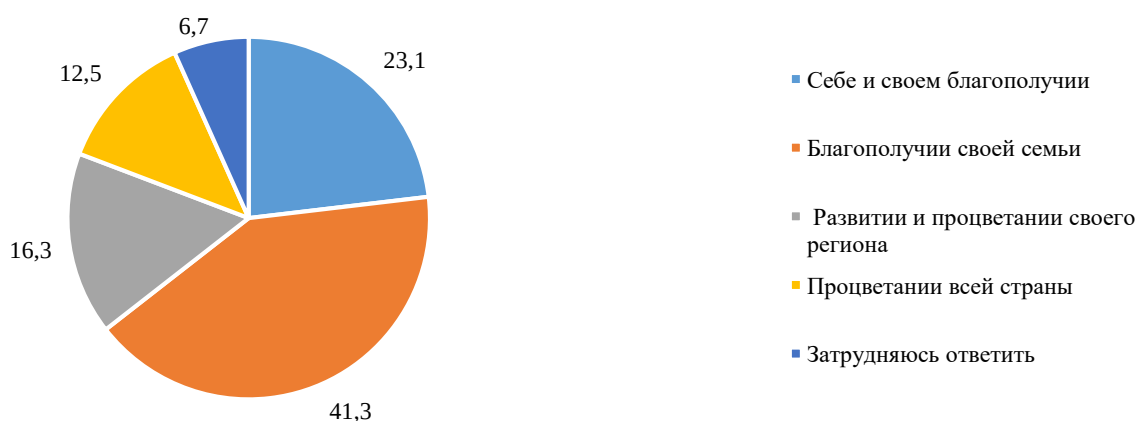

Рис. 7. Доминирующие социальные ориентиры молодежи, %

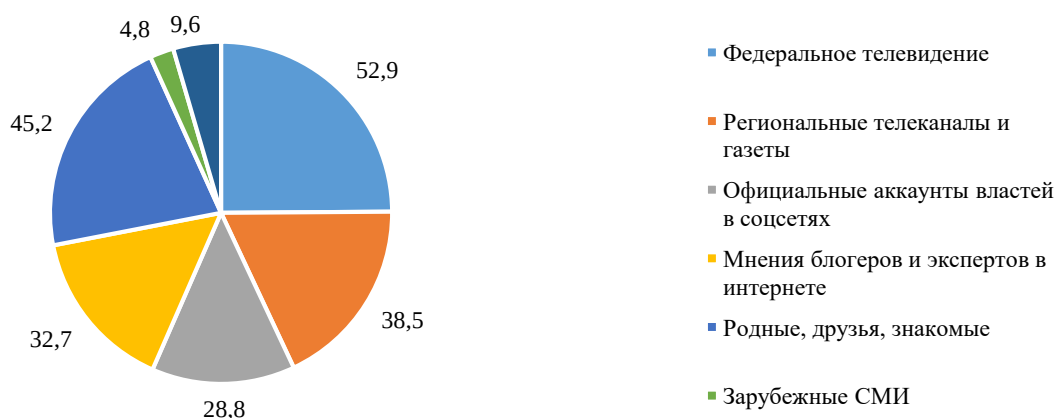

Рис. 8. Источники информации, вызывающие наибольшее доверие у молодежи Белгородской области, %

Структура медиа-доверия молодёжи характеризуется двойной опорой: на официальный федеральный нарратив (52,9%) и на личные, доверительные сети (45,2%). Это создаёт своеобразный гибридный информационный режим, где «большая правда» государства проверяется и дополняется «малой правдой» ближнего круга. Высокое доверие к региональным СМИ (38,5%) и блогерам (32,7%) указывает на запрос как на локальную специфику, так и на альтернативные интерпретации. При этом почти каждый десятый (9,6%) демонстрирует полное отчуждение от всех предлагаемых источников, что сигнализирует о глубоком кризисе доверия к публичной информации в условиях тотальной неопределённости.

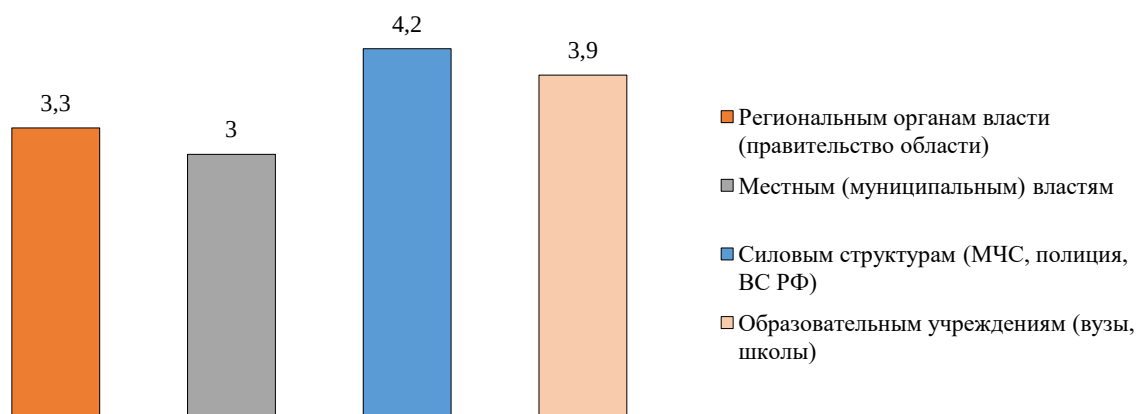

Рис. 9. Выраженность доверия молодежи к ключевым институтам Белгородской области, ср. балл

Анализ институционального доверия выявил его чёткую дифференциацию в зависимости от функции института. Максимальным доверием пользуются силовые структуры (4.2), что прямо коррелирует с базовой потребностью в безопасности в приграничном регионе. Высокий рейтинг образовательных учреждений (3.9) подчёркивает доверие к стабильным социальным лифтам. Властные институты получают более сдержанные оценки, причём доверие снижается по мере уменьшения масштаба: региональные власти (3.3) воспринимаются как более компетентные в кризисном управлении, чем местные (3.0). Данная иерархия иллюстрирует прагматический иерархический принцип формирования доверия: в первую очередь доверяют тем, кто непосредственно обеспечивает физическое выживание и базовую социальную стабильность.

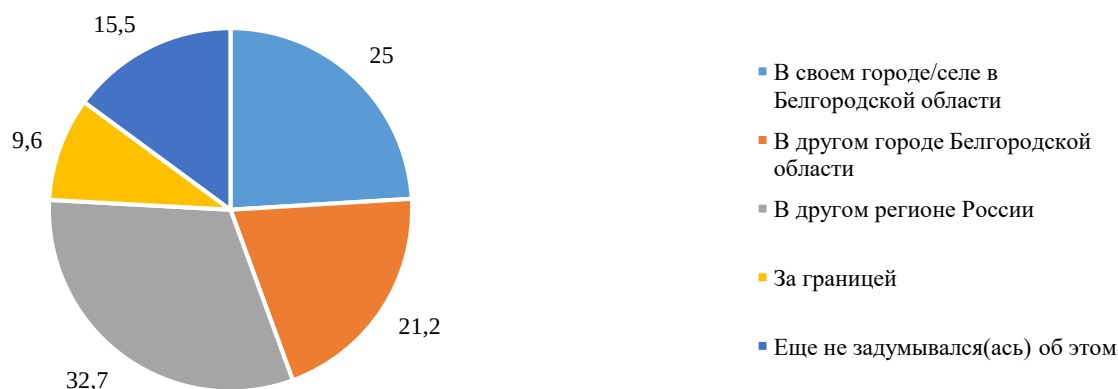

Рис. 10. Миграционные планы молодежи Белгородской области на среднесрочную перспективу, %

Миграционные настроения молодежи характеризуются глубокой расколотостью и обусловленностью. Практически равные по величине группы формируют три вектора: ориентация на отъезд в другие регионы (32,7%), планы

остаться внутри области (46,2% в сумме) и неопределенность (11,5%). Это отражает внутренний конфликт между сильной эмоциональной привязанностью к «малой родине» и рациональным осознанием рисков и ограниченных возможностей.

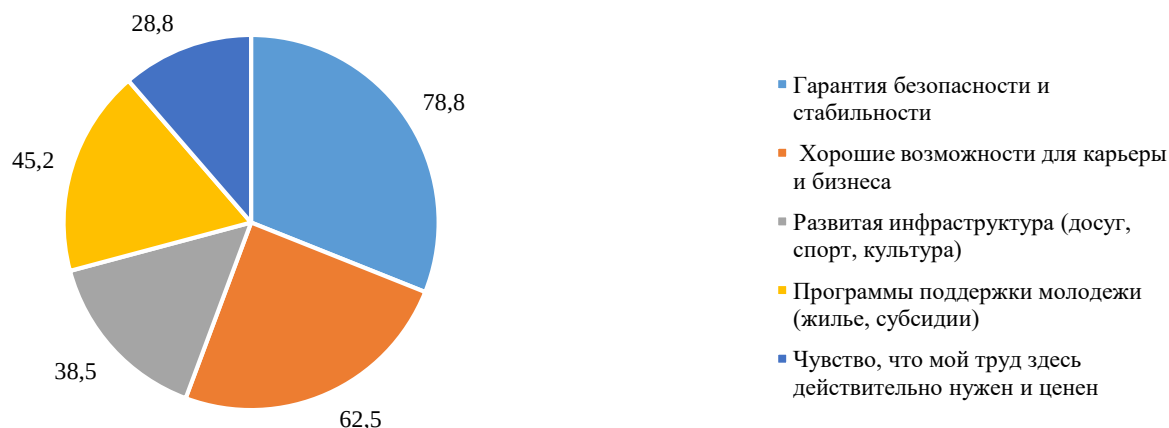

Рис. 11. Факторы, укрепляющие желание молодежи связать будущее с регионом, %

Ключевым фактором, способным переломить миграционные тенденции, выступает гарантия безопасности и стабильности (78,8%), которая является неременным базисом для любых долгосрочных планов. Однако одного этого условия недостаточно: молодёжь демонстрирует запрос на комплексное региональное развитие, включающее возможности для карьеры (62,5%), адресную поддержку (45,2%) и качественную инфраструктуру (38,5%). Таким образом, удержание молодёжи требует не просто нормализации обстановки, а формирования привлекательного жизненного проекта, где безопасность выступает фундаментом для профессиональной и личной самореализации.

Заключение. Проведённое эмпирическое исследование позволило выявить специфические особенности формирования ценностных ориентаций и гражданской идентичности молодёжи в уникальных условиях приграничного региона, каким является Белгородская область. Полученные результаты подтверждают, что экстремальный социально-политический контекст выступает мощным фактором трансформации как структуры идентичности, так и системы жизненных приоритетов.

Во-первых, установлено, что гражданская идентичность молодёжи Белгородской области носит сложный, многоуровневый и локально-центрированный характер. Доминирование локального и регионального уровней самоидентификации (суммарно 67,3%) над общенациональным (25%) свидетельствует о феномене «сжатия идентификационных горизонтов» в ситуации прямой угрозы, когда абстрактная связь с государством уступает место конкретной эмоциональной привязанности к «малой родине» как пространству общей судьбы и взаимной поддержки. При этом позитивный эмоциональный компонент (гордость за регион у 77,9% респондентов) остаётся

стабилизирующим ядром идентичности, демонстрируя её устойчивость даже в травмирующих условиях.

Во-вторых, выявлена прагматическая переориентация системы ценностей под влиянием хронической нестабильности. На первый план выходят базовые потребности в безопасности и стабильности, которые формируют новый ценностный императив, оттесняя традиционные ценности достижения и самореализации. Эта переориентация сопровождается гибридизацией установок: стремление к личной свободе сочетается с запросом на возможность реализовать её в пределах родного региона, а индивидуалистические ориентации («благополучие себя и семьи») доминируют над широкими коллективистскими проектами (развитие региона и страны). Это формирует специфический тип прагматического регионального патриотизма, основанного не на идеологических конструктах, а на личном выборе, эмоциональной связи и рациональной оценке условий жизни.

В-третьих, исследование выявило глубокую внутреннюю противоречивость и раскол в миграционных настроениях и уровне доверия. Полярные стратегии совладания с угрозой – от укрепления региональной привязанности до поиска альтернатив за пределами области – сосуществуют, обнажая разные механизмы адаптации. Дифференцированное доверие к институтам (максимальное – к силовым структурам, обеспечивающим безопасность) и гибридная модель медиапотребления (доверие к официальным СМИ + личным сетям) отражают сложный поиск опор в условиях тотальной неопределённости.

Теоретическая значимость исследования заключается в верификации концепта о трансформации идентичности и ценностей под влиянием хронического кризиса, а также в описании специфического феномена «приграничной социализации», для которой характерны локализация идентичности, прагматизация ценностей и поляризация жизненных стратегий.

Практическая значимость полученных результатов заключается в выявлении конкретных факторов, способных повлиять на миграционные установки и укрепление связи молодёжи с регионом. Ключевым выводом является то, что удержание молодого поколения требует не просто нормализации обстановки, а формирования комплексного и привлекательного жизненного проекта региона. Этот проект должен иметь в качестве фундамента гарантии безопасности, а в качестве содержания – реальные возможности для карьерного роста, качественную инфраструктуру, адресную поддержку и признание ценности труда молодых специалистов для развития области.

Таким образом, будущее Белгородской области в значительной мере зависит от способности региональных институтов адекватно ответить на выявленные запросы молодёжи, трансформировав текущий кризис из фактора социальной дезинтеграции в ресурс для консолидации нового поколения вокруг задач восстановления и устойчивого развития своей «малой родины».

Список литературы

Бабинцев В. П., Тарабаева В. Б. Ценности жителей Белгородской области как приграничного региона России // *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*. 2014. Т. 28, № 9 (180). С. 37-43. EDN: SYBAPR.

Борисова О. В., Сытых О. Л. Гражданская идентификация и ценностные ориентации населения приграничных регионов России // *Society and Security Insights*. 2024. Т. 7, № 1. С. 40-51. DOI: 10.14258/SSI(2024)1-03.

Максимова С., Авдеева Г., Ноянзина О., Омельченко Д., Атясова Н. Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: особенности современного состояния, факторы и актуальные проблемы формирования // *Известия Алтайского государственного университета*. 2015. № 3/1 (87). URL: [https://izvestiya.asu.ru/article/view/\(2015\)3.1-34](https://izvestiya.asu.ru/article/view/(2015)3.1-34) (дата обращения: 25.12.2025).

ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МОЛОДЁЖИ

Семченко Александр Максимович,
студент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
(Белгород, Россия)
semchenko@bsuedu.ru

Научное руководство
Семченко Ирина Владимировна,
кандидат социологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»),
(Белгород, Россия)
Semchenko@bsuedu.ru

Аннотация. В статье авторы исследовали патриотическое воспитание как стратегическое развитие молодого поколения. Анализируются теоретико-методологические подходы к пониманию сущности патриотического воспитания, рассматриваются механизмы формирования патриотической идентичности современной молодежи и сформированы основы стратегического направления развития системы патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание; патриотика; стратегическое развитие; молодежь; идентичность; национальность; политика

PATRIOTISM IN THE CONTEXT OF YOUTH STRATEGIC DEVELOPMENT

Alexander M. Semchenko,
student, Belgorod state national research university (NRU BelSU)
(Belgorod, Russia)
semchenko@bsuedu.ru

Academic supervisor
Irina V. Semchenko
candidate of sociological sciences, associate professor,
Belgorod state national research university
(Belgorod, Russia)
Semchenko@bsuedu.ru

Abstract. In this article, the authors have studied patriotic education as a strategic development of the younger generation. They have analyzed theoretical and methodological approaches to understanding the essence of patriotic education, examined the mechanisms of forming the patriotic identity of modern youth, and formed the foundations of a strategic direction for the development of the patriotic education system.

Keywords: patriotic education; patriotics; strategic development; youth; identity; nationality; politics

Введение. В условиях современных геополитических вызовов проблема формирования патриотизма в сознании молодежи приобретает значимую позицию. Патриотическое воспитание становится не только важным аспектом образовательного процесса, но и стратегическим направлением государственной политики, а также значимым фактором в обеспечении национальной безопасности и сохранения культурно-исторической идентичности молодежи. Молодежь на своем этапе развития является активным агрегатором в формировании ценностных ориентаций, мировоззрения и гражданской позиции. Именно поэтому разработка теоретико-методологических основ и практических механизмов реализации патриотического воспитания, образования является стратегическим направлением молодежной политики и актуальной научной и прикладной задачей.

Методология и методы. Проблематикой патриотического воспитания занимаются ученые в рамках различных научных дисциплин: педагогика, психология, политология, социология, философия и пр. Так, с точки зрения социологического подхода, патриотизм – это социальное явление, которое должно иметь практически-предметный характер, т.е. должны совершаться действия, поступки во благо Родины (Иванова, Лутовинов, 2008). Соответствующие ценностные ориентации рассматриваются в социологии труда, политики, образовании, вопросах молодежной политики, девиантного поведения, государственного управления и т.д. Патриотизм в контексте политологии представляет собой многогранное явление, которое изучается не просто как любовь к Родине, а как политический ресурс, инструмент легитимизация власти, фактор национальной безопасности и элемент формирования гражданской нации. В отличие от педагогики и психологии, где акцент делается на воспитании чувств к Родине, политология рассматривает патриотизм в системе властных отношений, идеологии, процессов государственного управления. В качестве подтверждения можно представить работы А. Павлова, автора фундаментального обзора эволюции понятия патриотизма от античности до марксизма (Павлов, 2018).

Рассматривая социологический дискурс в отношении понятия патриотизма, можно отметить те акценты, которые ставят ученые в рамках его исследования. Так, С. В. Расторгуев анализирует диалектику политического и неполитического в концепте патриотизма, разграничивая государственный и «низовой» патриотизма (Расторгуев, 2024), Н. К. Радина предлагает рассматривать патриотизм как социальный феномен, формирующий мы-идентичность (Радина, 2025). И. С. Шаповалова в ходе исследования выявляет проблему, связанную с существенной разницей между декларируемым патриотизмом и интериоризованной ценностью «патриотизм» (Шаповалова, 2025).

Научные результаты и дискуссия. Авторами данной статьи раскрывается особенность стратегического развития патриотического воспитания молодежи как особой и важной составляющей развития личности в молодом возрасте. На основе изученной литературы можно выделить

следующие стратегические цели: развитие у молодежи системных знаний, представлений, убеждений, отражающих сущность, ценности и смыслы патриотизма, понимание роли и места РФ и мире, а также через создание сопричастного к судьбе Родины. Также можно выделить цель – развитие патриотических чувств, как культивирование эмоционально-ценностного отношения к Родине, ее истории, культуре, достижениям, символике и пр. Следующая цель – это формирование готовности к действию, т.е. интериоризация понятия через восприятие собственного поведения, причастия к деятельности в рамках патриотического воспитания, работы, поведения (рис. 1).

Рис. 1. Система стратегического развития патриотического воспитания молодежи

Конечно, стратегическое развитие может быть сформировано тремя глобальными целями, которые при реализации комплексно работают по множеству задач, параллельно сгруппированных. Вся система имеет целостный и циклический характер.

Цели стратегического развития патриотического воспитания молодежи охватывают все сферы жизни молодого человека – от личных целей до профессиональной реализации, формируя устойчивую основу для развития страны в долгосрочной перспективе. Достижение этих целей требует консолидации усилий государства, образовательных учреждений, социальных институтов. Данные цели представляют собой систему ориентиров, направленных на формирование устойчивой гражданской позиции, национальной идентичности и готовности молодого поколения к активному участию в развитии страны. В соответствии с государственными документами (Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Комплекс мер по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию молодежи в РФ до 2028 года, утвержденный Правительством в октябре 2025 года, и др.).

И в этом случае можно говорить об уровнях стратегического развития патриотического воспитания молодежи:

Первый уровень – определяется генеральной целью – формирование гармоничной, всесторонне развитой личности, осознающей свою принадлежность к российскому обществу разделяющей традиционные духовно-нравственные ценности, обладающей чувством гордости за Родину, готовой к его защите и созидательному труду во благо страны;

Второй уровень – определяется духовно-нравственными целями – приверженность к традиционным ценностям, таким как семья, труд, Отечество, гуманизм, милосердие, справедливость, развитие гражданского самосознания, формирование «исторической памяти»;

Третий уровень – определяется практическими целями – интериоризация, деятельность, компетенции, развитие практических навыков, вовлеченности в действующие направления социально-ориентированной и патриотической направленности, формирование лидерских качеств;

Четвертый уровень – его определяют интеллектуальные цели (образование и просвещение) – повышение уровня знаний о стране, формирование критического мышления, профессиональная ориентация в научной, образовательной деятельности и пр.

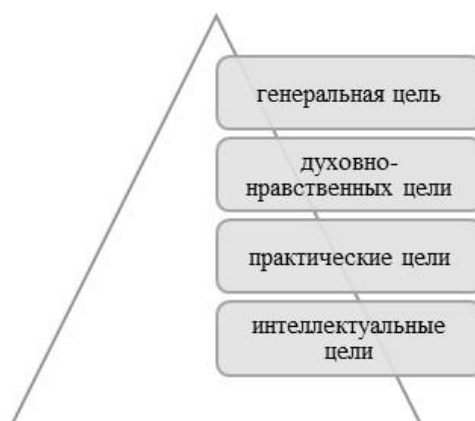

Рис. 2. Уровни формирования стратегического развития патриотизма

Заключение. В рамках рассмотрения стратегического развития патриотизма особое внимание уделяется формированию гармоничной личности, обладающей чувством национальной гордости, гражданской ответственности и готовности действовать в различных сферах деятельности (военной, интеллектуальной, культурной, научной и пр.). Система стратегического развития представляет собой не набор хаотичных мероприятий, а некоторую экосистему, где молодой человек может войти в нее через науку, спорт, творчество, волонтерство и получит позитивный опыт и сопричастность к судьбе страны.

В ходе исследования приходим к выводу о том, что экосистема и стратегия формируют комплексный подход к работе с молодежью, где патриотизм становится не просто набором мероприятий, а естественной средой обитания. Стратегия задает некий вектор и приоритеты, а экосистема создает саморегулируемую систему для из реализации.

Список литературы

Павлов А. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. С. 175-191. DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191. EDN: UWJFMN.

Радина Н. К. Патриотизм как социальный феномен в научном образе реальности: понятие и теории // Полис. Политические исследования. 2025. DOI: 10.17976/jpps/2025.02.12. EDN: YHANTJ.

Расторгуев С. В. Современные подходы к концепту «патриотизм» в научном дискурсе // Власть. 2024. № 1. С. 96-101. DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9955. EDN: EIGTMD.

Современный российский патриотизм / С. Ю. Иванова, В. И. Лутовинов; Российская акад. наук, Южный науч. центр, Ставропольский гос. ун-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 310 с. ISBN: 978-5-902982-31-9. EDN: QWEDBD.

Шаповалова И. С. Традиционные ценности и молодежь: проблема интериоризации // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 138-160. DOI: 10.18413/2408-9338-2025-11-3-0-9. EDN: GAXXBZ.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ГРАЖДАНСКУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Строкатова Ксения Викторовна,

студентка, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
(Белгород, Россия)
Strokatova@bsuedu.ru

Научное руководство

Семченко Ирина Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»),
(Белгород, Россия)
Semchenko@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования гражданской идентичности молодежи. Анализируются теоретические подходы к определению понятия и нормативно-правовая база РФ в данной сфере. На примере Белгородской области исследуются региональные практики патриотического воспитания (сборы «Армата», центр «ВОИН»). Опираясь на исследование локальной идентичности белгородцев, автор выявляет связь общероссийской идентичности с «малой родиной» и обосновывает необходимость сочетания военно-прикладных и культурно-гуманитарных инициатив в работе с молодежью.

Ключевые слова: гражданская идентичность; патриотическое воспитание; национальная идентичность; региональная специфика; локальная идентичность

A CONTEMPORARY VIEW OF THE CIVIL IDENTITY OF YOUTH IN THE BELGOROD REGION

Xenia V. Strokatova

student, Belgorod state national research university (NRU “BelSU”)
(Belgorod, Russia)
Strokatova@bsuedu.ru

Academic supervisor

Irina V. Semchenko

candidate of sociological sciences, associate professor,
Belgorod Belgorod state national research university
(Belgorod, Russia)
Semchenko@bsuedu.ru

Abstract. This article examines the development of youth civic identity. It analyzes theoretical approaches to defining the concept and the Russian Federation's legal framework in this area. Using the Belgorod Region as an example, it examines regional practices of patriotic education (such as the “Armata” training camp and the “VOIN” center). Drawing on a study of Belgorod residents' local identities, the author identifies the connection between national identity and the “small homeland” and substantiates the need to combine military-applied and cultural-humanitarian initiatives in youth outreach.

Keywords: civic identity; patriotic education; national identity; regional specificity; local identity

Введение. В связи с быстрым темпом развития социально-экономических, политических и ассимиляционных процессов, внутри государства возрастает волнение общества, что ведет к его изменениям. Для создания правового, социального, экономически развитого государства, оно нуждается в гражданах, адекватно оценивающих происходящие события, их активная гражданская позиция, желание развивать и защищать свое государство, любовь и преданность культуре, ценностям, народу. Все эти качества формируют гражданскую идентичность населения. Находясь в едином социальном, культурном, политическом и экономическом пространстве обществу необходим комплекс норм, ценностей и установок, в результате чего формируется национальная идентичность.

Формирование гражданской идентичности не сводится лишь к трансляции знаний о государственном устройстве или истории страны. Оно предполагает включение молодого человека в систему социально значимых отношений, в рамках которых патриотизм, ответственность, уважение к закону и согражданам перестают быть абстрактными категориями, а становятся внутренне принятыми регуляторами поведения. Именно в этом контексте особую роль приобретают институты образования, молодежной политики, культуры и общественные объединения, выступающие пространством проживания гражданского опыта.

Эффективность данных институтов во многом зависит от того, насколько полноценно они учитывают региональную специфику, локальные культурно-исторические коды и запросы самой молодежи. Как показывает опыт Белгородской области, связь общероссийской идентичности с «малой Родиной» способна стать прочной опорой в воспитании гражданина, если она выстраивается через эмоционально окрашенные, деятельностные и символически значимые форматы. При этом важно избегать формализма и ритуальности, сохраняя в патриотической работе диалогичность и ориентацию на формирование критически мыслящей, самостоятельной личности, осознающей не только права, но и меру своей ответственности за настоящее и будущее страны.

Методология и методы. Л. М. Дробижева в своей работе «Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма» под гражданской идентичностью понимает отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране, «образ мы», чувство общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве (Дробижева, 2017: 8).

М. А. Юшин дает следующее определение понятию «гражданская идентичность»: «гражданская идентичность – это тождественность индивида государству, своему статусу гражданина, личная оценка своего гражданского состояния, готовность и способность выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности, пользоваться правами, принимать осознанное активное участие в жизни государства» (Юшин, 2007: 15).

Два определения одного понятия, рассмотренные через разные подходы, имеют разную интерпретацию. В первом идет речь об осознанном причислении себя к группе «я – гражданин этой страны», во втором – смещение акцента с чувства общности на юридический статус.

Т. Водолажская выделяет три основных элемента структуры гражданской идентичности: «когнитивный – знание о принадлежности к данной социальной общности, ценностный – наличие позитивного или негативного отношения к факту принадлежности и эмоциональный – принятие или непринятие гражданской общности в качестве группы членства, как результат действия двух первых» (Водолажская, 2010: 140). Осознание себя частью гражданской общности опирается на совокупность представлений – порой неполных или противоречивых – о том, что объединяет людей в данное целое: территориальные, культурные и политические основания, смысл гражданства, а также характер отношений как между государством и личностью, так и между самими гражданами. В содержание этих представлений входит образ государства, занимающего определённую территорию, формирующего уклад общественных отношений и ценностные ориентиры, а также населяющих эту территорию народов с их языком, культурой и традициями. То, насколько эти элементы наделены для человека личностным смыслом, какую значимость они имеют и встроены ли в его систему ценностей, раскрывает ценностный компонент идентичности, который нередко выходит на первый план и способен существенно трансформировать содержание когнитивной составляющей.

Государственная национальная политика осуществляется за счет исторического опыта становления России как самостоятельного государства. Наше государство обладает уникальным культурным кодом, который включает в себя сохранение исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации.

Согласно Указу Президента РФ от 07.05.2024 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», к 2030 году необходимо создать условия для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских и духовно-нравственных культурно-исторических ценностей; увеличения доли молодых людей, участвующих в проектах и программах, направленных на патриотическое воспитание¹.

«Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» направлена на укрепление исторически сложившегося государственного единства и целостности Российской Федерации. Приоритетным направлением государственной национальной политики является укрепление общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, и обеспечивается путем решения следующих задач:

¹ Указ Президента Российской Федерации №309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». // Официальный интернет-портал правовой информации: официальный сайт. 2024. URL: <http://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/ukaz-prezidenta-rossiyskoy-federatsii-ot-07-05-2024-309-o-natsionalnykh-tselyakh-razvitiya-rossiysko/> (дата обращения: 11.02.2026).

1. Защита, поддержка и развитие русского языка как государственного языка РФ;

2. Формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного и воспитательного процессов гражданского самосознания; воспитание патриотизма;

3. Защита исторической правды и исторической памяти, традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей¹.

Научные результаты и дискуссия. В Белгородской области региональная молодежная политика осуществляется за счет создания устойчивого партнерства с образовательными организациями, некоммерческим и государственным секторами, организациями в сфере культуры. В рамках развития патриотического воспитания молодежи, реализуются программы, формирующие осознание личного долга перед Отечеством и причастности к его будущему.

С 2022 года в целях усиления патриотической работы с подрастающим поколением в регионе ежегодно проходят военно-исторические сборы «Армата», в ходе которых студенты колледжей и школьники в течение пяти дней проживают в палаточном лагере в условиях, максимально приближенных к уставному распорядку Вооруженных Сил РФ. Участники осваивают огневую, тактическую, военно-медицинскую, радиационно-химическую и физическую подготовку, несут караульную службу, знакомятся с кухонным нарядом, изучают строевую подготовку, стреляют из пневматического и лазерного оружия, а также отрабатывают средства защиты и элементы боевой тактики. Роль наставников выполняют ветераны военной службы, сотрудники правоохранительных органов и участники Специальной военной операции.

Согласно данным Министерства по делам молодежи Белгородской области, в 2022 году приняли участие 2200 подростков и студентов, в 2023 году количество возросло до 7000 человек, при этом были открыты дополнительные смены для девочек и девушек, так количество участников увеличилось практически в 3,5 раза, тем самым подтвердив актуальность и необходимость сборов. В 2024 году количество участников составило 7900 человек, а в 2025 году – 6350 человек.

В мае 2023 года на Белгородчине открылся региональный центр военно-спортивной подготовки и патриотического воспитания молодежи с 144-часовой программой обучения. Двадцать инструкторов – ветераны силовых структур, воинских подразделений и участники СВО – ведут занятия по минно-подрывному делу, огневой подготовке и тактической медицине, причем каждая дисциплина обеспечена отдельной экспозицией и профильным наставником. В ходе курса будущие защитники Отечества осваивают все тонкости армейского дела. Губернатор Белгородской области Гладков В.В. отмечает, что за три года существования Центра военно-спортивной подготовки и патриотического

¹ Указ Президента Российской Федерации №858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Информационно-правовой портал Гарант.ру. 2025. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413034563/> (дата обращения: 11.02.2026).

воспитания молодежи «ВОИН» почти 20 000 юных белгородцев прошли подготовку на площадках центра¹.

Был проведен вторичный анализ работы А. Г. Истомина и С. Д. Лебедева, в которой рассматривалась характеристика локальной идентичности городского сообщества города Белгорода методом дискуссионных фокус-групп. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что в восприятии жителей город символически организован вокруг площадей, центральной городской площади и парков, а также немногочисленных культурно-исторических объектов, таких как Диорама «Прохоровское поле» и исторический дуб в посёлке Дубовое. Ценностные ориентиры белгородцев преимущественно связаны с ключевыми военными вехами истории – ролью города как южного оборонительного рубежа в XVI–XVIII веках и Прохоровским сражением 1943 года, отчасти дополненными воспоминаниями о промышленных достижениях советской горнодобывающей отрасли и современных успехах пищевой индустрии. Микрогеографический образ складывается из меловых гор, Северского Донца, сельских пейзажей, коттеджной застройки и признанных на мировом уровне локусов – Прохоровского поля и месторождений КМА-руды. Основными практиками воспроизводства локальной идентичности выступают общегородские праздники, прежде всего День города, День Победы и Новый год. В местном пантеоне героев присутствуют лишь отдельные исторические личности, получившие общенациональную известность (Ватутин, Шухов, Щепкин), тогда как из современников фигурируют преимущественно политики и спортсмены, при этом деятели культуры практически не представлены.

Заключение. Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что гражданская идентичность представляет собой сложное, многокомпонентное явление, которое в современных научных подходах трактуется как через эмоционально-ценностное отождествление личности с государством и согражданами, так и через осознание своего юридического статуса и готовность к активному участию в жизни страны. Структура гражданской идентичности, включающая когнитивный, ценностный и эмоциональный уровни, демонстрирует, насколько значимым является не только знание о принадлежности к общности, но и личностное принятие этой принадлежности, её смысловое наполнение.

На государственном уровне укрепление общероссийской гражданской идентичности определено стратегической задачей, закреплённой в нормативных-правовых актах, и связывается с традиционными духовно-нравственными и культурно-историческими ценностями, защитой исторической правды, развитием русского языка и воспитанием патриотизма у подрастающего поколения. Региональная практика Белгородской области демонстрирует последовательную

¹ Вячеслав Гладков открыл Центр развития военно-спортивной подготовки и патриотического воспитания молодежи Белгородской области // belregion.ru. 2023. URL: <https://belregion.ru/press/news/index.php?ID=99197> (дата обращения: 11.02.2026).

реализацию данного курса через внедрение военно-спортивных и патриотических проектов, таких как сборы «Армата» и деятельность профильного центра, где формирование ответственного отношения к Отечеству осуществляется посредством погружения молодёжи в условия, приближённые к армейской службе, и передачи опыта от ветеранов и участников боевых действий.

Вместе с тем исследование локальной идентичности белгородцев показывает, что на уровне городского сообщества гражданское самосознание тесно переплетено с исторической памятью, военными и отчасти промышленными достижениями, а также с устоявшимися праздничными мероприятиями и ограниченным набором значимых символических фигур. Это свидетельствует о том, что формирование гражданской идентичности происходит не только в рамках директивных государственных программ, но и в повседневной культурной среде, где ключевую роль играют локальные смыслы, образы и герои. Дальнейшее развитие гражданской идентичности, особенно в молодёжной среде, требует не только масштабирования военно-прикладных инициатив, но и расширения культурного, гуманитарного и символического поля, способного предложить молодому человеку разнообразные формы сопричастности к судьбе страны и малой Родины.

Список литературы

- Абросимова К. А. Анализ сущности понятия «гражданская идентичность» // Сборник Тольяттинского государственного университета. 2014. № 5. С.42-45.
- Белякова Н. А. Формирование гражданской идентичности в образовательной среде глобализирующегося пространства // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 98-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-v-obrazovatelnoy-srede-globaliziruyuschegosya-prostranstva> (дата обращения: 11.02.2026).
- Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5-6. С. 140-142. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-grazhdanskaya> (дата обращения: 11.02.2026).
- Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3-16.
- Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 7-31.
- Истомин А. Г. Локальная идентичность жителей города Белгорода (по материалам качественного исследования) / А. Г. Истомин, С. Д. Лебедев // Научный результат. Социология и управление. 2015. № 2. С. 13-21. URL: <https://rsociology.ru/media/sociology/2015/2/13-21.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).
- Кравченко Н. Ю. Гражданская идентичность современной России // Известия Саратовского университета. 2016. Т. 16, Вып. 1. С. 5-8.
- Юшин М. А. Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Тула. 2007. 22 с.

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЕЖИ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Удовиченко Ольга Юрьевна

студентка, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
(Белгород, Россия)
Udovichenko@bsuedu.ru

Научное руководство

Семченко Ирина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»),
(Белгород, Россия)
Semchenko@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние и перспективы развития творческого потенциала молодежи в Белгородской области. Несмотря на развитую традиционную систему поддержки одаренной молодежи в сфере культуры, на основе ранее проводимых исследований выявляется необходимость выведения современных форм территориальной идентичности в формах развития талантливой молодежи. Проявляются территориальные неравенства, недостаточное финансирование творческих проектов, а также нехватка специализированных пространств для реализации творческого потенциала молодежи.

Ключевые слова: творческий потенциал молодёжи; молодежь; развитие; творчество; творческие способности

DEVELOPING THE CREATIVE POTENTIAL OF YOUNG PEOPLE IN THE BELGOROD REGION

Olga Y. Udovichenko

student, Belgorod state national research university (NRU “BelSU”)
(Belgorod, Russia)
Udovichenko@bsuedu.ru

Academic supervisor

Irina V. Semchenko

candidate of sociological sciences, associate professor,
Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia)
Semchenko@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the current state and prospects for the development of young people's creative potential in the Belgorod region. Despite the well-developed traditional system of support for gifted young people in the field of culture, previous research has revealed the need to introduce modern forms of territorial identity in the development of talented young people. There are territorial inequalities, insufficient funding for creative projects, and a lack of specialized spaces for the realization of young people's creative potential.

Keywords: youthful creativity; youth; development; creativity and artistic abilities

Введение. В современном мире творчество перестало быть просто увлечением, оно стало ключевым навыком, двигателем инноваций и основой для успешной карьеры молодежи. Для регионов, стремящихся к динамичному развитию, инвестиции в творческий потенциал молодежи – это стратегическая необходимость.

Методология и методы. Научный интерес к проблеме творческого потенциала формируется с начала XX века. Одним из основоположников данного направления стал П. К. Энгельмейер, обосновавший неразрывную связь технического труда и творчества. В дальнейшем его последователи рассматривали творческий потенциал как меру вероятности успешной реализации изобретательской деятельности индивидом (Энгельмейер, 1910).

Принципиально важно, что творческий потенциал не сводится исключительно к сфере культуры и искусства, оно имеет интеллектуально-созидательную природу. Д.Б. Богоявленская, развивая эту мысль, фактически объединяла творческий потенциал с творческими способностями. Последние трактовались ею как инструменты достижения целей, опирающиеся на нестандартное мышление и креативность. Для идентификации одаренности в концепции Богоявленской используется психодиагностический метод «Креативное поле» (Богоявленская, 1998). Он позволяет оценить не только меру проявления одаренности, но и её структурные компоненты по значительному числу параметров одновременно в одном материале. Параметры представлены не разрозненно, а интегрировано, что даёт целостное представление об одаренности. В концепции Богоявленской приоритетной задачей является воспитание, а не просто обучение одаренного ребёнка. Именно личность, её направленность, система ценностей ведут за собой развитие способностей и определяют, как будет реализовано индивидуальное дарование.

Научные результаты и дискуссия. В итоге исследователями была предложена модель развития творческого потенциала, структурно объединяющая два компонента: развивающиеся в онтогенезе творческие способности и устойчивые свойства личности (рисунок. 1).

Разработанная исследователями модель развития творческого потенциала находит свое практическое воплощение в региональных стратегиях. Одним из показательных примеров системного подхода к раскрытию интеллектуально-созидательных способностей молодежи выступает Белгородская область. В области сформирована одна из самых организованных систем поддержки в Центральном федеральном округе, опирающаяся на три ключевых направления: образование, культуру и молодежную политику.

Рассмотрим, как функционирует образование, одно из обозначенных направлений. Именно здесь формируется кадровый и творческий потенциал региона, начиная с раннего вовлечения детей в кружки и секции и заканчивая подготовкой специалистов в вузах и колледжах. Образовательная вертикаль начинается с дополнительного образования детей, представленного обширной сетью: детских школ искусств, художественных школ и центров творчества. В августе 2024-го года Министерство образования Белгородской области

предоставили данные о том, что более 153 тысяч детей посещают кружки и секции. В рамках национального проекта «Образование» в регионе дополнительно создано 5140 мест¹. Опираясь на показатели, наибольшей популярностью у юных белгородцев пользуются программы социально-гуманитарной направленности – их выбрали более 62 тыс. школьников. Художественным творчеством увлечены 64 тыс. детей. Физкультурно-спортивные секции посещают свыше 50 тыс. ребят. Всего спортивные организации региона охватывают около 90 тыс. школьников, что обеспечивает доступность данного направления для детского населения. Здесь формируется фундаментальная база в области традиционных творческих направлений.

Рис. 1. Этапы развития творческого потенциала личности

Анализируя деятельность государственного бюджетного учреждения дополнительного образования «Белгородский областной Центр детского (юношеского) технического творчества» за период с 2022-2023 по 2024-2025 учебные годы, можно отметить разнонаправленную динамику контингента. Общее количество обучающихся за три года сократилось на 166 человек (с 2441 до 2275), однако в последнем учебном году (2024-2025) зафиксирован небольшой прирост на 5 человек по сравнению с предыдущим периодом, что свидетельствует о стабилизации после спада.

Наибольший рост демонстрирует социально-гуманитарное направление: число обучающихся увеличилось на 308 человек (с 316 до 624), что составляет

¹ Государственная программа Белгородской области «Развитие культуры и искусства Белгородской области» на 2024-2030 годы. URL: <https://belregion.ru> (дата обращения: 05.02.2026).

97,5 % прироста за два года. Это связано с переходом детей 5-7 лет из естественно-научных программ раннего развития в более профильные социально-гуманитарные объединения.

В техническом направлении, несмотря на его традиционную популярность, наблюдается снижение контингента на 234 человека (с 1548 до 1314), что может быть вызвано обновлением программ и перераспределением интересов обучающихся. Художественное направление сократилось на 132 человека (с 320 до 188), однако часть объединений сохраняет спрос за счёт интеграции элементов технического конструирования. Естественно-научное направление также уменьшилось на 38 человек (с 257 до 219), что обусловлено естественным переходом младших школьников на другие профили.

Таким образом, наблюдается устойчивый интерес к социально-гуманитарным программам при некотором снижении популярности технических и художественных направлений, что требует дальнейшего анализа и корректировки образовательной стратегии (таблица 1).

Таблица 1

Характеристика ДООП в соответствии с направленностью

Направления деятельности	Кол-во групп (кол-во обучающихся)			Относительное отклонение (%)	Абсолютное отклонение (%)
	2022-2023	2023-2024	2024-2025		
Техническое	122/1548	123/1519	107/1314	-84%	-234
Художественное	25/320	16/188	10/188	-58,75%	-132
Социально-гуманитарное	24/316	26/340	41/624	197%	308
Естественно-научное	22/257	19/223	20/219	-85%	-38
Итого кружков (обучающихся):	193/2441	184/2270	178/2275	93%	-166

Ведущую роль играет БГИИК – системообразующий вуз, готовящий кадры для культурной сферы региона. В структуре института действуют пять факультетов: факультет социально-культурной и информационно библиотечной деятельности; факультет дизайна и технологий; факультет режиссуры, актерского искусства и хореографии; факультет музыкального творчества и факультет исполнительного искусства. Также в структуру подразделений входит школа искусств, региональный центр ДПО, учебно-культурный центр, в состав которого входят 22 творческих коллектива. На 2026 год в университете обучается 1888 студентов.

НИУ «БелГУ» активно способствует реализовывать творческий потенциал своих студентов. На базе университета открыт Молодежный культурный центр, который ежегодно проводит набор талантливых студентов в творческие коллективы. Арт-студия «Вереск», Группа «31 регион» и Ректорский духовный оркестр, Ансамбли, Школа ведущих – помогает студентам раскрыть в себе потенциал.

В БГТУ им. В.Г. Шухова действует Студенческий Дворец Культуры. В его стенах осуществляют свою деятельность вокальная студия, молодежный ансамбль, танцевальные команды, творческая мастерская, чирлидинг и т.д.

Важным «социальным лифтом» выступают студенческие объединения: театральные студии, медиацентры и клубы веселых и находчивых. Основные из них *в высших учебных заведениях* – это Союз студентов НИУ «БелГУ», Студенческие отряды НИУ «БелГУ», Студенческий совет Белгородского университета кооперации, экономики и права, *в колледжах*: Студенческий психологический клуб «Мой путь к успеху», Совет обучающихся ОГАПОУ «Белгородский политехнический колледж», Клубы по интересам в ОГАПОУ «Белгородский правоохранительный колледж имени Героя России В.В. Бурцева», а *в общественных организациях*: Белгородская региональная молодёжная общественная организация «Аспект», Белгородское региональное отделение Всероссийской общественной молодёжной организации «Всероссийский студенческий корпус спасателей», Белгородский городской Союз студентов (БГСС) и так далее.

Подготовленные в вузах и колледжах кадры, а также инициативы студенческих сообществ обретают свою аудиторию и сценическое воплощение именно в учреждениях культуры. Последние, в свою очередь, перестают быть исключительно просветительскими площадками, превращаясь в полноправных участников молодёжной политики. Инфраструктура культуры выступает в роли не только хранителя наследия, но и активного проводника для молодых талантов. Театры, филармония, музеи и библиотеки предоставляют свои сцены и залы для молодёжных спектаклей и выставок, организуют мастер-классы. Особенно динамично развиваются модельные библиотеки, которые в рамках нацпроекта «Культура»¹ превращаются в современные культурные центры с коворкинг-зонами и цифровыми технологиями. Благодаря этому и не только Белгород в 2023-м году вошёл в пятерку самых культурных городов России по результатам исследования Высшей школы экономики. В рейтинге учитывалось не только наличие культурной инфраструктуры, но и то, насколько охотно ей пользуются люди.

Ежегодно в Белгородской области свои двери открывает молодёжный образовательный форум «Чайка». Это пространство, где начинающие и опытные деятели творческих индустрий могут перенять опыт у признанных экспертов, представить собственные проекты, получить обратную связь и выиграть грант на реализацию идеи. В программе – воркшопы, лекции и неформальные встречи с известными личностями.²

Не менее насыщенной является и онлайн-среда. Ведущие образовательные платформы предлагают десятки курсов, направленных на прокачку креативного

¹ Национальные проекты «Культура» URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/kultura/> (дата обращения: 13.02.2026).

² Концепция развития креативных (творческих) индустрий в Белгородской области (проект) / Департамент внутренней и кадровой политики Белгородской области. URL: <https://depolit.belregion.ru> (дата обращения: 04.02.2026).

мышления. Наибольшей популярностью пользуются специализированные программы вроде «4 ступени к креативному прорыву» или «Наука креативности», которые учат генерировать идеи, работать с кейсами и находить нестандартные решения.

Заключение. Опыт Белгородской области демонстрирует эффективность системного подхода к решению этой задачи, выстроенного на тесном взаимодействии трех ключевых сфер: образования, культуры и молодежной политики. Региону удалось создать многоуровневую систему, которая обеспечивает вовлечение детей в творчество с раннего возраста, их профессиональную подготовку в профильных вузах и колледжах, а также дальнейшую самореализацию через разветвленную сеть учреждений культуры и студенческих объединений. Наличие современных площадок, грантовая поддержка и цифровые образовательные форматы создают необходимые «социальные лифты» и современную среду для раскрытия талантов.

Вместе с тем, анализ выявил ряд дисбалансов, требующих корректировки. Статистические данные указывают на резкое смещение интереса молодежи в сторону социально-гуманитарного профиля на фоне ощутимого спада популярности технических и естественно-научных кружков. Это создает риск несоответствия между важностью инженерного творчества и реальными предпочтениями обучающихся. Кроме того, существует разрыв между теоретическим пониманием творческого потенциала как универсального интеллектуально-созидательного качества и его практической реализацией, которая в регионе пока тяготеет преимущественно к культурно-досуговой сфере.

Таким образом, региональная модель развития творческого потенциала в Белгородской области является прогрессивной и может служить примером для других субъектов. Однако для достижения стратегических целей требуется сместить акценты с преимущественно художественного развития на гармоничное сочетание гуманитарного, технического и естественно-научного направлений. Ключевыми точками роста должны стать усиление профориентационной работы в сфере высоких технологий и инженерии, а также последовательное внедрение методологий, например, концепция Д.Б. Богоявленской, направленных на воспитание творческой личности, способной генерировать инновации в любой сфере деятельности.

Список литературы

- Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей: монография. Москва: Магистр, 1998. 66 с.
- Энгельмейер П. К. Теория творчества. СПб.: Образование, 1910. 208 с.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ: ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АПАТИИ И НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МОБИЛИЗАЦИИ

Чекашкина Валерия Сергеевна,
студент 2 курса факультета истории и права,
ФГБОУ МГПУ им. Евсевьева
(Саранск, Россия)
lera24072004@mail.ru

Научный руководитель
Капаев Максим Александрович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры права и философии,
ФГБОУ МГПУ им. Евсевьева
(Саранск, Россия)
kapaev11@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема современности: снижение заинтересованности политической деятельностью, нежелание молодого поколения разбираться в проблемах современности. В работе представлены основные факторы уклонения молодежи от политической вовлеченности, так и государственные меры, направленные на повышение политической культуры индивидов.

Ключевые слова: молодежь; электоральное поведение; политическая активность; политические методы; «молодежная политика»

YOUTH ELECTORAL BEHAVIOR: FACTORS OF POLITICAL APATHY AND NEW MOBILIZATION TOOLS

Valeria S. Chekashkina,
2nd-year student, faculty of history and law,
Mordovian state pedagogical university named after E.A. Evseviev
(Saransk, Russia)
lera24072004@mail.ru

Academic supervisor
Maksim A. Kapayev,
candidate of historical sciences, associate professor,
department of law and philosophy,
Mordovian state pedagogical university named after E.A. Evseviev
(Saransk, Russia)
kapayev11@mail.ru

Abstract. This article addresses a pressing contemporary issue: the decline in interest in political activity and the unwillingness of the younger generation to delve into modern problems. The paper presents both the main factors contributing to youth disengagement from political involvement and the state measures aimed at enhancing the political culture of individuals.

Keywords: youth; electoral behavior; political activity; political methods; «youth policy»

Введение. В каждом правовом государстве, выбирающем основу власти – народовластие, в права потенциальных граждан входит возможность свободно выбирать и быть избранным. Впрочем, далеко не все пользуются этими правами, что способствует снижению политической активности и формированию абсентеизма. В норму входит сознательное уклонение индивидов от участия в выборах.

Под электоральным поведением понимают степень участия в политической жизни государства, выражение предпочтения к определенным партийным представителям и иным политическим деятелям.

Электоральное поведение находит выражение в двух формах: непосредственное участие в выборах, референдумах, агитациях; избегание участия в политической жизни страны, т.е. абсентеизм. В основном, современная молодежь соответствует второму типу электорального поведения.

Методология и методы. Для глубокого и всестороннего понимания проблемы исследования необходимо подробно рассмотреть ключевые теоретические подходы и методы, объясняющие природу и механизмы формирования электорального поведения. В политологической науке принято выделять несколько фундаментальных моделей, каждая из которых акцентирует внимание на специфических драйверах, заставляющих человека отдавать свой голос за того или иного кандидата либо же воздержаться от участия в выборах:

Общественный (социологический) метод. В основе данного подхода лежит концепция социальной детерминации. Сторонники этого метода утверждают, что политические предпочтения индивида жестко задаются его принадлежностью к определенным социальным группам и контекстом окружающей среды. Факторами, определяющими характер поведения, выступают классовая принадлежность, религия, этничность, уровень доходов, профессия, а также территория проживания. Человек не является изолированным островом; он, часто не осознавая того, подвергается мощному и постоянному воздействию со стороны ближайшего социального окружения (семья, друзья, коллеги) и институтов социализации (Моисеенко, 2020: 95).

Особую роль здесь играют средства массовой информации (СМИ), которые формируют так называемую «повестку дня». Через механизмы навязывания мнений и стереотипов, общество и медиaprостранство транслируют устоявшиеся установки и нормы. В результате этого, зачастую ненавязчивого, воздействия индивид перенимает доминирующие взгляды своей референтной группы на политические проблемы, что приводит к конформизму в электоральном выборе.

Рационалистический метод. Данный подход, базирующийся на теории рационального выбора, рассматривает избирателя как «экономического человека», действующего по принципу выгоды. Согласно этой модели, основой поведения субъектов выступает прагматический расчет и стремление к максимизации собственной полезности. Голос отдается за того кандидата или партию, чья программа сулит наибольшие экономические блага для самого избирателя или его группы. Человек анализирует политические предложения через призму личного бюджета, налогов, социальных гарантий и уровня жизни.

Кроме того, в рамках рационалистического метода объясняется феномен политического абсентеизма (неголосования). Порой свое политическое бездействие избиратель оправдывает с позиции нерационального соотношения затраченных усилий и конечного результата. Если вероятность того, что отдельный голос повлияет на итог выборов, стремится к нулю, а затраты времени на изучение кандидатов и поход на избирательный участок существенны, рациональный субъект предпочитает воздержаться.

Психосоциальный метод. Этот подход синтезирует влияние внешней среды и внутреннего мира личности. В соответствии с этим методом, особое внимание уделяется гражданской позиции, на которую оказывают влияние как политическая культура общества, так и экономическая составляющая. Основу метода составляет положение о том, что устойчивый избирательный и политический интерес формируется у индивида в прямой зависимости от его оценки текущих экономических факторов: стабильности работы, качества жизни, уверенности в завтрашнем дне.

Психосоциальный метод подчеркивает важность эмоциональной связи с партией или лидером (партийная идентификация), которая формируется под воздействием жизненного опыта. Если гражданин ассоциирует свое благополучие с действиями конкретных политических сил, его поведение будет определяться не только рациональным расчетом, но и глубокими психологическими установками доверия или недоверия, сложившимися под влиянием социально-экономической среды.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что важнейшим условием формирования зрелого электорального поведения является политическая социализация. Это сложный, многогранный процесс, в ходе которого индивид не просто пассивно впитывает внешние воздействия, но и формирует собственную точку зрения на политическую жизнь общества, стремясь к независимости от манипулятивных факторов. Политическая социализация позволяет человеку трансформировать внешние социальные импульсы и экономические условия во внутренние убеждения. Результатом этого процесса становится гражданская позиция, которая может проявляться как в активной общественной деятельности и поддержке демократических институтов, так и в совершенно ином, специфическом взгляде на политику, основанном на критическом мышлении и личном опыте.

Научные результаты и дискуссия. Какой выбор делает молодое поколение, можно проследить из опросов, проведенным Фондом «Общественное мнение». Практически 40% опрошенных объясняют неучастие в выборах тем, что считают данную процедуру практически неэффективной, что их голос не может изменить политическую ситуацию. С каждым годом число заинтересованных избирательным процессом становится меньше людей, а молодежный абсентеизм продолжает расти.

Пассивность молодежи можно объяснить следующим: сейчас индивиды меньше думают о глобальных проблемах, меньше заглядывают в будущее, живут одним днем и сосредотачиваются на мелких бытовых проблемах. Также молодое

поколение считает, что может повлиять на положение в стране только сосредоточением на себе, осуществляя собственную реализацию в сети, таким образом интересы молодежи и государства сильно расходятся, практически не находя точек соприкосновения. Скептическое отношение к власти и государственному аппарату выражается в сомнениях к проводимой политике.

Еще имеет место процесс социализации, протекающий у каждого человека. Но у кого-то социализация несет отрицательное воздействие, что находит выражение в девиантном поведении, нежелательном окружении, где человек теряет себя. Подобная категория людей склонна обвинять в своих невзгодах власть и политику, негативно настраивая окружение.

Также снижает процент электорального поведения привлечение молодежи к избирательному процессу с целью получения пользы, т.е. организации разными способами «заманивают» молодой сегмент, чтобы продемонстрировать, что в их кампании приняло участие молодое поколение, а также получить необходимый процент голосов. Такие уловки способствуют подрыванию доверия и складыванию неположительного мнения о политических мероприятиях.

Существенной проблемой в данном вопросе является то, что нет определенного вектора в становлении молодежной политики. Государство не направляет молодое поколение на политическое осознание действительности, из-за этого индивиды не чувствуют ответственности за государство, формируется политическая неграмотность и как следствие политический абсентеизм. Чтобы преодолеть подобную тенденцию ведущие политические партии создают небольшие «ответвления» от своих основных организаций, куда активно вовлекают молодое поколение, где проводят тематические мероприятия, организуют участие в дебатах и форумах, оказывают поддержку для реализации молодых проектов, занимаются волонтерской деятельностью. Наиболее популярные: «Время молодых», «Молодая гвардия Единой России», «Молодежное Яблоко» (Садырова, 2020: 668).

Молодежный абсентеизм является масштабной проблемой, требующей решения со стороны государства. Например, симулировать политическую и правовую грамотность путем привлечения к политической деятельности, активного обсуждения проблем неучастия молодежи в избирательных программах. Проводить внедрение в сознание индивидов при помощи средств массовой информации, с помощью телевизионных программ, посвященных популярным политическим программам, действующим партиям и в основном ориентируясь на местное вещание.

Подтверждение выше сказанного можно увидеть в трудах социологов Н. Г. Осипова и С. О. Елишева. Авторы указывали, что молодежь будет заинтересована в политической культуре только тогда, когда государство создаст достойные условия для самореализации и выражении своих потребностей. Результата можно достичь только в совместном взаимодействии (Пенделеев, 2023: 777).

Набирает популярность идея введения основ политической культуры в студенческое обучение, т.к. студенты выступают приоритетной группой, участвующей непосредственно в выборах. Педагогам предлагается, с помощью определенных методик, осуществлять политическую социализацию студентов, постепенно приобщая их к этой деятельности.

Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года №2233-р, закрепляется «молодежная политика», направленная на всестороннюю поддержку молодежи в возрасте от 0 до 29 лет. «Молодежная политика» осуществляет работу местных органов, организаций, занимающимися вопросами молодежи. Через органы государство выделяет необходимые гарантии и поднимает вопросы безработицы. Углублению вектора «молодежной политики» способствует синтез политических деятелей и форм досуга современной молодежи, таким образом, привлекая больше желающих и вызывая интерес.

По своей сути методы государства, направленные на повышение политической культуры сводятся к двум видам: в качестве составной части системы программного продукта; в виде политических инструментов.

Цель государственных методов – воздействие на общественность путем подачи большого объема данных (СМИ, агитационные мероприятия, митинги). Также сюда можно отнести специальное выделение из числа кандидатов «приоритетного» индивида, выделяя, например, ему большего экранного времени.

Вместе с тем в современном обществе действенным способом воздействия будет считаться Интернет, т.е. использовать то средство, которое присутствует на постоянной основе у молодого поколения. Создание специальных сообществ с политической направленностью или с небольшим политическим подтекстом. Примерами могут служить организации «Молодая гвардия» и «Стоп-Хам» (Кузнецова, 2019: 210).

Если обратиться к опыту зарубежных стран, то некоторые страны специально вводят в своих странах обязательное голосование, юридический вотум. За игнорирование этого требования на индивидов налагаются штрафы. Но введение вотума не может гарантировать полной сознательности граждан в политическом вопросе.

Также вводят определенное стимулирование за посещение выборов. Так, в Латинской Америке за посещение выборов избирателям раздавались бесплатные подарки. Примером поощрения в Российской Федерации выступает конкурс «Выборы в объективе», который проходил в Стерлитамаке в 2024 году. Чтобы получить желанные подарки (телевизор, умную колонку) нужно было просто сделать фотографию со своим голосом или на фоне избирательного участка.

Заключение. Делая вывод из выше сказанного, можно предложить следующие меры стимулирования электорального поведения:

- создание новых дисциплин, направленных на закладывание основ политической деятельности;
- способствовать внедрению мероприятий и форумов, для популяризации молодежной активности;

- преподавательский состав и сами образовательные учреждения должны предварительно информировать о дате и месте проведения выборов и референдумов, обозначая значимость каждого человека в голосовании;
- проводить внеурочные занятия непосредственно в зданиях органов власти, закрепляя материал на практике;
- проводить мониторинг наиболее заинтересованных инициативных студентов и рекомендовать их в органы молодежного самоуправления.

Список литературы

- Кузнецова Т. Д. Направления повышения политической активности молодежи Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 51 (289). С. 210-212. EDN: TGNTDA.
- Моисеенко Н. А. Электоральное поведение молодежи: управленческий аспект // Экономика. Социология. Право. 2020. № 2 (18). С. 80-89. EDN: KZDDEL.
- Пенделеев А. М., Цветков С. А. Роль и специфика политической активности молодежи в современном обществе // Экономика и социум. 2023. № 10 (113)-2. С. 775-779. EDN: ZMHDAU.
- Россель, Н. В. Проблема отношения студентов к активному участию в политической жизни на современном этапе развития общества // АНИ: педагогика и психология. 2024. № 4 (49). С. 143-146. EDN: LHVNKJ
- Садырова М. Ю. Проблема избирательной активности российской молодежи // Молодой ученый. 2014. № 3 (62). С. 667-669. URL: <https://moluch.ru/archive/62/9457> (дата обращения: 20.01.2026).

МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА ПРОФЕССИИ ВЫПУСКНИКОВ МЕДИЦИНСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Шаповалов Данил Александрович

студент первого Медицинского факультета, Карлов университет (Прага, Чехия)
danchikbelshap@gmail.com

Научное руководство

Шаповалова Инна Сергеевна

доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации
работы с молодежью ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») (Белгород, Россия)
shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты вторичного анализа социологического исследования профессиональной мотивации выпускников медицинских образовательных учреждений Белгородской области (N=1224). Актуальность темы обусловлена кадровым дефицитом в здравоохранении и необходимостью сохранения устойчивой мотивации у молодых специалистов в условиях трансформации ценностных ориентаций поколения Z. Цель работы – определить специфику, динамику и риски трансформации мотивации у трех групп респондентов: выпускников медицинского колледжа, медицинского института и ординатуры. Эмпирически установлено, что наиболее устойчивую прагматическую мотивацию демонстрируют выпускники колледжа, ориентированные на стабильность и заботу о близких. Выпускники института переживают наиболее глубокий мотивационный кризис, характеризующийся двукратным снижением альтруистических установок (с 73,2% до 36,9%). Ординаторы представляют группу сформировавшихся профессионалов с доминированием мотивов самосовершенствования (61,3%) и ответственности (51,6%), однако ценой профессионального взросления становится снижение гуманистической составляющей профессии. Выявлен общий тренд девальвации альтруизма и замещения внешних социальных мотивов внутренними профессиональными установками. Сформулированы прогнозы для медицинской отрасли и практические рекомендации, направленные на удержание кадров и коррекцию мотивационных деформаций на разных этапах профессиональной подготовки.

Ключевые слова: профессиональная мотивации; будущие медики; медицинская профессия; медицинские образовательные учреждения

MOTIVATION FOR CHOICE OF PROFESSION FOR GRADUATES OF MEDICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Danil A. Shapovalov

Student, First faculty of medicine Charles university (Prague, Czech Republic)
danchikbelshap@gmail.com

Academic supervisor

Inna S. Shapovalova

Doctor of sociological sciences, associate professor, head of the department of sociology
and youth work Belgorod state national research university (NRU “BelSU”) (Belgorod, Russia)
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. The article presents the results of a secondary analysis of a sociological study on the professional motivation of graduates from medical educational institutions in the Belgorod region

(N=1224). The relevance of the topic is determined by the personnel shortage in healthcare and the need to maintain sustainable motivation among young professionals amidst the transforming value orientations of Generation Z. The aim of the work is to identify the specifics, dynamics, and risks of motivation transformation in three groups of respondents: graduates of medical colleges, medical institutes, and residency programs. It has been empirically established that the most stable pragmatic motivation is demonstrated by college graduates, who are oriented towards stability and caring for relatives. Institute graduates experience the deepest motivational crisis, characterized by a twofold decrease in altruistic attitudes (from 73.2% to 36.9%). Residents represent a group of established professionals with a predominance of motives for self-improvement (61.3%) and responsibility (51.6%); however, the cost of professional maturation is a decline in the humanistic component of the profession. A general trend of altruism devaluation and the replacement of external social motives with internal professional attitudes has been revealed. Forecasts for the medical sector and practical recommendations aimed at retaining personnel and correcting motivational deformations at different stages of professional training are formulated.

Keywords: professional motivation; future doctors; medical profession; medical educational institutions

Введение. Актуальность изучения мотивации выбора профессии выпускниками медицинских образовательных учреждений обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов социально-экономического, демографического и институционального характера, находящихся в фокусе современной социологической науки.

Во-первых, система здравоохранения в условиях постиндустриального общества выступает ключевым институтом, обеспечивающим воспроизводство человеческого капитала и национальную безопасность. В этой связи качество кадрового потенциала отрасли приобретает стратегическое значение. Выпускники медицинских вузов и колледжей являются основным источником пополнения врачебного и среднего медицинского персонала, однако их профессиональные ориентации и карьерные траектории формируются под влиянием динамично меняющейся социальной реальности.

Во-вторых, в современной России наблюдается перманентная дискуссия о кадровом дефиците в первичном звене здравоохранения и в сельской местности. В этой связи исследование мотивационной структуры будущих медиков позволяет выявить глубинные причины диспропорций на рынке медицинского труда. Анализ того, что движет абитуриентом и студентом – престиж профессии, альтруистические установки, ориентация на материальный достаток или внешние обстоятельства – дает возможность прогнозировать не только уровень «отсева» молодых специалистов, но и их готовность работать в конкретных сегментах медицинской помощи.

В-третьих, социологический ракурс проблемы заключается в трансформации ценностных ориентаций поколения Z (и частично «альфа»), которое сегодня приходит в медицинские учреждения. Для этой когорты характерны иные паттерны трудового поведения: высокий запрос на баланс между жизнью и работой, цифровизацию труда, горизонтальную карьеру и быструю самореализацию. Столкновение традиционных (патерналистских, жертвенных) моделей медицинской профессии с новыми социальными ожиданиями молодежи порождает противоречие, требующее научного осмысления.

Кроме того, актуальность темы усиливается необходимостью совершенствования механизмов профессионального отбора и воспитания в медицинских образовательных учреждениях. Понимание структуры мотивов позволяет скорректировать учебные программы и воспитательную работу таким образом, чтобы снизить риск профессионального выгорания на ранних этапах и укрепить морально-этическую составляющую будущей деятельности.

Таким образом, исследование мотивации выбора профессии выпускниками медицинских образовательных учреждений представляется своевременным, так как его результаты могут служить основой для выработки эффективной кадровой политики в здравоохранении, а также для оптимизации образовательного процесса с целью формирования устойчивого и компетентного кадрового корпуса отечественной медицины.

Целью статьи является определение динамики мотивации выпускников медицинских образовательных учреждений и установление особенностей мотивации и ее трансформации для выпускников медицинского колледжа, института и ординатуры.

Методология и методы. Изучение мотивации студентов медиков является востребованной темой для исследования. Так, интерес представляют исследования, сравнивающие мотивацию студентов, обучающихся на разных факультетах медицинских организаций, с разным основанием для поступления (платные и бесплатные) (Алексеев, Гайворонская, Дробот, 2020). Профессиональная мотивация студентов рассматривается и в контексте профессиональной идентичности будущих медицинских работников (Костикова, Сиваков, Илюшина, 2023), и с позиции профессионального самоопределения (Новикова, Потапова, Сахно, Колтунцева, 2023; Золин, Иудин и др., 2023). Проблема потери профессиональной мотивации или ее недостаточной выраженности рассматривается и как задача в рамках реализации программы служения в медицинских образовательных учреждениях (Прохорова, Чепьюк, Мазанова, Бряндинская, Немирова, 2024).

В 2021 и 2023 годах в Белгородской области были проведены исследования по проблеме удержания и повышения качества медицинских кадров в региональном воспроизводстве. Исследования включали в себя несколько этапов: на первом были проведены фокус-группы с выпускниками медицинского института, на втором реализован массовый опрос с выпускниками медицинского колледжа, специалистами и ординаторами медицинского института, на третьем – опрос выпускников учащихся профильных медицинских классов Белгородской области. Исследования были проведены по стихийной выборке, всего приняло участие в 2021 году 1027 человек, в 2023 – 1224. В рамках этих опросов были рассмотрены первичные и итоговые мотивы выбора профессии для всех исследовательских когорт. В данной статье мы предлагаем вторичный анализ данных по вопросу профессиональной мотивации выпускников медицинских учреждений (с использованием данных опроса 2023 года). Результаты первичного анализа данных исследования 2021 года можно посмотреть в

публикациях научного коллектива (Шаповалова и др., 2023; Шаповалова, Бовкунова, Шаповалов, 2021).

Научные результаты и дискуссия. На основе данных исследования была определена специфика мотивации для каждой образовательной группы респондентов (выпускников медицинских колледжей, медицинского института и ординатуры), произведен сравнительный анализ их мотивационных профилей, проанализированы изменения мотивации для каждой группы при поступлении в образовательное учреждение и при его окончании. Итогом анализа стало определение рисков трансформации профессиональной мотивации будущих медицинских работников.

Таблица

Профессиональная мотивация выпускников медицинских образовательных учреждений

Мотивация выпускников	Выпускники медицинского колледжа		Выпускники медицинского института		Выпускники ординатуры	
	Первичная мотивация	Мотивация на момент выпуска	Первичная мотивация	Мотивация на момент выпуска	Первичная мотивация	Мотивация на момент выпуска
Желание помогать людям, облегчить страдания	64,7	43,6	73,2	36,9	72,6	42,8
Желание лечить людей	59,7	45,5	67,8	40	66,7	48,7
Напряженный труд врача	34	30,9	36,9	31,7	22,3	41,2
Высокая степень ответственности врачей	46,3	40,5	45,7	46	39,9	51,6
Творческий характер профессии	42	35,3	43,9	40,5	48,1	41,8
Необходимость постоянного самосовершенствования, развития	52,4	46,6	53,2	49,6	50	61,3
Престижность профессии врача	54,1	40,7	65,5	39,5	62,3	39
Мечта детства	54,7	27,8	59,5	25,5	59,4	23,9
Чувство превосходства, которое дает профессия чувство персональной власти, образ «дарящего и спасающего жизнь»	38,2	26,9	39	29,9	33,6	21,4
Желание решать научные медицинские проблемы	41,7	39,7	42,6	43,9	40,6	43,4
Стабильность заработка и материальный достаток	45,1	44	54	41	44	48,1
Продолжение семейной традиции	29,6	19,2	35,1	19,7	30,5	18,9
Возможность заботиться о своем здоровье и здоровье своих близких	54,5	49,1	65,5	46,5	55,3	54,4
Склонность к определенному виду деятельности (к освоению естественно-научным дисциплинам)	44	37,6	51,9	38,7	47,5	34
Тяжелая болезнь у кого-то из близких	26,3	18	29,1	14,8	21,4	10,7
Пожелание родителей (близких)	37	24,2	44,4	18,2	40,6	13,2
Совет учителей, друзей, знакомых	28,2	18	30,9	13,5	23,6	10,7
Случайный выбор, стечение обстоятельств	28	20,5	30,1	10,1	25,5	9,4

Анализ специфика мотивации для каждой группы респондентов на момент их выпуска из образовательных учреждений показал существующие мотивационные акценты.

Так, для выпускников колледжа характерна прикладная и социально-ориентированная мотивация, доминирующие мотивы «Возможность заботиться о своем здоровье и здоровье близких» (49,1%), «Необходимость постоянного самосовершенствования» (46,6%), «Желание лечить людей» (45,5%). Эта группа сохраняет наиболее высокий уровень альтруизма среди всех респондентов на финише обучения. Мотив «Желание помогать людям» (43,6%) у них выше, чем у выпускников института (36,9%). При этом они наиболее прагматичны в отношении стабильности: мотив «Стабильность заработка» (44,0%) у них значимо выше, чем у будущих врачей (41,0%). Интересно, что у них самый низкий интерес к «творческому характеру профессии» (35,3%), что подтверждает ориентацию на четкое исполнение функций.

Выпускники медицинского института являются самой кризисной группой с точки зрения мотивации. На момент выпуска у них фиксируется максимальное разочарование. Доминирующие мотивы: «Необходимость постоянного самосовершенствования» (49,6%); «Высокая степень ответственности» (46,0%); «Возможность заботиться о близких» (46,5%). У этой группы самое резкое падение практически по всем альтруистическим мотивам. «Желание помогать людям» упало до минимума (36,9% самый низкий показатель среди всех групп на выходе). Мотив «престижности» также снизился до минимума (39,5%). При этом они выше других оценивают «творческий характер» (40,5%) и «научные проблемы» (43,9%), что говорит о сохраняющемся интересе к интеллектуальной составляющей, но не к «обслуживанию» как таковому.

Мотивация ординаторов является профессионально-зрелой и ответственной. Доминирующие мотивы: «Необходимость постоянного самосовершенствования» (61,3% – абсолютный максимум по таблице), «Возможность заботиться о близких» (54,4%), «Высокая степень ответственности» (51,6%). Это единственная группа, где мотивация к самосовершенствованию выросла по сравнению с первичной (с 50,0% до 61,3%). Они наиболее остро ощущают тяжесть труда: мотив «Напряженный труд врача» вырос у них с 22,3% до 41,2% (максимальный прирост). При этом у них резко упали внешние мотивы («пожелание родителей» – до 13,2%, «случайный выбор» – до 9,4%), что говорит о высокой осознанности выбора.

Сравнительный анализ групп между собой показывает следующие вектора расхождений:

- по уровню альтруизма: на выходе альтруизм (помощь людям) выше всего у выпускников колледжа (43,6%), затем у ординаторов (42,8%), и катастрофически низок у выпускников института (36,9%);

- по осознанности выбора: случайный выбор минимален у ординаторов (9,4%) и максимален у выпускников колледжа (20,5%). Это логично: ординатура – уже результат сложного профессионального отбора;

– по восприятию ответственности: наибольшую ответственность чувствуют ординаторы (51,6%), наименьшую – выпускники колледжа (40,5%), что соответствует их будущим должностным обязанностям (фельдшер / медсестра vs врач-специалист);

– по материальному фактору: наибольшую важность стабильность заработка представляет для ординаторов (48,1%) и выпускников колледжа (44,0%), наименьшую – для выпускников института (41,0%), которые, вероятно, еще не до конца осознали реалии рынка труда или надеются на «высокий» статус врача.

Анализ изменения мотивации (при поступлении и при окончании медицинского образовательного учреждения) позволил определить существующие тренды. Так, выпускники колледжа демонстрируют тренд на умеренное снижение по всем аспектам мотивации. Но падение мотивации здесь самое плавное. Сильнее всего упала «Мечта детства» (-26,9%) и «Желание помогать людям» (-21,1%). Однако мотив «Заботы о близких» снизился незначительно (-5,4%), а «Стабильность заработка» почти не изменилась (-1,1%). Это говорит о том, что студенты колледжа приходят с идеалами, а уходят с прагматичным пониманием своей роли как стабильной опоры для семьи.

Выпускники института скорее показывают тренд на кризисное обрушение идеалистических мотивов. Это группа с максимальной амплитудой падения статистических показателей. «Желание помогать людям» рухнуло на 36,3% (с 73,2% до 36,9% – это самое сильное падение в таблице). «Мечта детства» потеряла 34%, престиж упал на 26%. Единственные мотивы, которые выросли – «Желание решать научные проблемы» (+1,3%) и «Ответственность» (+0,3%). Студенты института разочаровываются в «помощи людям» как в процессе, но начинают ценить интеллектуальный вызов и осознавать груз ответственности.

Выпускники ординатуры фиксируются на тренде профессионального взросления и роста реализма. Уникальность данной группы заключается в том, что в падении показателей мотивации наблюдается ее переструктурирование. Резко вырастает понимание «Напряженности труда» (+18,9%) и «Необходимости самосовершенствования» (+11,3%). Выпускники ординатуры понимают, что медицина – это тяжелый труд, и это требует постоянного развития. При этом максимально отсеялись те, кто выбирал профессию «за компанию» (советы друзей упали на -12,9%, случайный выбор на -16,1%). Мотивация стала внутренней, а не внешней.

По итогам исследования удастся определить риски трансформации профессиональной мотивации для разных уровней проявления и управления.

Общие риски для отрасли:

– выгорание на входе. Данные показывают, что самые мотивированные и альтруистичные абитуриенты к моменту выпуска превращаются в самую разочарованную группу. Это прямой риск потери кадров в первые 1-3 года работы;

– девальвация альтруизма: падение мотива «помощи людям» во всех группах (в среднем на 20-30%) свидетельствует о том, что образовательная среда и социальные условия гасят гуманистический пафос профессии.

Риски для каждой группы выпускников:

– выпускники колледж: риск «застревания» в рутине. Высокий прагматизм и забота о семье при падении интереса к творчеству (35,3%) могут привести к формальному выполнению обязанностей без эмпатии;

– выпускники вуза: риск полной смены профессии или эмиграции. Это самая нестабильная группа. Они потеряли веру в «помощь людям», но сохранили амбиции к науке и творчеству. Если госсектор не предложит им научной карьеры, они уйдут в коммерцию или смежные области;

– выпускники ординатуры: риск «циничного профессионализма». Они осознали тяжесть труда (41,2%) и высокую ответственность (51,6%), но альтруизм у них тоже упал (-29,8%). Высокий запрос на зарплату (48,1%) в сочетании с пониманием тяжести труда может сформировать специалиста, который работает только за деньги, эмоционально отгораживаясь от пациентов.

В данной ситуации возможный прогноз для медицинской отрасли не является оптимистичным. Основываясь на динамике таблицы, можно спрогнозировать следующие сценарии развития кадровой ситуации: сужение «воронки» альтруизма (отрасль будет терять специалистов на этапе «институт – ординатура»); усиление кадрового голода в помогающих специальностях; рост требований к условиям труда. Данные таблицы демонстрируют классический кризис профессиональной социализации медиков. Наиболее уязвимым звеном являются выпускники медицинских институтов, чья мотивация подвергается наибольшей деформации. Стратегической задачей отрасли является не столько привлечение абитуриентов (их мотивация и так высока на входе), сколько удержание и реабилитация мотивации студентов старших курсов и выпускников через наставничество, достойную оплату труда и возможность профессионального роста.

Заключение. Проведенное исследование профессиональной мотивации выпускников медицинских образовательных учреждений позволяет сделать ряд принципиальных выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, подтверждено, что мотивационная структура будущих медицинских работников не является гомогенной и претерпевает существенные изменения в зависимости от уровня образования (колледж, институт, ординатура). Эмпирически зафиксировано, что выпускники медицинского колледжа демонстрируют наиболее устойчивую прагматическую мотивацию, ориентированную на стабильность и заботу о близких, в то время как выпускники института переживают наиболее глубокий мотивационный кризис, характеризующийся резким падением альтруистических установок. Ординаторы, в свою очередь, представляют группу сформировавшихся профессионалов с доминированием мотивов самосовершенствования и осознания ответственности, но с существенно сниженным уровнем эмпатического отношения к пациентам.

Во-вторых, выявлена устойчивая тенденция к снижению первичной альтруистической мотивации во всех исследуемых группах. Наиболее

драматичная динамика наблюдается у выпускников института, где мотив «желание помогать людям» снижается более чем в два раза (с 73,2% до 36,9%). Это свидетельствует о том, что процесс профессиональной социализации в медицинских образовательных учреждениях сопряжен с разочарованием и утратой идеалистических представлений о профессии, что создает предпосылки для последующего эмоционального выгорания.

В-третьих, установлено, что к моменту окончания ординатуры происходит качественная трансформация мотивационной структуры: внешние социальные мотивы (престиж, пожелания родителей, советы знакомых) замещаются внутренними профессиональными (необходимость развития, осознание ответственности, напряженность труда). Это позволяет говорить о формировании зрелой профессиональной идентичности, однако ценой такой зрелости становится значительное снижение гуманистической составляющей профессии.

Таким образом, основное противоречие современного медицинского образования заключается в том, что, сохраняя высокий конкурс и привлекая абитуриентов с выраженными альтруистическими установками, система не в состоянии сохранить и укрепить эти установки в процессе обучения, что в долгосрочной перспективе угрожает качеством медицинской помощи и кадровой стабильностью отрасли.

На основании полученных результатов исследования представляется целесообразным внедрение следующих мер, адресованных различным субъектам медицинской образовательной и управленческой системы:

1. Для органов управления здравоохранением и региональных властей:

– дифференцированная кадровая политика: разработать меры поддержки с учетом специфики каждой группы (для выпускников колледжей – акцент на социальные гарантии и стабильность занятости, для выпускников институтов – создание «буферных» программ наставничества и психологической адаптации в первый год работы, для ординаторов – обеспечение доступа к сложным клиническим случаям и научной деятельности);

– пересмотр системы оплаты труда: учитывая высокий запрос на стабильность заработка у ординаторов (48,1%) и выпускников колледжа (44,0%), необходимо обеспечить прозрачные и конкурентные механизмы формирования дохода на старте карьеры, привязанные не только к нагрузке, но и к качеству коммуникации с пациентом.

2. Для администрации медицинских образовательных учреждений:

– мониторинг мотивационного выгорания: внедрить регулярный (ежегодный) социологический мониторинг мотивационной структуры студентов, начиная с 3-го курса, с целью выявления групп риска и точек мотивационного спада. Особое внимание уделить студентам 5-6 курсов, где зафиксирован максимальный кризис;

– программы психологической поддержки: создать системы психологического консультирования и групп поддержки для студентов старших курсов, сталкивающихся с феноменом «разрыва ожиданий и реальности»;

– развитие наставничества: актуализировать институт наставничества, где роль наставников выполняют не только преподаватели, но и успешные практикующие врачи (в том числе выпускники ординатуры), способные транслировать позитивные модели профессиональной самореализации.

3. Для профессорско-преподавательского состава:

– рефлексия гуманистической составляющей: при сохранении высоких требований к академическим знаниям, усилить воспитательный компонент, направленный на поддержку и развитие эмпатии. Использовать методы разбора клинических случаев с акцентом не только на диагноз, но и на коммуникацию с пациентом и его семьей;

– корректировка учебных программ: интегрировать в учебные курсы модули по профилактике профессионального выгорания и управлению эмоциональными ресурсами.

4. Для молодых специалистов и студентов:

– осознанное планирование карьеры: рекомендуется более тщательно подходить к выбору узкой специализации, сверяя свои ожидания («помощь людям») с реальными условиями труда в выбранной сфере еще на этапе обучения (через волонтерство, работу младшим персоналом);

– развитие рефлексивных навыков: вести дневники профессионального развития, участвовать в баллинтовских группах (группах разбора сложных случаев взаимодействия с пациентами) для профилактики цинизма и сохранения внутренней мотивации.

Реализация предложенных мер будет способствовать не только сохранению кадрового потенциала отрасли, но и повышению качества медицинской помощи через формирование специалистов, мотивированных не только материально и статусно, но и внутренне, на основе ценностей гуманизма и профессиональной этики.

Список литературы

Алексеев С. Н., Гайворонская Т. В., Дробот Н. Н. Мотивация обучения в вузе – формирование готовности студентов-медиков к профессиональной деятельности // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 3. С. 1. DOI: 10.17513/spno.29690. EDN: TYUEDU.

Золин И. Е., Иудин А. А., Иудин Д. И., Иудин А. И. Желательные виды будущей профессиональной деятельности студентов-медиков // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2023. Т. 14, № 2 (50). С. 85-106. DOI: 10.33029/2220-8453-2023-14-2-85-106. EDN: QCPWNF.

Костикова Л. П., Сиваков М. А., Илюшина А. В. Формирование Профессиональной идентичности: предпочтения и оценки студентов медицинского вуза // Перспективы науки и образования. 2023. № 2 (62). С. 85-101. DOI: 10.32744/pse.2023.2.5. EDN: NFHWER.

Новикова Т. О., Потапова Е. А., Сахно Л. В., Колтунцева И. В. Особенности профессионального самоопределения студентов медицинского вуза // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2023. Т. 14, № 4 (52). С. 84-97. DOI: 10.33029/2220-8453-2023-14-4-84-97. EDN: DCQBPQ.

Прохорова М. В., Чепьюк О. Р., Мазанова А. Е., Бряндинская Н. Г., Немирова С. В. Обучение служением в медицинском вузе: основные подходы к проектированию дисциплины // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 8-9. С. 42-62. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-42-62. EDN: CUYLZV.

Шаповалова И. С., Бовкунова А. В., Шаповалов А. А. Проблема регионального воспроизводства медицинских кадров // В книге: Национальные социально-экономические системы в условиях перехода к новому технологическому укладу / Болотова И. С., Бовкунова А. В., Божков Ю. Н., Веселовский М. Я., Вершинин А. А., Галкина С. М., Гриненко Г. П., Денисова Е. Д., Дубровина Т. А., Зунтова И. С., Климов А. В., Колпакова Е. В., Кононенко Р. В., Кочина С. К., Куприянов С. В., Медведев И. П., Михайлов Ю. И., Орлова В. А., Пашков М. В., Роздольская И. В. и др. Белгород, 2021. С. 263-276.

Шаповалова И. С., Хашаева С. В., Чернышева Е. А., Благорожева Ж. О., Валиева И. С. Трудовые стратегии выпускников медицинских образовательных учреждений: прогнозируемые риски медицинской отрасли // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 774-783. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783. EDN: BXRXBO.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТУДЕНТОВ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Шаповалов Мирон Александрович

студент Института экономики и управления
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский
университет» (НИУ «БелГУ») (Белгород, Россия)
1622201@bsuedu.ru

Научное руководство

Шаповалова Инна Сергеевна

доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации
работы с молодежью ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») (Белгород, Россия)
shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического анализа предпринимательского потенциала студентов управленческих направлений подготовки в контексте сравнительного исследования с другими профилями высшего образования. Эмпирическую базу составляют данные мониторинга «Социальные стратегии молодежи», проведенного Международным центром социологических исследований НИУ «БелГУ» в 2025 году (N=1269 студентов). На основе компаративного анализа выявлена специфика предпринимательских ориентаций будущих управленцев, характеризующаяся диверсификацией интересов, наличием реального опыта предпринимательской деятельности в сферах услуг и самозанятости, а также высокими стратегическими амбициями в сегментах крупного и среднего бизнеса. Зафиксировано ключевое противоречие между масштабом предпринимательских планов и текущим уровнем ресурсной обеспеченности студентов. Определены зоны недооцененного потенциала (социальное предпринимательство, крафтовые производства). Сформулированы практические рекомендации по развитию предпринимательского потенциала студентов управленческих направлений, включающие институционализацию проектного обучения, развитие компетенций для новых секторов экономики, создание системы ступенчатого входа в бизнес и психолого-педагогическое сопровождение предпринимательских стратегий.

Ключевые слова: студенческая молодежь; предпринимательские стратегии; предпринимательский потенциал; бизнес; управленческие направления подготовки

ENTREPRENEURIAL POTENTIAL OF STUDENTS IN MANAGEMENT

Miroń A. Shapovalov

Student, Institute of economics and management
Belgorod state national research university (NRU “BelSU”) (Belgorod, Russia)
1622201@bsuedu.ru

Academic supervisor

Inna S. Shapovalova

Doctor of sociological sciences, associate professor, head of the department
of sociology and youth work
Belgorod state national research university (NRU “BelSU”) (Belgorod, Russia)
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological analysis of the entrepreneurial potential of students in management fields of study in the context of a comparative study with other

higher education profiles. The empirical base comprises data from the monitoring survey “Social Strategies of Youth” conducted by the International Center for Sociological Research of Belgorod State National Research University in 2025 (N=1200 students). Based on comparative analysis, the specific nature of entrepreneurial orientations of future managers is revealed, characterized by diversification of interests, presence of real entrepreneurial experience in the service sector and self-employment, as well as high strategic ambitions in the segments of large and medium-sized businesses. A key contradiction between the scale of entrepreneurial plans and the current level of students' resource provision is recorded. Areas of underestimated potential (social entrepreneurship, craft production) are identified. Practical recommendations for developing the entrepreneurial potential of management students are formulated, including the institutionalization of project-based learning, development of competencies for new economic sectors, creation of a staged entry system into business, and psychological and pedagogical support for entrepreneurial strategies.

Keywords: student youth; entrepreneurial strategies; entrepreneurial potential; business; management training areas

Введение. Актуальность изучения предпринимательского потенциала студентов управленческих направлений подготовки обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов макро-, мезо- и микросоциологического уровней, находящихся в фокусе современной социологической науки.

Во-первых, на макроуровне в условиях турбулентности глобальной экономики, смены технологических укладов и посткризисной трансформации рынка труда возрастает запрос на субъектов экономического действия, способных к генерации инноваций, принятию нестандартных решений и самостоятельной организации занятости. Предпринимательство рассматривается не только как драйвер экономического роста, но и как механизм социальной стабильности и мобильности. В этом контексте студенческая молодежь, обладающая высоким адаптационным потенциалом, выступает ключевым агентом будущих социально-экономических изменений.

Во-вторых, актуальность темы детерминирована противоречием на институциональном уровне. С одной стороны, система высшего образования, в особенности управленческие направления подготовки (менеджмент, государственное и муниципальное управление, управление персоналом), декларирует цель формирования лидерских качеств и предпринимательских компетенций, зафиксированную в образовательных стандартах. С другой стороны, сохраняется разрыв между академическими знаниями, транслируемыми студентам, и реальными практиками конструирования предпринимательской карьеры. Социологический анализ позволяет выявить, в какой степени институт образования справляется с функцией формирования готовности к инновационной экономической деятельности, и какие социальные механизмы препятствуют или способствуют реализации этого потенциала.

В-третьих, на микросоциологическом уровне актуальность исследования связана с изучением ценностно-мотивационной структуры современного поколения студентов (т.н. «поколения Z» и нарождающегося «поколения Альфа»). Выбор управленческих специальностей имплицитно предполагает

наличие у студентов амбиций к лидерству и управлению ресурсами. Однако эмпирическое социологическое измерение позволяет дифференцировать истинный предпринимательский потенциал (включающий склонность к риску, инновационность, локус контроля, потребность в автономии) от формальных карьерных ожиданий, ориентированных на занятие стабильных позиций в корпоративной или государственной иерархии (наемный менеджмент). Выявление этих латентных установок является важной задачей для прогнозирования траекторий профессиональной социализации выпускников.

В-четвертых, теоретическая актуальность темы обусловлена необходимостью уточнения самого понятия «предпринимательский потенциал» применительно к социальной группе студентов. В современной социологии управления и экономической социологии происходит отход от узкоэкономического понимания предпринимательства как исключительно процесса создания коммерческих предприятий. Акцент смещается в сторону изучения предпринимательского духа как набора социальных и личностных характеристик, востребованных в любом сегменте профессиональной деятельности («интрапренерство»). Социологический анализ позволяет операционализировать данное понятие и выявить его специфику именно у будущих управленцев, чья профессиональная роль связана с организацией деятельности других людей.

Таким образом, исследование предпринимательского потенциала студентов управленческих направлений подготовки является актуальным как для развития теоретических положений социологии молодежи, социологии образования и экономической социологии, так и для выработки практических рекомендаций по оптимизации образовательных программ и молодежной политики, направленных на поддержку инновационной активности подрастающего поколения.

Методология и методы. Несмотря на актуальность обозначенной темы для перспектив экономической политики государства, в научном дискурсе не так часто встречаются исследования, посвященные этому вопросу. Безусловно, наибольшую значимость представляют исследования, посвященные выявлению проблем включения молодежи в предпринимательские стратегии (Касьянов, Самыгина, Чупрытников, 2024), но чаще в научном поле можно видеть исследования отношения молодежи к конкретному виду бизнеса (Павленина, Селеткова, Левченко, 2024; Дикун, Ермакова, 2023). Ученые озабочены также повышением ориентации молодежи на предпринимательские стратегии (Моисеева, 2022) и включении в этот процесс образовательных учреждений (Грабельных, 2024).

Начиная с 2018 года Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета проводится мониторинг «Социальные стратегии молодежи». В рамках данного мониторинга производится замер 12 социальных стратегий, для каждой из которых диагностируются данные по диспозициям, типологии молодежи, ее жизненным стратегиям, факторным моделям принятия решений и

барьерам реализации стратегий, оценке направлений ГМП, поддерживающих стратегию, а также определение ключевых проблем территории, которые становятся барьером развития социальной стратегии. Результаты предыдущих лет исследований можно посмотреть в публикациях коллектива (Благорожева, Шаповалова, 2025; Шаповалова, Балгорожева, 2025; Шаповалова, Ковальчук, 2025; Шаповалова, 2025; Шаповалова, Заводян, 2024; Балгорожева, Шаповалова, 2024; Шаповалова, 2024; Шаповалова, Валиева, 2024; Шаповалова, Хашаева, Чернышева, Благорожева, Валиева, Шаповалова, 2023а; Шаповалова, 2023б, Кисиленко, Шаповалова, 2023; Саморегуляция в молодежной среде..., 2022; Шаповалова, 2021а; Шаповалова, 2021b; Шаповалова, Заводян, 2021; Шаповалова, Генкин (Филонова), 2019; Шаповалова, Кисиленко, 2018). В рамках системного мониторинга изучаются и экономические стратегии молодежи, где поднимается вопрос предпринимательского потенциала и включенности молодежи в предпринимательские практики. С позиции статьи интерес представляют сравнительные данные студентов различных направлений, включенных и ориентированных на тот или иной вид предпринимательства, в контексте сравнения со студентами управленческих направлений подготовки, как потенциально обладающих большими компетенциями к реализации предпринимательских стратегий.

В статье будут рассмотрены результаты мониторинга по этому вопросу за 2025 год (количество участников в опросе 5000), и проанализированы данные подвыборки студенческой молодежи Белгородского государственного национального исследовательского университета (N=1269), осуществлен компаративный анализ предпринимательских установок студентов семи укрупненных групп направлений подготовки: юридического, управленческого, инженерного и цифрового, медицинского, естественно-научного, педагогического и гуманитарного профилей.

Научные результаты и дискуссия. Ориентация студентов разных направлений подготовка была проанализирована в сравнительном аспекте к студентам управленческих направлений подготовки. Определен предпринимательский потенциал будущих управленцев и обозначены риски и возможности для них, исходя из существующих показателей предпринимательской активности и устремлений.

Проведенный анализ эмпирических данных позволяет зафиксировать значительную дифференциацию предпринимательских стратегий в зависимости от профиля подготовки, при этом студенты управленческих направлений демонстрируют специфическую модель предпринимательской активности, которая характеризуется следующими параметрами.

Студенты-управленцы выделяются на общем фоне наиболее диверсифицированной структурой текущего предпринимательского участия («имею сейчас»), показывая лидерство по широте охвата и текущей включенности в предпринимательские стратегии. Они присутствуют практически во всех сегментах малого предпринимательства: сфера услуг (2,1%),

торговля (2,1%), бизнес на основе самозанятости (3,1% – максимальный показатель среди всех групп), а также в «крафтовом» бизнесе (1%) и малом бизнесе в целом (2,1%). Данный факт свидетельствует о более раннем «входе» в экономическую самостоятельность и практико-ориентированном освоении предпринимательских ролей параллельно с учебной.

Таблица

Включенность в предпринимательские стратегии
студентов разных направлений подготовки

Виды предпринимательских стратегий		Студенты юридического направления	Студенты управленческих направлений	Студенты инженерных и цифровых направлений	Студенты медицинских направлений	Студенты естественно-научных направлений	Студенты педагогических направлений	Студенты гуманитарных направлений
Крупный бизнес	Имею сейчас	1,4	1	1,3	0,9	0	0,4	0
	Планирую в будущем	20,3	16,5	10,5	10	6,9	8,8	7,8
Средний бизнес	Имею сейчас	0	0	1,3	1,3	0	0	0
	Планирую в будущем	21,7	17,5	10,5	10,9	9,7	13,8	16,3
Малый бизнес	Имею сейчас	0	2,1	2,6	1,3	2,8	1,5	0
	Планирую в будущем	26,1	13,4	7,9	11,3	9,7	11,2	17,8
Производство	Имею сейчас	0	0	1,3	1,3	0	0,4	0
	Планирую в будущем	10,1	16,5	7,9	6,5	6,9	7,5	9,3
Торговля	Имею сейчас	0	2,1	1,3	1,7	0	1,3	0
	Планирую в будущем	21,7	17,5	9,2	7,4	8,3	9,1	15,5
Услуги	Имею сейчас	0	2,1	5,3	3,9	1,4	1,7	1,6
	Планирую в будущем	18,8	22,7	9,2	11,3	9,7	13,8	15,5
Бизнес на основе самозанятости	Имею сейчас	0	3,1	3,9	3,9	0	1,5	0,8
	Планирую в будущем	14,5	18,6	6,6	9,6	12,5	12,5	18,6
«Крафтовый бизнес»	Имею сейчас	0	1	1,3	1,3	0	0,4	0
	Планирую в будущем	15,9	11,3	1,3	6,5	6,9	5,8	8,5
Социальный бизнес	Имею сейчас	0	0	1,3	1,3	0	0,2	0,8
	Планирую в будущем	13	12,4	2,6	6,1	5,6	6,9	9,3

В сравнении с профильными группами, наиболее высокая предпринимательская активность в настоящем (в форме самозанятости и услуг) фиксируется у студентов инженерных и цифровых специальностей (5,3% – услуги; 3,9% – самозанятость), что, вероятно, связано с возможностью монетизации цифровых компетенций (фриланс, разработка). Студенты-управленцы, уступая им в отдельных нишах, демонстрируют наиболее сбалансированный портфель предпринимательских практик, осваивая как классические формы (торговля), так и современные (самозанятость).

По сравнению с будущими педагогами и гуманитариями, студенты управленческих направлений значительно чаще уже вовлечены в бизнес (2,1% против 1,5% и 0% соответственно по малому бизнесу) и демонстрируют более высокие показатели текущей занятости в сфере услуг и самозанятости. Это подтверждает гипотезу о том, что управленческая подготовка в большей степени мотивирует к немедленной апробации бизнес-моделей.

В рамках анализа данных нам удалось проанализировать и предпринимательский потенциал студентов управленческих направлений. Под предпринимательским потенциалом в данном контексте мы понимаем совокупность диспозиций, выражающихся в наличии действующего бизнеса и/или сформированных планах на его открытие в будущем. Анализ данных позволяет констатировать, что студенты управленческих направлений обладают высоким и качественно своеобразным предпринимательским потенциалом.

Будущие управленцы показывают высокий уровень «стратегических амбиций». По сумме планов на будущее (планирую в будущем) студенты-управленцы являются абсолютными лидерами или входят в топ-2 по большинству видов предпринимательства. Предпринимательский потенциал по сфере услуг 22,7% – максимальный показатель среди всех направлений. Это маркер ориентации на «экономику впечатлений» и низкобарьерные ниши, где ключевым ресурсом выступают коммуникативные и организационные способности, формируемые в процессе обучения. Также, молодые управленцы имеют наибольший показатель и в сфере производства – 16,5%. Данный факт контринтуитивен, так как производство требует инженерных компетенций. Однако он может свидетельствовать о понимании управленцами ценности реального сектора и их готовности выполнять в нем организующую функцию (не как технари, а как организаторы производства).

Один из самых высоких показателей – это потенциал в самозанятости (18,6%), что говорит о восприимчивости к гибким форматам занятости.

Фиксируется и преобладание активных стратегий над пассивными. В отличие от, например, студентов-юристов, у которых высокие показатели планирования сочетаются с нулевой текущей включенностью, управленцы демонстрируют связь «настоящее – будущее». Наличие действующего бизнеса у части студентов формирует эмпирическую базу для масштабирования деятельности, превращая абстрактные планы в более реалистичные проекты. Кроме того, присутствует и ориентация на средний и крупный бизнес. Студенты управленческих направлений показывают вторые по величине результаты в планировании крупного (16,5%) и среднего (17,5%) бизнеса, уступая лишь юристам. Это коррелирует с социальными ожиданиями от управленческого образования как трамплина для занятия высоких позиций в экономической иерархии, однако требует критической оценки с точки зрения реалистичности.

Углубленный анализ структуры ответов студентов управленческих специальностей позволяет выявить внутренние противоречия, которые можно интерпретировать как точки роста (потенциалы) и зоны уязвимости (риски)

реализации их предпринимательского потенциала. Так к потенциальным возможностям развития предпринимательского сектора вообще и предпринимательского потенциала молодежи и молодых управленцев в частности, можно отнести:

– секторальную гибкость: студенты-управленцы не «зациклены» на одном типе бизнеса. Их стратегический выбор равномерно распределен между услугами (22,7%), самозанятостью (18,6%), торговлей (17,5%), производством (16,5%) и крупным бизнесом (16,5%). Такая поливариантность является ресурсом адаптивности к меняющейся рыночной конъюнктуре. Они не являются «заложниками» одной сферы, а готовы применять управленческие компетенции в различных отраслях;

– освоение института самозанятости: максимальный текущий уровень вовлеченности в самозанятость (3,1%) и высокие планы на нее (18,6%) свидетельствуют о том, что будущие управленцы первыми осваивают новые, легальные и низкопороговые формы экономической активности. Это формирует культуру легального предпринимательства с ранних этапов карьеры;

– ориентация на производственный сектор: высокий процент планирующих открыть производство (16,5%) на фоне практически полного отсутствия такового в настоящем (0%) – это потенциал долгосрочного развития реального сектора экономики. В отличие от спекулятивных стратегий (торговля), производственные планы требуют более сложной подготовки, и управленческое образование здесь может сыграть ключевую роль.

Одновременно с потенциалами стоит обратить внимание и на риски, такие как:

– разрыв между текущей включенностью и будущими амбициями. Несмотря на наличие текущего бизнеса, его масштабы значительно уступают заявленным планам. Особенно это заметно в сегменте крупного бизнеса: 1% имеют сейчас против 16,5% планирующих. Это создает риск «иллюзорных стратегий», когда амбиции не подкрепляются поэтапным накоплением ресурсов и опыта. Возникает опасность фрустрации при столкновении с реальными барьерами входа;

– «Крафтовый» и социальный бизнес как зоны недооценки со стороны будущих управленцев. В сегменте «крафтового» бизнеса (11,3% планируют) и социального предпринимательства (12,4% планируют) студенты-управленцы уступают юристам и гуманитариям. Для управленцев, чья миссия включает организацию социальных систем, низкая ориентация на социальный бизнес выглядит как упущенная возможность. Крафтовый бизнес, требующий сочетания ручного труда и менеджмента, также недооценен, что может быть следствием некоторого «снобизма» будущих руководителей в отношении «ремесленного» труда;

– конкуренция с юридическим профилем. Студенты-юристы опережают управленцев по планированию крупного (+3,8%), среднего (+4,2%) и малого бизнеса (+12,7% в планировании и +0% против 2,1% в наличии). Это ставит вопрос: действительно ли управленческое образование дает конкурентное

преимущество в бизнесе, или же оно уступает юридическому, где упор делается на формальные институциональные нормы? Парадокс заключается в том, что юристы, не имея текущего опыта, демонстрируют более агрессивные стратегические планы, что может быть связано с их представлением о праве как об инструменте защиты бизнеса, а не о самом бизнесе.

Таким образом, студенты управленческих направлений подготовки демонстрируют высокий и структурно сложный предпринимательский потенциал. Их ключевое преимущество – широкая диверсификация интересов и наличие реального, пусть и небольшого, опыта предпринимательской деятельности. Главный риск – потенциальный разрыв между амбициозными стратегическими планами (особенно в сферах крупного бизнеса и производства) и текущим уровнем ресурсной базы и практических компетенций. Это актуализирует задачу образовательной системы по трансформации «стратегических мечтаний» в реалистичные бизнес-модели через развитие программ наставничества, проектного обучения и поддержки студенческих стартапов на ранних стадиях.

Заключение. Проведенное на основе мониторинговых данных социологическое исследование предпринимательского потенциала студентов управленческих направлений подготовки позволяет сформулировать ряд теоретически и практически значимых выводов.

Предпринимательский потенциал студентов-управленцев характеризуется поливариантностью и диверсификацией. В отличие от других профилей подготовки, демонстрирующих точечную ориентацию на отдельные ниши (например, инженеры – на услуги и самозанятость, юристы – на формальные стратегии крупного бизнеса), будущие управленцы проявляют интерес ко всему спектру предпринимательских практик – от самозанятости до крупного бизнеса, от торговли до производства. Это свидетельствует о сформированности у них установки на универсальность управленческого знания как ресурса для освоения различных экономических ролей.

Эмпирически зафиксировано, что студенты управленческих направлений не только декларируют планы на будущее, но и демонстрируют реальную вовлеченность в предпринимательскую деятельность в настоящем (особенно в сферах услуг, самозанятости и торговли). Данный факт позволяет говорить о том, что управленческое образование в определенной степени выполняет функцию «инкубатора» первичных бизнес-практик, формируя опыт экономической самостоятельности уже на этапе обучения.

Ключевым противоречием, обнаруженным в ходе анализа, является разрыв между масштабом стратегических амбиций студентов (высокие показатели планирования крупного и среднего бизнеса) и текущим уровнем их ресурсной базы и опыта (минимальная доля реально действующих предприятий в этих сегментах). Данный разрыв может выступать источником либо будущей высокой мотивации к развитию, либо, напротив, фактором фрустрации и отказа от предпринимательской карьеры при столкновении с институциональными барьерами.

В структуре предпринимательских ориентаций будущих управленцев выявлены ниши, значимость которых недооценивается. В частности, относительно низкий по сравнению с другими группами интерес к социальному предпринимательству и «крафтовым» производствам указывает на дефицит социальной ориентированности и недооценку тренда на индивидуализацию и локализацию бизнеса.

Таким образом, предпринимательский потенциал студентов управленческих направлений является значительным, но требующим целенаправленной педагогической и институциональной поддержки для его полноценной реализации и трансформации из латентных установок в успешные экономические стратегии.

По итогам анализа можно предложить рекомендации по развитию предпринимательского потенциала студентов управленческих направлений подготовки, адресованные системе высшего образования и органам, реализующим молодежную политику.

1. Институционализация проектного обучения с выходом на реальный сектор: для преодоления разрыва между амбициями и опытом необходимо смещение акцента с теоретического изучения менеджмента на обязательную проектную деятельность, интегрированную в учебный процесс. Рекомендуется:

- внедрение в учебные планы «сквозных» проектов, предполагающих не просто разработку бизнес-плана, а создание минимально жизнеспособного продукта (MVP) и его тестирование на рынке (возможно, в партнерстве с действующими предприятиями);

- развитие системы студенческих стартапов как формы итоговой аттестации, что позволит институционализировать уже имеющуюся у части студентов предпринимательскую активность;

- развитие компетенций для работы в «новых» секторах экономики. С целью устранения дисбаланса в ориентациях рекомендуется актуализировать содержание образовательных программ под современные и перспективные ниши (включение модулей по социальному предпринимательству и импакт-инвестициям, формирование у студентов понимания бизнеса как инструмента решения общественных проблем, поддержка студенческих инициатив в сфере «крафтовой» экономики и креативных индустрий через создание коворкингов, мастерских и программ микро-грантирования).

2. Создание системы ступенчатого входа в крупный бизнес: учитывая высокие амбиции студентов в отношении крупного предпринимательства, необходимо формировать реалистичные траектории их достижения:

- развитие института наставничества (менторства) со стороны успешных региональных предпринимателей и выпускников, представляющих средний и крупный бизнес;

- организация стажировок и программ ассистентского сопровождения в действующих компаниях, позволяющих студентам освоить корпоративные

управленческие практики до момента открытия собственного дела («интрапренерство» как ступень к независимому бизнесу).

3. Мониторинг и психолого-педагогическое сопровождение. С целью предотвращения фрустрации и формирования здоровых карьерных стратегий рекомендуется:

- регулярная диагностика предпринимательских установок с целью выявления студентов, чьи амбиции не подкреплены ресурсами, и адресная работа с ними (тренинги реалистичного целеполагания, управление рисками);
- формирование сообществ (комьюнити) студенческих предпринимателей, где опыт «ошибок» и «проб» легитимизируется и становится предметом коллективного анализа, снижая страх неудачи.

Реализация данных рекомендаций будет способствовать не только росту количественных показателей вовлеченности студентов в предпринимательство, но и повышению качественных характеристик этого процесса, обеспечивая подготовку управленцев нового типа – способных к инновационной деятельности в условиях турбулентной экономики.

Список литературы

Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30-39. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39. EDN: НТХQХМ.

Грабельных Т. И. Роль дополнительных образовательных программ в развитии предпринимательской активности среди российской молодежи / Грабельных Т. И., Лапина А. В., Саблина Н. А., Какаулин С. П., Татарникова А. Ю. // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2024. № 1. С. 76-83. DOI: 10.20339/AM.01-24.076. EDN: ELEAVB.

Дикун Н. А., Ермакова М. Л. к вопросу о развитии молодежного производственного предпринимательства в Саратовской области // Альманах Крым. 2023. № 38. С. 109-117. EDN: DGOJVZ.

Касьянов В. В., Самыгина Л. В., Чупрынников С. А. Молодежное предпринимательство в современной России: основные проблемы и перспективы развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 8. С. 40-46. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-8-27. EDN: AWQNXY.

Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83-94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO.

Моисеева А. А. Факторы вовлечения молодежи России и Казахстана в предпринимательскую деятельность: социологический анализ // Вестник Самарского муниципального института управления. 2022. № 4. С. 69-76. EDN: BYXJMK.

Павленина Т. Ю., Селеткова Г. И., Левченко В. В. Отношение студентов к этническому предпринимательству // Вестник университета. 2024. № 12. С. 170-179. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-12-170-179. EDN: YIZPPK.

Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Зубок Ю. А., Александрова О. А., Буланова М. Б., Великая Н. М., Дейч Б. А., Демиденко С. Ю., Денисова Г. С., Зинунова Р. И., Карпова А. Ю., Любутов А. С., Райдугин Д. С., Романович Н. А., Ростовская Т. К., Савельев А. О., Селиверстова Н. А., Тузиков А. Р., Чанкова Е. В., Чупров В. И., Шаповалова И. С. Белгород, 2022. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022 ISBN: 978-5-89697-382-9 EDN: TENQIH.

Шаповалова И. С., Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии региональной молодежи: типология, диспозиции, динамика // Интеграция образования. 2025. Т. 29, № 4 (121). С. 711-733. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.711-733. EDN: TWDSOI.

Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Политическое мышление и политические стратегии молодежи // Интеграция образования. 2024. Т. 28, № 4 (117). С. 589-605. DOI: 10.15507/1991-9468.117.028.202404.589-605. EDN: FAQCJM.

Шаповалова И. С., Генкин (Филонова) Ю. Ю. Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 91-102. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-8. EDN: KVKOCN.

Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4 (129). С. 768-792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU.

Шаповалова И. С., Заводян И. С. Поколение Z: ценности, диспозиции и социализационные результаты // В книге: Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Асадуллина Г. Р., Бесчасная А. А., Гайсина Л. М., Гайфуллин А. Ю., Данилов А. Н., Ефлова М. Ю., Заводян И. С., Козлова Ю. В., Колосова Е. А., Коровкина Н. В., Майорова-Щеглова С. Н., Максимова О. А., Озерова К. А., Садыкова Р. Р., Садретдинова Э. В., Шайхисламов Р. Б., Шаповалова И. С., Щербак Д. В. Уфа, 2021. С. 25-45.

Шаповалова И. С., Кисиленко А. В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13, № 6. С. 14-28. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-6-14-28. EDN: UTCPRJ.

Шаповалова И. С., Ковальчук О. В. Самосохранительные стратегии молодежи: реализация национальных проектов и интересов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. Т. 33, № 1. С. 33-41. DOI: 10.32687/0869-866X-2025-33-1-33-41. EDN: STYAFM.

Шаповалова И. С., Хашаева С. В., Чернышева Е. А., Благорожева Ж. О., Валиева И. С. Трудовые стратегии выпускников медицинских образовательных учреждений: прогнозируемые риски медицинской отрасли // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 774-783. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783. EDN: BXRXVO.

Шаповалова И. С. Стратегии самореализации региональной молодежи: диспозиции, жизненные планы и стратификация // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 1 (97). С. 124-142. DOI: 10.22394/2071-2367-2025-20-1-124-142. EDN: YUKEUN.

Шаповалова И. С. Общественные стратегии региональной молодежи: ответ на вызовы сложного времени // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 4 (153). С. 73-83. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-4-73-83. EDN: BSMHRF.

Шаповалова И. С. (а) Досуговые стратегии молодежи: факторы досугового выбора и культурная карта досуга // В сборнике: Научные результаты социологии – 2022. Сборник статей по материалам II Международного научного онлайн-форума. Отв. редактор И. С. Шаповалова. Белгород, 2023. С. 196-204.

Шаповалова И. С. (b) Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 150-163. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.9. EDN: KVLEGK.

Шаповалова И. С. (а) Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4 (117). С. 902-932. DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932. EDN: SJMMSI.

Шаповалова И. С. (b) Карьерные стратегии провинциальной молодежи // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, № 3 (140). С. 173-182. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-3-173-182. EDN: DYRHQM.

*Научное электронное издание
сетевого распространения*

НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИИ – 2025

Сборник статей по материалам
V Международного научного онлайн-форума
25–28 февраля 2026 г.

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: Ю.В. Мишенина
Выпускающий редактор: В.С. Берегова

Подписано к использованию 29.06.2026.
Гарнитура Times New Roman. Объем издания – 4,97 МБ
Оригинал-макет подготовлен в ЦПП НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48